

**Департамент образования и молодежной политики
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
Обско-угорский институт прикладных исследований
и разработок**

ХАНТЫЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Учебная хрестоматия

Часть I

**Ханты-Мансийск
2010**

УДК 821.51
ББК 83.3 (2Рос=Хат)
Х 19

ISBN 978-5-9611-0054-9

Издание выпущено при финансовой поддержке Департамента образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Рецензенты:

Л. А. Андреева – кандидат филологических наук
В. Н. Соловар – кандидат филологических наук
В. И. Сподина – кандидат исторических наук

Хантыйская литература: учеб. хрестоматия : [в 4-х частях] : часть I / сост. Е. В. Косинцева. – Ханты-Мансийск : ИИЦ ЮГУ, 2010. – 388 с.

Сборник содержит тексты произведений писателей-ханты и задания к ним, которые помогут освоить основные направления развития хантыйской литературы, выявить индивидуальные особенности творчества каждого автора. Хрестоматия предназначена для школьников, студентов и всех, кто интересуется хантыйской литературой.

УДК 821.51
ББК 83.3 (2Рос=Хат)

ISBN 978-5-9611-0054-9

© Обско-угорский институт прикладных исследований
и разработок, 2010
© Югорский государственный университет, 2010
© Оформление, ООО «Доминус», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ГРИГОРИЙ ДМИТРИЕВИЧ ЛАЗАРЕВ	
Сова и Чирок	11
Ратпар-Хишпархо	13
Бобры и выдра	15
Хвастливый заяц	18
Глухарь и лебеди	20
Как бурундук стал полосатым	21
Почему у медведя короткий хвост	22
Лиственница	24
Девушка из тайги	24
С нами Ленин!	25
Звонкоголосой птице Сулейману	26
Объ	28
Песня девушки	29
Молодой охотник – новый человек	30
Мы дети одной семьи	30
Хантыйская песня	31
Катанье на лосе	32
Гусь-сиротка	34
Охотник-соня	37
Последний прыжок россомахи	39
Вороны-сторожа	41
Четырехлапый верхолаз	43
Медведица-рыбачка	46
Непа ранили	49
Беречь красу земли (Микуль и его друзья)	53
Моя шуба	60
Микай Ойка	63
Лыпи	67
<i>Вопросы и задания</i>	71
ЛЕОНИД ВАЙВЕТКИН	
Песня рыбака	73
Наша школа	74
<i>Вопросы и задания</i>	75
ДМИТРИЙ ТАРЛИН, ГРИГОРИЙ ВАЙВЕТКИН	
Октябрьская песня	76
<i>Вопросы и задания</i>	77
ДМИТРИЙ ТЕБЕТЕВ	
Хантыйская песня о Ленине	78

Песня о Ворошилове	79
<i>Вопросы и задания</i>	81
МИКУЛЬ ИВАНОВИЧ ШУЛЬГИН	
Тропинка	82
Родное	82
Язык	83
Из прошлого	84
Тайга	85
Белковщик	85
Северный олень	86
Ночь	87
«За осокой сверкают весла...»	88
Косачи	88
Май	89
Где ты бродишь?	90
Песня жаворонка	91
Август	91
В медвежьем бору	93
Гроза	93
Осень	94
«Милые наши девушки...»	95
Мама	95
Мастер	96
Октябрь	97
Отец	97
«Смотри, как облака...»	99
Улетающим на юг птицам	99
Утро	100
«Тайга с нами тайнами делится щедро...»	101
Обь	102
Бакен	103
Костер в тайге	103
Медвежья пляска	104
Вертолет	105
Овощи	106
Путина	106
Стрелы	107
Лыжные гонки	108
Зимний лес	109
Подледный лов	109
«Пусть мороз...»	110

Авка.....	111
Сердце.....	111
Дочь народа.....	112
Чай.....	113
«Горсть воды тяжела...»	114
Полет на «Як-40»	114
Самотлор	115
Сибирское Баку	117
Пойково	118
Лесорубы	119
Ивдель – Обь	119
Искатели	120
Человек	121
Ленинграду	122
Отец.....	123
Рыбачка.....	124
Благодарность	124
Тропинка.....	125
Любимый Север	125
Родина.....	126
Девушка-сон	127
Северянки мои, красавицы	127
Моя Югра	128
И певуч, и богат	128
Край родной	129
Самотлор	130
Макар Осьмаров.....	131
Жадная мышка	145
<i>Вопросы и задания</i>	148
ВЛАДИМИР СЕМЕНОВИЧ ВОЛДИН	
Сосновый бор.....	150
Если дым веселый кружит	150
Мой друг и я	151
Музыка.....	151
«Люблю приобские снега...»	152
Охотник	152
На охотничьих тропах	153
Весной.....	154
Зло, как мусор, унесет	154
Песни весны	155
Огонь.....	155

Ханты	156
Север мой	156
На озере	156
Хвастливый парень.....	157
«За работой девушка склонилась...»	158
Сорум ов	158
«Казым бежит вдоль древних чумов...»	159
Летом	159
У рыбаков	160
В ненастную погоду	160
Мы с тобой	161
Лети, моя песня.....	161
«Тихо к окошку подкралась звезда...»	161
Любимой матери.....	162
Новый день.....	163
Любимой женщине	163
Объ	164
Сын – Вар	164
Осень.....	165
Береза.....	165
Олени	166
Земля, где я родился	166
Хозяин земли.....	167
Так Молупси	168
Серыс Най	176
Бедная старушка и Ёхым пай хо.....	179
Сказка про Орла и его друзей.....	184
<i>Вопросы и задания</i>	187
МАРИЯ КУЗЬМИНИЧНА ВАГАТОВА	
Песня бабушки.....	189
Живы они.....	190
Тем, в ком нет сердца	192
Не меняй руку друга.....	193
Хвастун	193
Рыбаки	194
Утро на Оби.....	195
«В моем сердце вся природа...»	195
Сердце матери	196
Святая женщина-огонь	197
Доченька, доченька!	198
Молитва матери	199

Свекрови	200
Моя песня, моя песня!	201
Хантыйской земли плач	202
Моя березонька	203
В сердце леса	204
Вы белый лебедь взгляду моему	205
Я ушел на военную дорогу	205
Пришла весна	206
Музыка моей земли	207
Моя тундра	207
С солнцем, в сторону солнца!	208
Мое слово, мой язык	209
Пусть живет на земле дух дружбы	209
Старый муравейник	210
Слово деда	212
Приметы, знакомые с детства	213
Пословицы и поговорки	215
Женщины Солнца светлый простор! Простор!	215
Сонная тетя-Глухарка	216
Дядя Шука	216
Так думают и хотят мамы и папы	217
Хилы и Аки Черное Сердце	218
Хлебушко	221
Ставшие святыми духами три женщины	223
Хипс-Випс	227
Зайчиха и Лисица	230
Зайчик – Черный Хвостик	232
Сорни Лопыс	236
<i>Вопросы и задания</i>	239
ГАЛИНА ИВАНОВНА СЛИНКИНА, ТАИСИЯ СЕРГЕЕВНА	
ЧУЧЕЛИНА	
Мышонок и Медведь	241
Зайчик и Медведь	242
Как медведь сердился	243
Отважный Ярась	244
Шуши-нэ	246
Лоньсипай-нэ и Енгпай-нэ	248
Путпелык	250
Шишамие	254
Олле и Гусь-богатырь	258
<i>Вопросы и задания</i>	268

ПРОКОПИЙ ЕРМОЛАЕВИЧ САЛТЫКОВ	
Север	269
Предвесеннее	269
Месяц	270
Лебеди.....	270
Под парусом	271
Слово.....	271
Двое гуляли	272
<i>Вопросы и задания</i>	273
АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СЕНГЕПОВ	
Рассказы старого ханты.....	274
<i>Вопросы и задания</i>	372
ЛЕОНТИЙ АНТОНОВИЧ ТАРАГУПТА	
Сын неба	373
Пословский причал.....	377
<i>Вопросы и задания</i>	383
Литература.....	384

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели! В руках у вас первая часть учебной хрестоматии, в которой представлены известные и менее известные тексты поэтов и прозаиков хантыйской литературы. Книга бесценна сама по себе, так как в ней сосредоточены знания и талант людей, формирующих своим мастерством историко-литературный процесс целого этноса.

В первую часть учебной хрестоматии вошли произведения тринадцати авторов: Г. Д. Лазарева, Л. Вайветкина, Д. Тарлина и Г. Вайветкина, Д. Тебетева, М. И. Шульгина, В. С. Волдина, М. К. Вагатовой, Г. И. Слинкиной и Т. С. Чучелиной, П. Е. Салтыкова, А. М. Сенгепова, Л. А. Тарагупты.

В книгу включены поэтические и прозаические произведения авторов, а так же представлена литературная обработка фольклорных текстов.

Со многими произведениями, вошедшими в книгу, читатель впервые познакомится на русском языке. Отдельные произведения станут достоянием обширной читательской аудитории впервые, так как в хрестоматию включены материалы из государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа, а также личного архива В. С. Волдина.

Каждый раздел книги, разделенной по персоналиям, завершается вопросами и заданиями, которые помогут:

- * освоить основные направления развития хантыйской литературы,

- * выявить общие тенденции ее развития,

- * проследить индивидуальные особенности каждого автора,

- * раскрыть своеобразие жанра на материале хантыйской литературы,

- * представить разнообразие тем и мотивов хантыйской литературы,

- * проанализировать систему образов и язык произведений.

В завершении хочется выразить слова признательности Н. А. Герляк, М. Л. Бабаниной, Л. В. Молдановой, которые помогли в поисках материалов, значительно дополнивших и расширивших представления об известных авторах хантыйской

литературы. Отдельно следует сказать слова благодарности людям, которые оказали помощь в переводе текстов с хантыйского языка на русский язык, и рецензентам — к. фил. н., Л. А. Андреевой, к. фил. н., В. Н. Соловар, к. и. н. В. И. Сподиной — которые своими отзывами поддержали столь важное и нужное начинание.

ГРИГОРИЙ ДМИТРИЕВИЧ ЛАЗАРЕВ

СОВА И ЧИРОК

Давным-давно все птицы жили в жаркой стороне, на юге. Собрались однажды вместе, завели разговор о своей жизни.

– Тяжело здесь жить летом – нет хороших озер, речек. Ни искупаться, ни поплавать, нигде укрыться от жары. Яйца солнцем сжигает. Дети наши гибнут, – со вздохом говорила старая Утка.

– Правильно, – поддержали другие птицы. – На лето нам надо кочевать в другие края. Северную землю нужно разведать.

Договорились птицы направить в разведку Сову.

– У нее крепкие крылья. Глаза большие, когти цепкие, – сказали все.

Сова заверила своих друзей:

– Ваш наказ я выполню. Посмотрю всю северную землю и быстро вернусь обратно.

Распростилась Сова со своей семьей, отправилась в далекий путь. Долго летела. Прошло много дней. Однажды темной ночью, когда птицы отдыхали, она тихонько подлетела к своему дому, разбудила семью, стала рассказывать:

– Не напрасно я слетала. Какая там красота! Простор! Всякой еды много! Видите, как поправилась. Даже несколько не устала.

– А все птицы полетят на Север? – спросила семья.

– Нет. Я не желаю, чтобы все летели. Мы одни полетим. А они пусть здесь живут, я им скажу другое.

В это время Утка-Чирок сидела возле дома сов и подслушала разговор. Она не смогла усидеть спокойно: взлетела с криком, но задела крылом за сухой сучок, сучок сломался. Сова услышала треск сучка, смолкла, зашептала:

– Кто-то нас подслушивает...

Семья успокоила:

– Не стоит пугаться. Это ветром сучок сломало. Утром собрались все птицы – старые и малые – узнать новость от разведчицы-Совы.

– Напрасно я летала в такую даль, – начала Сова.– Только крылья свои помучила. Жить там плохо. Еды никакой нет.

Говорит Сова, а птицы ее слушают, никто не перебивает.

– Нет на Севере воды: не видала я ни озер, ни речек. Дует холодный ветер. Вся земля покрыта белым туманом.

Тут раздался пискливый голос Утки-Чирка:

– Обманывает она! Ночью я слышала ее разговор с семьей. Сова хвалила Север. Говорит, там очень хорошо. Собираются лететь одни со своей семьей.

Сова не ожидала такого, растерялась. Потом защелкала от злости клювом, закричала на Утку-Чирка:

– Что ты меня позоришь? Я таких слов никогда не говорила.

Разгорелся спор. Сова не выдержала, затеяла драку, но птицы не дали в обиду маленькую Утку-Чирка.

– Зачем нам шуметь? – сказала одна Утка. – Пошлем в разведку другого.

– Кого?

– Например, Орла, – ответила Утка.

– Кто выше всех летает?

– Орел!

– Кто всех сильнее и зорче?

– Орел!

– Кто всех храбрее?

– Орел!

– Правильно, – решили все птицы.

Орел согласился и тут же полетел на Север в разведку.

Не успели птицы разойтись со сборища, слышат жалобный крик Утки-Чирка:

– Кто тебя так изранил, крылышки обломал?

– Сова-обманщица!

Рассердились птицы и стали искать Сову-обманщицу. Но оказалось – она с семьей уже улетела на Север.

Прошло много дней. Птицы ждут, не дождутся Орла. Наконец, видят: высоко в небе парит Орел, а внизу под ним летит Сова.

Утки и все птицы вновь собрались вместе, чтобы выслушать Орла.

– Когда я летел на Север, – сказал Орел, – в пути встретился с Совой. Вернул я ее обратно. Она обманула нас. За это следует

наказать ее. А земля северная хороша. Полно всякой еды! Воды много, летом совсем не холодно. Хорошо будут жить наши дети!

Птицы тут же решили лететь на Север. А Сове вынесли такое наказание за обман – пусть не летит на Север вместе со всеми птицами. Если окажется в полете среди других птиц, отлупить хорошенько Сову и прогнать прочь.

С той поры все птицы стали на лето улетать на Север. Этот край стал для них родиной.

А Совы с той поры живут отдельно от других птиц. Летают ночами. Никто их близко не допускает, никто их в друзья не берет.

РАТПАР-ХИШПАРХО

То ли в царских, то ли в княжеских владениях жили одиноко три брата. Земли те были богаты разным зверем и птицей. Старшие братья целыми днями в лесу ходили и возвращались домой с мехами черного, красного и белого цвета. А младший брат сидел у огня и ворошил песок и золу.

Однажды самый старший брат сказал:

– Докуда мы будем так жить? Ведь на свете все же мы не одни. Пойду-ка я похожу, посмотрю на людей и просторы земные погляжу.

И еще добавил: «Оставлю вам стрелу. Вы наблюдайте за ней. Как только по стреле потечет кровь, значит, я в беду попал. Тогда направляйтесь искать меня».

Попрощался с братьями и отправился в путь.

Живут младшие братья. Средний каждый день ходит на охоту. Ратпар-Хишпархо сидит у огня и все так же ворошит песок и золу. Взглянул он раз на стрелу, оставленную старшим братом, видит: давно по ней кровь текла и уже засохла.

Собрался в дорогу средний брат. Отдал он младшему брату стрелу и наказал:

– Как только по стреле потечет кровь, значит, и я в беду попал. Иди нас искать.

Остался Ратпар-Хишпархо один, занялся делом, и быстро время потекло. Глянул он раз на стрелу, а там давно кровь текла и уже засохла. Пошел и Ратпар-Хишпархо братьев искать.

Идет лесом, идет, куда глаза глядят. Шел так много ли, мало ли, чувствует, что ноги тяжелеют, как будто груз к ним подвя-

зан, плечи к земле клонит. А тут из кустов заяц выскакивает. Ратпар-Хишпархо вложил в лук стрелу и пустил ее в зайца. Поднял зайца и увидел впереди речку. Направился к берегу. На другой стороне речки стояла лодка. Ратпар-Хишпархо позвал хозяина. Вышла лесная ведьма и стала переплывать речку, Ратпар-Хишпархо сел в середину лодки, но лесная ведьма сказала:

– Садись на нос лодки.

– Ты что, хочешь меня утопить? Вези быстрее, – в сердцах ответил Ратпар-Хишпархо.

И остался сидеть в середине лодки.

Лесная ведьма молча его перевезла через речку и пригласила к себе в дом. Ратпар-Хишпархо, войдя в дом, отдал ей зайца и велел приготовить еду. Устраиваясь на отдых, он заглянул в дальний угол. Увидел – лежат человеческие кости. Ратпар-Хишпархо догадался, что это лесная ведьма расправилась с его братьями.

Сварила лесная ведьма зайца, мясо разложила на две кучки. Голову зайца положила себе.

– Бабушка, не приходил ли кто-нибудь к тебе? – спросил он.

– Нет, дорогой внук, никто тут не бывает. Прибегают только одни звери.

Ратпар-Хишпархо все время незаметно поглядывал на лесную ведьму, стараясь угадать, что она замышляет.

Схватила она заячью голову и метнула ее в Ратпара-Хишпархо. Но Ратпар-Хишпархо не растерялся: схватил голову на лету и пустил в лесную ведьму, угадал прямо в висок. Ведьма свалилась замертво.

Ратпар-Хишпархо разложил большой костер и сжег тело ведьмы, а пепел развеял по ветру. Постоял он над костями братьев и направился по берегу речки. Идет, идет, видит – на дереве орлиное гнездо, а в нем жалобно пищат птенцы без пищи и питья. Ратпар-Хишпархо наловил рыбы, накормил их досыта, напоил водой. Птенцы повеселели и заговорили человеческим голосом:

– А теперь, добрый человек, прячься: наши родители скоро прилетят, они тебя заклюют.

Ратпар-Хишпархо спрятался в кустах, а в небе показались два больших орла с оленятами в когтях. Опустились они на гнездо и стали орлятам мясо подавать, а орлята головы в сторону воротят, до мяса не дотрагиваются.

– Чего же вы наелись, что свежего мяса не хотите?

Орлята в один голос отвечают:

– Нас человек рыбой накормил, а то бы мы с голоду умерли.

– А где он? Надо его отблагодарить.

– Он сидит в кустах, – закричали орлята.

Ратпар-Хишпархо вышел из кустов и поклонился орлам. А они слетели вниз и стали спрашивать, какую ему услугу сделать. Ратпар-Хишпархо им говорит:

– У меня лесная ведьма двух братьев умертвила. Вы, орлы, высоко и далеко летаете, не знаете ли, как их оживить?

– Мы можем живую воду достать. Только пока мы летаем, ты корми и охраняй наших детей.

Орлы знали, что только ворона может указать, где достать живую и мертвую воду. Они полетели и опустились на ее гнездо. Ворона слезно стала умолять, чтобы не губили ее птенцов.

Орлы сказали:

– Принеси нам живой и мертвой воды, тогда не тронем твоих птенцов.

Ворона согласилась. Близко ли, далеко ли летала, а вернулась с живой и мертвой водой. Чтобы проверить воду, орлы разорвали вороненка и sprыснули его мертвой водой. Рана срослась. А потом его sprыснули живой водой, и он ожил.

Орлы оставили ворону с ее воронятами и прилетели с живой и мертвой водой к Ратпар-Хишпархо. Попрощался он с орлами и направился к костям братьев. Пришел, sprыснул кости мертвой водой. Срослись они, обросли мясом. Потом sprыснул их живой водой – и братья встали на ноги, увидели перед собой младшего брата, они радовались. Стали его обнимать и целовать. А потом все три брата живые и здоровые пошли домой.

БОБРЫ И ВЫДРА

Бобёр и Бобриха вышли к таёжной речке, бежавшей меж горных увалов. На обоих её берегах зеленела тайга: игольчатые пихты, белые берёзы, шумливые осины, прямые лиственницы.

Приглянулось бобрам местечко. Хорошо на речке: омуты, перекаты. И поселились они тут. Узнали об этом рыбы – испугались, бросились врассыпную, в омутах попрятались.

– Не бойтесь нас! – сказали им бобры. – Мы рыб не трогаем, древесной корой питаемся. Будем жить дружно.

Одна рыбка, что была побойчее да поразговорчивей, поверила бобрам, подплыла к ним и говорит:

– Слушайте, бобры, если вы на самом деле хотите жить дружно, помогите нам. Речка наша пересыхает. Из омута в омут пройти невозможно – одни перекаты. Хоть погибай.

– Не горюйте, – ответили ей бобры. – Построим плотину. Вода поднимется, станет наша речка глубокой. Живите на здоровье.

Скрылась рыбка в омуте, рассказала обо всём своим подругам. Всю ночь провели они в тревоге: «Верить или не верить бобрам»?

А бобры переночевали под ёлкой. Утром искупались в речке, позавтракали свежей корой и, облюбовав себе уголок, принялись за дело. Сначала расчистили место, потом стали делать запруду. Работали бобры искусно. Словно пилой под самый корень подрубали они острыми зубами деревья. Каждое дерево ложилось куда надо. Ни одно не упало в сторону. Трудились упорно. Над лесом ещё и ободка солнца нет, а они уже работают. Солнышко скрылось, а они всё сучья обгрызают да этими сучьями щели между упавшими деревьями заделывают. И так каждый день.

Долго трудились бобры, с месяц, а может, и больше. Наконец перегородили речку плотиной. Разлилась она широко, сделалась глубокой, потекла спокойно. Вольготно стало в ней рыбам. Да и бобрам неплохо. Построили они себе возле плотины хатку со многими входами и выходами.

Хорошо, дружно зажили соседи. Долго так они жили. Но вот однажды появилась в реке незваная гостя – Выдра. На ногах невысока, сама длинная и хвост длиннющий. Мало передвигалась Выдра на ногах – пройдёт немного, опустится на живот, лапы под себя подвернёт и скользит, будто лыжа. А зубы у неё острые, схватит – не выпустит.

Понравилась Выдре речка, и устроилась она в ней жить. Однако к бобрам близко не подходила – боялась, хотя плавала и ныряла не хуже их. Зато рыбам от неё жизни не стало. Куда бы ни спрятались, везде найдёт. Только и слышно – хрустят в её зубастой пасти рыбы косточки.

В один ясный, солнечный день выбралась Выдра из воды, улеглась на бережку. Лежит, греется на солнышке, с боку на бок переваливается, да хвалится:

– На речке я хозяйка. Кого захочу, того и съем.

Услышали это рыбы, испугались, приплыли к бобрам и говорят:

– Поселились вы в нашей речке, сколько добра сделали. А появилась откуда-то Выдра – жизни никому не стало. Уж не один десяток наших сестёр и братьев поела. И ещё хвалится: я на этой речке хозяйка. Помогите, бобры, а то Выдра всех нас поест. Или речку откройте, уйдём мы отсюда в другую реку.

Подумали-подумали бобры и сказали рыбам:

– Не уходите отсюда, рыбы. Это наша речка. Никому мы не позволим в ней хозяйничать. И Выдру отучим.

Повеселели рыбы, разбрелись по домам.

Утром Выдра, как только поднялась, опять начала охоту. Тогда три больших рыбины выскочили вперёд и поплыли перед самым её носом в сторону хатки бобров. Так велели сделать бобры. Выдра пустилась за ними в погоню. Вот и хатка бобров. Рыбины проскочили в отверстие плотины, Выдра – следом. Догоняя рыб, сунула голову между двух столбов и застряла. Этого только бобры и ждали. Вмиг столкнули они на разбойницу сверху большое бревно и угодили ей прямо на шею. Смотрят на Выдру бобры и приговаривают:

– Зачем разбойничаешь, Выдра? Вот тебе за это!

Дёрнулась Выдра в одну сторону, дёрнулась в другую – не может вытащить голову. Ещё крепче завязла. Стала кричать:

– Освободите меня! Я задохнусь!

– Хорошо, сказали бобры, – отпустим мы тебя. Только сейчас же уходи с нашей речки и никогда больше здесь не появляйся!

Откатили они бревно в сторону. Выдра чуть живехонькая наверх выплыла. Помогли ей бобры на берег выйти и говорят с укоризной:

– Вот до чего тебя жадность довела.

А бревно так придавило Выдре шею, что стала она у неё длинной и тонкой, как у змеи.

Ушла Выдра из речки, и с той поры больше в ней не появлялась.

Теперь все знают – где бобры живут, там выдры не водятся.

ХВАСТЛИВЫЙ ЗАЯЦ

Жил в лесу заяц. Был он похож на других зайцев, ничем от них не отличался: имел длинные, как листья тала, уши, две короткие передние лапы, две длинные задние. Передними лапами он добывал себе пищу, разгребая землю, задние лапы помогали ему спастись от врагов. Но был этот заяц хвастливый, очень хвастливый. Не было другого такого зайца.

Вот однажды нашёл хвастливый заяц в лесу маленький корешок. Съел его. А когда встретился с другими зайцами, стал рассказывать:

– Бегу я как-то по лесу, ищу себе пищу. Вдруг стукнулся обо что-то, аж голова чуть не отлетела. Вот смотрите, – показывает, – губа надвое раскололась.

– Верно, – рассмеялись громко зайцы, – губа у тебя раздвоилась. Только наши губы точь-в-точь такие же.

Заяц им в ответ:

– Правильно, ваши губы похожи на мои, но мои всё-таки лучше. Расскажу я вам, как сладкое дерево в лесу нашёл. Только, чур, не перебивать.

И начал:

– Стукнулся я: что такое – смотрю, стоит передо мной дерево, какого я никогда не видел: высокое-высокое, как лиственница. Листья на нём большие! Корни у дерева толстые, как у лося ноги. Тут губа моя почуяла под землёй вкусный корень. Обрадовался я – давай землю разгребать, чтобы вкусный корень достать. Лапы у меня сильные. Разбрасываю, разбрасываю землю. Оглянулся – выросли возле меня горы да такие высокие, что если взглянуть на их вершины, свалишься назад. Вот какие горы я нагрёб.

Перевёл заяц дыхание и продолжает:

– Помаленьку добрался до вкусного корня и обрадовался: хватит мне его на два, а то и на три дня. Начал есть я этот корень. День ел, два ел, три ел. Даже десять дней ел. Всё кончить не могу. Смотрю – и половины корня не съел. А как я поправилсь от него! Видите, какой я жирный!

Зайцы ему говорят:

– Ты такой же, как мы, несколько не толще нас.

– Это я потом исхудал, – говорит хвастливый заяц, – очень быстро бежал, торопился к вам. Ну вот, поел я и думаю: пусть и мои товарищи поедят. Какой заяц откажется от вкусной еды. Верно?

Слушают зайцы хвастуна, а у самих уже слюнки текут.

– Как найти дорогу к этому корню? – спрашивают его.

– Пожалуйста, покажу. Мне не жалко.

Поскакали зайцы. Долго бежали. Добежали до красивого густого леса. Хвастунишка говорит:

– Вот здесь я и нашёл большое дерево со сладким корнем. Здесь нагрёб две большие горы земли.

– А где эти горы? – спрашивают его.

– Речка, наверное, смыла.

– А где речка?

– В море, видно, утекла.

– А где дерево со сладким корнем?

– Корни-то я у него объел, однако, оно высохло.

– А где остатки корня?

– Птицы съели, должно быть.

Сидят зайцы, ушами водят, головами качают. Никак не могут понять, где правда, где ложь.

А хвастун знай наговаривает:

– Не горюйте! Деревьев со сладкими корнями много. Найдём! Это совсем простое дело. Надо только бежать всё время без остановки, да одним глазом смотреть в одну сторону, другим – в другую.

Побежали зайцы по лесу. Бегут без передышки, смотрят одним глазом в одну сторону, другим – в другую. Видят друг друга, а перед собой ничего не замечают. Бежали они так, бежали, совсем из сил выбились, чуть с голоду не умерли. Но дерева со сладким корнем так и не нашли.

С той поры не стали они верить зайцу-хвастуну.

ГЛУХАРЬ И ЛЕБЕДИ

Как-то на Севере случилась такая холодная зима, что все птицы повымирали. Только один глухарь как-то выжил.

Прошла злая морозная пора. С теплыми лучами солнца прилетели из жаркой страны на Север лебеди. Стал глухарь им рассказывать, как он зиму перенес. Лебедей в дрожь бросило. Запечалились они. И только осень листом зашуршала, начали лебеди готовиться к отлёту.

– А как же я? – тоскливо спросил глухарь. – Я не хочу замерзнуть. С вами полечу.

– Дорога очень трудная, – отвечают ему белокрылые птицы. – Тебе за нами не угнаться, отстанешь. Ты, житель лесов, привык к коротким перелетам и частому отдыху. А нам придется лететь без остановки долго-долго.

Глухарь залился слезами.

– Возьмите, возьмите меня с собой! – умолял он. – Как я один буду жить?!

Задумались лебеди. Жалко им глухаря. Тут один лебедь и говорит своим друзьям:

– Возьмите его. Может, он и выдержит дорогу. А чтобы легче было лететь, я возьму его на поводок. Ты согласен, глухарь?

Услышав эти слова, глухарь повеселел.

Лебедь подал ему тоненький ремешок, один конец взял себе в клюв, другим глухаря обвязал.

Стабунились лебеди и направились в путь. Летят они над лесами, лугами, полями.

– До свидания, лебеди! До свидания, белые! Счастливого вам пути, – прощались с ними розоволосые рябины и золотые березы.

Летит на поводке и глухарь. А сам едва дышит. Не хочет он признаваться в своих муках.

Летели лебеди час-два. Решили отдохнуть. Глухарь совсем обессилел, едва переводит дыхание. Только опустил обессиленными ногами на землю, забрался в маленькую березовую рощу, закрыл глаза и задремал.

– Оставайся-ка глухарь, в родном краю, – советует ему вожак стаи, – дорогу тебе не выдержать. Пройдет зима, и мы прилетим. А чтобы ты не скучал о нас, я тебе белых перьев подарю.

Выдернул лебедь из своей груди десять перьев и вставил их глухарю в крылья.

Отдохнули лебеди, набрались сил и отправились дальше в путь-дорогу, в теплую сторонushку. А глухарь еще долго-долго сидел в зарослях: все смотрел вслед улетающим птицам.

А у самого слезы ручьем льются. Так горько он плакал, что кровью глаза налились и надглазницы покраснели. Вздыхнул глухарь, поднялся и полетел в свои леса.

С той поры стали алыми его глаза и брови. А на крыльях у глухаря появились белые перья. Тепло дают они ему в лютые зимы.

КАК БУРУНДУК СТАЛ ПОЛОСАТЫМ

Медведь и бурундук когда-то были хорошими друзьями. Считали себя даже близкими родственниками. Зимовали оба в земле. Медведь – в берлоге, а бурундук – в норе. Да и питались они почти одной пищей. Грызли разные корешки, а главной их пищей летом были ягоды и жирные кедровые орехи.

Все шло хорошо. Однажды вечером сидят медведь и бурундук возле ручейка и ведут разговор. А рыба в ручейке играет, как в котле, кипит. Медведь занялся ловлей рыбы. Хватит рыбку в лапы – и тут же себе в пасть. Наелся. Бросил он рыбалку. Говорит бурундуку:

– Мы с тобой в дружбе живем, а по делам не сходимся. Ты маленький, бессильный. Даже рыбу ловить не можешь. Да, и глупенький к тому же, не знаешь многого на свете.

Бурундук счел это за оскорбление и стал доказывать другое.

– Ты, Мишка, сам не сможешь сделать то, что я сделаю. Как я шелушу шишки, тебе не суметь. Я каждый орешек расщелкиваю, а ты целиком шишку грызешь. Пустые орешки я в рот не беру, как ты. Тебе с дерева на дерево не перепрыгнуть. Да что мне с тобой попусту спорить, – говорит бурундук. – Давай лучше на каком-нибудь деле проверим, кто из нас умнее. Вот скажи, дружище, где солнце всходит? – спрашивает бурундук медведя.

– Солнце всходит вон там, – показал медведь на восток.

Но бурундук вступил в спор, стал доказывать, что солнце всходит в противоположной стороне.

Как узнать, кто правду говорит? Медведь и бурундук решили продежурить ночь. Медведь сел мордой к востоку, а бурундук повернулся в другую сторону.

Бурундук знал, что солнце всходит на востоке, но решил обмануть медведя и потому повернулся в противоположную сторону.

Сидят медведь и бурундук, ждут, когда появится солнце. Ночь, кругом тихо.

И вот на той стороне, куда смотрел бурундук, из-за леса выплыла луна. Стало светло, как днем. Бурундук закричал:

– Смотри, смотри, дружище! Видишь, где солнце взошло? Ну, кто кого умнее? Медведь повернулся, видит – действительно, солнце взошло.

«Маленький, а умнее меня оказался», – подумал медведь про себя.

Рассердился медведь и хотел приклепнуть лапой бурундука, но тот успел вывернуться и убежать. Только от медвежьих когтей на его спине осталось пять полосок, похожих на дорожки.

С тех пор медведь и бурундук живут врозь, совсем не дружат. Но следы, которые оставил медведь когтями на спине бурундука, и поныне сохранились.

Вот так и стал бурундук полосатым.

ПОЧЕМУ У МЕДВЕДЯ КОРОТКИЙ ХВОСТ

Плывут однажды охотники по речке. Видят, бежит по берегу лиса. Перестали грести. Взяли луки и стрелы, начали в нее целиться. Испугалась рыжая, взмолилась:

– Не убивайте меня! Возьмите лучше живой и свяжите! Послушались охотники. Привязали лису на длинный ремень и в лодку посадили. Плывут дальше. От радости затеяли веселый разговор. А лиса потихоньку делает свое дело – перегрызла у охотников все стрелы, переела тетивы луков. Потом на другую хитрость пошла:

– Выпустите, – говорит, – меня ненадолго на берег. Погуляю немного. Я на ремне, никуда не убегу.

Поверили охотники лисе, причалили к берегу и выпустили рыжую. Лиса тут же в кусты. А потом схватила ремень в зубы и на глазах у охотников дальше в лес побежала. Бросились охотники к лукам, а тетивы переедены, схватили стрелы, а они изгрызаны, поломаны. Тут только поняли они – обманула их плутовка.

А лиса бегала, бегала по лесу, увидела медведя. Дай, думает, обману косолапого. Притворилась, будто свой хвост грызет.

– Что, лиса, вкусный хвост? – спрашивает ее медведь. – Дай мне попробовать.

Отгрызла лиса кусочек от ремня, подала медведю. Съел он его, говорит:

– Правда, вкусно.

И захотелось медведю свой хвост попробовать. Крутился, крутился он – никак достать не может. Попросил лису, чтобы та откусила от его хвоста кусочек. Как схватила лиса зубами медведя за хвост – закричал косолапый от боли, рванулся и – в лес. А хвост его так в пасти лисы и остался.

С тех пор живет медведь с коротким хвостом.

ЛИСТВЕННИЦА

Видишь, лиственница встала
На скале береговой,
Небо синее достала
Непокорной головой.
Есть преданье, что когда-то
Обессиленный старик
К ней добрался в час заката,
Прислонился к ней на миг.
И услышал: «Сын мой милый,
Я хочу тебе сказать:
От меня займи ты силы,
Благо, мне не занимать!»
Отдохнул старик душою,
И наутро помогло
Совладать ему с волною
Лиственничное весло.
Стал надежен на охоте
Крепкий лиственничный лук.
Вот и славится в народе
Это дерево, как друг!
(перевод Г. Семенова, И. Фонякова)

ДЕВУШКА ИЗ ТАЙГИ

Знаю, в тесной избенке, вдали от селений,
Среди заячьих «строчек» она родилась.
Знаю, ползать училась – на шкуре оленьей,
А ходить – за подол материнский держась.

Подрастала – зимы не боялась морозной,
Новой жизни высокий закон поняла.
И пошла по счастливой дороге колхозной,
Свою силу с народной силой слила!

А народная сила не знает преграды,
Перед ней расступилась глухая тайга.

Вот – проходит деревнею тучное стадо,
Электрический свет отражают снега...

Ясным утром, сощуришь от яркого света,
На крыльцо она выйдет – и скажет народ:
– Наша дочь, Александра Ивановна это,
Вместе с солнышком встала, на ферму идет!

– Поднимайтесь, красавицы, время на дойку!
Гладит морды коровам, халатом шуршит.
И поводит ушами любимица Зорька,
Узнавая хозяйку, подняться спешит.

Белой шапкой молочная пена клубится,
И ведра не хватает – еще подставляй!
Так по капле богатство народа творится,
Серебристою струйкой стекая за край.

А деревня – что город, большой и прекрасный,
Свет зари отражается в каждом стекле...
Александра Ивановна! Здравствуй и властвуй,
Будь счастливой всегда
На счастливой земле!
(перевод И. Фонякова)

С НАМИ ЛЕНИН!

Из сердца нашей столицы
В наш край снегов и метелей,
Как горная хищная птица,
Печальная весть долетела:
– Умер великий Ленин.
Горячие слёзы струятся,
Но суровы у ханты лица:
Наше солнце, наш вождь, наш разум,
Твоё сердце не может не биться.
Мы не верим, что умер Ленин.
Словно солнце коротким летом,

Ты согрел нас чудесным светом –
Угнетённые стали свободны.
Ты прогнал метели, туманы,
Реки рыбные и урманы
Ты отдал беднякам голодным.
Кто нам путь укажет –
В тайге тропинок так много,
Кто нам по-ленински скажет –
Вот эта к счастью дорога.
Кто в непогоду и бурю
Нашей ладьёй будут править.
Кто нашим солнцем будет?
Лучший друг Ленина – Сталин!
Ленинской силы Сталин
Народные вёсла берёт,
Лодкой по-ленински правит,
К свету и к счастью гребёт.
И Ленин не умер, я знаю,
Он в каждом из нас живёт.
Трудиться он, нам помогает,
На промысел нас ведёт.
Как солнце весь мир озаряет,
Так Ленина мысли сияют
И их не потушит никто.

ЗВОНКОГОЛОСОЙ ПТИЦЕ СУЛЕЙМАНУ

Знают все наши народы
О тебе, певунья-птица.
Ты пел песни о свободе,
О стране счастливой нашей.
Ты бедняк был по рождению,
Жил в стране капитализма,
Много горя и мучения
Перенёс в начале жизни.
Над тобою издевались
Богатеи-кровопийцы
Ненавидели, боялись

Твоих песен вольной птицы.
Ленин со Сталиным открыли
Светлый путь к социализму,
Угнетённые ожили,
Ты запел о новой жизни.
В песнях ненависти жгучей
Заклеймил ты палачей,
Всех, кто твой народ измучил –
Баев, мулл и богачей.
Ты, старик, учил народы,
Как за Сталиным идти.
К солнцу, к счастью и свободе,
Как прокладывать пути.
Твои песни раздавались,
Сулейман, по всей стране,
О вожде они слагались
И о сталинской весне.
Перестало сердце биться...
Сулеймана, нет меж нами...
Не умолкла песня-птица
И звенит над облаками!
Горько плакать я не буду
О тебе, поэт народный,
Сулейман, ты жив повсюду,
В каждом сердце благородном.
Города, деревни, сёла
Твои песни распевают.
Вечно юный и весёлый
Сулейман в них оживает.
(перевод В. Сенкевич)

ОБЬ

Обь! Я люблю тебя
Больше всей природы,
Ты моей колыбелью была
В далекие детские годы.

Много, много раз
Чайки плыли быстрее.
Не охватит глаз
Ширины твоей.

Крапивы волокна
Легче лодка моя.
Качаясь слегка,
Плыла в дальние края.

Разной рыбы, рыбы не сочтешь
В твоих водах,
Ты кормишь ее, бережешь
Для нашего народа.

И весной и летом теплым
У твоих берегов
Неводные ходят лодки
Наших вольных рыбаков.

Ты к морю бежать не устала.
Но бег остановишь зимой,
И снежное одеяло
Покроет твой лед голубой.

Весной ты вновь заблесташь
Вечной своей красотой...
Я песню тебе слагаю,
Поэт, возвращенный тобой.
(перевод В. Сенкевич)

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Пусть качает мой челнок
На речной волне.
Путь далек и путь широк,
И поется мне.

Мне и радостно и грустно:
На пять лет прощай,
Мой родимый, мой любимый,
Мой хантыйский край.

Я пою, пою, как птица.
Волны вспенены.
Еду, еду я учиться
В город Ленина.

Молчаливые леса,
Голубой простор,
И подружек голоса,
И лесной костер.

Не могу я наглядеться!
Не вина моя,
Что люблю тебя я с детства,
Сторона моя.

Образ матери чудесной
Увезу с собой.
Буду петь родные песни
Над седой Невой.

Хорошо учиться буду,
Пролетят года,
Я ученою оттуда
Возвращусь сюда.

Так неси меня, река,
Так лети, челнок!
Если песня широка,

Значит, путь далек.

Я пою, пою, как птица.
Волны вспенены.
Еду, еду я учиться
В город Ленина.
(перевод Г. Семенова)

МОЛОДОЙ ОХОТНИК – НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Я в лесной глуши родился,
Где столетние кряжи.
В раннем детстве научился
Делать лыжи и ножи.

Смело зверя настигая,
Все урманы исходил
И в родной тайге немало
Новых троп я проложил.

Стал я в городе учиться,
На иртышском берегу.
Чтоб культурным возвратиться
В нашу дальнюю тайгу.
(перевод В. Сенкевич)

МЫ ДЕТИ ОДНОЙ СЕМЬИ

Солнцем счастья и свободы
Наша Родина полна
Русский, ханты – все народы
Дружны, как одна семья.
Все мы вместе счастье строим
И рабов меж нами нет.
Вписан в Сталинском законе
Ряд прекраснейших побед!
Города, леса, заводы –
Мы владеем ими все,

В нашей радостной, свободной,
В нашей солнечной стране.
Русский, ханты, ненец – братья,
Мы в правах своих равны,
Все мы счастливы в объятьях
Нашей матери – страны.
(перевод В. Сенкевич)

ХАНТЫЙСКАЯ ПЕСНЯ

Ветер, дующий с нижнего края,
Ветер, дующий с верхней земли.
По моей стране пролетая.
Пел веселые песни свои.
Ветер с нижнего края веет,
Ветер волны на север несет,
А в лодке рыбак хантыйский
Счастливую песню поет.
На оленях едущий ханты
Счастливые песни поет.
Народным солнцем и счастьем
Сталина он зовет.
Ветер колышет ели,
Все деревья в родном лесу
О солнечном счастье запели,
Озарившем нашу страну.
Я Сталину песню слагаю,
Тому, кто нам счастье дал,
Тому, кто, как солнце, сияет,
Кто отцом всех народов стал!

КАТАНЬЕ НА ЛОСЕ

Был тихий июльский день. Над водой, высматривая добычу, кружились чайки. У правого берега протоки Широкой невелили рыбаки. Только что произошла смена бригад. И бригадир Павел Иванович, освободившись от работы, устало направлялся к стану. На пригорке он остановился, обвел взглядом из-под ладони устье протоки и вдруг оживился.

– Ребята! – крикнул он членам своей бригады, хлопотавшим на берегу возле лодки. – Глаза у вас молодые, посмотрите, что это там плывет по реке?

Первым взбежал на пригорок Семен, за ним бросились Василий и Петр.

– Да не туда, на стрежень смотрите! – показал им рукой бригадир.

– Кажись, лошадь, – неуверенно сказал Петр.

– Однако не лошадь. Нечего ей делать на горной стороне. Здесь и травы-то нет, – возразил Василий.

– Да это же лось! – рассмеялся Семен. – А ну, ребята, поехали, посмотрим его!

– Поехали! – согласились товарищи, и все трое бросились к лодке.

– Будьте осторожней, как бы он у вас лодку не опрокинул! – крикнул им вслед бригадир и зашагал дальше. «Пусть потешатся, – думал он. – Народ молодой, усталость у них проходит быстро».

Добежав до протоки, друзья сели в лодку. Василий с Петром налегли на весла, Семен взялся за руль. Когда лодка приблизилась к животному, рулевой воскликнул:

– Какой здоровый! Куда до лошади! Одна голова вдвое больше лошадиной!

– К нашему берегу направился, – заметил Василий.

Лось, почуввав приближение лодки, забеспокоился. Резко изменив направление, поплыл вдоль Оби, потом метнулся к противоположному берегу. А когда лодка оказалась совсем близко, повернул обратно, к месту, откуда отчалили приятели. Рыбаки залюбовались животным. Даже сейчас, в минуту грозившей ему опасности, лось был красив. Почти весь погрузившись в воду – видна была лишь узкая полоска спины – он плыл стремительно,

мощной грудью рассекая воду. Гордую голову держал высоко. Поводил ушами, пофыркал.

– Вот плывет! Мاستак! – восхищался Семен. – Решился переплыть! А ширь-то какая – с одного берега не видать другого! Не понравилось, видно, ему что-то на том берегу.

– Поехали обратно, – предложил Петр. Плавать он умеет, – не потонет и без нас.

– Ребята, я что придумал! – весело воскликнул Василий. – Зачем грести? Пусть лось нас везет...

– Что же ты предлагаешь? Сесть на него верхом? Или, может за хвост ухватиться? – рассмеялись друзья.

– Не смейтесь, серьезно вам говорю, прокатимся на лосе, убеждал их Василий. – Заарканим бечевою и – баста.

– А ведь верно, – согласился Семен. – Бечева у нас есть.

– Сейчас соорудим аркан, – хлопотал Василий.

Лось, казалось, плыл снова спокойно, только сильнее сопел, дышал тяжело.

Василий ловко, с первого раза, заарканил животное. Просвет в воздухе, веревка легла лосю на уши. Он недовольно, гневно потряс головой. Петля соскользнула вниз и оказалась у него на шее. Василий дернул бечеву на себя.

– Вот и готова упряжка! – радостно возвестил он. Разъяренное животное быстро продвигалось вперед. Лодка мчалась на буксире так легко, словно лось не чувствовал за собой груза. Довольные своей находчивостью, рыбаки шутили, весело смеялись.

Но вдруг лось так сильно дернул лодку, что пассажиры чуть не вылетели из нее. Не успели они оправиться от неожиданности, как их вновь сильно качнуло. Лодка рывками двигалась по воде, виляя из стороны в сторону.

– Держись, ребята! – закричал Семен, впившись руками в борта лодки.

– Вот так упряжка! – растерянно произнес Петр.

– Однако как же мы теперь? – недоуменно спрашивал Василий.

А лось, почуяв под собой дно, пошел вскачь. Громко фыркая, выбрасывал он вперед длинные ноги. Вода разлеталась фонтаном. Теперь лодка болталась, словно рыбка на леске. Она касалась воды лишь кормовой частью, поскрипывала, трещала. Добежав до берега, лось с ходу прыгнул на пригорок. Лодка с пас-

сажирами на какой-то миг взлетела в воздух, затем грохнулась о землю и ... раскололась во всю длину. Корма отлетела. Семен вместе с сиденьем остался позади. Лось же помчал Василия и Петра, вцепившихся в края лодки, дальше. Они никак не могли остановить, укротить взбесившегося зверя. Наконец, лодка врезалась в кусты тальника и застряла. Лось на мгновение остановился, но тут же напрягся, дернулся с огромной силой, веревка оборвалась, и он скрылся в кустах.

Первым пришел в себя Семен. Он со всех ног бросился на помощь товарищам.

– Берегитесь, берегитесь! Где вы? – кричал он.

Но друзья не отзывались. Лишь добежав до кустов, услышал он стоны.

Когда Петр с Василием выбрались из тальника, их невозможно было узнать: с головы до ног облеплены мокрым песком и грязью, лицо, руки в ссадинах, кровоподтеках, шишках.

– Правый бок ушиб, однако, – жалобно охая, произнес Василий.

– Сами виноваты, – с трудом выговорил Петр. – Ох! Ой!

– Ты первый придумал прокатиться на лосе, – начал упрекать Василия Семен.

– Все мы виноваты, – страхивая с себя грязь, остановил готовую вспыхнуть ссору Петр.

– А силенка у него есть! Лошадь бы так не прокатила! – восхищенно говорил Василий, тоже приводя себя в порядок.

Обратный путь к стану рыбаки совершили пешком. Отмерили километров пять.

Катанье на лосе обошлось им дорого: не отделались одними ушибами да царапинами, пришлось уплатить артели за разбитую лодку.

ГУСЬ-СИРОТКА

Пришлось мне как-то летом в конце августа плыть по притоку Оби. Плыли мы в лодке-неводнике с подвесным мотором. Почти с самого начала пути «подвесник» стал барахлить. Километров через двадцать пять он совершенно отказал, и мы были вынуждены сделать остановку. Моторист занялся ремонтом.

Причалили к отлогому песчаному берегу. На нем одиноко стояла маленькая избушка, возле избушки был небольшой загон для оленей, в котором они у дымокуров спасались от комаров.

Встретила нас пожилая женщина, очень подвижная, словоохотливая. На вид Марии Николаевне было не более пятидесяти, но оказалось, что ей перевалило за шестьдесят. Хозяйка настаивала на том, чтобы я прошел в избушку, гостеприимно предложила сесть и поставила передо мной большое блюдо с ягодой-голубикой.

– Набрала только сегодня. Перед вашим приездом пришла из лесу, – пояснила она.

Поблагодарив хозяйку, я принялся было за ягоды, но вдруг услышал гусиный крик.

– В тайге гуси живут? – удивился я.

– Это мой, домовый, – рассмеялась Мария Николаевна. – Гулять со мной ходил. Я собирала ягоды возле болота, и он тут же кружился. Теперь домой возвращается.

Не успела она закончить рассказ, как гусь опустился на землю и, что-то лопоча по-гусиному, зашагал к загону. Мария Николаевна окликнула его:

– Тунт, тунт! (гусь, гусь!)

Гусь услышал голос хозяйки и сразу перевел свой «разговор» на другой тон. Подойдя к избушке, он вытянул шею и просунул в открытую дверь голову.

– Есть, наверно, хочет, – сказал я.

– Он сытый. Хорошо наедается на болоте. Если бы не наелся, не прилетел бы.

Это был обычный большой серый гусь. Их называют здесь «речниками». Гусь был еще молодой. Все перышки аккуратно приглажены.

– Давно его держите? – поинтересовался я.

– Нет. С начала лета.

– А где купили?

– Гусь этот – сиротка. Случайно остался живым, – ответила женщина и замолчала.

Дальше рассказ о гусе продолжил хозяин Иван Кечимов, только что вернувшийся из леса.

– Бродил я однажды в лесу, – рассказывал Иван, – нужно было черемушник достать. Иду по гривке, посматриваю по сторонам, выискиваю нужные мне деревья. Вдруг – лиса. Крутнула хвостом и была такова. Скрылась в кустах.

Подхожу ближе к месту, откуда она тягу дала, гляжу – валяются гусиные перья. «Значит, дело не чистое, – думаю, – плутовка тут без дела не была».

Стою, размышляю, как все это могло произойти. Слышу – писк птенца. Подался на писк, а он, бедненький, беспомощный, видать, совсем недавно выбился из скорлупы. Взял я его в руки, а у него сердце так и бьется, готово выскочить. Нашел тут же гнездо. Было оно пустое.

Гусиху лиса схватила, зная, прямо на гнезде. Борьба между ними была крепкая: перьев много осталось на месте. Жалко мне стало птенца-сиротку: погибнет беспомощный. Взял его и принес домой.

– Выходила я бедняжку. Теперь он уже сам себе еду добывает, – добавила Мария Николаевна. – А сколько хлопотала: гнездышко теплое сделала, мошек и комаров для него ловила. И самого гусенка от них оберегала. Теперь уже все ест, сам находит себе пищу, какую надо... А умница! Что тебе человек – все понимает, только что не говорит.

Ремонт нашего «подвесника» затянулся. Сидя возле избушки, я часто наблюдал за гусем. Он важно разгуливал по двору, а встретив хозяйку, бормотал ей что-то на своем гусином языке. Она в ответ ему ласково отзывалась: «Тунт, тунт!».

Перед нашим отъездом Иван Петрович с женой стали собираться на рыбалку.

Уложив в лодку все необходимое снаряжение, Мария Николаевна побежала к избушке, взяла берестяной туес с продуктами. Гусь неотступно следовал за своей хозяйкой.

Спускаясь с пригорка, женщина произнесла:

– Мантымин, мантымин! (Поехали, поехали!).

Гусь в ответ громко загоготал. Мария Николаевна раскинула руки в стороны, замахала ими и засеменила к речке. Гусь тоже замахал крыльями, вытянулся на лапах и поднялся в воздух. Сделав круг над берегом, загоготал, полетел за лодкой, уходящей вверх, против течения. Он то залетал вперед лодки, то воз-

вращался, летел над ней и все что-то наговаривал. А снизу ему отвечала хозяйка:

– Мантув, мантув! (едем, едем!) Они понимали друг друга.

ОХОТНИК-СОНЯ

Кончалась зима. На южных склонах гор появились проталины, днём по оврагам журчали ручейки, в реках и протоках прибывала вода. Над деревней пролетали вороны – первые весенние гости Обской земли. Воробьи, пережив холодную пору, вели на солнышке перепляс, громко чирикали. Повыползали из своих нор бурундуки. Радуюсь весне, резвились долгохвостые сороки. Они поднимались высоко в небо, кружились в воздухе, носясь друг за другом, а потом вдруг исчезали в лесной чаще...

Радовались весне и охотники. В эти дни только и разговору было об охоте.

– Утки прилетели!

– Вчера на Кузькиной курье, – волнуясь, рассказывал товарищу Михаил, – видел пару уток.

– Значит, можно идти на охоту! – решил Иван.

Идти надо было пешком: на протоках и озёрах, еще стоял лёд. Путь был нелёгкий. С большим трудом перебирались охотники через протоку. Иван одной ногой провалился под лёд и набрал в голенище сапога воды. Но это не остановило друзей.

До перелёта уток были уже на месте. Наскоро соорудили скрадки-шалаша, расставили на воде чучела.

– Набьём, Иван, сегодня уток. Как только домой понесём? – направляясь к своему скрадку, шутил Михаил.

– Я-то набью, а ты едва ли, – самоуверенно ответил ему Иван.

...Прошёл час, другой, третий. Погасла вечерняя зорька. Сидя в своём скрадке, Михаил думал: «Теперь уж нечего ждать. Холодно стало...».

Вдруг над самым скрадом послышался свист крыльев – прилетели утки, потом всплеск воды возле чучел. Михаил прильнул к бойнице скрадка – на воде мелкая рябь: к чучелам подплывала пара уток.

— Эх, как бы не улетели! — Он осторожно просунул в бойницу ружьё. Утки-острохвосты плыли рядом, касаясь друг друга.

Выстрел — и обе, сражённые, остались на месте.

Иван дремал. От выстрела он вздрогнул, быстро протёр глаза, глянул в бойницу. Но кроме чучел, ничего не увидел. Пересчитал их. Все были на месте. Посидел, и опять дремота одолела его.

А высоко на дереве возле скрадка Ивана сидела сова и высматривала себе добычу. Вот она оторвалась от дерева, устремилась к заливчику и бесшумно набросилась на утку-чучело. Глубоко вонзила в нее когти. Но «утка» даже не пошевелилась. Сова яростно теребила её. Перья, ключья — деревянное чучело было обтянуто утиной шкуркой — летели во все стороны. Но полакомиться сове так и не пришлось. Рассерженная, бросив злополучную «утку», уселась она обратно на дерево. Однако вскоре вновь вспорхнула, сделала круг над «утками». Опять уселась на дереве. Потом снова снялась, облетела охотничий шалаш, посидела на нём, перемахнула на другую сторону и устроилась на колышке возле смотрового окошка.

Иван, продолжая спать, сладко посапывал. Ему и невдомёк было, что творила возле него сова. А сова, учуяв в шалаше что-то живое, встрепенулась, подобралась к смотровому окошку совсем близко и уставилась немигающими круглыми глазами в шалаш. Теперь она не только слышала, но и видела добычу. Сидит сова, пощелкивает крючковатым клювом. Разгорается у неё аппетит. Но как достать добычу? Как с ней справиться?

С полночи похолодало ещё сильнее. Заливчик схватило льдом. Иван стал мёрзнуть. Он спал сидя, склонив голову на колени. Поёживаясь от мороза, то и дело втягивал голову в плечи. Зубы его выбивали дробь. Наконец, не выдержав, Иван поднял голову и увидел перед собой две светящиеся фары. Не разобравшись, что бы это могло быть, протянул к ним руку. Сова как будто только этого и ждала — всадила когти в руку охотника. От боли, неожиданности, испуга Иван закричал. Он старался высвободить руку, но сова с силой тянула к себе. Завязалась борьба. Однако добыча оказалась не под силу птице. Она уже хотела бросить её — махала крыльями, пытаясь высвободить когти, и не могла. А Иван продолжал кричать, всё ещё не понимая, что же случилось.

Михаил услышал вопли друга и с тревогой подумал:

– Однако медведь напал на него...

– Михаил! Помоги!.. – голос Ивана охрип и был какой-то неестественный.

Выскочив из скрадка, Михаил поспешил на помощь другу. Возле самого шалаша Ивана над ним низко пролетела сова. Из шалаша на коленях выполз Иван, держа на весу растерзанную правую руку. От запястья до пальцев вся верхняя сторона руки была разодрана и из неё сочилась кровь.

– Что случилось?

– Беда! Искалечили! – Иван чуть не плакал.

– Кто? – спросил Михаил.

– Не знаю...

– Охотник, а не знаешь, – насмешливо бросил Михаил. – Сова тебя покалечила. Сейчас только пролетела надо мной. Могла и глаза выклевать. Вон смотри, как расправилась с твоим чучелом. Начала с него, а добралась до охотника-сони!

ПОСЛЕДНИЙ ПРЫЖОК РОСОМАХИ

Четыре дня Роман Иванович не был на таёжном «складе мяса». Только на пятый пошел проверить, всё ли цело. Пробираясь по зарослям ельника, увидел он следы росомахи. Следы старые, прошла дня три назад.

– Ползла. Не напала ли, дьяволиха, на мясо? Оставит меня без провизии, – подумал охотник.

Тайга, безмолвствовала. Лучи солнца лишь кое-где проникали в чашу. Роман Иванович пошел по следу росомахи.

Недалеко от «склада» снег был примят широкими лапами хищника, валялись остатки мяса.

– Нажралась. Пузо волоком тащила...

Лёжки, на которых хранилось мясо, оказались раскиданными. Возле одного дерева под снегом охотник нашёл оленью голову. От неё пахло псиной.

– Сама не съела и другим не дала. Не зря мясо росомахи никакой зверь не ест... Ну, погоди! – злился Роман Иванович.

Он устало опёрся на сонгхе*. Сняв рукавицы, осторожно оборвал с усов сосульки льда, стряхнул с бороды куржак. Лицо нахмурено, зло, чёрные густые брови сдвинуты и приспущены над глазами. Вздохнул глубоко, достал кисет, набил трубку табак, закурил, затянулся несколько раз и снова зашагал вперёд.

Идя по следу росوماхи, охотник оказался в местах, где не бывал уже несколько лет. Возле болота след зверя вывел его на оленью тропу. Потом след свернул в сторону и пошел по лесной чаще.

Охотника начинали оставлять силы, казалось, лыжи стали тяжелее, томила жажда.

– Неужели напрасно теряю время? Не может уйти так далеко... Чаю бы горяченького! Тогда, можно было бы ещё пошагать, – размышлял Роман Иванович. – А может, вернуться? А то потом в темноте и до избушки не доберешься, придется ночевать в лесу...

Размышления охотника прервал неожиданно раздавшийся храп умирающего зверя. Что такое? Роман Иванович насторожился, напряг силы, пошел дальше. Вскоре донеслось урчание. – Никак, она? – Впереди большая сосна. Снег на ней с одной стороны сбит. Присмотрелся вокруг внимательнее. За зарослями возле сосны что-то шевелилось.

Затаив дыхание, осторожно сделал движение одной лыжей, второй... Ружье на изготовку. Еще вперед... И тут охотник увидел – в зарослях, широко расставив ноги, стоит олень, а верхом на нём – росوماха. Она впилась пастью в шею оленя.

– О-о!.. – вырвалось у охотника. – Вот ты где, разбойница!

Выстрел резнеся по лесу. Росوماха, даже не вздрогнула, тут же ослабла и повалилась да снег. Вместе с ней рухнул и олень.

Роман Иванович поспешил к зверю.

– Отьелась на даровом мясе! – рассматривая хищника, говорил усталый охотник. – Теперь уж не поразбойничаешь... А глазищи-то! Всё ещё жадно светятся. Сама не больше собаки, а голова, как у медведя! Оленя погубила. Видать, бросилась на него с дерева... Но ничего! Это был твой последний прыжок!

* Сонгхеп – охотничий посох – лопатка.

ВОРОНЫ-СТОРОЖА

На Обскую землю пришла осень. Небо заволокли тёмные тучи. Беспрерывно дул холодный северный ветер, У таловых рощ, сбросивших летний наряд, был жалкий, скучный вид. На полянах меж перелесками, где летом шелестел высокий зелёный пырей, лежала теперь увядшая жёлтая трава. Лишь кое-где высились одинокие кусты черёмухи, сохранившие яркую жёлто-красную листву. Всё замерло. Не слышно было больше криков уток и гусей. Покинули свои промысловые угодья мастера-рыболовы – халеи и чайки. Только вороны всё ещё сидели на кустах. Сидели они большими стаями и, нахохлившись, жадно озирались по сторонам.

Озёра и заливы ещё не застыли, рыбаки продолжали промысел. Поехали на рыбалку и Тореп с Опонькой.

После полудня ветер немного стих, заморосил дождь вперемежку со снегом. Но холод не слабел. Обжигало лицо, мёрзли руки. Рыбаки с трудом добрались до угодья. Выбрав место за ветром, выставили сети. Трудились до вечерних сумерек.

А за ночь столько выпало снега, что можно было ехать на сани. Озёра и маленькие заливы покрылись льдом. Осмотреть сети оказалось трудно, и Тореп с Опонькой справились с этим только к обеду. Зато улов был богатый.

– Рыба есть! – радовался Опонька.

– Перед ледоставом хорошо рыба пошла! – ликовал и Тореп.

Но проверить сети ещё раз им не позволила погода. На следующий день, под вечер, рыбаки отправились на ближний стан за продуктами.

– А куда рыбу денем? С собой не увезти – не меньше трёх центнеров, – забеспокоился Опонька.

– Сложим на берегу, завалим снегом. Не лето – не испортится, – успокоил его Тореп и пошутил: – Пусть вороны сторожат.

– Пожалуй, насторожат тебе вороны, – рассмеялся Опонька.

Через сутки рыбаки возвратились к месту промысла. Ещё издали Тореп заметил над заливом большую стаю ворон и сорок.

– Опонька, вороны над нашей рыбой кружатся!

– Верно. Ой, сколько их! Носятся, как мухи!

– А ну скорей спасать рыбу! – и Тореп заработал вёслами.

Однако, когда рыбаки подплыли к берегу, вороны даже не встревожились, наоборот, к этому времени их налетело ещё

больше. С громким карканьем кружили они над кучей. Жадно набрасывались на рыбу, выхватывали её друг у друга, теребили, потрошили. Видя, как разбойничьи уничтожается их добыча, рыбаки обозлились. Тореп замахал веслом, закричал. Но в сторону отлетело лишь несколько ворон.

Не успела лодка коснуться берега, как Опонька выпрыгнул из неё и, тоже размахивая вёслами и громко крича, бросился на ворон.

Словно огромная чёрная туча нависла над берегом – поднялись с земли вороны. Отлетев немного от кучи, они уселись на берегу, устроились на кустах, но улетать совсем, как видно, не собирались.

Особенно нагло вела себя одна ворона. Её легко было отличить от других: вся какая-то общипанная, на клюве – нарост вроде шишки, на правом крыле – грязно-серое пятно. Бывалая разбойница. Ворона даже не отлетела, сделала круг и снова возвратилась к рыбе. Выставив грудь, приседая на хвост, громко, отвратительно каркая, шла она прямо на людей.

– Опонька, смотри! Опять эта нахалка возле рыбы! – кричал Тореп, носясь с веслом по берегу.

– Сейчас я им покажу! – Опонька побежал к лодке, взял ружьё.

Вороны словно догадались, что им угрожает опасность, поднялись, отлетели, на этот раз далеко.

Рыбаки были так обозлены на нахальных птиц, что открыли по ним стрельбу. Ведь вся рыба оказалась растасканной по берегу, испорченной – выклеваны глаза, распорот живот, вытащены потроха. Тореп и Опонька от всей добычи смогли собрать меньше половины.

– Вот тебе и улов, – ругался Тореп. – Всё растащили, проклятые!

– Будь они неладны, эти вороны-сторожа, – вторил ему Опонька.

– Мы сами оказались воронами, – горестно признался Тореп.
– Проморгали добычу.

ЧЕТЫРЕХЛАПЫЙ ВЕРХОЛАЗ

Над лесом возвышалась вышка, сооруженная геофизиками. Надстройка и «леса» были сняты с неё, необрунным остался лишь верхний мостик. Поляна возле вышки иногда была похожа на тетеревиный ток. Молодые мужчины и парни затевали здесь шумные состязания – кто влезет на мостик.

– Микуль непременно залезет, он лазит по деревьям, как белка или бурундук, – раздавались обычно голоса.

– Посмотрим, посмотрим, – подстрекали молодого охотника другие.

– А что? На этот раз поднимусь на самый верх вышки, – хватал Микуль.

– Полежай! Посмотрим, какой ты верхолаз!..

– Не спорьте. Сими знаете, как Микуль забрался однажды на сосну и заарканил росомаху.

– То сосна. На ней кора, сучки, а тут – гладкое дерево...

Микуля этот спор раззадоривал ещё больше. Он выходил вперёд, спешно снимал с себя телогрейку, шел к вышке. Все толпились возле него. Подбадривали смельчака, подтрунивали над ним.

Но каждый раз Микуль легко поднимался лишь до половины вышки, потом всё чаще отдыхал, обхватив столб руками и ногами. С трудом вскарабкавшись ещё немного, вновь и вновь отступал – соскальзывал вниз.

Вокруг громко смеялись, а молодой охотник оправдывался:

– Руки обжигает. Плохо без кожаных рукавиц. Попробуйте сами.

У других тоже не выходило.

Осенью Петр-ики отправился в лес на разведку – узнать, богат ли выход белки и можно ли начать охоту на неё. Верная помощница охотника собака Сапко, увидев хозяина с ружьём, радостно заскулила, завиляла хвостом.

– А-а, и тебе не терпится? Время, дружище, время...

Как только Петр-ики вошел в лес возле речки, отпустил Сапко с поводка. Пёс сразу же скрылся в лесной чаще, но вскоре вернулся. Убедившись, что хозяин идёт за ним, снова, умчался вперёд.

За речкой охотник сделал привал – присел на валежину, закурил трубку.

– Рука онемела. Надёргал пёс поводком, – рассматривая рубец на запястье, рассуждал Петр-ики. – Упарился я даже, поспешая за ним.

Выкулив трубку, подошел к речке, набрал в пригоршни воды, напился.

– Студеная водица!

Снял из-за спины ружье, вложил в него патрон, зашагал дальше.

Небо было ясное, с Севера тянуло холодом.

– Зима надвигается, – думал Петр-ики, шагая вдоль речки к глухариной сопке. Сапко метался го лесу, только раз показался он хозяину.

– Носится, от радости ног под собой не чувствует, – усмехнулся Петр-ики.

Вдруг послышался лай Сапко.

– Нашёл, белку. – Охотник заспешил к собаке.

Так и есть – белка, ссутулившись, сидела, на самой верхушке дерева, щёлкала орехи, посматривая вниз, на собаку. Пушистый её хвост красовался да спине. Уши – торчком, на их кончиках – длинные чёрные кисточки. Казалось, она хотела сказать:

– Что вам нужно от меня? Не даёте побегать, поискать пиши.

Сапко продолжал лаять. Далеко разносилось эхо.

Одним выстрелом убил Пётр-ики белку, дал понюхать ее собаке, покрутил добычу в руке, потом заткнул за пояс и направился на глухариную гору. Вот и гора. Поднявшись на нее, оглянулся вокруг. Он хорошо знал эти места. Вон видна вышка. Это на неё не раз безуспешно пытались залезть молодые охотники. Теперь там тихо. Но у основания вышки Пётр-ики заметил что-то чёрное. Оно шевелилось.

– Что такое? Людей там сейчас не должно быть, – удивлялся Пётр-ики, не сводя глаз с вышки. – Да это же мишка косолапый! Лезет на вышку!

Глаза охотника, загорелись любопытством. Медведь взбирался, как опытный верхолаз. Обхватив столб передними лапами, подтягивался, затем снова выбрасывал передние лапы вперёд и опять приподнимался. Совсем как человек!

Вскоре, однако, зверь выбился из сил. Припал к опоре, застыл на месте. Потом вновь стал взбираться. Добравшись до верхнего мостика, вскарабкался на него и встал на дыбы.

– Когти, наверное, иступил. Это тебе не по земле ходить, – думал Петр-ики. – Эх, хорошо бы сейчас снять его пулей оттуда. Далековато, однако, больше версты.

Подбежал Сапко. Остановился возле хозяина, уставился на него:

– Что там такое? Нельзя ли и мне посмотреть?

– Не увидишь ты и чутьем не возьмёшь, – сказал ему хозяин.

– А то умчался бы туда мигом. Медведь вон на вышке. Понимаешь?

Но Сапко только шевелил ушами и не сводил глаз с хозяина.

– Опять придётся попрiderжать тебя, дружок, – беря собаку на поводок, сказал охотник, продолжая думать о медведе.

А «верхолаз» как будто занимался проверкой, прочно ли сооружена вышка: брался лапой за перильца мостика, подёргивал их, вытягивался да задних лапах, пытаясь заглянуть выше, после чего, встав на дыбы, принялся расхаживать по мостику, как человек, клал голову на перильца, смотрел по сторонам.

– Большой, чёрт! Не моложе пяти лет. И что он бродит? Время-то уже вышло. Конец октября. Лес оголился, а он, вместо того, чтобы в берлогу залечь, по вышкам лазает, – размышлял Петр-ики.

– Поди, скоро обратно спустится. Хорошо бы застать его вверху.

Охотник старался сократить путь к вышке – шел напрямую. Только там, где невозможно было идти напрямиком, пробирался стороной. Когда до вышки осталось немного, остановился, осмотрел ружьё, погладил Сапко. Тот в ответ лизнул хозяину руку, замахал хвостом – не подведу, мол. Как только Петр-ики отпустил его с поводка, пёс лёг на землю, стал очищать лапы от грязи. Подошёл к хозяину, понюхал его и побежал вперёд.

Петр-ики ещё раз осмотрел ружьё, проверил ножны на поясе, ощупал рукоять ножа и пошёл за собакой, не спеша, осторожно всматриваясь в каждый кустик – не притаился ли медведь-шатун. Ружьё держал на изготовку, прислушиваясь к каждому шороху. Ждал сигнала собаки.

И вот лай. Охотник обрадовался, зашагал быстрее. Но вдруг остановился. Прислушался внимательно. Что такое? Сапко лает не так, как на белку или медведя, – надрывно, неестественно.

В просвете между деревьями Петр-ики увидел вышку. Где-то рядом лает Сапко. Кровь ударила в голову:

– Не упустить бы.

Смело пошёл на лай. Вот-вот должна показаться поляна. Наконец видит – Сапко стоит между опорами, лает и поглядывает в сторону приближающегося хозяина, а недалеко от собаки лежит на земле медведь, лапы его задраны вверх, из ноздрей и пасти зверя сочится кровь. Как только подошел хозяин, пёс завилял хвостом, подбежав к медведю, затыкал тоненьким голоском – вот, мол, получай, хозяин!

– Ты, Сапко, умный. Не зря голос переменял – добыча досталась без боя, – радостно заговорил охотник. – Грохнулся, видеть, сверху косолапый, разбился насмерть. Забраться забрался, а спуститься не сумел – зад перетянул. Эх ты, верхолаз!

МЕДВЕДИЦА-РЫБАЧКА

Когда мне исполнилось восемь лет, отец все чаще стал брать меня с собой на рыбалку. Брал охотно, доставляя мне неопишемую радость и удовольствие помогать ему.

Помню, дело было под осень. Рыбаки тогда промышляли на небольшой речке, впадающей в Обь. Ловили мы (так потому, что я считал себя в то время уже опытным рыбаком) пишу, поднимавшуюся на зимовку в омуты рыбу. С каждым днем становилось прохладнее. Перед закатом из оврагов и логов выползали седые космы тумана и густым молоком разливались по всей речке.

В это утро туман стоял особенно долго и рассеивался медленно. Рыбачить нельзя было, все сидели в избушке, ждали, рассказывая друг другу разные истории.

– Тихо! Гости к нам пожаловали, – таинственно сообщил рыбак, вернувшись с улицы.

– Какие еще такие гости?

– Мохнатое семейство!

– Медведи, что ли? Где они?

– На той стороне речки, по лугу спускаются.

– Ишь ты, гуляют перед спячкой.

Рыбаки, один за другим, крадучись, вышли посмотреть на «гостей». Выскользнул и я. Догнал отца и, крепко схватив его за руку, стал всматриваться в противоположный берег. Сквозь туман я вскоре различил шедших гуськом трех медведей.

– Одна семья. Мать с детьми, – шепотом пояснил старый рыбак. Я еще крепче сжал руку отца, с волнением разглядывая зверя. Все-таки страшновато. Медведица, подходя к речке, вдруг уставилась на заливчик. Смотрела долго, не отрывая глаз от воды.

– Ишь, как приворожила ее рыбка, – тихо раздался тот же голос.

На отмелях, в заливчиках осенью всегда скапливается молдь, поднимающаяся к истокам.

Медведица продолжала стоять неподвижно, наблюдая за рыбой. А глупые медвежата бегали, резвились, катали друг друга, кувыркались, подбегали к матери. Та чуть слышно рычала на них, легонько шлепала и гнала прочь. Я еле сдерживался, чтобы не прыснуть. Страха как не бывало, мне стало очень весело. Улыбались и рыбаки.

Смотрю: медведица отошла от заливчика и принялась рвать траву вместе с корнями. Набрав в лапы большую охапку, выпрямилась и, словно человек, вразвалочку зашагала к заливу.

– Глядите-ка! Рыбу собирается видно ловить!

И впрямь. Медведица зашла в залив. Мне стало плохо ее видно, и я прокрался ближе к берегу. «Рыбачка» стояла посреди залива, забирала травой воду и выплескивала на берег. На берег вместе с водой вылетали маленькие рыбки. Медвежата на лету ловили их и с аппетитом проглатывали. Тех рыбок, которых водой сносило обратно, медведица ловко хватала и клала себе в пасть.

Когда «невод» стал приходить уже совершенно пустым, «рыбачка» выбросила вон из лап траву и вышла на берег.

После завтрака все семейство несколько минут постояло в молчании. Видимо, еще хотелось полакомиться. Затем медведица рывкнула, мотнула головой, и мы стали наблюдать забавное шествие: впереди, переваливаясь, шла сама, а за ней вслед смешно вышагивали медвежата. Направились они вдоль берега, в вершину речки.

– Ай да меведица! Невод придумала! – в восторге воскликнул я.
– Рыбы-то, однако, поймала немного, – захихикал дед Митрич. – Не наелись, конечно. Только облизнулись.

Туман рассеялся, рыбаки начали промысел.

Любят медведи рыбу.

Вспоминается еще один случай. На этот раз медведь оказался воришкой.

Было в разгаре сибирское лето. Разноголосо шептали птицы, где-то насвистывал бурундук. Над Обью кружились чайки. Вечером и утром раздавались крики гусей и уток, собиравшихся на кормовые озера. Как хорошо летом в наших родных местах!

Отец работал на стрележовом песке. Ловили в основном муксуна, осетра и нельму. С августа рыбу начали отсаживать в сады – специальные водоемы с проточной водой.

Рыбаки везли в сад добычу. Вместе с ними ехал и я. Переваливали Обь, приближались к берегу. Вдруг сидевший на корме рыбак воскликнул:

– Иван! Смотри! Кто-то осетра потащил в лес!

– Что за шутки! Кто потащит рыбу в лес? – ответил Иван Павлович, однако приподнял весла и повернул голову к берегу.

– Смотри туда, где стоит отдельно береза в конце лога.

– Гм... Кто же это может быть?!

Я быстро вскочил на ноги. По опушке леса двигалась сутулая фигура, на спине которой загнулся дугой осетр.

– Да ведь это Мишка косолапит! Украл в саду осетра и попер в лес.

Иван Павлович налег на гребни. Рулевой крикнул вдогонку воришке, но тот как ни в чем не бывало продолжал шагать себе на задних лапах. Тогда мы закричали все в один голос. Медведь остановился и, не выпуская из лап добычу, повернулся к нам. Я хорошо разглядел его морду и убедился, как он ловко умеет носить на себе груз.

С минуту обе стороны напряженно смотрели друг на друга.

– Ах ты, вор несчастный, – сказал Иван Павлович. – Давайте крикнем еще.

Мы закричали снова, еще громче. Особенно старался я. Медведь, наконец, бросил осетра и скрылся в чаще.

Выбрал Мишка в нашем саду самого крупного осетра килограммов на сорок. Губа у него не дура, да отведасть воришке вкусной осетрины не удалось.

НЕПА РАНИЛИ

В пятый апрельский день, рано утром, Микута стал на лыжи и направился в лес. Зачем он пошел, никому не сказал. Только подвывая подволоки, предупредил жену:

– Етынота ехытым (Под вечер вернусь).

Ружья с собой не взял. Заложил топор за пояс, которым был подпоясан гусь, и, ловко скользя по насту, скрылся в лесу. Уликси, как только проснулся, спросил мать:

– А где отец?

– В лес ушел.

– А Сапко взял?

– Зачем сейчас собака?

Уликси быстро оделся и стал собираться в школу. Учился он в восьмом классе, но был уже неплохим следопытом. В зимние каникулы сдал на приемный пункт более ста беличьих шкур. Сейчас ему хотелось знать, зачем отец ушел в лес, когда охота закончилась. Вернулся он из школы поздно: задержался на занятиях математического кружка. Когда Уликси пришел из школы, отец был уже дома. И он тут же начал расспрашивать его.

– Да вот Непа тебе приволок.

– Вот это да! – воскликнул Уликси радостно. – А где он?

– Отдыхает, лежит в кухне.

Уликси побежал к нему и давай гладить.

– Он еще дрожит.

– Теперь уже согрелся. Это так, волнуется. Раз молоко пьет, значит, будет жить. Сердце мне подсказывало. Еще зимой заметил: кружится лосиха в зарослях у сопки Орла. Думаю, схожу, посмотрю, не загубил бы кто ее.

Теперь Уликси, возвращаясь из школы, только и занимался Непом. Поил молоком, потом приучал к ухе. Весной по совету отца стал молодой осинник заготавливать.

– Надо, чтобы зубы развивались, – говорил Микута

А когда сошел снег, стал Уликси подкармливать лосенка свежей травкой. Неп сам ходил по лесной чаще, находил себе пищу. Но быстро возвращался обратно и, как только открывалась дверь, смело входил в дом.

Уликси часто с лосенком уходил в лес. Маленький питомец шел за своим хозяином вслед, а он ему давал по дороге какую-нибудь еду.

Летом Микута переехал вместе со всей семьей на рыбное угодье Вась-Лор. Вместе с хозяином переселился и Неп. Он шел по берегу речки и наблюдал, куда плывет лодка. Уликси то и дело окликал его:

– Тухсэм! Тухсэм! (Друг! Друг!) – кричал Уликси. Неп наворачивал свои большие уши, а потом водил ими из стороны в сторону.

За лето Неп стал неузнаваемым: подался ввысь и вширь. Похож был на взрослого лося: подтянут и строен, покрыт короткой коричневой шерстью. Голову держал высоко. Обьедал листья у маленьких осин прямо с верхушек. Под осень Неп стал бывать в отлучке целыми днями. Иногда и ночь где-то бродил.

Микута тревожился:

– Зверь есть зверь, может и навсегда уйти в лес.– Но своих мыслей вслух не высказывал.

Как только Неп появлялся, он сразу требовал угощения. А Уликси тут и был. Он заранее готовил ему пищу. А больше всего лось любил чемых, Уликси в этом деле помогала его сестра Матра. Хотя ей было всего шесть лет, она не страшилась лесного великана. Смело подходила к нему, гладила морду, он лизал ее руки и просил лакомства. А она отдавала ему все, что у нее бывало. Ничего не жалела для него.

Как-то Уликси спросил отца:

– А можно Непу научить, чтобы он в упряжке ходил?

– Вот этого не знаю.

А сам Микута давно думал:

– Олень тоже дикое животное, а человек им управляет.

Выезжает Микута на рыбалку на оленях, а за ним следом бежит Неп. Пока рыбак делает свои дела, он разгуливает то по речке, то идет в лес, а то подходит к оленям и начинает с ними играть, те только отмахиваются от него.

Микута кормил оленей прямо на льду мелкой мерзлой рыбой, и скоро Неп возле них стал собирать мелкие крошки. А потом так пристрастился к мерзлой рыбе, что стал даже отнимать ее у оленей.

Как-то раз Микута собирался домой с рыбалки и запряг в упряжку лося, а оленей пустил вперед на поводу. Неп оказался хорошим коренным. Он свободно волок нарту со всем грузом. Повторил это Микута еще раз при выезде на рыбалку.

С этого времени Неп стал чаще привлекаться к работе. А какая была радость, когда Уликси и Матра вместе с отцом прокатились на Непе!

Занимается Микута своим делом возле дома: смотрит, выбегает Неп из лесу, а на нем верхом катит Уликси.

– Как же ты на него забрался?

– Подвел к пню и прыгнул на него.

– А если бы он тебя мотнул, что бы от тебя осталось?

– Он меня слушает.

Микута покачал головой и добавил:

– Смотри, как бы он тебя не покалечил.

... Микута только пришел из лесу – заготавливал материал для ловушек:

– А где наш Непушка? – спросил он.

– Куда-то в лес ушел, – ответил Уликси.

– Долго бы не прогулял. Завтра он нужен мне, надо поработать.

Солнце уходило на закат. Слышит Микута: лает Сапко. Не как обычно, а как будто воет. Он вышел на улицу:

– Что-то случилось, – промелькнуло в голове Микуты, – зовет меня!

Сапко подбежал к хозяину и тут же повернул обратно. Микута направился за ним. Видит – стоит Неп на опушке леса, прислонившись к большой сосне и низко опустив голову.

– Эй, ешик, хатл! (Эй, дорогое солнце!) – воскликнул он.

– Моты вер воем пита тывмат. (Какая-то беда с моим зверем случилась).

Тут прибежал Уликси, а за ним примчалась Матра. Микута ходил вокруг зверя и не мог понять, что с ним случилось. Зверь

стоял в одном положении и с трудом переводил дыхание, чувствовалось, что он слабеет.

Микута стал осматривать лося, а тот протянул к нему морду, чуть-чуть раздвинул губы, как будто хотел что-то сказать, но не хватило сил. Микута взглянул ему в глаза. Они были в тумане, на них навертывались слезы.

Вдруг Неп судорожно задвигал задними ногами и стал сползать вниз по стволу дерева.

– Эй, эй! – громко произнес Микута. – Бедняжка! Да он ранен. Стреляли в него пулей. Кто же его ранил?

Уликси и Матра стояли перед зверем, понутив головы, по их лицам катились слезы.

Лось вздернул головой, упал на колени. Матра громко зарыдала и побежала домой.

А Уликси только произнес

– Папа, надо ему рану забинтовать.

– Сынок, теперь мы ему ничем не поможем. А чтобы он не мучился... Сходи, принеси мой нож.

Уликси пошел выполнять указание отца, а сам заливался слезами. Когда забили лося, никто из семьи не пожелал есть мясо. Всем было его жалко. Микута сказал:

– Мясо придется сдать на звероферму.

...Что только не передумал Микута за ночь. Не выходило у него из головы:

– Кто в него стрелял? А лось к людям сильно привык. Ранили, и еще добежал до дому. Что-то соображал. Думал – помогут.

Рано утром Микута положил на нарточку лыжи и направился по дороге в лес. Увидев на снегу следы, залитые кровью, стал на лыжи и направился по тропе лося.

Микута уходил все дальше и дальше. Подошел к первой стоянке Непы, где он сдирает кору с молодого осинника. Потом спустился в лог, поднялся на увал, прошел по хребту и стал спускаться к речке.

Микута знал, где лось должен остановиться. И вот его новая стоянка. Охотник, срезая углы, идет по его следу:

– Нет, это они, никто другой. И вот их след. Ходили на узких лыжах. Было их двое. Вот они откуда стреляли...

– Надо начальнику Быстрову сказать, – решил Микута. – Если ручного зверя бьют, то диких и вовсе ни одного не оставят.

С этими мыслями он направился прямо на базу сейсморазведки Патинг Тор.

БЕРЕЧЬ КРАСУ ЗЕМЛИ **(Микуль и его друзья)**

Широко распахнув дверь, Микуль пташкой выпорхнул из избы. В сенках метнул на спину ранец, заправил ремни и зашагал дальше. Крепко прихлопнув калитку, навалился на забор, обвёл глазами улицу, освещённую слабым светом сентябрьского утра. Заложил в рот два пальца, набрал полную грудь воздуха и... раздался пронзительный свист, нарушивший утреннюю тишину рыбацкого посёлка.

Только успел перевести дыхание, как перед ним замерла большая белая собака с мордочкой песца.

– Лэпык! Лэпык! Молодец, знаешь, что хозяин тебя зовёт.

Лэпык, опёршись на лапы, сел зайчиком, завилял хвостом, не сводя с хозяина глаз.

– На вот, закуси. – Микуль достал из кармана фуфайки ехыл,* подал Лэпыку. – А потом проводишь меня.

По дороге в школу, Микуль развлекался с Лэпыком. Метнёт фуражку и командует:

– Тува, Тува! (Неси, неси!). Лэпык точно выполнял команду.

Подойдя к оврагу, через который лежал мост, Микуль вдруг остановился и обомлел, его круглое, как луна, лицо налилось кровью, гневно засверкали глаза. Сделал он глубокий вздох и сошёл с дороги.

– Вот варнак! Черёмуха ему помешала! – проговорил вслух.

Он обошёл кругом сломанные деревца, пытался поднять их, но ничего не мог сделать.

Лэпык, перебежав через мост, увидел, что хозяин изменил путь, вернулся к нему обратно.

* Ехыл – рыба, вываленная на солнце.

– Видишь, Лэпык, что наделали, – пояснил Микуль, – черёмуху погубили. А её наш дедушка посадил.

Лэпык стал обнюхивать обломки деревьев, обежал их кругом, сел на задние лапы, задрал морду и жалобно заскулил, а потом бросился по следу трактора.

– Лэпык! Лэпык! – крикнул Микуль. – Вернись, не бегай. Я знаю, кто это сделал.

Лэпык повернул обратно. Микуль взял веточку черёмухи, понюхал, прижал её к груди и вернулся на дорогу.

* * *

Начальник рейда Зимин, возвращаясь вечером с работы, встретил Микуля возле шпалозавода. Стоял, прислонившись к забору. Зимин, ничего не подозревая, бросил ему на ходу:

– Что ты, товарищ, сегодня с опозданием явился на работу?

Микуль молчал, низко опустив голову, надвинув на глаза фуражку. В руке держал веточку черёмухи.

Зимин знал его хорошо. Летом он почти неотлучно находился в посёлке сплавщиков. Играл здесь. Находил себе дело на производстве. А чаще всего бывал на шпалозаводе, где работал его дядя. Любил он кататься на лошади: вывозил из бункера от транспортёра опилки. Всегда живой, весёлый, разговорчивый.

– Что-то с парнем случилось, – подумал.

Подошёл к Микулю, широкой ладонью приподнял подбородок. По щекам Микуля катились слёзы. У Зимина защемило сердце, жалко ему стало парня. Обнял он его, прижал к себе.

– Микуль, что случилось? Кто тебя обидел?

Всхлипывая, мальчик чуть слышно произнёс:

– В школу не ходил...

– А это почему? – тревожно спросил Зимин.

Микуль никак не мог прийти в себя. Душили слёзы. Чуть-чуть оправившись, он поднял веточку черёмухи:

– Вот... Черёмуху сломали.

Проводил Зимин Микуля до дома его дяди Миляхова, а на прощанье сказал:

– Ты, Микуль, не расстраивайся, дело поправим.

* * *

Пришёл Микуль в школу только на второй день. Как только он появился, его обступили мальчишки и стали наседать:

– Почему не был в школе?

Микуль отмалчивался. На его лице лежала глубокая тень огорчения, лицо было хмурое, держался он уединённо, не вступал в разговор.

– Что молчишь, Барабанщик? – приставал к Микулю Мишка Хорин, который слыл в школе первым задирой и забиякой. А Барабанщиком Микуля прозвали за то, что он любил песню «Юный барабанщик».

– Что ты пристаёшь к нему? – заступался за Микуля Уликси Пеликсин, сосед по парте. – Не видишь, что он болеет.

– О-о-о, – сложив губы трубкой, растянул Мишка, – больные не ходят на работу!

– А ты что, врач?

В это время Мария Николаевна, учительница Микуля, позвала его в класс. Ребята прилипли у дверей, им хотелось узнать, что он будет говорить. Впереди всех был Мишка Хорин.

Уликси, заложив руки за спину, пошёл прочь.

– А я знаю, почему он не был в школе.

Мишка Хорин подскочил к Уликси и, двинув его в плечо, буркнул:

– Говори, что ты знаешь?

– А ты своим рукам воли не давай!

– Не хочешь говорить?

Уликси подошёл к группе мальчишек, начал им рассказывать.

– Черёмуху сломали? – вскрикнул Мишка, успевший уже подслушать разговор. – А кто сломал?

– Ванька, голова, как воронье гнездо, – ответил Уликси.

– Да кто это? – переспросил Мишка. – А! Знаю, знаю. Фамилия-то его Селих.

– Что, Барабанщик, черёмуху сломали? – встретил Микуля Мишка Хорин.

– Да.

– И тебе жалко?

Микуля будто огнём обожгло, сразу изменился, голубые глаза заблестели и, сдвинув брови, он выпалил:

– А тебе не жалко?

Мишка передёрнул плечами, скосил рот, надул щёки, хлопнул руками по ним и неестественно захохотал:

– Ха-ха-ха! Вот чудо-человек нашёлся – палки пожалел. Дурак. Сколько крагом лесу. Хватит тебе его.

Микуль, услышав, как Мишка Хорин обозвал его дураком, быстро повернулся, подскочил к нему, глядя прямо в лицо, сказал:

– Ты сам дурак! Халей!

Мишка сжал кулаки. Но тут перед ним появилась Мария Николаевна, не разжимая кулаков, Мишка попятился, но пригрозил:

– Я тебе ещё покажу, Черёмуха.

* * *

Микуль в тот день не пошёл домой, остался ночевать у дяди. Утром встретился с Мишкой Хориным.

– Вот ты где мне попался, Черёмуха!

Подскочил к Микулю и замахнулся на него большим старым портфелем, туго набитым книгами. Микуль успел увернуться. Ручка оторвалась, портфель перелетел через него. Это ещё больше обозлило Мишку, и пошёл он на Микуля с кулаками. Но ничего с ним не мог сделать, отступил и только пригрозил:

– Я тебе ещё покажу – и вернулся за портфелем.

– Нашёлся какой герой. И кто тебя боится? – ответил Микуль.

Схватив портфель, Мишка опять догнал Микуля:

– Говоришь, не боишься? – с трудом переводя дыхание, процедил сквозь зубы.

– Не боюсь, – твёрдо произнёс Микуль.

Мишка никак не хотел примириться с тем, чтобы не отомстить Микулю. Бросил на землю портфель, побежал к дому, стоявшему возле дороги, ухватился за рябину, посаженную в палисаднике, и давай её ломать.

– Эй, разбойник, что делаешь? – окликнул его мужчина вышедший из дома.

Оставив надломленную рябину, Мишка зашагал прочь.

– Ну-ка, герой, иди сюда.

Мишка стал изворачиваться.

– Я в школу тороплюсь.

– Эх, оказывается, ты ещё и трус, – сказал ему вслед рабочий.

– А он чей? – спросил Микуля.

– Это Мишка Хорин. У него отец работает мотористом на катере.

* * *

В субботу, к концу занятий, Зимин пришёл в школу. Ребята зашептались.

– Начальник к нам пришёл!

Одет он был, как обычно, в рабочую форму: тёмно-синего цвета гимнастёрку, туго-натуго подтянут ремнём. На ногах ботинные сапоги.

– Здравствуйте, орлы! – поздоровался.

– Здравствуйте! – ответили вразброд.

– Ага! – воскликнул Зимин. – Да тут мой старый знакомый Уликси.

– Пеликсин твоя фамилия? – переспросил Зимин.

– Пеликсин.

Зимин положил на его голову руку.

– Подрос ты подходяще. Ну, как, теперь на воде по брёвнам не бегаешь?

– Нет.

– Ну, правильно. Это дело опасное. – Проведя рукой по голове мальчика, добавил: – А вот волосы-то свои всё ещё не промыл, в саже.

Ребята громко рассмеялись.

– Они у меня не отмываются. Я с такими родился.

– Сумел, что ответить. А почему не видеть нашего Щукаря, которого я багром вытаскивал? – улыбаясь, спросил Зимин.

– Это Мишка-то Хорин? – переспросил Уликси.

– Да, да Мишка Хорин.

– В классе сидит. Услышал ваш голос и ушёл.

Толпа ребят возле Зимина всё росла.

– Ну, как дела, друг, – заметив подошедшего к ребятам Микуля, спросил Зимин.

Микуль почесал затылок, утянул голову в плечи, произнёс:

– Всяко-разно.

– Как это всяко-разно?

– Язык у него не так гребнул, – пришёл на выручку Микулю Уликси.

Микуль стоял молча, сдвинув брови, смотря исподлобья.

– Не унывай, друг, – сказал Зимин, всё будет хорошо.

Уликси Пеликсин добавил:

– У него ещё есть друг Лэпык.

– Кто это Лыпык? – спросил Зимин.

– Не Лыпык, а Лэпык, – поправил начальника Уликси. – Лэпык – это собака. По-русски – песец. Микуль его крепко бережёт.

– Это хороший друг, – заключил Зимин.

* * *

Зимин беседовал с учителями. Микуль вошёл в учительскую и сообщил:

– Пётр Семёнович, машина с рабочими на дороге остановилась. Вас спрашивают.

Зимин первым вышел и направился к ней. За ним гурьбой бросились ребята.

Подойдя к машине, он подал команду:

– Кто желает прокатиться – на машину! – и сам сел в кузов.

– А куда поедет, Пётр Семёнович? – поинтересовались ребята.

– Не знаю, куда нас шофёр повезёт, – улыбаясь, ответил Зимин.

...Над обской землёй дышала близкая осень. Зелёные таловые листья начали желтеть. Покинули свои квартиры стрижи, замолкли на озёрах лягушки. Солнце по вечерам быстрее стало скрываться за горизонтом.

Ребята оживлённо вели разговор. У всех на лицах сияла радость. Микуль стоял на ногах, ухватившись обеими руками за кабину, и всматривался вдаль. Широко перед ним раздвигался горизонт. У моста, который соединял обе части посёлка, перед глазами проплывали таловые рощи, тянувшиеся вдоль посёлка слева, а дальше за ними лежала зеркальная гладь множества озёр. Справа от посёлка проходила Большая Протока, вливавшаяся в Обь. За посёлком, на озёрах и ручьях, раздавались крики гусей и уток. Микуля печалил их гомон... Собираются уле-

тать на юг. Но весной прилетят. Дорогу не забудут. Скоро можно будет куропаток ловить.

Переехав мост, машина пошла по бугру вдоль берега и остановилась возле ложбины. Зимин прыгнул с машины, за ним поспешили ребята. Здесь же выгружались рабочие.

– Вот этот пустырь, – показывая рукой вдоль оврага, сказал Зимин, – застраивать не будем. Заложим на этом месте народный сад.

– Ванька Селих здесь и сломал черёмуху, – произнёс Микуль.

– Посадим сад, и больше деревья никто ломать не будет. Правильно, ребята?

– Правильно! – ответили хором.

– Пётр Семёнович, настоящий сад будем делать? – спросил Уликси.

– Настоящий большой сад. Будем садить черёмуху, а потом яблони.

– И яблоки у нас будут расти? – переспросили ребята.

– Да, яблоки будут расти.

– Вот это здорово, – сказал кто-то и крикнул:

– Ура-а!

Зимин давал указания рабочим, а ребята кружились по полю и ждали, какая дальше последует команда. Микуль неотступно следовал за Зиминим и спрашивал:

– Пётр Семёнович, а нам можно сейчас работу начинать?

– Начнём, Микуль, работу сразу всем народом.

Отдав последние указания, Зимин вышел на дорогу и направился в посёлок рыбаков. Ученики, окружив его полукольцом, шли вместе с ним. Среди ребят он выступал, как стройный кедр, а они были похожи на молодой ельник.

Зимин решил совершить экскурсию в живую природу. По этим местам он проходил не раз, но не ощущал такой красоты, как сейчас.

За посёлком рыбаков сразу же начиналась большая ветловая роща. Земля покрыта зелёным ковром мелкотравья.

Ребята наперебой рассказывали Зимину о достопримечательностях края. Называли, какие в окружении находятся водоёмы, какие живут звери и как их ловят. Лучше других были осведомлены Микуль и Уликси. Они знали названия всех проток.

Микуль не оставляла мысль о черёмухе. Шагая рядом с Зиминим, он дружески спросил его:

– Пётр Семёнович, а вы ели свежую черёмуху, толчёную с рыбьим жиром? Знаете, как вкусно? – сам губами чмокал.

– Видимо, вкусно, – скрывая улыбку, ответил Зимин, – у тебя даже слюнки, наверно, потекли? Но я, Микуль, ещё такого блюда не пробовал.

Микуль, не обращая на это внимания, продолжал давать консультации, в каком виде можно употреблять черёмуху.

– Толчёную черёмуху можно есть со сметаной, стряпать из неё пирожки.

– Хорошо, Микуль, – соглашался Зимин, – вырастим черёмуху, и тогда я обязательно её отведаю.

* * *

Было раннее утро. Микуль быстро спрыгнул с койки, оделся и побежал к Уликси. Здесь собрались все ребята посёлка рыбаков. Вскоре группами потянулись на поляну, где наметили заложить сад. Микуль явился на работу вместе с Лэпыком.

К полудню были подведены понтоны с саженцами. Ребята с криком «ура» бежали к берегу. Скоро здесь собралось почти всё население посёлка. Закладывать народный сад пришли все – старые потомственные рыбаки, первые жители, которые обосновали посёлок сплавщиков, работали здесь Ванька Селих и Мишка Хорин с отцом.

– Первый куст, – обращаясь к собравшимся, сказал Зимин, – предоставим право посадить Микулю. Он настоящий друг природы: любит и бережёт её. – Зимин сделал паузу. Обвёл всех взглядом. В его открытых волевых глазах горели огоньки.

– Сади, Микуль, первый куст.

МОЯ ШУБА

«Не ради красоты шуба, ради тепла», гласит старая русская поговорка. А у меня была особая, отменная, всем шубам шуба. Когда я её надевал, не шёл, а плыл. Походил в ней на паву. Она не только согревала меня, но и выполняла другую, более сложную

службу. Могут сказать, что это просто-напросто прикраса. Не верите? Убедитесь.

Когда мне пообещали завести шубу, я обрадовался.

– Теперь, думаю, можно будет зимой поиграть на улице. До этого у меня никакой зимней одежки не было. Магазина в деревне не имелось, да и купить у родителей было не на что.

Не знаю, кто мою шубу мастерил, но вот в один день она надевается на мои плечи. Сшита была, как говорят, с запасом, с расчётом на долгий срок, на то, что я могу подрасти. Касалась пяток. Полы можно было запахнуть на спину. В рукавах скрывались руки. Шкура отделана была грубо, стояла торчком, как берёзовая кора. Когда я выходил на улицу поиграть со своими товарищами, они меня встречали возгласами:

– Туес шагает!

Я на это не обижался. Какая ни есть, но шуба, другого ничего у меня нет. Правда, она сковывала мои движения. Это меня иногда огорчало, а если бы её у меня не было, сидел бы дома.

Был я в то время, как говорят, заядлым рыбаком. Правда, не настоящим. Но знал, какая рыба в наших водоёмах водится и какими ловушками, где и когда её ловят. Всегда крутился около отца и присматривался к делам. Сам строил для себя разные рыболовные снасти. Особенно любил сидеть, затаив дыхание, на бережке, держа в руках удилище, ожидая, когда клонет какая-нибудь рыбка. В наших обских водоёмах ловится на дождевого червя разная рыба. Можно поймать окуня, ерша, плотву и стерлядь. Бывает, хватает за наживу и щука. Тогда не зевай: не увидишь крючка, она в миг его отсечёт зубами. А крючков нигде было взять: в магазинах не продавали. Были отдельные мастера, которые сами их готовили. Да не из чего было делать. Для этого нужна была упругая проволока. Её не было.

Собрался я удить. Было лето, но стоял холод. Как всегда бывает на Севере: один день удастся хороший, тёплый, а в другой не хочется носа из дома высунуть. Надел я свою шубу, а сам босиком. На голове нет ничего. Взял удочку. Положив удилище на плечо, зашагал на рыбалку. Прихожу на место, где собирался удить, смотрю – нет отлогого берега, смыло его. Образовался яр, высотой в два метра. Обвёл глазами кругом, другого места не нашёл. Решил попробовать здесь. Только начал готовить удочку,

разматывать леску с удилица, как вдруг вместе с яром, на котором находился, покатился вниз, под обрыв.

И оказался на волнах Большой Протоки, которая течёт в Обь. Лежу на спине, на своей шубе, а волны покачивают меня.

Подхватило меня течение и понесло против ветра. Плавать я ещё не умел. Тащит меня. Волны ударяют в лицо. Раза два вода заливалась в рот. Я начинал захлёбываться, но держался на шубе, как на понтоне.

Не знаю, что было бы дальше, если бы случайно на моём пути не появился рыбак на лодке. Он спас меня от гибели. Но верно мне служила и моя шуба. Она долго меня держала на воде, а то бы я сразу пошёл на дно Большой Протоки.

И ещё выручала меня шуба. Было так. Мать собралась на скотный двор доить корову и меня пригласила с собой:

– Пойдём, сынок, поможешь мне быстрее убратся.

Я надел свою шубу и отправился с матерью. По дороге она добавила:

– Пока я дою Красулю, ты сбросишь с повети сена и зане-сёшь в стайку.

Красулю, нашу кормилицу, я и сейчас помню. На лбу длинное белое пятно, голова красная, кончики ушей, как у зайца, чёрные, рога похожи на штыки, длинные. Была она большая и красивая. Вся испещрена красными и белыми полосами, как тигр.

С охапкой сена я зашёл в хлев. Мать доила Красульку. Корова стояла смирёхонько и пережёвывала жвачку. Подошёл я, положил перед ней сено. Потыкала она в него мордой, потянулась ко мне. Раздвинула ноздри, выпустила клуб пара, опустила вниз голову и двинулась на меня. Как клочок сена, взметнула меня на рогах и давай мотать из стороны в сторону. Не знаю, на что я в то время походил, но трухнул крепко и завопил дурным голосом. Мать перепугалась, закричала и огрела Красулю подойником по голове. Меня всего облило молоком, я свалился с рогов и ползком убрался в сторону. Красуля стояла, взбуривала глазами и сопела.

– Что ты, очумела? – обращалась мать к корове. – Видишь, телячью шкуру учуяла.

А мне вновь повезло. Шуба завернулась на рогах, и Красуля не смогла поранить меня. Вот такая была у меня шуба.

МИКАЙ ОЙКА

Дед Микай Ойка (так звали все в колхозе старого Михаила Ивановича Остина) вернулся с рыбалки лишь через неделю. Лицо его было усталое, щёки впали, ещё сильнее выдались скулы. Кожа от загара потемнела, была похожа на кору старой сосны. Выступавшая клинышком борода стала ещё белее.

– Как нарыбачился, отец? Поди, больше не поедешь? – поинтересовался за ужином Пётр Михайлович.

– Видно будет, – сухо ответил старик.

– Что делать? – подумал Пётр. – Конечно, не усидит. Зимой всё же легче: на рыбалку старик ездит на лошади, не так изводит себя. А сейчас, летом? Что-то надобно придумать.

Не прошло и двух дней, старик снова заговорил:

– Рыба начинает выкатываться из соров.

– Без тебя рыбаки справятся, уgomонился бы. Ведь седьмой десяток тебе, – начал уговаривать Пётр Михайлович отца.

– Что ты сказал? Молчи давай!

Пётр Михайлович вздохнул, помолчал, потом негромко спросил:

– Куда ехать-то собираешься?

– На Орлином сору надо бы побывать.

– Далеко, не меньше двадцати километров. И всё на гребях...

– Далековато, – кивнул белой головой Микай Ойка. – Но рыба сейчас там должна быть. Как тут усядишь? Рыбак я... Вода – это моя жизнь.

– М-да-а, – опять вздохнул сын. – Ну, ладно. Что-нибудь придумаем. А пока вот что, отец! Завтра мы поедем за лесом и подвезём тебя до устья Заячьей протоки, а дальше сам доберёшься.

На этот раз, пока Микай Ойка был на рыбалке, сын, возвращаясь домой, купил в магазине подвесной мотор «Москва». Санька обрадовался, как никогда. Он ещё весной, после окончания шестого класса, просил об этом отца. Сразу же стал учиться управлять мотором, не расставался с инструкцией! Читал и пе-

речитывал её, рассматривал схемы, приставал к отцу с расспросами. А когда вернулся дедушка, восторженно объявил ему:

– Ну, дедуся, теперь будем рыбачить вместе. Папа купил «Москву»!

– Вот как?! – удивился старик. – Мотор и – «Москва»? Мудрено!.. А кто повезёт нас на моторе?

– Как, кто? Я, конечно! – гордо ударил себя в грудь Санька.

– Ты? – негромко засмеялся дед. – Наверно, ничего не выйдет, парень. Ты и веслом-то правишь не ахти как, а тут – машина.

– Не веришь? – обиделся Санька. – Спроси-ка папу. Подтвердит. Верно, папа? Я уже могу управлять мотором?

– Можешь, сынок, можешь. Вот поедем на рыбалку и докажешь дедушке.

...И они поехали порыбачить на моторной лодке. Санька завёл мотор, а Пётр Михайлович сел за руль. Микай Ойка сидел посреди лодки, ухватившись обеими руками за борта. На лице старика хоть и была тревога, но светилась улыбка удовольствия от необычной езды.

– Ты что, отец, уцепился за борта? Впервые что ли в лодке? – заметил Пётр Михайлович.

Старик признался:

– Боюсь, как бы не вылететь за борт. Лодка-то несётся, как стрела!

Микай Ойка и на парходах, и на катерах ездил, но такое удовольствие от езды испытывал впервые: вода у самого борта, будто едет он на своей лодке-долблёнке, брызги водяные привычно освежают ему лицо, а вздыбленные валы по обе стороны носа лодки, курчавясь и пенясь, так и переливаются нежными цветами, отражая краски предвечернего северного неба.

– Хорошо! Оч-чень хорошо! – восторгался старый ханты. – Так-то можно ездить!

Когда прибыли на место лова, Пётр Михайлович обратился к старику:

– Ну как? Доволен?

Старик одобрительно закивал головой:

– Доволен, доволен. На хорошей лошади так не проедешь. Вот если бы ты возил меня, Петрушка, всё время на этой лодке

на рыбалку, то было бы хорошо. Знаю, у тебя своя работа, через денёк опять поедешь к своим плотам. Жалко...

И Михай Ойка принялся ставить сети.

За ночь несколько раз осмотрели ловушки и взяли неплохой улов. Утром Пётр решил сходить на болото, посмотреть хорошо ли нынче уродилась ягодка-морошка.

– Послушай, сынок, - зашептал Саньке на ухо отец. – Ежели задержусь я и дед начнёт беспокоиться насчёт сдачи улова, заводи мотор и езжай к плашкоуту. Разумеешь?

Санька понимающе подмигнул отцу и улыбнулся довольным. Когда над дальней берёзовой рощей показалось солнце, Михай Ойка стал тревожиться:

– Задерживается Пётр, как бы рыба не испортилась.

Дед, наконец, не выдержал и направился по берегу за Петром. Тогда Санька завёл мотор. Старик, услышав рокот, повернул обратно и чуть не бегом поспешил к лодке.

– Правильно, внучек, правильно, – похвалил он Саньку и, оттолкнув лодку от берега, с ходу проворно забрался в неё. – Рыба-то портится. Пока Петруша ходит, мы обратно вернёмся. Верно?

Сдав улов, дед и внук вернулись на свой стан. Пётр Михайлович уже оказался на месте и успел сварить уху и вскипятить чай.

– Выходит, вы и без меня можете ездить на моторке, – улыбался Пётр Михайлович.

– Конечно, папа. Даже дедушке понравилось, как мы здорово съездили. Правда, дедушка?

Михай Ойка, посасывая трубку, довольно улыбнулся и в знак согласия качнул головой.

С тех пор старый и малый стали ездить на рыбалку одни на моторной лодке, а Пётр Михайлович лишь изредка, бывая дома, проверял исправность мотора, приводил его в порядок.

Прошёл месяц. Санька стал давно замечать, что дед сам тянется к мотору, внимательно присматривается к его работе. Однажды на рыбалке Михай Ойка признался Саньке:

– Саня, я вижу, ты умный мальчик. Голова у тебя светлая, сообразительная. Быстро освоил мотор. Грамотный ты, потому наверно. Это хорошо. Но скоро нужно будет тебе идти в школу. А как я справлюсь с мотором без тебя? А?

– По воскресеньям стану возить тебя, дедушка.

– Э-э, мало этого, внучек.

– А как иначе?

Дед почесал за ухом.

– Вот думаю я. Дал бы ты мне толку по машине. Неудобно получается. Народ, поди, посмеивается: старик-то, мол, барином стал, сидит посреди лодки, как коряга, а мальчик его возит.

– Да ну, – махнул рукой Санька. – Кому какое дело.

– Нет, ты всё же пожалей деда. Научи меня маленько машинному делу. Мозги-то у меня ещё не высохли.

И стал Санька учить деда управлять мотором. Когда внук вдавался в теорию, Михай Ойка одёргивал его:

– Ты больших-то мудростей не рассказывай. Ты показывай, что и как надо делать.

– Всё, дедушка, нужно знать, названия всех частей.

– Это потом. Вот ланк, по которому бензин течёт, я запомнил.

– Не ланк, а шланг, дедушка:

– Да-да, шланг называется. Видишь, язык у меня плохо гнётся.

Вскоре Михай Ойка сам принялся заводить мотор, дёрнул шнур стартера – машина молчит, второй раз – молчит. Санька стоял рядом и подсказал:

– Бачок-то не открыл, дедушка, – и поспешил на помощь.

Старик запротестовал:

– Пстой, пстой! Я сам. Иначе не научусь.

Наконец, Микаю Ойке удалось завести мотор. Он зарокотал, старик от испуга даже вздрогнул, но тут же взял себя в руки и быстро сбавил газ. Потом повернул реестр, и лодка легко помчалась по воде.

С этого дня Саньке всё реже приходилось управлять моторной лодкой – дед норовил делать это сам. Как-то внук не выдержал и укорил деда:

– Всё сам да сам. Мне ведь тоже хочется!

– Ничего, ты ещё успеешь повозиться с машинами. Теперь всюду машины, в каждом деле. Вон люди наши уже вокруг земли за облаками моторные лодки водят, к звёздам метят. Скоро и ты туда поспешишь. А мне хоть бы на земле успеть поездить на моторке.

Санька, улыбаясь, вздохнул.

Когда лодка, гружённая свежедобытой рыбой, приблизилась к рыбоприёмному плашкоуту, послышались возгласы:

– Глядите, глядите! Михай Ойка сам мотором управляет!

– Верно. Ай, да старик!

– И опять с богатым уловом!

– Вот рыбак! Вот неугомонный человек!

А приёмщица рыбы, белокурая русская девушка, обратилась к мальчику:

– Санька, ты чего же дедушку эксплуатируешь? Всегда возил сам, а теперь старого человека посадил за мотор.

Санька в ответ засмеялся:

– Посадил! Он сам решил стать мотористом. А я буду космонавтом!

– Правду говорит внук, – вступил в разговор старый ханты, заглушив мотор и нежно поглаживая крышку капота. – Хватит рыбачить по-старинке, на гребях. Когда-то в хантыйских сказках рассказывалось о золотом коне с крыльями. Теперь этот золотой конь в наших руках. – Вот он, родненький, миленький! – И он похлопал по капоту, словно коня по спине.

ЛЫШИ

Зимняя осень была. Дни короткие стали, рано темнело. Землю как будто белым одеялом закрыло.

Вечер наступал. Обычно охотники в это время еще бродили в лесу.

Когда солнце заходило на закат, мы пошагали в сторону дома. За день очень устали и поэтому шли медленно.

В одном доме весь день было тихо, а тут стало шумнее. Люди, которые пришли из простора, кто занимался своими делами, а кто готовил дрова на улице.

Дом наш начал обогреваться с помощью чужала. Закипел чайник. Проходили весь день, проголодались, и мы начали быстро кушать.

После того как покушали, взялись за работу: сняли шкурки с белок, заправили патроны дробью. Вот уже готов котел с глухарем, принялись кушать глухариное мясо. Кто-то повторно пил

чай. Потом улеглись в постели. Сон к нам еще не приходил. Задумали рассказывать сказки. Разговор пошел о собаках.

– У нас, дядя, всего пять собак, а твою одну собаку не заменят.

– Кай.... Нет. Это просто пустой разговор. Слишком большую цену даешь, – обратно ответил старый охотник Дмитрий Тимофеевич Ладыков. – по-моему, это средняя собака. Эту собаку не хотел растить.

Немного посидел тихо, потом продолжил говорить:

– Была однажды у меня собака! Да, это была собака! У него была кличка Лыпи. Зверя лесного хорошо находила. А если, что со мной случится, никогда не бросала.

Старик приподнялся с места, где спал, забил трубку табаком и прикурил.

– Он вырос от хорошей собаки-бельчатницы – сказал старик, – мать пестрая была, как снегирь. Даже была кличка Снегирь. Однажды осенью пришел с охоты домой и вижу, принесла двух щенят. Я тогда не думал растить щенят. Тихонько взял щенят и отнес за стойбище и выбросил в снег.

Пока он говорил, трубка погасла. Заново прикурил. Потом продолжил разговор:

– Я думал, что все позади, прошло. А дело не так пошло. Собака как-то нашла щенят. Один замерз на морозе, а другой жив остался. Она его, где-то прятала, выходила, выкормила. Когда маленькая собачка начала самостоятельно ходить, мать домой привела.

Когда щенок попался на мои глаза, то сказал, пусть живет, раз живым остался. У него были толстые лапы, длинная шерсть. Уши были как у зайца, длинные. Тогда дал я ему кличку Лыпи. Прошло где-то около года, собака подросла. Стал выше своей матери.

В эту осень долго было тепло. Наступили морозы, я отправился к охотничьему стану и вдруг собака начала по бору бегать и что-то вынюхивать. Когда мама его лает на белок, он просто смотрит на верхушку дерева.

На добытую белку радуется, а лаять не лает. Только на третий день я услышал голос собаки. Он самостоятельно нашел белку, выстрела ружья не испугался. Белку я добыл и показал ему. Собака на белку даже внимания не обращает. Отрезал лап-

ки белки и отдал собаке. Первые дни добывал около 30 белок. Молодой пес находил около 7–8 белок.

Он с матерью не ходил. Иногда добывал белку его матери и к нему подходил. Почти месяц охотился в одном бору. Белок становилось все меньше. В это время снег был не глубокий. Собаки легко бегали.

Однажды случился со мной случай. Добытая белка застряла на верхушке дерева. Задумал дерево срубить. Взрослая собака попала под дерево и пропала. Но охотиться, не перестал. Лыпи начал хорошо искать белок. Он находил в день по 10–15 белок.

Ходить в лесу становилось труднее. Морозы стали сильнее. На ветви деревьев много снега нападало. Можно было идти домой, но у меня еще остались запасы дрови и пороха, и я решил еще немного поохотиться.

Был зимний день. Смотрю, собака ушла в лес. Определил, далеко ушла. Перешел через курью, начал кричать собаку. В эту осень я еще не ходил в эти края.

Отправился по курье вверх и на берегу заметил маленькую ель в снежном куржаке. Когда хорошенько разглядел, то заметил...

Старик немного посидел, молча, а потом сказал:

– Думаю: возможно, там дом! Может он там лежит!

Я спокойно думал:

– Может быть, я попаду или не попаду. Какой я мужчина. Нет у меня клада!

Начал думать о собаке, какую он помощь мне принесет. На такую страшную попытку я его еще брал. Только пошел рубить шест для проверки берлоги, слышу, собака стала лаять на белку.

– Что за животное, сюда не идет – думал я.

Дерево, которое рублю вот-вот упадет. Когда в мою сторону отлетела щепка, я отодвинулся. И тут медведь на меня вышел. Схватил я ружьё, взвел курок.

В доме все замолкли. Никто не разговаривает. Мы ждем, что дальше будет говорить старик. Но он немного молча посидел, потом набил табаком трубку, прикурил и продолжил рассказ:

– Я слышал одно, как выстрелило моё ружьё. – Когда он об этом говорил, он тяжело вздохнул и сказал:

– Еле-еле ощущаю, что кто-то давит на грудь. Тяжело и трудно дышать. Слышится лай собаки. Начал приходить в соз-

нение. Действительно, собака лает. Открыл глаза, вижу, собака борется с медведем, а медведь на мне. Мой пес сильно и смело борется. Медведю даже повернуться не дает. Когда близко к воде подошли, я уловил момент и вывернулся из-под медведя.

В этот момент вытащил из ножен свой нож. Когда медведь был рядом, я изо всех сил вонзил нож в него. Медведь, как тяжелый, упал на землю. Я поднялся на ноги, а собака еще сильнее начала лаять на медведя, через какое-то время успокоилась. Подбежал ко мне и положил лапы на колени. Я погладил собаку, похвалил.

Старик вытер слезы, положил табак в трубку, прикурил и говорит:

– Тогда чуть я из жизни не ушел. На щеке медведь оставил след.

Потом показал нам щеку.

– С той поры прошло много времени – говорил он, – но этого никогда не забуду. Если бы не было у меня такой собаки, то от медведя бы не ушел.

(перевод Л. В. Молдановой)

Вопросы и задания

1. Составьте классификацию сказок Г. Д. Лазарева.
2. Выделите в сказках Г. Д. Лазарева типичные черты волшебной сказки и сказки о животных.
3. Назовите отличительную черту сказок Г. Д. Лазарева.
4. Сравните сказку Г. Д. Лазарева «Как бурундук стал полосатым» с одноименной хантыйской народной сказкой. Выделите элементы, доказывающие / опровергающие авторскую стилизацию.
5. О чем свидетельствует засохшая кровь на стреле в сказке Г. Д. Лазарева «Ратпар-Хишпархо»?
6. Можно ли в сказке Г. Д. Лазарева «Сова и Чирок» разделить персонажей на отрицательных и положительных? Обоснуйте свой ответ.
7. Традиционна ли для сказочного жанра композиция сказок Г. Д. Лазарева? Аргументируйте свой ответ.
8. Юмор, сатиру или иронию использует Г. Д. Лазарев в рассказе «Катанье на лесе»? Ответ обоснуйте.
9. Составьте типологию героев рассказов Г. Д. Лазарева.
10. Эволюцию кого из героев можно наблюдать в рассказе «Непа ранили»?
11. Какие художественные методы встречаем в рассказе «Непа ранили» Г. Д. Лазарева?
12. Чем обосновывается в рассказе «Непа ранили» желание Микуты найти браконьеров?
13. Можно ли утверждать, что в основе рассказа Г. Д. Лазарева «Непа ранили» конфликт и трагедия? Докажите свою точку зрения.
14. Какие средства использует Г. Д. Лазарев в рассказе «Медведица-рыбачка», создавая картины природы?
15. Назовите приемы, используемые автором, для создания образов в рассказах.
16. Назовите рассказы Г. Д. Лазарева, в которых автор одновременно является и героем произведения?
17. Как изменяется время и пространство в рассказах Г. Д. Лазарева? Обоснуйте свое мнение, приводя примеры из текста.

18. Можно ли утверждать, что сюжет и композиция рассказов Г. Д. Лазарева традиционны для жанра? Аргументируйте свой ответ.

19. Выполните идейно-художественный анализ одного из рассказов Г. Д. Лазарева.

20. Как Г. Д. Лазарев определяет жанр произведения «Обь»?

21. Какую славу в народе получает дерево согласно стихотворению Г. Д. Лазарева «Лиственница»?

22. К какому жанру устного народного творчества обращается часто Г. Д. Лазарев в своих лирических произведениях?

23. Назовите основные мотивы лирики Г. Д. Лазарева.

24. Какой жанр устного народного творчества положен автором в основу стихотворения «Лиственница»?

25. Можно ли утверждать, что выбор героини в стихотворении Г. Д. Лазарева «Девушка из тайги» сделал ее счастливой? Аргументируйте свой ответ.

26. Какую фольклорно-литературную параллель использовал Г. Д. Лазарев в стихотворении «Дети одной семьи»?

27. Какой троп помог автору создать образ реки в стихотворении «Обь»?

28. Можно ли утверждать, что любовь – это основное чувство, которое испытывает лирический герой стихотворений Г. Д. Лазарева к природе родной земли? Докажите свою точку зрения.

ЛЕОНИД ВАЙВЕТКИН

ПЕСНЯ РЫБАКА

Стали дни к весне длиннее,
Солнце землю согревает:
И рыбак спешит скорее,
Весновать он начинает.
День погодный! Ясный вечер.
Ветра нет и тишь такая...
Только слышны взмахи крыльев
Молодой гусиной стаи.
Гладь зеркальная тиха,
Лодку ласково качает.
Вот в такие вечера
Рыба в сети попадает.
Лодку рыбой нагрузив,
По течению пускает.
Незатейливый мотив
Тишь речную нарушает:
«Я седой рыбак-старик,
От купцов я видел горе,
Я к своей нужде привык,
Век рыбака на просторе.
Жил я в горечи и тьме,
Лишь при новой Красной власти
Улыбнулось солнце мне, —
Я направил лодку к счастью».
(перевод В. Сенкевич)

НАША ШКОЛА

Где был лес дремучий.
Где медведь шагал,
Волей партии могучей
На урмане город стал.
Не могло присниться дедам,
Что из тьмы тайги глухой
Внуки выедут учиться
В светлый город молодой.
В городе советском новом
С каждым годом жизнь светлей.
Там хантыйская есть школа –
Школа северных детей.
Там за книгой и тетрадью,
Время весело бежит –
Все мы счастливы и рады,
Путь широкий нам открыт.
Взвейся песня звонкой пташкой
Над безбрежною тайгой,
Чтоб услышал радость нашу
Сталин – наш отец родной!
(перевод В. Сенкевич)

Вопросы и задания

1. Проанализируйте стихотворение Л. Вайветкина «Песня рыбака».
2. К какому жанру устного народного творчества обратился Л. Вайветкин в этом произведении?
3. Определите рифмовку, рифму и размер стихотворения «Наша школа» Л. Вайветкина.
4. Что определяет категорию счастья в стихотворении Л. Вайветкина «Песня рыбака».
5. Составьте систему тропов лирической мастерской Л. Вайветкина, опираясь на приведенные выше произведения. Какому тропу отдает предпочтение поэт?

ДМИТРИЙ ТАРЛИН, ГРИГОРИЙ ВАЙВЕТКИН

ОКТЯБРЬСКАЯ ПЕСНЯ

Эта напевная складная песня
Октябрьской песней зовется,
Эта напевная складная песня
Хантыйским народом поется.
Пусть эта песня тысячу лет
Народами всеми поется,
Хантыйским народом, увидевшим свет,
Пусть эта песня поется.
При царе кулаки и шаманы
В богатстве и сытости жили,
А наши бедные ханты,
Голодая, на них трудились.
По хорошим ленинским заветам,
По хорошим сталинским словам
Нет слез, слез в стране Советов,
Хорошо живет беднякам.
По хорошим ленинским словам
Дружно мы живем в колхозах.
Хорошо живет нам
В наших северных колхозах.
По хорошим ленинским заветам,
По хорошим сталинским словам
Радостно в стране советской
Учиться ханты-рыбакам.
(перевод В. Сенкевич)

Вопросы и задания

1. Проанализируйте стихотворение Д. Тарлина, Г. Вайветкина «Октябрьская песня».
2. К какому жанру устного народного творчества обратились поэты в этом произведении?
3. Определите, какой троп преобладает в произведении Д. Тарлина, Г. Вайветкина?
4. Какую роль играют повторы в данном произведении?

ДМИТРИЙ ТЕБЕТЕВ

ХАНТЫЙСКАЯ ПЕСНЯ О ЛЕНИНЕ

Владимир-то Ильич
Мудрым человеком он родился,
Владимир-то Ильич
Смелым человеком он родился.
У мужчин-то богатых много хитрости –
Он это узнал и увидел.
У богатых-то женщин много забав –
Он это узнал и увидел.
Проверил, словно оленью одежду,
Так он проверил, узнал людей,
Проверил, словно оленьи кисы,
Так он проверил, узнал весь свет.
Угнетенных нуждою много мужчин,
Угнетенных несчастных много женщин,
Богатых, брюхатых много мужчин,
Денежных хитрых много женщин.
Кровь-то бедняцкую они так и сосут,
Кости-то бедняцкие они сгибают.
Владимир-то Ильич
Мудрым человеком он родился,
Угнетенных нуждою много мужчин,
Угнетенных несчастных много женщин.
Словно сто стерлядей в одну связку связал,
Он их вместе собрал, соединил.
Всех их собрал, эх да!
Теперь в рыбной России общие воды,
В ягельной России общие пастбища:
Хорошо закончилось их первое дела,
Хорошо закончилось их второе дело:
Богатых, брюхатых не стало мужчин,
Денежных хитрых не стало женщин.
Равных хороших много людей,

Равных простых много, эх да!
Равных трудящихся много людей,
Хороших трудящихся, эх да!
Угнетенных прежде – много мужчин,
Угнетенных раньше – много женщин.
С веселыми лицами хорошо живет:
Вперед они смотрят и видят радость,
С веселыми лицами хорошо живут,
Вперед они смотрят и видят счастье.
(перевод В. Сенкевич)

ПЕСНЯ О ВОРОШИЛОВЕ

Климент Епрем Ворошилов,
Нашу землю охраняющий,
Климент Епрем Ворошилов,
Мудро крепость укрепляющий.
Восемнадцатый год далекий
Красной армии славный путь.
Про ее двадцатилетие
Он с мудростью складно, напевно
Сильным голосом пел, говорил,
Он с мудростью складно, напевно
Звучным голосом пел, говорил.
Наша родина – место родное,
Золотой травой поросшая страна.
Сухопутные далекие границы
И водные границы широки,
Как железную стальную крепость,
Прочно укрепили мы:
Верной крепостью большою
Крепко мы окружены.
Из чужой земли, страны далекой,
Крестогрудая зубастая собака,
Если только нападет на нас,
Крестогрудая когтистая собака,
Пусть попробует на нас напасть, –
Кровожадных, как зверей, разыщем,

Пусть попробует на нас напасть,
Кровожадных, как зверей, затравит
Наша родина – наша земля.
Молодых гусей веселая земля
Наша родина – место родное.
Сухопутная граница наша, –
К ней никто не подойдет.
Водная граница наша, –
К ней никто не подплывет.
Победим зубастую собаку,
Раскидаем мясо на куски.
Крестогрудую когтистую собаку
До последней капли уничтожим мы.

Климент Епрем Ворошилов,
Нашу землю охраняющий,
Климент Епрем Ворошилов,
Мудро крепость укрепляющий.
Гусиными крыльями звенящая земля
Наша родина – место родное.
Утиными крыльями звенящая земля
Наша родина – место родное.
Наши сухопутные границы
Так он крепко укрепил;
Наши водные границы
Так он крепко защитил,
Что, как птица, враг крылатый
К нам не долетит, и ползучий зверь проклятый
К нам не доползет.

Молодая, песнями звенящая земля,
Птицею вперед стремится,
Молодая, сказками звучащая земля
Весело вперед стремится.
(перевод В. Сенкевич)

Вопросы и задания

1. Проанализируйте стихотворение Д. Тебетева «Хантыйская песня о Ленине».
2. Как вы думаете, почему именно песня – жанр устного народного творчества, стала основой произведений Д. Тебетева? Аргументируйте свою точку зрения.
3. Определите рифмовку и рифму стихотворения «Песня о Ворошилове» Д. Тебетева.
4. Какую роль играют повторы и параллелизмы в произведениях Д. Тебетева?
5. Какие поэтические средства использует автор в своих произведениях? Выпишите их из текста.

МИКУЛЬ ИВАНОВИЧ ШУЛЬГИН

ТРОПИНКА

Деревьев и трав полукружье –
В хантыйской деревне рассвет...
Зимою морозной и вьюжной
Я здесь появился на свет.

Чтоб стать настоящим мальчишкой,
Таким же бедовым, как все,
Я бегал – сверкали лодыжки! –
По травам в студеной росе.

Мое полотенце – ветер.
Меня умывали дожди.
...Как детство прошло, не заметил.
Но вот к нему тропка... Гляди!

Бежит от березки к рябинке –
До неба, у звезд на виду.
Быть может, по этой тропинке
Я и сегодня иду.
(перевод В. Кузнецова)

РОДНОЕ

Здравствуй, край ты мой родимый,
Алый флаг на небосводе!
Пусть, разламывая льдины,
Песни хлынут половодьем.

Оживут в них наши предки,
Что умели ладить луки.
Да, стрелу пускали метко
Их удачливые руки.

И в тайге, среди заносов,
Я храню лесной обычай.
Мои лыжи остроносы
И легки совсем по-птичьи.

Я выслеживаю зверя,
Будь то белка или соболь.
Не подвластный суеверьям,
Я не жду судьбы особой.

Здравствуй, мой народ свободный,
Край, где в чаще небосвода
По-над Обью полноводной –
Песни моего народа!
(перевод В. Кузнецова)

ЯЗЫК

Будто олени бредут
По мхам тайги вековой,
Будто бы рыбы плывут
В струях Оби ледяной...

О мой родной язык,
Как ты мне дорог и мил!
Через тебя я постиг
Этот огромный мир.

Ладен, звучен, пригож –
Я жить без тебя не могу.
Острей, чем охотничий нож,
Ярче костра на снегу.

Огромен, словно тайга.
Глубок, как могучая Обь.
...Предскажешь, когда пурга.
Подскажешь, где гиблая топь.

Для друга, для милой моей,
Для тех, кто к добру не глух,
Журчишь ты, словно ручей,
Нежно лаская слух.

Но если объявится враг,
Не кончится дело добром:
Огнем разрывая мрак,
Ты прогремишь, как гром!

И этот могучий зык
Услышит седой Урал.
О родной мой язык,
Ты моей песнею стал.
(перевод В. Кузнецова)

ИЗ ПРОШЛОГО

Мать в немой тоске передо мною,
И от слез в глазах ее –
Туман.
Ударяя в бубен,
Сатаной
Нас страшает, дергаясь, шаман.

Губы закусив от дикой боли,
Весь в жару я и не жду добра...
Лишь сестренка, не мирясь с судьбою,
Студит лоб мой, сидя до утра.

Бьет шаман, свой бубен не жалея,
Отирая рукавами пот.
Прыгает, от ярости шалея,
Словно душу черту продает.

В печке – жар, там хвойных смол кипенье;
Ходит дым, в глухой трубе сипя.
Деревянных идолов терпенье

Вывело шамана из себя.

...Что мне боги,
Что мне злые черти?
Я судьбу, поверьте, не корю.
Русский доктор спас меня от смерти,
И ему спасибо говорю.
(перевод В. Кузнецова)

ТАЙГА

Ветры пахнут сосновой корой.
Каждый ствол, словно солнечный луч.
Световой забавляя игрой,
Кедр касается кроною туч.

Красной девицей в терему,
Ветви-косы свои расплетя,
Наклонилась березка к нему,
Что-то ласково шелестя.

Древний лес... Голубая тайга!
И под солнцем, и под дождем
Ты мне, словно бы жизнь, дорога:
Ты для хантов – родимый дом.
(перевод В. Кузнецова)

БЕЛКОВЩИК

Птицы в лесу попритихли давно,
Елка в сугробе, как чум.
Месяц сверкает. Уже темно.
Дремлет ветер-ворчун.

Узорчатый след оставляют кисты
На свежем, мягком снегу.
Именно в эти ночные часы
Охотник уходит в тайгу.

Вот озарились едва-едва
Вершины Урала вдали –
Словно коралловые острова
На самом краю земли.

Синие тени высоких стогов,
Сена морозный дух...
Охотник не слышит своих шагов,
Хоть весь обратился в слух.

Он взглядом скользит по мохнатым стволам,
Крепко сжимая цевье.
И падает белка к его ногам,
Едва он скинет ружье.

Вот так почти до самой весны
Живет он верой в успех
И добывает для целой страны
Теплый беличий мех.

...Птицы в лесу попритихли давно,
Елка в сугробе, как чум.
Месяц сверкает. Уже темно.
Дремлет ветер-ворчун.
Узорчатый след оставляют кисы
На свежем, мягком снегу.
Охотник по звездам сверяет часы,
И кедров вокруг ни гу-гу....
(перевод В. Кузнецова)

СЕВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ

Вот он – северный олень,
Белый, словно снег.
Пусть сугробы до колен,
Легок его бег.

Я сожму в руках хорей,
Только кину взгляд,
Только лихо крикну: «Эй!» –
Все скорее и скорей
Нарты полетят.

Среди снежной кутерьмы
В тундре голубой,
Сквозь дыхание зимы –
Солнечной стрелой!..

Друг мой – северный олень,
Белый, словно снег.
Он в сугробах до колен
Не убавит бег.
(перевод В. Кузнецова)

НОЧЬ

Небо голубое,
Ночь светлым-светла.
Помолчим с тобою,
Тихая ветла.

Птицы попритихли,
Но зато звончей –
Это не про них ли –
Все журчит ручей?

В тонях дремлют сети.
Лодки – кверху дном...
Только на рассвете
Мы с тобой уснем.
(перевод В. Кузнецова)

За осокой сверкают весла,
Словно там крадется лиса.
И кружат над водой, словно блесны,
Белокрылые паруса.

Нынче промысел тронется в гору –
Косякам здесь потерян счет!
По Оби в эту самую пору
Не вода, а рыба течет.

Ах, река, тобою обласкан,
Я стою с просветленным лицом...
Словно песня ты, словно сказка
С очень добрым, счастливым концом.
(перевод В. Кузнецова)

КОСАЧИ

Я забрался в лесной шалаш.
Где-то рядом журчит ручей.
Не входя в охотничий раж,
Поджидаю тут косачей.

Не стрелять – я пришел посмотреть
На диковинный брачный обряд.
Старый кедр привстал, как медведь
Будто впрямь принимает парад.

И луна – золотистый карась –
Точно в омут, ушла во мрак.
Чу!.. Чуфыкая и сердясь,
Косачи скатились в овраг.

Сшиблись двое – аж перья летят!
Щедро первая кровь течет.
А невесты тихо сидят,
Словно вовсе они ни при чем.

Вот проклюнулся солнца глаз,
Покатались лучи по тропе.
Не зря – словно кровь запеклась
На кустарнике и на траве.

И взлетели вдруг косачи,
Видно, с дракой кончать пора.
Что тут скажешь им?.. Циркачи!
До чего природа мудра!
(перевод В. Кузнецова)

МАЙ

Дочери Наташе!
Здравствуй, веселый май,
Ты словно мед янтарный!
Ветку сирени сломай,
И день зазвенит, светозарный.

Тонкий запах весны
В дыхании свежего ветра:
Горький – привкус сосны,
Терпкий – столетнего кедра.
Стало совсем тепло,
А синевы – изобилье.
Золото солнца стекло
С широких лебяжьих крыльев.

Даже в оврагах – уют,
Подснежники – словно свечки.
Звонкие песни поют
Лесные ручьи и речки.

Причудливы свет и тень –
Как золотые мониста.
Словно пятнистый олень,
Стала земля пятнистой.

Здравствуй, песенный май,
В трепетных наших знаменах!
Ветку сирени сломай,
И встретишь улыбку влюбленных.

Сладкий березовый сок,
Словно вино молодое.
Зайди в молодой лесок
И пей его прямо с ладоней.

Розы еще не цветут,
Но отступает холод.
Песни и там, и тут,
Ведь каждый сегодня молод!
(перевод В. Кузнецова)

ГДЕ ТЫ БРОДИШЬ?..

Где ты бродишь,
Моя любовь,
Моя ласка,
Моя мечта?..
Купол неба
Такой голубой!
Без тебя мне жить –
Маята.
Тебя вижу
В тревожном сне –
Золотые глаза твои...
Ты прислушайся,
Как по весне
Запевают в саду
Соловьи!
Твои руки, как два крыла,
Твои губы, как лепестки...
Ты с ума меня напрочь свела,
И сгораю я
От тоски!

Где ты бродишь?..
В каком краю?
Я любовь к тебе
В сердце ношу.
Для тебя я сегодня пою,
Ты услышь и откликнись...
Прошу!
(перевод В. Кузнецова)

ПЕСНЯ ЖАВОРОНКА

В поднебесье жаворонок весело поет –
Солнечный бубенчик над родной землей.
Пусть весна вершит свой голубой полет,
Пусть заря встречается с новой зарей!

Пусть растают льдины вечной мерзлоты
В этом разнотравном лиственном раю.
Пусть под солнцем вспыхнут синие цветы,
Пусть цветет черемуха в песенном краю.

Словно в белых платьях тысячи невест,
Словно свадьбы звонкие шествуют рекой.
Слушать песню жаворонка мне не надоест,
Сызмала не знаю я другой такой.
(перевод В. Кузнецова)

АВГУСТ

Ветер в кустах куролесит,
Листья вовсю беребя.
Август, хороший месяц,
Мне не забыть тебя!
Многого не понимая,
Приумножая грехи,
Думал, что только о мае
Буду писать стихи.

Но август навеял думы,
И вот я шагнул в луга,
Где вырастают, как чумы,
Свежего сена стога.
И над волною плотной,
Бортами дробя синеву,
Рыбацкие легкие лодки,
Как чайки, хватают плотву.
Плывут по Оби караваны. –
Туда, где и нефть, и газ,
Где зябкие синь-туманы
Над вежами дальних трасс.
На новостройки края
Люди спешат, как домой.
И волны, под солнцем играя,
Бегут за широкой кормой.
Над палубой теплохода –
Легкие облака.
О, как влюблена в работу
Родная моя река!
Цепочка плотов за буксиром,
Словно бы стайка утят.
Август бушует над миром,
Но листья еще не летят.
И я не то чтобы весел –
Я от любви хмельной!..
Август, счастливый месяц,
Будь навсегда со мной!
(перевод В. Кузнецова)

В МЕДВЕЖЬЕМ БОРУ

В медвежьем бору, где зверь был не пуган,
Где золотом солнце кропило тайгу,
Сегодня на всю голубую округу
Пилы поют на крутом берегу.

Падают грузные сосны и кедры,
Им в этом небе уже не шуметь...
Вдруг на делянку, взъерошенный ветром,
Вышел, шатаясь, матерый медведь.

Все мы, признаться, от страха застыли:
Пила – не ружье, да и зверь не дурак...
А мишка поскреб свой косматый затылок,
Смерил нас взглядом и канул в овраг!

Там, где когда-то кедровые шишки
Падали глухо на мшистый ковер,
Встали людьми сотворенные вышки,
Гулом моторов озвучен простор!

Через болота пробились дороги,
Люди здесь дивное диво вершат...
Да, не отыщется тихой берлоги,
Пора на восток уводить медвежат.
(перевод В. Кузнецова)

ГРОЗА

Ветер вдруг загрохотал.
День чернее ночи стал,
Точно ворона крыло
С неба радугу свело.
Уж не ветер –
Ураган!
От дождя –
Сплошной туман.

Струи хлещут, как кнутом,
В мире яростном, крутом.
Ветвь зеленого огня
Ослепила вмиг меня.
И в долине, за бугром.
Прокатился грозный гром,
Словно рухнул небосвод
С этих пламенных высот!
Колесницей по камням –
Эхо здесь и эхо там.
Вот и замерло вдали,
На другом конце земли.
И поверилось: сейчас
Вновь проглянет солнца глаз.
(перевод В. Кузнецова)

ОСЕНЬ

Сколько щедрого света
Струит небесная просинь!
Хорошее было лето.
Пришла золотая осень.

Над лесом и над полями
Плывут облака несмело.
Словно костры, поляны
Красны от брусники спелой.
Волны выходят степенно,
Блики на них, как звезды.
И ароматом сена
Пронизан пойменный воздух.

А на крутом откосе –
Птицы перед отлетом.
Им протрубила осень,
Словно и впрямь по нотам.

Побыли тут гостями
И улетают снова...
Воду я пью горстями
Из родника лесного.

Здравствуй, щедрая осень,
В рыжей шубейке лисьей!..
Стали студеными росы,
Стали багряными листья.
(перевод В. Кузнецова)

Милые наши девушки,
Славные наши красавицы –
Это давно подмечено –
Как полевые цветы:
С родной землей разлученные.
Словно бы осыпаются,
Блекнут глаза и губы их,
Перегорают мечты.
А на родной сторонushке
Каждая – красное солнышко.
(перевод В. Кузнецова)

МАМА

В маме души не чаю,
Нежности не таю.
В радости и в печали
Песню о маме пою.

Ни устали и ни скуки
Не признает она.
Словно стрижи, ее руки
Мелькают с темна дотемна.

Снежными, злыми ночами,
Лютый мороз не кляня,
Эти руки качали,
Выхаживали меня.

А ветер ревел медведем,
Трещал промороженный чум.
Ты все отдавала детям...
Тебе поклониться хочу!
(перевод В. Кузнецова)

МАСТЕР

П. Е. Шешкину

В дереве – яркая мысль,
Дерево дышит теплом...
Вглядитесь: Эква Пирьсь
Стоит, торжествуя над злом.
Ногой придавил змею,
Над головой – хорей.
И я восхищен: узнаю
Породу богатырей!
Взыскателен мастер. Строга
Рука... Ей стараться не лень.
...Стремительней, чем пурга,
Несется белый олень.
А рядом – оленивод
Распутывает аркан.
Олень будет пойман вот-вот –
Аж дрожь идет по рукам!
И эту охотничью дрожь
Я ощущаю сам...
Волшебный у мастера нож,
Не зря он творит чудеса!
Обычную чурку берет,
Которой мы топим печь,
Ножом поколдует, и вот
Дерево учится петь.

И песня эта свежа,
Как утренние облака...
Словно крыло стрижа,
Всегда в полете рука.
Слова мне не сказав,
Мастер кивнул головой,
И вижу: прищулив глаза,
Ильич стоит, как живой.
(перевод В. Кузнецова)

ОКТЯБРЬ

Словно белый мех,
Выпал первый снег.
Всюду – шутки, смех,
Здравствуй, добрый век!

Близкой ночи тень
Уж таит тайга.
Краснофлагий день
Подпалил снега!

Сосны сплошь в серебре,
Даль сквозная ясна...
Помнит мир: в октябре
Наступила весна.
(перевод В. Кузнецова)

ОТЕЦ

Помнит отец мой походы,
Привалы в лесу,
На траве.
В военные тяжкие годы
Сражался он на Неве.

В горячих буднях пехотных
Науку бойца постигал.

Природный таежный охотник,
Он опытным снайпером
Стал.

Он был и бесстрашен, и ловок,
Врага бил, как зверя, –
В глаз.
И те, кто сражался бок о бок,
Дружат с ним и сейчас.

От доблестных стен Ленинграда
Отец возвратился в тайгу.
И был наивысшей наградой
Наш праздник
В семейном кругу.
Он снял полевые погоны,
Сказал мне:
– Ну, хватит дремать!
Какая стоит погода,
Какая, сынок, благодать!
Я снова рыбак и охотник,
А это нам, хантам,
К лицу...
Как хочется мне сегодня
Спасибо сказать отцу!
За эту простую науку –
Всегда оставаться в строю.
Отец!
Я жму твою руку.
Я рядом с тобою
Стою.
(перевод В. Кузнецова)

Яношу, венгерскому другу

Смотри, как облака
Нависли парусами,–
Так, словно бы фрегаты
За обским тем бугром.

Гряда Уральских гор
За синими лесами.
И в высях назревает
Весенний первый гром.

Дарю тебе цветы
И этих рыб огромных.
Ты, Янош, их прими,
Ведь это – от души!

Ступи под свод тайги,
В зеленые хоромы,
Воочью убедись.
Как зори хороши.

Забудь язык войны,
Свиристельное то пламя,
Что даже и теперь
Слепит тебе глаза...
Пусть вечным станет мир!
Пусть буйствует над нами
Вся в искрах голубых
Веселая гроза!..
(перевод В. Кузнецова)

УЛЕТАЮЩИМ НА ЮГ ПТИЦАМ

В шалаше уютно под густым навесом,
Тут ружье при деле, что ни говори.
Показались гуси над осенним лесом,
Золотые гуси в отблесках зари.

Я приклад приладил, взвел курки привычно,
Вот еще минута – и пальну в рассвет!..
Только – нет! Нарушу дедовский обычай.
Передайте, гуси, Африке привет!

Вы летите, гуси, не пугаясь дроби:
Только взгляд мой долгий полетит вам вслед.
От высоких кедров, от лугов Приобья
Передайте, гуси, Африке привет!

Пролетайте гордо, как посланцы мира,
На широких крыльях донесите свет.
Голубому Нилу, древнему Каиру
Передайте, гуси, пламенный привет!

На одном порыве, на одном дыханье
Через гул пространства, через бури бред
Из тайги хантыйской, от поэта-ханта
Донесите, гуси, Африке привет.

Не рассеют ветры вашей дружной стаи,
Пусть вам хватит солнца на десятки лет.
Чтобы все мы, люди, сердцем ближе стали,
Передайте, гуси, Африке привет.

А когда вернетесь на просторы наши,
Завершив нелегкий со стихией спор,
Как родных вас встретят солнечные чаши,
Голубые чаши северных озер.
(перевод В. Кузнецова)

УТРО

Светает...
Совсем еще ранний рассвет.
Светает.
Ни плеска, ни шороха

Нет.
В гнездах спят птицы
Предутренним сном...
Успеют,
Еще напоятся –
Потом.
Сизый кустарник
Промок и продрог.
От камышей
Потянул ветерок.
И поднимается
Серый туман
Над полукружьем
Таежных полян.
Важно к реке
Спускается лось.
Солнце на холке его
Запеклось.
(перевод В. Кузнецова)

Тайга с нами тайнами делится щедро
В долинах своих и распадах.
Вот белка застыла на ветке кедра
С кедровою шишкой в лапках.

А вот глухарь – очень важная птица
На залитой солнцем поляне.
Он словно и впрямь никого не боится
В этой седой глухомани.

А вот следы – их постичь интересно,
Ведь это повесть о звере...
Брожу без ружья ясным утром воскресным
Мне дарит природа доверье.
(перевод В. Кузнецова)

ОБЬ

Восхищаясь безмерным простором,
На крутом берегу я стою.
Узкий мыс отклоняет в сторону
Голубую речную струю.

Паруса режут звонкий воздух
И гудят под ветром, крепки.
Блики солнца, словно бы звезды
Над таинственной глубиной реки.

Где-то ровно гудят буровые,
А с верховьев плывут плоты.
Вдоль по берегу – даровые,
Как огонь голубые, цветы!

И галдят перелетные птицы –
Не узнать им родные места.
В стройки Века смогла воплотиться
Человечья большая мечта.

Города, поселки, дороги
У Великой и Вечной Воды.
Это все совершили не боги,
Это наши с вами труды.

Вижу я, как рыбацкие лодки,
Выгребая, идут на волну.
И сноровко идут, и ходко –
Им не быть у ветра в плену.

А поодаль гудят теплоходы –
Видно, гости издалека.
Величаво несет свои воды
Работящая Обь-река.
(перевод В. Кузнецова)

БАКЕН

Путь по Оби темной ночью не прост.
Осень. Ни проблесков лунных, ни звезд.

Только – за всплесками – шорох лесов,
Гулкие вскрики полуночных сов,
Да фосфорический отсвет берез
Там, где угрюмо чернеет утес.

Вот из-за острова, остро лучась,
Вдруг огонек засиял, словно глаз.

Будто бы крик в этой волглой ночи:
«Мель! Осторожно! Не наскочи!»
И капитан скажет: «Право руля!»
Так выверяется курс корабля.

Что засмотрелся ты, юный поэт?
Хочешь маячить, а опыта нет?
Не огорчайся. Мужай и свети!
С этой мечтой ты на верном пути.
Смело шагай и рассеивай мрак,
Пусть твое слово горит как маяк!
(перевод В. Кузнецова)

КОСТЕР В ТАЙГЕ

Мой костер! Колебля
Этот зыбкий мрак,
Поднимайся к небу,
Словно красный флаг!

Этой ночью лунной
Не уснуть тебе.
Ты затронул струны
Главные в судьбе.

Вот – добытый соболь.
И зайчишка есть.
Попетлял по сопкам,
Надо знать и честь.

Кто в тайге начальник?
То-то. Примечай!
Закипает чайник,
Скоро будет чай.

Много ли осталось
Нам таежных верст?
И не в счет усталость.
Хоть сейчас – до звезд!

Не такие годы,
Чтобы жить в тепле.
По душе погода
На родной земле.

Затяну-ка песню,
Подпевай, костер!
Ты не зря над лесом
Крылья распростер.
(перевод В. Кузнецова)

МЕДВЕЖЬЯ ПЛЯСКА

Выше, музыка, полет!
Пол грохочет,
Пол хохочет,
Под ногами пол –
Поет!

Громче, друг!
Шире круг!
Посмотри,
В рубахе красной

Вышел парень –
Сокол ясный!

На лице у парня маска.
Вот он топнул, как медведь
Это ж вам – медвежья пляска!
Надо топать и реветь.

И пошел,
Пошел по кругу,
По-пустому не пыля.
Лихости на всю округу –
Не крутись, стой, земля!
Пляшет парень, как учили.
Все мы пляшем – Мо-ло-дцы!
Пляшем в том же самом стиле,
Что и деды, и отцы.
Удалой хантыйский танец.
Подивился б иностранец.
Щедро на пол каплет пот –
Выше, музыка, полет!

Словно бы пурга крепчает –
Так отчаянно качает...
Где такое встретишь, друг?
Шире круг! Шире круг!
(перевод В. Кузнецова)

ВЕРТОЛЕТ

Вместе с отцом и дедом
Смотрим во все глаза.
Висит вертолет над кедром,
Словно бы стрекоза.

Вот повисел и ходко
Пошел бочком в облака,
Точно крылатая лодка

От свежего ветерка.

Не говорим, как о чуде.
Почту привез, и – привет!
...Такое придумали люди,
Чего и в сказаниях нет!
(перевод В. Кузнецова)

ОВОЩИ

В давние, глухие времена
Овощи нам с юга привозили.
С бочками зеленого вина
В трюмы пароходные грузили.
Но судьба
Не зря у вас в руках:
И в тайге, и в тундре
Есть совхозы.
В теплых застекленных парниках
Созревают овощи
В морозы.
Это ж только вдуматься:
В краю.
Где пурга во мраке землю лижет!..
Радости своей не утаю:
Юг и Север
Вправду стали ближе!
(перевод В. Кузнецова)

ПУТИНА

Дружная рыба стая
В реке, как в котле, кипит.
Невод едва опростаем,
Как снова он в волны летит!

Там ему самое место,
Там его ждет успех.

Обская рыба, известно.
От века пригожа для всех.

Славная нынче путина,
Резервы все учтены,
И этот улов коллективный –
В общую чашу страны!
(перевод В. Кузнецова)

Словно плывущие облака,
Песня парит над тайгой.
Будто бегущие облака,
Песня звенит над рекой.
В чаше неба, под самой луной,
Плещет в Звездном Ковше...
Эта песня всегда со мной,
Навеки в моей душе.
(перевод В. Кузнецова)

СТРЕЛЫ

У деда
Меткость вошла в обиход.
Он стрелы берег про запас.
Утку бил он, как правило, влет,
Белку и соболя – в глаз.

Туго натягивал тетиву,
Хоть был я с берданкой знаком.
Я, может быть, потому и живу,
Что дед был метким стрелком.

Хочу трудиться до петухов,
Как только дед и умел,
Чтоб были строки моих стихов
Острее и метче стрел.
(перевод В. Кузнецова)

ЛЫЖНЫЕ ГОНКИ

Г. Ильину

Наряжен и голосист,
Ликует Ханты-Мансийск.
Народу – хоть пруд пруди,
И праздник у всех на груди.
Сегодня в Долине Ручьев
И вправду всем горячо!
Флагов спортивных плеск,
Синего снега блеск.
И над округой всей –
Шутки и смех друзей.
Сколько задора, огня!
Под солнцем сверкает лыжня.
Башкирия и Кузбасс,
Омск, Томск и КамАЗ,
Калинин, Калуга, Ростов
Прислали своих сынов.
Посланцы целой страны
Оспорить кубок должны,
Чтобы прославить суметь
Большую Тюменскую Нефть.
Дан старт, я – вперед, вперед!–
С пригорка за поворот,
И, как пожеланье побед,
Кедры машут вослед...
...Вот так же в пурге голубой
Шли парни когда-то в бой...
...Но все убыстреннее бег.
Лицо остужает снег.
И парень могучий, как лось,
Вырвался!... Удалось!
Опередил он всех,
Вот он – спортивный успех!
(перевод В. Кузнецова)

ЗИМНИЙ ЛЕС

В серебре-огне
Мой кедровый лес
Головой достал
До седых небес.

Он в снегу по грудь,
Словно заяц, бел.
И под стать ему
Лунный свет, как мел.

Он не просто лес –
Он вселенский мост:
Корни тут, в земле,
Кроны там, средь звезд.

Чутко замер лес,
Словно чуда ждет.
По стволам его
Долгий гул идет.

Чу! Олений бег,
Громкий говор вдруг.
– Эй, садись, подвезу!
– Эй, не мешкай, друг!
(перевод В. Кузнецова)

ПОДЛЕДНЫЙ ЛОВ

Белым покрывалом
Снег лежит в тайге.
За крутым увалом –
Тропочка к реке.

А мороз жжет руки,
Склеивает сеть.
С толком, по науке
Надо все уметь.

Я пешнею острой
Лунки продолблю.
Это очень просто.
Дело я люблю.

Капюшон откину,
Стужа не страшна.
Разогнуть бы спину –
Аж трещит спина!

Словно бы по струнке,
Протяну шестом
Сеть от лунки к лунке...
Отдохну – потом!

Родине – спасибо.
Здесь я рос и креп.
С детства знаю: рыба –
Это тот же хлеб.
(перевод В. Кузнецова)

Пусть мороз,
Пусть молчат озябшие птицы,
А поземка взметает снега.
В жилах смелых охотников – кровь, не водица,
Не страшна им ночная тайга.

Пусть под звездным сияньем
Колышутся сосны,
А сугроб, как песок голубой.
Мне, привыкшему к стуже, не страшно без солнца
Не расстаться бы только с тобой!

Пусть мороз,
Пусть молчат озябшие птицы,
И река окована льдом –

Сквозь пургу, сквозь мороку сумею пробиться
В твой, за синими далями, дом.
(перевод В. Кузнецова)

АВКА

Звезды по небу ползут, как мурашки.
Бойко летят молодые олени!
Авка-вожак во главе упряжки,
В срок получит почту селенье.

С посвистом легким, с веселым азартом
Мимо сугробов, по мелколесью,
Мчатся сквозь сумрак легкие нарты,
Как тут не вспомнить задорную песню!

Где-то за речкою – аэросани
Тоже поют над широким простором.
Рыжие блики на сосны бросает
Свет электрический – за косогором.

Малицу сплошь обметал колкий иней,
Кисы стали белыми, как горностаи.
Не испугаюсь стужи я синей,
Петь свою песню вовек не устану!

Мчится вожак над снегами, как птица.
Все здесь нам близко, все нам знакомо
Брошу хорей и стяну рукавицы:
«Авка, спасибо!.. Вот мы и дома!»
(перевод В. Кузнецова)

СЕРДЦЕ

Сердце, работай, не уставая,
Нам песни с тобою петь!
Жизнь и людей с каждым днем познавая,
На мир с любовью смотреть.

Видишь, сосульки на крышах, как пики,
Капели, как бусы, светлы.
И остро дробятся веселые блики
В ручье, что журчит у ветлы.
А почки набухли у ней на макушке,
Отволгла под солнцем кора...
Цветут на носах у девчонок веснушки,
И птицы щебечут с утра.
Подснежник ликует,
И, словно из меди,
Трубит вековая сосна.
Сердце, ведь ты не медведь,
А медведю
И то весной не до сна.
Сердце, отринь все, что постно и пресно –
Хватит над строчкой корпеть!
Всегда за душой
Есть заветная песня,
Ее-то и надо нам спеть.
(перевод В. Кузнецова)

ДОЧЬ НАРОДА

Платье красное,
Как флаг.
Очи ясны,
Легок шаг.

Обувь ладная
На ней.
Нет стройней
И нет умней!

Тяжела
Ее коса,
Но нежна
Ее краса.

Щеки пышут –
Маков цвет.
Краше нет,
Добрее нет.

Бровь не бровь,
А рог луны.
Парни в девку
Влюблены.

Улыбается
Она.
Тоже, видно,
Влюблена.

Ей на днях
Вручен мандат.
Дочь народа –
Депутат.

Я стою,
Смотрю ей вслед.
Вот он –
Новой жизни свет!
(перевод В. Кузнецова)

ЧАЙ

В том распадке, за бугром, -
Спелый дух коры.
Искры тают над костром,
Словно комары.

Ты, тайга, нас привечай,
Принимай наш пот.
Пьем густой заварки чай
После всех хлопот.
(перевод В. Кузнецова)

Горсть воды тяжела,
Как ружейная дробь.
А тайга нажила
Сотни тропок и троп.
И по этой тайге
Средь кустов ивняка
Шла по горло в шуге
Молодая река.
Тяжелы были льды,
Да и камни не мед...
Ты учись у воды
Перемалывать лед.
(перевод В. Кузнецова)

ПОЛЕТ НА «ЯК-40»

Над вашим таежным простором,
Ветрами продутым насквозь,
Стремительно-стройный «Як-40»
Давненько уже не гость.

Привычно спускается с неба,
Хоть ночь, хоть солнечный день.
В стране голубого снега
Он словно крылатый олень.

Подрулит к месту стоянки
И станет нас поджидать.
Сегодня мне спозаранку
В Березово надо слетать.

Там Меншиков жил когда-то,
Его допекала пурга.
Там варят трубы ребята
На трассе Надым – Пувга.
Ведь именно там ударил

Газа фонтан в ночи...
А «Яку» я благодарен:
Он мигом меня домчит.

И вот мы уже взлетели.
Вошли в облака... Ни зги!
Сокрылись и кедры, и ели
Родимой моей тайги.
(перевод В. Кузнецова)

САМОТЛОП

Памяти Повха
Геофизики способ нашли
Заглянуть в кладовые Земли,
Предсказали в урочный час,
Где таится и нефть, и газ.
Здесь такое царство болот!..
Пальцем в дерево ткни – упадет.
Восемь метров топь глубиной –
Черный ил,
Торфяной перегной...
Ходят в озере караси,
А грибов –
Хоть косой коси!
Неогляден простор,
Велик,
А хозяева – выпь да кулик.
Потревожить пришлось их покой.
Ох и было хлопот с буровой!
Как доставить ее сюда?
В этом деле вода – беда.
Не проложишь лежневки тут.
Вездеходы и те не пройдут.
Ждать зимы?..
Но зима придет –
Не промерзнут топи болот.
А бетонных дорог тогда

И не знала еще тайга.
Всем известный бурмастер Повх
Дело знал,
Но он тоже не бог.
Просто верил,
Что нефть тут есть!
А быть первым –
Большая честь.
Ведь для всех Академий наук
Самотлор был всего только звук.
Только звук...
Кто подумать бы мог,
Сколько нефти он в недрах берег!
Он держал ее в тайне века.
Только изредка Вах-река
Под обрывом ранней весной
Покрывалась пленкой цветной...
Но всему настает черед.
В помощь людям пришел вертолет.
Он, цепляя грузы на трос,
Над тайгой их бережно нес.
Откружив в густых облаках,
Приземлялся на островках.
Этот замысел был неплох.
Улыбался бурмастер Повх.
Всем, кто прибыл, –
Он брат и друг.
Дела – много.
Хватило бы рук!
Буровая, встав средь болот,
Загудела, словно завод.
И уже не мечта,
Не мираж –
Современный сибирский пейзаж...

...А сейчас Самотлор знаменит.
Буровых целый лес здесь стоит.
Они славятся тем на весь свет,

Что на нефть тут промахов нет.
Днем и ночью здесь гул и гром.
Вспоминают Повха добром.
Знамя Повха – высокая честь.
Его имени премия есть.
И все те, кто трудится тут,
С его жизни пример берут.
(перевод В. Кузнецова)

СИБИРСКОЕ БАКУ

Как ссыльных горькая песня,
Земля не знала тепла.
В забвенье,
В глухом безвестье
Веками она жила.
Седая от лютой стужи,
По грудь ушедшая в снег...
Казалось, что ей не нужен
Даже и сам человек.
Но мы наше знамя,
Как пламя,
Взметнули, тайга, над тобой!
И за большими делами
Забыли былую боль.
Здесь, где кедровые большие
Стоят, как солдаты, стеной,
В Шаиме, чуть-чуть на отшибе,
Ударил фонтан нефтяной.
Открылась еще одна тайна
Под льдистой таежной корой...
Не это ль пророчил нам Таня –
Наш сказочный добрый герой?
Большая пора наступила,
И счастливы мы вдвойне,
Что нефть, словно кровь, забила
В когда-то глухой стороне.
Пусть буры вгрызаются в землю,

Пусть вышки теснят тайгу,
Пусть кедры громам этим внемлю;
Здесь, в сибирском Баку!
(перевод В. Кузнецова)

ПОЙКОВО

М. И. Сергееву

Не встретишь на карте города,
Но он, не сдаваясь пурге,
Раскованно, весело, молодо
Растет, не пугаясь холода,
В ханты-мансийской тайге.
Не город – пока что поселок...
Дел своих мастера,
Живут здесь коммуной веселой
Бурильщики и шофера.
Ракетой взошла буровая
Над синей и черной тайгой.
Здесь нынче – передовая,
За наше грядущее бой!
И мастер Максим Иваныч,
Глотая ветер, как спирт.
Дает задание на ночь
И кряду все смены не спит.
Как доктор испытанной школы.
Сам позабыв о тепле,
Он делает нынче уколы
Этой промерзшей земле.
Диагноз он ставит верный,
Сомненья сметая прочь.
И в трубах, словно бы в венах.
Пульсирует нефть день и ночь.
Он был на партийном съезде,
В президиуме сидел.
А нынче с друзьями вместе
Решает десятки дел.
Он знает: передовая

Не где-то проходит, а тут.
Гудит в тайге буровая,
Друзья в наступленье идут.
(перевод В. Кузнецова)

ЛЕСОРУБЫ

Сжаты упрямо губы.
В лес идут лесорубы.

В брезентовых рукавицах,
В кисах, что не жмут и не трут.
Сосредоточены лица.
Будет ударным труд.

Снегом осыпаны щедро.
Враз попритихли кедры.

В пухлом платке красивом
Елка стоит среди пней,
Будто любитесь силой
Крепких и ладных парней.

Электропилы запели!
Все они тут при деле.

Падают наземь сосны,
Глухо ухает лес.
Теплое золото солнца
Стекает с крутых небес.
(перевод В. Кузнецова)

ИВДЕЛЬ – ОБЬ

Словно волк, завывает ветер,
Все вокруг бело от мороза.
Рельсы светятся на рассвете,
Голубеют во мгле березы.

В глубь тайги, обомшелой и древней,
Устремились стальные машины.
Напряженно застыли деревья,
В тучи спрятав седые вершины.

Здесь кипит великая стройка.
Вдохновенней не знаю темы:
Шпалы стройно ложатся, как строки
Всенародной этой поэмы.

Над осетроспинным Уралом,
Над простором, что мы покорили,
Зорька ясная простирала
Золотые от солнца крылья.

Становилась жизнь интересней,
И никто не боялся сглазу.
Ты лети в поднебесье, песня,
Помогай прокладывать трассу!
(перевод В. Кузнецова)

ИСКАТЕЛИ

Ребятам Мулымьинской школы
Я дарю эту звонкую песню
Вам, ребята из Мулымьи.
Было с вами мне интересно,
Земляки дорогие мои.
«Мулымья» переводится просто:
«Заколдованная земля».
Среди моря болот – это остров,
Где березы и тополя.
Эту землю расколдовали
Ваши деды, ваши отцы.
Вот и вас поманили дали,
И пошли вы, словно гонцы,
По дорогам войны гражданской –
Через топи,

Через тайгу,
По былинным местам партизанским,
Где готовилась кара врагу.
«Выше лозунги комсомола!» –
Повторял на привалах не раз
Друг ваш –
Юрий Михайлович Молов,
Убежденный энтузиаст.
Педагог,
Он очень умело
Вас увлек, идеи даря.
Клуб «Искатель» – хорошее дело,
Он придуман вами не зря.
...Сколько было таежных рассветов,
Сколько раз вас кропила роса!..
Позади девятьсот километров
Через реки, болота, леса.
Вас встречает столица Урала –
Здесь и цирк,
И театр, и музей...
Здесь отныне стало немало
Ваших верных,
Надежных друзей.
Дружба – лучшая в мире награда,
Ее свято храните в груди.
Сколько ждет вас открытий, ребята,
Сколько тайн еще впереди!
(перевод В. Кузнецова)

ЧЕЛОВЕК

Походкой своей упругой
Идет по земле человек.
Над Севером и над Югом
Он властелин навек.

Подземные строит дороги,
Уходит под облака,

Рождает такие строки,
Которым звенеть века.

Отринув рутину и косность,
Открыв не один тайник,
Дерзко прорвался в космос,
В недра ядра проник.

Что же?... Совсем не убого
На фоне минувших эпох.
А говорят, нет бога.
Вот же он – истинный бог!
(перевод В. Кузнецова)

ЛЕНИНГРАДУ

Здравствуй, город, Петра творенье!
Ты верен труду и борьбе.
Мое вдохновенье, мое озаренье,
Сегодня пою о тебе!

Здесь, на Неве, у седых парашетов,
Где яхты несут паруса,
Впервые в жизни я встретил поэтов,
Услышал их голоса.

И в сердце ответно струна зазвенела,
И стало ему горячо.
Моя душа очень робко запела,
Словно забил родничок.

Запела о дальнем родном селенье,
О давней тропке в снегу.
О том, как я в детстве дружил с оленем,
Как дед меня брал в тайгу.

В ту пору был Ленинград в блокаде.
Отец сражался с врагом

Не славы посмертной, а жизни ради,
Чтоб здесь я учился потом.

Город, поклон тебе, благодаренье,
Ты вечен в моей судьбе...
Мое вдохновенье, мое озаренье,
Сегодня пою о тебе!
(перевод В. Кузнецова)

ОТЕЦ

Я так горжусь своим отцом –
Охотником и рыболовом.
Он у Невы в сорок втором
Стоял в сражении суровом...

Осталась за спиной тайга,
Но, как в тайге
Под свист метели,
Отец мой лютого врага
Держал на снайперском прицеле!

Он бил врагов не в бровь, а в глаз,
Как серых белок на охоте, –
Недаром помнят и сейчас
Отца товарищи по роте...

Я не забыл, как в старый чум
Вернулся он из Ленинграда:
Лицо – серьезное от дум,
И на груди блестят награды.

Он снял шинель и сапоги
И мне сказал:
– Сынок, мы снова –
Охотники и рыбаки,
И грех теперь желать иного.
(перевод С. Мнацаканяна)

РЫБАЧКА

Ох, ты, девушка-рыбачка,
Ох, гордячка-сибирячка!
Не дают покоя мне
Косы твои длинные.
Часто вижу я во сне
Брови соболиные.

Руки, словно крылья птицы,
Ловкие и быстрые.
Ты работать мастерица –
Пред тобой не устоять.

Запоешь и заморозишь,
Просто залюбуешься.
Ты высокая и статная,
В дом ты счастье принести стремишься.
Ты любить заставить можешь,
А сама не влюбишься.
(перевод И. Краснова)

БЛАГОДАРНОСТЬ

Я родился под пение вьюги
В работающей хантыйской семье,
И сизмальства мохнатые руки
Древних кедров тянулись ко мне.
Ты, Россия, склонилась, ко мне,
Над простой колыбелью моей,
А потом изучал я упрямо
Речь лесов и язык букварей.
Научив меня думать о главном,
Понапрасну не тратить минут,
Как родного – хантыйского парня,
Ты меня привела в институт.
Чтоб не жил я в неверии горьком,
Чтобы стала светлее печаль,

Позвала меня к Ленинским Горкам –
И открыла мне дверь Ильича!
Всем, что в мире светло и прекрасно,
Тем, что люди вокруг хороши,
Я обязан России, России –
И любовью, и силой души...
...Обниму под москвою березку,
И, раздвинув рассветную тьму,
Я земли твоей теплую горстку
К благодарному сердцу прижму.
(перевод С. Мнацаканяна)

ТРОПИНКА

Деревушку на карте отметить забыли:
Летом – в травах по пояс, зимою в снегу.
В час, когда я родился, бураны завывали,
Заметая своими хвостами тайгу.
А когда задымилось над сопками лето,
В травы росы ложились, как бусы звеня,
И тропинка вела от деревни к рассвету
И в таинственный мир выводила меня.
Я по этой тропинке ходил за песцами
На охотничьих лыжах по отцовской лыжне.
Мир лизал мне ладони и щеки ветрами –
Я не знаю с тех пор полотенца нежней!
За спиною остались и кедры, и ветры,
И уральское солнце остыло в глазах,
Но дорога, которой иду я по свету,
Началась с той тропинки в родимых лесах.
(перевод С. Мнацаканяна)

ЛЮБИМЫЙ СЕВЕР

Можно надо мной поулыбаться,
Что, мол, каждый славит край родной.
Я не перестану восторгаться,
Воспевать любимый Север мой.

Трудимся без усталости и лени.
Знаете, на небе сколько звезд?
Не хвалюсь я – столько вот оленей
Выпасти один лишь наш совхоз.
Мы живем, как никогда не жили, –
Слышу не удары топора,
В лесу поют электропилы,
Возят лес стальные трактора.
Паровоз – к нему уже привыкли.
Самолет? – Летали... И давно
Стало электричество обычным,
Газеты, радио, кино...
Пастухи на нартах возят рации...
Знаю, каждый славит край родной.
Но не перестану восторгаться,
Воспевать любимый Север мой!
(перевод С. Мнацаканяна)

РОДИНА

Голубой приток Оби,
Сумрак над водой угрюм...
У холма – хантыйский чум,
Как исток моей судьбы.
Не забыть его мне – здесь
Детство милое прошло,
И поныне смотрит лес
В лед, прозрачный как стекло!
Мальчуганом я на кедр
Трехстолетний залезал,
И буран мой давний след
Белым снегом зализал...
Мама глянет в темноту –
Ждет, наверное, меня...
Скоро я к тебе приду,
О прощении моля.
Встану у родимых скал,
Вспомню первую любовь...

Дней моих тугой клубок
Здесь разматываться стал.
(перевод С. Мнацаканяна)

ДЕВУШКА-СОН

...Солнце по лугу цветы разбрызгало,
Солнце смеется над ними искристое.
Носимся вместе с тобой по выгону,
Ишь ты, какая быстрая!
Мы – словно чайки с тобой острокрылые,
Мы – как олени весною пышной.
Я называю тебя: Мишнэ...
Вот и догнал! Ты напрасно скрываешься!
К счастью нас выведет эта тропка.
Ты, как ромашка, ко мне склоняешься,
Ты, как ромашка, – робкая...
Рота, подъем! Просыпаюсь, растерянный.
Лица солдат мне близки и ясны.
Мир на земле! И сказал я уверенно:
Сбудутся чистые сны!
(перевод Ю. Переплеткина)

СЕВЕРЯНКИ МОИ, КРАСАВИЦЫ

Северянки мои, красавицы,
Ловят рыбу, растят детей,
Сколько нежности открывается
В их обыденной красоте!
Сколько силы в них, сколько строгости,
В строчках выразить не могу!
Наши девушки бредят стройками,
Перестраивают тайгу...
Я любуюсь красой невиданной
В злые – минувшие – года.
Слова – грубого иль обидного –
Не скажу я им никогда.
(перевод С. Мнацаканяна)

МОЯ ЮГРА

Моя Югра, мой край родной,
Моя судьба – в твоих просторах.
Люблю – особенно весной –
Внимать таежный звон и шорох.
И что мне комнатный уют,
Когда приходит время лова
И нежно яблони цветут,
Как в декабре,
Снегами Севера...
Смотреть на мир из-за стекла
Я не умею – вы поверьте:
Я чувю, что полна земля
Тяжелой черной кровью нефти!
Здесь найденный горючий газ
Пылает северным сияньем...
Не отвести от света глаз,
Как от любимой утром ранним.
По обским водам катера
Летят, и девушка-рыбачка,
Заботливая, как сестра,
Глядит на солнце, глаз не пряча...
Мой милый Север ото сна
Восстал по требованию века, –
И, словно девушка, весна
Сняла с лица платок из снега!
(перевод С. Мнацаканяна)

И ПЕВУЧ, И БОГАТ

Как тайменей в реке,
И оленей в тайге,
И песчинок в песке –
Слов в моем языке.
Я на нем говорю,
Будто славлю зарю,
Будто песню пою

Или сказку творю.
В речи слышатся, друг,
Всплески светлых излук
И напевы подруг,
Как снежинки в пургу,
Уловить в ней могу
Шорох нарт на снегу,
Скрип березы в логу.
Как седая тайга,
И Оби берега,
И Урала снега,
Мне она дорога.
Никаким холодам
Неподвластен родник,
И певуч и богат
Мой хантыйский язык.
(перевод И. Краснова)

КРАЙ РОДНОЙ

Ширь ты бескрайняя, здравствуй, здравствуй!
Край мой Югорский – родная мать!
Слышишь, бери меня, сердцем властвуй –
Песня моя о тебе опять!
Песня волной речной нарастает
И лебединой взмывает стаей.
Полон берег обской малышами...
Как вам завидую, дети, я.
Этими маленькими руками
Делать вам сказку в наших краях!
Строить дома, города и счастье...
В мире не будет для вас ненастья.
Вновь я одену быстрые лыжи
И промчусь сквозь таёжную тьму,
Тихо притронусь звездочкам вышек,
Руку нефтянику я пожму.
Край мой родимый! Край мой былинный!
Вижу тебя, как след соболиный,

Ширь ты бескрайняя, здравствуй, здравствуй!
Край мой Югорский – родная мать!
Слышишь, бери меня, сердцем властвуй –
Песня моя о тебе опять!
(перевод А. Ласкина)

САМОТЛОП

Сын тайги, я любовно
Смотрю на родную тайгу.
В ней огни новостроек,
Как зимних сполохов пожары...
Здесь я слышал легенды,
Одну я забыть не могу.
Жил в краю этом Тохтанг –
Герой в оперенье гагары.
Станным был тогда мир,
По рассказам седых стариков.
Ни земли,
Ни людей,
Ни былинки,
Ни лиственниц толстых.
Только небо, да солнце, да море без берегов.
Только рыбы ныряли
Да Тохтанг с волнами боролся.
И была его жизнь
Дерзновенной мечтою полна.
Чтобы люди украсили мир,
Чтобы жили без горя.
Но ведь людям земля,
Кроме солнца и моря, нужна.
А земля глубоко
Под безмерной пучиною моря.
Долго Тохтанг нырял,
И попыткам не знал он числа.
И однажды он землю достал –
Для людей драгоценный подарок.
Но не вынесло сердце героя –

И кровь его в землю ушла.
С той далекой поры
Красногрудыми стали гагары.
Помнят Тохтанга ханты,
К нему сохраняя любовь,
Никогда на прицел
Брать охотник гагару не будет.
Греет нефть Самотлора –
Священного Тохтанга кровь –
Мой завьюженный край,
Где счастливыми сделались люди.
(перевод М. Лецикина)

МАКАР ОСЬМАРОВ

I

Тысячелетний лес на тышу верст,
Седые кедры, как и встарь, угрюмы...
По сбившейся лыжне и свету звезд
Найдешь тропу к деревне...
Дремят чумы.
Накинет елка снежный капюшон,
Застыв, как в белой малице невеста,
След заячий снежком припорошен,
Река во льдах, как будто бы навечно.
А утром солнца воспаленный глаз
Мигнет, что время, что пора охоты,
И скрипнет дверь, как с петель сорвалась,
И стонет, как домра, на низкой ноте.
Макарка, ханты, юный зверобой,
Согнул для пробы бровь тугую лука,
Зовет собак, чтоб дедовской тропой
Рвануться в путь...
А шкура лыж упруга!
Охотник сам похож на драных псов,
Поскольку весь оборван, словно в драке
Со стайей волчьей, –

Ветхий мех кисов
И малицы топорщится во мраке.
Он подпоясан поясом тугим,
На поясе – ножны, колчан, точило,
Он молод, но схватись попробуй с ним:
Его медвежья не пугает сила!
Обуглен солнцем, ветром иссечен, –
Его боится зверь в ночах тревожных,
Он – мастер, знает в жизни, что почем,
Рыбак, охотник, следопыт, таежник...
Им прочтены, как книга, все следы,
Что прячутся хитро в траве иль снеге,
И всякий раз достаточно стрелы:
Влет – птице,
белке – в глаз,
а зайцу – в беге!

II

Вот и зима... Удачная путина
Доход приносит местному князьку.
Летят олени – выгнуты их спины, –
Маяча, словно пятна на снегу.
Скрипит обоз. Стойбищенские парни
В извоз уходят. С ними и Макар.
А их правитель дремлет в жаркой спальне,
С ним, верно, бог и – это хуже – царь.
Выл ветер, как шаман... Хрипела стужа,
Металась в небе снежная орда,
Пурга стелилась...
Дальше будет хуже:
Нагрянули такие холода...
На нарте же приказчик с винной фляжкой,
Закутан в десять малиц, как кочан.
Макар – бежит с хореом за упряжкой, –
Окоченел и от мороза пьян...
Приказчик же у князя, видит бог,
В большом почете, но – тайги боится

И на охоте может заблудиться:
Разумнее в лесах любой щенок.
Как будто был всегда бессильным, старым,
Стрел не считает, не поднял ни тюка,
Однако он командует Макаром,
Кричит на парня, как на сосунка.
Да, так уж повелось несправедливо,
Что эта глыба с глазками купца
Для князя продает пушнину, рыбу,
А сам-то не поймал даже песка...
Вот, например, отец Макара – самый
Хороший на сто верст вокруг рыбак,
Он круглый год повсюду сети ставит,
Но с князем не расплатится никак.
И раз в году в домишко свой старинный,
Как в гости, приезжает на два дня...
Ах, как отец летит тропой звериной –
Быстрее всех собак худых гоня!
Хозяева же знают только деньги,
Вся их работа – плетть, расписка, крик...
Так как же быть, Тихон Данилыч Сенькин?
Тихон Данилыч, ссыльный большевик...
Он жил в соседстве с домиком Макара,
Лес стал ему привычным и родным,
И ханты осторожные не даром
Его считали чуть ли не своим.
Среди лесов, объятых волчьим воем,
Среди снегов и тундровых болот –
Нет, не забыл он сказочных героев,
Надежд не растерял он, мой народ!
Он помнит легендарного Ваули,
Что поднял северян против царька, –
И дед Макар отмечен пулей,
Нагайку помнит кожа старика...
А нынче – снова: колобродит век,
Не зря Тихон Данилыч хантов учит
Купцам не верить, за бесценок мех
Не отдавать, когда придется случай,

И спирт не пить!..
Таков его завет.
И вот Макар приказчику упрямо
Твердит: «За горсть серебряных монет
Зимой детишек не прокормит мама...
Она – одна, в глухой тайге отец,
И ей знакома музыка бурана,
Бела ее прическа, как песец,
А на руках – морщины, словно раны.
Так и живет и будет жить – не в радость,
Средь чада, бересты, мошки, клещей,
О, как Макара мучит злая ярость
И гнев против шаманов и князей.

III

Весна, весна... Мир полнится сияньем,
И гомон птиц стоит над головой.
В родимый дом вернулся с опозданием
Солдат знакомый с Первой мировой...
Что он принес с собою?
Что за свежесть
В его речах!
Так как же понимать,
Что перед Сенькиным купцы-невежды
Собольи шапки начали ломать?!
А солнце землю копиями кололо,
Трещал сушняк, как отзвук баррикад...
Гром над Югрюю грянул – то «Аврора»
Взметнула над планетой свой раскат!
Охотникам – меха, а рыбакам – улов!
Оленевод, гони оленей!..
И неспроста казалось старикам:
Все в мире понимал товарищ Ленин.
О, радость завоеванных свобод!
И дед Макара на седьмом десятке
Так пожалел, что в счастье и достатке
Ваули не увидит свой народ...

В семью вернулся из тайги отец,
Он был на диво светлым и веселым,
Но загремели пушки – и по селам
Промчался еле дышащий гонец...
– Друзья, считайте стрелы в колчанах,
Патроны набивайте! Время – бою:
Идут враги, и их ведет Колчак,
Как черный ворон стаю за собою.
Тайга смыкалась, темная, как пасть,
Подобная замерзнувшим застенкам...
Отец Макара и сутулый Сенькин
Ушли сражаться за родную власть.
Враг, словно волк среди оленьих троп,
Стал жечь и грабить зло и бессердечно,
Урядник бил Макара, сбил в сугроб
И застрелил бы, но стряслась осечка.
Теперь Макар мудрее, чем лиса,
Он – не юнец зеленый, а мужчина,
Он понял, что придет, придет кончина
Тем, кто ворвался, словно зверь, в леса.
В ночах, как сабля, полумесяц крив, –
И в стойбище пришли дурные вести,
Что кто-то предал, путь врагам открыв,
Отряд, стоящий в заповедном месте.
Макар рванулся – он почуял вдруг,
Кто этот недруг, проклятый предатель, –
Свистели лыжи яростнее выюг,
Стучалось сердце в ребра, словно дятел.
Глотая на бегу горячий пот
И сглатывая горестные слезы,
К рассвету он добрался до болот,
Упав без сил в корнях большой березы.
Народная дружина – на чеку:
Винтовки, луки – все к боям готово...
Лежал убитый Сенькин на снегу,
Но отыскал Макар отца живого.
Потом он шел домой. Скрипел снежок,
Качались ветви кедров оробелых,

Как лучше организовать артель.
Один из хантов был суров и хмур –
В богатой пестрой малице шамана,
Он говорил, что это просто дурь
И как тут обойдешься без обмана.
Шаман – из богатеев, он не зря
Смотрел, как волк, на бедное собрание,
Но красные знамена, как заря,
Светили людям в утреннем тумане.
И бедняки забыли то, что в рай
Бог не пускает смелых и строптивых.
О, только бы расцвел родимый край,
Чтоб было больше дум и лиц счастливых.
Что беднякам слепой небесный бог?
Надломлена неволя, вроде наста, –
И негасимый свет народной власти
Открыл им к счастью тысячи дорог!
И запахи черемуховых выюг
Летели над землею в час рассвета –
Мир не видал еще такого лета!
Макар в тайге. Он переводит дух.
Был этот год прекраснее, чем те,
Что над тайгой неслись, невзгодам вторя,
Когда народы жили в темноте,
Средь голода, морозов, слез и горя.
Нет, не было таких счастливых дней,
А счастье – потеплей бобровой шубы...
Шумит тайга, ветра летят над ней,
И на делянки вышли лесорубы.
Макар умел справляться с топором,
Наличники прилаживал, крылечки,
Он – мастер, он за домом строил дом,
И чуял, что на сердце стало легче.

V

Он помнил детство – это пот и кровь,
Он твердо знал, что лес родной лишь место,

Где надо брать пушнину зло и честно,
А Обь – вода, где ловят осетров.
И вдруг впервые он прозрел, когда
Сквозь тяжесть лет и жизни безразличье
Заметил он, как ярки перья птичьи,
Подслушал, что поет в реке вода!
Он понял мысли загнанных зверей
И удивился скромности березы,
Он поразился зову глухарей
И подсмотрел, как насмерть бьются лоси.
Он по тайге бродил...
Так хорошо
Дотронуться до дерева тугого...
Макар забросил лук свой и ружье,
В тайгу без цели забредая снова.
Он полюбил речные берега,
Под коими налимы роют норы,
Он полюбил шуршание песка
И камыша ночные разговоры...
Он в ряску оступался, плохо спал
И видел сны под пологом туманов, –
Не веря ни в богов и не в шаманов,
Он фею светлоглазую искал...
Она входила в жизнь его во сне –
Под сенью кедров, лиственниц и вязов,
Простая фея из хантыйских сказов,
Красивая и верная Мишнэ.
Он слышал шелест девичьей косы,
Ее шаги в таежном отдалении!
Ее глаза – в прозрачности росы
И приближение – в поступи оленьей.
Он впитывал глазами свет луны,
Бродил в тайге тревожно и упрямо,
Макара понимала только мама:
Ее сынок тоскует о любви...
Но как-то раз Макар столкнулся с ней –
В тайге, случайно, с феей яснолицей,
И стало сердце биться чуть сильнее,

Как бьется в клетке пойманная птица.
Он наконец-то встретился с мечтой,
Что мнилась ему в поступи оленьей,
Он встретился, идя родной тайгой.
С девчонкой из соседнего селенья.
Она была легка, как небеса,
Светясь в объятьях утреннего мрака,
Она была ловка, как росوماха,
Стекала по плечу ее коса...
А сах ее – расшита, но строга,
И обувь с красной ниткою по краю,
В руках – шершавый обруч туеска,
В котором светит ягода лесная.
И пела песню добрую она,
И пела так, что лес напрягся немо,
Ее словам внимала тишина
И жаворонки, смолкнувшие в небе.
Девчонка голенастая, – навоз
Она зимой когда-то убирала,
И не было еще тяжелых кос,
Тугая бровь так славно не играла.
В соседнее селенье тонкий след
Когда-то замело под вой бурана...
...Прошло, наверно, семь иль восемь лет
С момента их последнего свиданья.
Она теперь – красива и горда,
Ей не страшны невзгоды и напасти,
Ее судьба – судьба родного края,
Что выстояла в зной и холода.
И женщины родимой стороны
Не зря сейчас спокойны и красивы:
Тайга родная поделилась силой,
Чтобы друг другу были все равны.
И ханты средь лесов родной земли
Работали, смеялись и любили, –
И все, что раньше предки позабыли, –
Честь, смелость, радость – снова обрели.
Не потому ль Макар впервые смог

В тайге с любовью встретиться своею?
Он замер средь ветвей, не чуя ног,
И песню слушал он, вздохнуть не смея.
Он не забыл обычаев тайги:
Всегда во всем хранить терпенье надо,
И, как олень, отбившийся от стада,
Метнулся к дому: «Мама, помоги...»
А мать узнает все, как повелось:
Укажут сваты время встречи, место
Свиданья, – и Макар найдет невесту,
Певунью, и ее коснется кос...
А первый снег касался крыш и лиц
И кедрачу укутывал колени...
Когда срок встречи подошел – олени,
Как три рогатых бури, понеслись!
И после пахла хвоя, падал снег,
Звенели бубенцы, пылали ленты,
Над свадебной упряжкой, звонкий смех,
Веселье, песни, тосты и легенды...
...Среди соседей, дорогой родни –
Страница за страницей, миг за мигом
Листалась жизни праздничная книга,
И лихо ночи пролетали, дни.
И в люльке закричал на целый свет
Мальчонка, поднимая мать с постели.
Вот так – в семье заметить не успели:
Отцу – Макару – тридцать восемь лет.

VI

И снова лето... Ох, улов какой!
Не вытащить сетей, так разбухали...
Макар шутил, облеплен чешуей:
Она – как на уряднике медали...
Что ж, смех хорош, коль шутка неплоха,
И главное – урядники-то сплыли,
Смеялись люди, подперев бока, –
Не зная бед, работали, любили...

Но вот примчалась горестная весть –
И снова закручинились мужчины,
Нарочный на райкомовской машине
Покой нарушил этих древних мест.
Охрипнув, он кричал: «Война, война...
Товарищи, готовы будем к бою.
На каждого надеется страна –
Мы отстоим отчизну всей судьбою!»
Кручиниться не дело – и Макар,
Сжав зубы, слушал радио в поселке,
Слова военной сводки были горьки,
Что грозный нанесен стране удар.
Макар хотел сражаться, чтоб жила
Его страна – его семья родная,
И слушал он про черные дела,
О юности суровой вспоминая...
И вдруг заныли шрамы на спине,
Как память об уряднике и прочем...
Сейчас мужчинам место на войне –
Учителям, охотникам, рабочим!
Издревле ханты любят тишину,
Издревле ханты тихо выжидали:
Им было все равно, где побеждали,
Кто из царей выигрывал войну.
Война кончалась, как и не была, –
И снова ханты жили в глухомани,
А нынче – это кровные дела:
Народа раны – это хантов раны.
Ну а Макар – охотник и стрелок,
Ему в тылу остаться недостойно...
Прощай, прощай, отец седой, как мох,
Прощай, сынок, и жди меня спокойно...
Он уходил по утренней росе,
И неся ветер вслед, над лесом вея, –
И вслед ему с улыбкой на лице
Жена смотрела, горестная фея,
Она была легка, как небеса.
Что изнутри рассветы освещали,

Мальчишка, следопыт, любитель шуток,
Что не боится зверя и беды.
А над тайгой плескались, как салюты,
Родные зори... Как они красны!
В те дни по всей стране встречали люди
Героев, возвратившихся с войны.

VII

Тысячелетний лес на тыщу верст,
Сосна и кедр охвачены морозом,
Поселок старый, что в чашобу врос,
Недаром стал передовым совхозом.
Его теперь найдешь не по лыжне –
По фонарям и тракторному следу,
А летом ты услышишь в тишине
Средь обских вод крылатую «Ракету».
Его найдешь по каменным домам,
И по сетям, капроновым и крепким,
И по антеннам, и по маякам,
И по рыбацким тельникам и кепкам.
Бегут года – Макар Осьмаров стал
Начальником народного хозяйства,
Он на путину раньше прочих встал,
Поскольку сроду не терпел зазнайства.
Сын революции и ветеран войны,
В его словах – таежная наука:
Вам не помогут золотые руки,
Когда вы неразумны, неумны...
Он учится и сам, других уча, –
Затем и просыпается пораньше,
Он помнит наставленья Ильича,
Что знание – это хлеб и силы наши.
Осьмаров слышит, как шумит тайга.
На рыбаков, оленеводов глядя,
Он вспоминает с нежностью сына,
Который на учебе в Ленинграде.
И в письмах к сыну он приветы шлет

ЖАДНАЯ МЫШКА

Мышке всю зиму пришлось голодать...
Чуть солнце весною пригрело,
Решила она осетра поймать...
И принялась за дело.

Спустилась к реке, разгрызла орех,
Уселась в скорлупке крепкой.
Лодка у Мышки прочнее всех,
И веслышко – длинная щепка.

Река спокойно скорлупку несет,
На легких волнах качает.
Весело Мышка смотрит вперед
И песенку напевает:

Лети, моя лодочка, легче!
Мне так надоела нора!
Греби, мое веслышко, крепче –
Я еду ловить осетра!

А с берега дети Мышке кричат:
– Плыви к нам, гостинец получишь!
Мы наловили ведро щурят –
Ухи тебе дадим щучьей.

– Нет, – крикнула Мышка, – спасибо за честь.
В нашей семье мышиной
Любят не щук за обедом есть,
А свежую осетрину.

Пусть день проплыву я и ночь до утра,
Ведь больше всего на свете
Хочу я сама поймать осетра.
До сви-да-ни-я, де-ти!

Крепчает волна и в лодочку бьет,
Но Мышка храбра и упорна...
Свою рыбацкую песню поет
Упорно и задорно:

Лети, моя лодочка, легче!
Мне так надоела нора!
Греби, мое веслышко, крепче –
Я еду ловить осетра!

А с берега снова зовут отдохнуть,
Кричат ей из чума дети:
– Плыви к нам, Мышка, и гостьей будь!
Муксун попал в наши сети.

– Нет, – отвечает Мышка, – не тот улов:
В нашей семье мышиной
Едят за обедом не муксунов,
А свежую осетрину.

Пуškai даже станет волна, как гора,
И пусть я очень устану,
Но все равно на обед осетра
Сегодня себе достану!

Над лодкой встает крутая волна,
Но смелая Мышка не тужит,
Еще уверенней правит она
И песню поет все ту же:

Лети, моя лодочка, легче!
Мне так надоела нора!
Греби, мое веслышко, крепче –
Я еду ловить осетра!

Опять увидела Мышка детей,
Опять приглашают дети:
– Мышка, плыви-ка ты к нам скорей,
Мы тебя с радостью встретим.

Икрой осетровой тебя угостим.
...Приятное приглашение!
И вот гребет уже Мышка к ним,
Борется с сильным течением.

Дети гостье – чашку с икрой
И ложку, чтоб лап не марала.
Ест она час. Проходит второй
И третий – и все-то ей мало.

Эй, Мышка, – кричат ей. – Лодку снесет,
Штормит на Оби, как в море!
Хотела Мышка встать, да живот
Мешает подняться обжоре.

Пыхтела, пыхтела, привстала едва –
Но лопнул живот у Мышки.
Лежит она ни жива ни мертва,
Кричит: на помощь, детишки!

Кто ниток клубок, кто иголку несет...
Десять минут – и готово:
Зашили ребята Мышке живот,
И снова она здорова.

В лодку ей помогли они сесть,
И Мышка перед дорогой
Сказала ребятам:
– Не буду есть
Осетровой икры так много.
(перевод М. Лецкина)

Вопросы и задания

1. Назовите основные темы и мотивы поэзии М. И. Шульгина.
2. Определите концепт «Родина» в поэзии М. И. Шульгина на материале представленных произведений?
3. Каков образ возлюбленной, созданный поэтом в лирических произведениях?
4. Составьте систему поэтических средств, используемых поэтом в своих произведениях. Какому тропу отдает предпочтение М. И. Шульгин?
5. Выполните анализ стихотворения «Язык».
6. Сравните стихотворение «Мама» М. И. Шульгина со стихотворениями других хантыйских поэтов, в которых они обращаются к образу матери. Какая деталь в образе матери важна для М. И. Шульгина? Аргументируйте свой ответ.
7. Можно ли утверждать, что в стихотворении «Стрелы» М. И. Шульгин обозначил цель жизни каждого поэта? Обоснуйте свой ответ.
8. Какие фольклорные образы встречаются в поэзии М. И. Шульгина? Приведите примеры.
9. Какие доминанты природы выделяет поэт в пейзажной лирике?
10. Можно ли утверждать, что одним из компонентов поэтизации в произведениях М. И. Шульгина является цветопись? Докажите свою точку зрения.
11. Составьте перечень цветов, используемых поэтом в произведениях. Определите их семантику.
12. Какому времени года отдает предпочтение поэт?
13. Можно ли утверждать, что значительная часть произведений М. И. Шульгина – поэтизация народных традиций, обычаев, праздников? Аргументируйте свой ответ.
14. Кому адресованы посвящения М. И. Шульгина?
15. Проведите сравнительный анализ переводов стихотворения «Тропинка» М. И. Шульгина.
16. Определите главную тему поэмы М. И. Шульгина «Макар Осмаров». Назовите главного героя поэмы.

17. О каких исторических событиях идет речь в поэме М. И. Шульгина «Макар Осьмаров». Иллюстрируйте свой ответ доказательствами из текста.

18. Какую роль играют категории времени и пространства в поэме М. И. Шульгина «Макар Осьмаров»?

19. Какие образы-символы встречаются в поэме М. И. Шульгина «Макар Осьмаров»?

20. Какие чувства поэта переданы в произведениях «Самотлор», «Сибирское Баку», «Пойково», «Лесорубы», «Ивдель-Обь», «Искатели»?

21. Назовите лирические жанры, к которым обращался М. И. Шульгин в своем творчестве?

22. Какая рифма преобладает в произведениях поэта?

23. Определите размер, которым написано стихотворение «Тропинка».

24. Что явилось средством постижения «огромного мира» М. И. Шульгиным по утверждению самого поэта?

25. Сравните хантыйскую народную сказку «Жадная мышка» с одноименной сказкой М. И. Шульгина. Как вы думаете, что представил на суд читателей поэт: стилизацию, поэтическую обработку, авторский текст с бродячим сюжетом? Обоснуйте свою точку зрения.

26. Назовите имена исследователей, которые обращались в своих работах к творчеству М. И. Шульгина.

ВЛАДИМИР СЕМЕНОВИЧ ВОЛДИН

СОСНОВЫЙ БОР

Я люблю сосновый бор.
Сосны в нем, как руки солнца.
Песни сыплет птичий хор.
Воздух сладок – пей до донца.
Я люблю сосновый бор.
Им лесные звери живы.
Наши земли, наши воды,
Бережет он с давних пор.
Ну, а если жадный вор
Или враг в него прорвется,
Он обратно не вернется:
Будет страшным приговор.
Лось забудет его в упор,
И олень пронзит рогами.
Так ведет он речь с врагами
Наш сосновый, гордый бор.
Ты же, добрый человек,
В бор иди, как к человеку,
Как ручей впадает в реку,
Или в море – воды рек.
От дождя тебя шатром
Он в ненастный день укроет,
На поляне стол накроет,
За добро платя добром.
(перевод Л. Решетникова)

* * *

Если дым веселый кружит
Над осеннею избушкой,
Лай собак плывет над бором –
Значит день охоты скоро.

Человек проснется рано,
Вспомнит тихие поляны
И озера, где обычно
Брал он щедрую добычу.
Как в патроне злых дробинок,
Много в памяти тропинок
Над какой-то тропкой в чаще
Прошумит крылом удача.
(перевод В. Нечволоды)

МОЙ ДРУГ И Я

На берегу реки – сосна,
Береза рядом с нею.
И, кажется мне, что она
И старше, и сильнее.
Гроза гремит ли, сыплет град,
Трещит мороз иль вьюга,
Плечом к плечу они стоят,
Как верные подруги.
И у меня есть русский друг
Надежный, без сомненья.
И наших душ, и наших рук
Я славлю единенье...
Стоят два дерева.
Весна.
И, кажется мне: я – сосна,
Мой русский друг – береза.

МУЗЫКА

Сдал я шкурки и безмерно рад:
Продали мне чудо-аппарат –
В маленькой коробке на ремне...
Пошумит и что-то скажет мне.
Я иду, а с неба дождик льет.
Я пою, и радио поет.
Сумерки и ветер нипочем

С музыкой хорошею вдвоем.
Я шагаю по родной земле,
И трава поет со мной, и лес,
Пляшут ели пышные легко.
Горе, неудачи – далеко!
Темнота и ветер нипочем
С музыкой веселою идем.
И усталость ветерком смело.
Показалось вдалеке село.
И в окошках, словно мотыльки,
Подхватили песню огоньки.
(перевод Н. Касьянова)

* * *

Люблю приобские снега,
В их шубе беличьей тайга.
В меха песцовые, собольи
Оделось вольное раздолье.
Везде рассыпано добро:
Хрусталь, алмазы, серебро!
И на сосны ветвистых лапах
Югорской нефти свежий запах.

ОХОТНИК

Как из давней сказки воин –
За спиной с колчаном стрел,
Он отважен и спокоен,
Он стремителен и смел.
И в руках его – не стрелы,
А новейшее ружье.
Вот бежит он рощей белой,
Зорко смотрит сквозь нее.
Видит он за веток чащей
Разных почерков следы:
След петляющий, скользящий,
Уводящий от беды.

Вот в своей землянке грубой –
Под навес корней залез –
Спит медведь, укрывшись шубой,
И храпит на целый лес.
Вот лосенка сквозь чащобу
От волков уводит лось.
У волков от дикой злобы
Аж дыхание зашлось.
Вот лиса в огнистой шкуре
Подползает из-под пня
К той зайчихе, что, как дура,
Зорю бьет в середине дня...
И охотник – не разбойник,
Брат гонимому зверью,
Заложив патрон в патронник,
Бьет, имея мысль свою.
Он сначала целит молча
Волку меж горящих глаз,
Чтоб не чья-нибудь, а волчья
Кровь на землю пролилась.
А лису – вторым зарядом,
Чтоб она не рвала жил
У зайчихи.
Чтобы рядом
Лось с лосенком мирно жил.
Вот каков он, добр, спокоен,
Смел, решителен, умен,
Наш охотник.
Словно воин.
Вот какой хороший он.
(перевод Л. Решетникова)

НА ОХОТНИЧЬИХ ТРОПАХ

Не гулять – на трудную работу
Человек выходит на охоту.
Тут нужны и ловкость, и терпенье,
Смелость, сила, скорость, вдохновенье.

Не дает тайга легко ответ.
Вот и лыжи вывели на след,
Началась погоня из погонь.
В жилах кровь струится, как огонь,
Кедр ветвь вытянул – прыжок.
По сугробу пламенем зверек
Лишь мелькнул – и вот уже исчез.
И за ним охотник дальше, в лес,
И погоня по следам опять
На опушку, в чащу леса, в падь –
Не уйти теперь зверьку из рук.
Сладок, но нелегок этот труд.

ВЕСНОЙ

Есть время светлого веселья,
Когда, томясь, как вешний лед.
Предчувствием грозы весенней
Таежный полон небосвод.
Когда над крутоплечей кручей
Сойдутся грозные на вид,
Оленьим стадом вздрогнут тучи,
И – только гром из-под копыт.
И каждый сук, и каждый листик,
Травинки, лепестки коры
Следят за бегом капель быстрых,
Глаза зеленые раскрыв.
И я слежу, как ливень льется.
А позже, в свежей тишине,
Протягивает руки солнце
И их кладет на плечи мне.
(перевод В. Нечволоды)

ЗЛО, КАК МУСОР, УНЕСЕТ...

На реке вздыхают плесы,
Проплывают шумно льды.
Дети враждовавших взрослых
Подружились у воды.

Стали люди откровенней.
Ссоры тают, словно лед.
Пусть течением весенним
Зло, как мусор, унесет.
(перевод В. Нечволоды)

ПЕСНИ ВЕСНЫ

Человек весной счастливей.
Слушай песню дедов вновь:
В древнем, словно Обь, мотиве
Струи новых, светлых слов.
У весны улыбки ясны.
Песни весен разгадай:
Ты узнаешь, как прекрасен
Северный, хантыйский край.
(перевод В. Нечволоды)

ОГОНЬ

Огонь – начало всех начал.
Он стар и вечно юн.
Огонь родного Ильича
Горит в моем краю.
Он правду людям рассказал
И силу дал рукам...
Я вижу лучики в глазах
У ханты-старика.
Пришел огонь, как праздник, в чум.
И нам, сердца согрел
И мой народ и я хочу,
Чтоб он всегда горел.
Дымил костер,
тянулся чад
веками над тайгой...
То было раньше,
а сейчас
Мы сами, как огонь!

ХАНТЫ

Всех людей мы называем – ханты.
Ханты – русский, ненец и узбек,
Потому что это слово – ханты
В переводе значит человек.
Это очень дорогое слово.
Ты не выпускай его из рук,
Не развей по ветру бестолково –
На него откликнется твой друг.
И куда б потом ты ни поехал,
Разнеси своим друзьям его –
Словно раскаленные орехи,
Искры из чувала своего.
Это слово северным сияньем
Пусть пылает и в полярной мгле.
Помни наше мудрое название,
Ханты – все народы на Земле.

СЕВЕР МОЙ

Где б мои пути ни пролегли,
Где бы ни встречал зарю свою,
Слышу я дыхание земли,
Чувствую ее в любом краю.
Подожгло ли золотом леса –
Значит, час страды у деревень;
Выпала глубокая роса –
Это будет завтра добрый день.
Пляшет ошалело поплавок –
Значит, дождь почуяла река.
Будет ли грибов и ягод впрок –
Обо всем расскажет мне тайга.

НА ОЗЕРЕ

Как на сбруе на оленьей,
На коре капли солнца.
Раззадорен птичьим пеньем,

Ветер лапой бьет по соснам.
След ондатры в речке зыбок,
Вечер кружит над водою.
Лег чешуйчатый, как рыба,
Млечный путь над головою.
За ресницами осоки
Караси качнули сети.
Под котла радушный клетот
Душу мне костер осветит.
Стихли птицы.
Лес спокоен.
Пусть их зло не потревожит.
Кроме мира,
что иное
На земле всего дороже?
(перевод В. Нечволоды)

ХВАСТЛИВЫЙ ПАРЕНЬ

Тянет полоз тонкий след,
Словно нитку из клубочка,
Мошкаркой взлетает снег,
Нарта прыгает на кочках.
– Я заряд не трачу зря,
Хоть не гоже восхваляться.
Буду бить я глухаря,
Добывать песка-красавца.
Кто там лучший из стрелков?
Славу я твою оспорю!
Потягаться я готов,
И себя не опозорю!
Я – жених, и счастлив так,
Что готов подпрыгнуть в небо!
– Что ж ты хвастаешь, чудака!
Ты еще в лесу-то не был...
Опозоришься, ей-ей,
Вот народ-то посмеется,
От невесты от своей

Червяком ползти придется.
(перевод Л. Решетникова)

За работой девушка склонилась,
Крутит нити прочные олени,
И звенят в руках олени жилы,
Словно провода под напряженьем.
Девушка кисы сошьет,
И парень
Их наденет,
будет улыбаться:
Как по проводам,
на расстояние
Рук тепло от нитей передастся.

СОРУМ ОВ

На Казыме яр крутой.
Он легендами оваян.
Прадеды сюда с собой
Приносили дар деревьям:
Деньги, идолов своих,
Шкуры пойманного зверя...
Интересно знать о них,
Я ведь в бога тоже верю.
На Казыме Сорум Ов –
Это место было свято.
Слышал я от стариков –
Охраняли лес когда-то
От случайных разных бед.
От плохих людей скрывали
И за сломанную ветвь,
Как за подлости карали.
Слушаю об этом речь –
Очень мудро все в легендах.
Я учусь тайгу беречь
У седебородых дедов.

* * *

Казым бежит вдоль древних чумов
Тайгу разрезав синей лентой,
Здесь рыба и зимой, и летом,
Как человек, погоду чувствует...
Оленеводов повстречаю,
А с ними я сердечно дружен.
Накормят и напоят чаем,
В беде помогут, если нужно.
Все с детства близко и знакомо.
Здесь я охочусь и живу.
И все зову я просто домом,
Что люди Севером зовут.

ЛЕТОМ

Мне под ноги стелет бор
Пестрый ягельный ковер,
И от сосен краснолицых
Веет запахом смолистым.
Лес живет, свистит, кричит,
Ловит жгучие лучи.
Под рукой прозрачной солнца
Бор играет, бор смеется.
Вьются травы, рдеют кисти,
Что-то ветру шепчут листья.
Их глазастые узоры
Устремляют в небо взоры.
Слышу тихий голос сосен:
– Ты придешь ли в эту осень?
И цветы мне шепчут тоже:
– Улыбнись и ты, прохожий!
Лес мой, друг ты мой чудесный,
Ты наваял эту песню.
Смотрит солнца желтый глаз.
Я приду проведать вас.
(перевод Э. Кияна)

У РЫБАКОВ

Снова я в рыбацком стане,
На Назыме с рыбаками.
С ними с детских лет дружу,
В дом их запросто вхожу,
Чтобы здесь услышать снова
Звуки языка родного.
К ним иду с открытым сердцем,
Чтоб душою обогреться
У огня их добрых шуток.
С ними лето – трое суток.
Самолет облит зарею
Блещет рыбьей чешуею.
Снова я в рыбацком стане,
На Назыме с рыбаками.
Пусть свистит свирепый ветер.
Будет вспомнить что о лете.
(перевод Э. Кияна)

В НЕНАСТНУЮ ПОГОДУ

Заковало льдом обскую воду,
Облака нависли над тайгой.
И стоит ненастная погода,
Стонет день, как человек больной.
Самолет – хорошая машина,
Не нужны упряжка и хорей.
Самолет – хорошая машина,
Если нужно ехать поскорей.
Но шаман-погода не пускает,
Хоть билет в кармане – все равно.
Ветер снег и лижет, и ласкает...
Скучно ждать мне, жду давным-давно.
Заметает выюга чудо-птицу...
Я запряг оленей: ого-гей!
Лишь из-под полозьев снег дымится,
Да в руке сгибается хорей.

МЫ С ТОБОЙ

Я тебя искал, тебя я ждал,
И, глазам не верю, повстречал!
Милая стройна и смуглолица,
Но боюсь к тебе я наклониться.
В мыслях нежно за руку беру,
Сердце, будто ветка на ветру
Птицею в моей груди взметнулось:
Ты его дыханием коснулась.
Только что же молча мы стоим?
Осмелев, тебе сказал я, – Мин.
Мы вдвоем, ты видишь – мы с тобой!..
Так вот и пришла ко мне любовь.
(перевод Н. Касьянова)

ЛЕТИ, МОЯ ПЕСНЯ

Под небом хантыйским, над краем богатым
Звучи, мое слово, светло и крылато.
Возьми остроту у зрачков ястребиных,
Певучую мягкость походки рысиной,
Собак бескорыстность,
 оленья сторожкасть,
Величие лося,
 лисы осторожность.
Костром будешь путнику
 посохом старцу.
Охотнику – пулей,
Больному – лекарством.
Будь полем и небом,
 рекою и лесом,
Будь мной и соседом,
Будь Родиной, песня!
(перевод В. Нечволоды)

Тихо к окошку подкралась звезда,
Белые уши насторожила.

Хантыйская девушка делает жилы,
Прочные нити, как провода.

Чтобы и рядом, и в отдалении
Нежной твоей не забыл красы,
Крепче целуй и жилой оленьей.
Девушка, милому шей кисы.
(перевод Г. Слинкиной)

ЛЮБИМОЙ МАТЕРИ

Моя дума идет назад
К родному дому.
Как живешь ты, мама,
Хочу я услышать.
Дорогие слова я говорю.
Тебе я весточку шлю.
Мама, дорогая ты, мама,
Очень ты мне нужна.
Вниз ты жалко сгибаешься,
Радость ты мне несешь.
Смотрю я с радостью
На твое лицо.
Когда отец мой
На память приходит
Тяжело мне на душе становится.
У тебя я живу
Всегда ты мне друг.
Я живу на краю земли.
Где темная ночь.
В окно стучит ветер.
Путь наш далеко лежит.
И ты сильнее обрадуйся
Мне назад напиши.
Пусть улыбка озарит твое лицо.
И я сильнее стану.
(Перевод А. Д. Каксина)

НОВЫЙ ДЕНЬ

Новый день с зарею встречу.
Радость мне расправит плечи:
Вся страна передо мною
Так светла, как бор весною!
Не из камня, не из бронзы
В нашем крае Ленин создан –
Из труда людей отлитый,
Средь живых живой стоит он.
Поднял руку он, как знамя,
К звездам путь открыл пред нами!
Рано начали сегодня
Труд нефтяник и охотник.
Край мой северный, олений,
Нефтяной, лесной, весенний
Вышек яркими глазами
Смотрит в космос вместе с нами.
(Перевод С. Розенфельд).

ЛЮБИМОЙ ЖЕНЩИНЕ

Песни птиц по утру
В моем доме слышатся.
Окна настежь раскрыл
Об Оби песню пою.
В старину жившие люди
На веслах в лодках ездили.
Теперь по родной Оби
Быстрые теплоходы ездят.
Почему ты быстро течешь, Обь,
Течение свое придержи!
Любимая женщина уехала,
Может быть я ее догоню.
(Перевод А. Д. Каксина)

ОБЬ

Быстро текущая река без песчаных отмелей.
На обрыве сушится рыба.
Встречный ветер очень холодный,
Волна большая и широко разбегается...
На утренней зорьке поднялось солнце
Порыв северного ветра услышало мое сердце.
Он сегодня радость принес.
Река Обь могучая и широкая.
(Перевод А. Д. Каксина)

СЫН – ВАР

На высоком холме
Деревня Сын – Вар,
На реке Назым (Мосум)
Старая деревня.
Тебя я помню
До сих пор
Хотя давно,
Ты одна осталась.
На реке Назым (Мосум)
Где ты стоишь,
Где я маленьким
Живя, играл.
На поиски шишек
В лес ходил.
Вечерами долгими
Чебаков удил.
Моя деревня,
Я стал большой.
О тебе я сейчас
Стихи пишу.
Народ знает
Протоку на которой ты стоишь.
Твое имя вспоминать
Мне дорого.

На высоком холме
Деревня Сын – Вар,
На реке Назым (Мосум)
Старая деревня.
(Перевод Т. Г. Харамзина)

ОСЕНЬ

Осенью погода портится.
Каждый день бывает дождь.
Скоро и снег выпадет,
Дни становятся короткими,
Скоро наступит пора добывать белку.
Золотой лист давно опал.
Лыжи, ружье, порох берут охотники,
Снаряжения, продукты закупают.
Осень – это нужная нам пора.
Наступает пора ехать в лес.
Белку искать с собакой,
Глухарей добывать слопцами.
На лодке ханты едут в лес.
Лиственницы, березы на это смотрят.
Слышен шум едущих людей,
На реке слышен шум весел.
Когда выпадет снег идут в лес,
Добывать зверя, птицу.
С деревьев падают белки.
Смотрите, это золото – золото это.
Это нужно нам для жизни зимой.
Целый день собака бегаёт.
(Перевод А. Д. Каксина)

БЕРЕЗА

Говорит через окно
Посаженная мной белая береза:
Злой ветер и снежная метель
В мое лицо сильно били.

– Немного потерпи, моя березонька,
Скоро пройдет большой холод.
Много ты возьми тепла,
Быстро вырастет твоя новая ветвь.
Возле окна интересная невестка,
Красивый с кистями платок надень.
Люди сюда идут на тебя посмотреть.
Кисти платка до земли достают.
(Перевод А. Д. Каксина)

ОЛЕНИ

По ягельному пастбищу
Олени тянут свои упряжки.
Звон колокольчиков
По холодной земле доносится сюда.
Как огненные быстрые стрелы,
Ломая снег, мчатся олени.
Холодный воздух. Впереди деревня.
Ровные дороги, проложенные стадами оленей.
Сверкает снег, бегут олени.
Мелькают, остаются в стороне кусты.
(Перевод А. Д. Каксина)

ЗЕМЛЯ, ГДЕ Я РОДИЛСЯ

Как от текущей к морю Оби
В таежную землю Назым течет.
Стоящие на обрыве деревья
В речку смотрят нагнувшись.
Старинный обрыв «Питы Веншем»
Всю жизнь буду помнить.
Березовые листья, ветки сосны
В лесу со мной здороваются.
Где бы я не жил,
Родину сердцем помнить буду.
Других краев народ пусть слышит:

Рыбный, лесной Назым есть.
(Перевод А. Д. Каксина)

ХОЗЯИН ЗЕМЛИ

Бесстрашные ханты
На северной земле живут,
Вокруг земель они ходят
Страшных зверей они не боятся.
Когда в лес уходят,
Только ружье с собой берут
Одно топорикшко имеют,
Когда в лес идут.
Во время пути, несгибаясь, они ходят.
И они не боятся жуткого холода
Каждый день они домой возвращаются.
Человека ханты медведь боится,
Когда он выходит в лес.
И волк боится.
От выстрела ружья
И белка не уйдет.
По нашим борам и лесам
По нашей северной земле
На охоту, промысел ходит
Хантыйский хозяин земли.
(Перевод А. Д. Каксина)

ТАК МОЛУПСИ

(поэма)

I

О людях, о судьбах я думаю часто.
В чем видели прадеды светлое счастье?
В сказаньях и песнях ищу я ответ...
Мне в детстве легенду рассказывал дед.
Давно это было.
Вы, может, слышали,
Что к юртам хантыйским песцы прибегали?
И волки бродили, лишь станет темно,
И вещие совы стучались в окно.
Жил-был человек. Кто он родом, откуда?
Сегодня и мы не узнали покуда.
Наверно, его наградила тайга
Веселым характером, силой в руках,
Умом, красотою, в работе сноровкой.
За что бы ни взялся, все делал он ловко.
Один уходил за добычею в бор.
И промысел был ему легок любой.
Однажды, проверив слопцы на полянах,
Он был изумлен неудачею странной:
В надежных слопцах не нашел глухаря.
Неужто приманка положена зря?
– Эге! Кто-то съел, насмехаясь, приманку! –
Воскликнул, взглядевшись, рассерженный ханты.
А мусор подбросил! И ханты сказал:
– Ну, зверь, попадись мне теперь на глаза!
Я знаю: медведь на такое способен.
Он туче лохматой и черной подобен,
Да только со слабыми ловок и храбр.
Давно бы его проучить мне пора!
Едва он воскликнул – за деревом рядом
Раздался треск сучьев медвежьей засады.
Встал зверь на дыбы, зубы дико оскалив.
Страшны его лапы, шерсть с рыжей подпалиной.

И замерло солнце. Зверь прыгнул на спину.
Но храбро вступил человек в поединок.
Ушел от удара, силен и хорош,
Да времени нет, чтобы выхватить нож.
Как выпустить руку, коль пасть он разинул
И дышит в лицо духом тошным звериным?
Бежит по щеке кровавая слеза.
Как угли горящие, зверя глаза.
Момент улучил. Сталь протяжно взметнулась,
И ревом предсмертным тайгу покачнуло.
Обрушило небо закат на траву,
Багряным окрасила кровь синеву...
Охотника звали с тех пор «Так Молу пси» –
Что «Крепкая Малица» будет по-русски...
Как долго он жил? Есть ли внуки сейчас?
Послушай же дальше легенду-рассказ.

II

Последнею льдиной растаяла вьюга.
На плесе приветствуют люди друг друга.
Бескрайне весной половодье Оби.
Купцы понаехали. Празднику быть...
Ты скажешь, приятель:
– Купцов нынче нету.
Эге, не спеши! Лучше слушай легенду.
Кто злую усмешку хранит на лице,
Смеется в начале, да плачет в конце!
Мы любим преданья и песни хорошие,
Они забывать не дают нам о прошлом.
Веселые, грустные песни подчас
Народною мудростью радуют нас.
И если я вспомнил легенду, быть может,
Кому-то она поученьем поможет,
Кого-то обрадует светлой мечтой,
Кого-то накажет насмешкою злой.
Был берег зеленой тайгой оторочен.
Веселье кипело с утра и до ночи.
Вот кто-то смеется и кто-то поет.

Вот пляска танцоров за плечи берет.
А рядом торговля. Корзины рядами.
В них нельмы еще шевелят плавниками.
Себе на уме, все приметив давно,
За рыбу купец предлагает вино.
Опившись веселого этого зелья,
Друзья его мучатся сытым бездельем.
Нахальные, с гирями злых кулаков
Кричат и зовут на борьбу рыбаков.
Стал берег похож на живун с пескарями,
Где ходят свирепо купцы с осетрами.
Глядит Так Молупси, кто верх здесь берет:
Не выдержал он и сердито встает:
– Эй, кто там суровой борьбы не боится,
Один на один вызываю сразиться.
Плечистый и сильный стоит на песке,
И гневно дрожит бурый шрам на щеке.
Смеется купец:
– Что-то очень ты храбрый!
Коль так ты силен, почему покаябан?
Медвежью тамгу на лице залижи!
Уж лучше бы рыбы ты мне предложил.
Вскипел Так Молупси от речи ехидной:
– Ты хуже налима, что ест мертвечину –
Питаешься кровью родных мне людей,
А в алчности ты не жалеешь детей!
Пусть на лице моем горькая мета:
По-разному платят в борьбе за победу.
Медведь-богатырь был, не ровня другим,
Но я не упал на колени пред ним!
Бой начался вмиг, словно зимняя вьюга,
Купец и таежник вцепились друг в друга.
Ломаясь, тальник распластался у ног –
Швырнул Так Молупси купца на песок.
Сапог торгаша взвился к звездным накрапам,
Плыла по воде соболиная шапка.
Услышали небо, тайга и река:
– Ну, вот и увидел ты гнев рыбака!

III

У памяти нашей есть доброе свойство –
Деянья героев беречь для потомства,
В легендах и песнях хранить их черты...
Жизнь наша – свершение древней мечты.
Мне чудится ночью:
Пытливо и строго
Застыли огни над тайгой, над дорогой.
Вниз звезды глядят, озаряя леса,
Как будто героев погибших глаза.
Их малицы, были крепки, как кольчуги,
Туги и надежны упругие луки.
А стрелы, чьи клювы острее иглы,
Разили врагов, беспощадны и злы.
Рассказывал мне дед Андрей на Назыме,
Встречал Так Молупси он днями былыми.
Был парень, как парень.
Винтовка в руке.
Пониже буденовки – шрам на щеке.
Встречали его пастухи молодые.
А кто-то с ним строил в тайге буровые...
А, может, и внук Так Молупси сейчас
Взволнованно слушает этот рассказ.

IV

Легенды мои, сказки дедов и песни!
Всего мне дороже напев их чудесный.
Таежную свежесть, величия миг
Вобрал мой красивый хантыйский язык.
Словами про звезды скажу, про озера,
Как будто на малице вышию узоры.
Веселый иль хмурый в печали своей
Пушай мой рассказ вам напомним людей.
Ведь каждое слово на сердце похоже:
Такое живое и чуткое тоже.
Кто нынче не знает язык свой родной,
Тот край свой не любит, народу чужой.

Такой человек – просто место пустое.
Он путь мне на нартах вовек не закроет.
Он глуп и смешон, как глухарь красноглаз.
Я дальше продолжу свой прежний рассказ.

V

Друзья на Казыме! Ну как вы живете?
Я знаю: опять меня в гости вы ждете.
Когда приезжаю, ребята гурьбой
Приходят всегда повидаться со мной.
Рыбак и охотник, идущий навстречу –
Здесь все говорят на отцовском наречьи.
Труд любят, как малицу или кисы.
Труд нужен, как малица или кисы.
Сегодня я гость у них. Кружатся песни
В морозном февральском седом поднебесье,
И нарты олени построились в ряд.
Хантыйскому празднику каждый здесь рад.
Веселье, как кровь, по артериям бродит.
На празднике новые песни сегодня –
О жизни хорошей в югорской земле,
О звездных ракетах, что мчатся во мгле.
Пастух молодой с сердцем полным отваги,
Старик с бородою кудрявой, как ягель...
Проворны их руки, и ноги сильны.
Готовы и сами лететь до Луны.
Да только нужны на Земле эти руки
Оленей растить и воспитывать внуков.
О прошлом рассказывать нам не из книг...
Я слышу, поет Лэл Микола-старик:
Он – лесной мужичок
Чуть раскос, невысок.
Ханты, я о вас пою.
Песню слушайте мою.
С первых от рожденья дней
Половину жизни всей
Лямкой лодки я таскал
Для купца, что торговал.

Ни одним не ведал днем,
Что помогут мне потом.
Пять оленей, пешек пять
Мне решили люди дать.
Так вот я их доставал,
Так растил и сберегал.
А теперь сижу, грущу:
Где пастись я их пущу?
О! Есть место – Сорум Ов.
Вдоль зеленых берегов
Распущу их, отведу.
Там не встречу я беду.
И оленей десять штук
Побежали рысью вдруг.
Был тогда я очень рад,
Только не был я богат:
Если снежный день придет,
След их быстро заметет.
Если дождь пойдет, в момент
Смоет всех оленей след.
Нет от них богатства мне,
Нет от них одежды мне.
Так их мало у меня –
Дунет ветер среди дня,
Как пушинки разнесет.
Кто оленей мне найдет?
А в совхозе над рекой
Нынче сейф большой стальной.
Деньги сообща кладет
Ханты – трудовой народ.
Позабыта здесь беда.
Бродят тучные стада.
Надо ехать – выбирай,
Сколько хочешь запрягай.
Погляди: любой из нас
Носит малицу сейчас.
Вот богатство и одежда,
Наше счастье и надежда!

– Подожди, не торопись
И за всех нас не хвались, –
Карысь Петар перебил.
Тоже стар, но полон сил.
Начал так он свой рассказ:
– Жаль, не молод я сейчас.
Только не причем года,
Если песня молода.
Решты сын я самый старший.
Имя вам любой подскажет:
Карысь Петар – это я.
Есть олени у меня.
Дал совхоз их мне. В дороге,
Словно ветер, быстроноги.
И в метели, и в грозу
Грузы ценные везу.
От далекой юрты зимней
Ездил я в село Вершина.
И на путь меж деревень
Я затратил только день.
В нарте легкой, в нарте быстрой
Вез мех ценный, серебристый.
Служат людям пусть теперь
Красный зверь и черный зверь.
Мне сказал товарищ русский:
Ловок ты, как Так Молупси!
Всем пример ты показал.
Ты ударник, – он сказал.
Я купил в подарок милой
Ткани радужной, красивой,
С расписным узором шаль.
Денег было мне не жаль!
Понеслись домой олени,
Песня взвилась до небес.
Подпевал мне старый лес.
– Да, олени, – тихо молвил
Невысокий Лэл Микола, –
В них была всей жизни суть.

Молодежь, не позабудь,
Размечтавшись, о ракетах,
Что полеты над планетой
Начинались на земле
С бега нарт в метельной мгле.

VI

Небо – пятнистая шкура оленя.
Звезды глядят, чуть мигая, на землю.
Мысли мои, как олени, бегут,
Думы мои про тайгу, про тайгу.
Края хантыйского лучше не знаю.
Солнечный бор – сердце милого края.
В сердце моем кровь горячая бьет.
Сердце трепещет живое мое.
Разве тайга не живая? Взгляните:
Солнца прозрачные руки, как нити.
Слушайте – бьются в подземных корнях
Соки земли, силой ветви поя.
Силу вбирают иглистые листья.
Жить здесь легко будет зверю и птице.
Людям понять это легче всего,
Корни народа – легенды его.
Ветви – растущее новое племя.
Люди – живое легенд продолженье.
Жить нам, бороться, тайгу сберегать...
Я Так Молупси припомнил опять.
Не потому ли в наряде как будто
Наша тайга в это светлое утро.
Крепкий веселый узор из ветвей,
Точно на малице, вышит на ней.
То ли в душе моей песенка дремлет
Или поют ее сами деревья.
Не уставая звенит в вышине.
Песенка, с детства знакомая мне.
В шорохе листьев, в рябиновых бусах
Слышу мелодию о Так Молупси.
Слышат и звери, и птицы ее –

Это же край мой любимый поет!
Пусть же взлетает мелодия к тучам –
С нею живется и легче, и лучше.
Пусть я устану в суровом пути,
Песенка дальше моя полетит.
Солнечным утром с прохладным туманом
Я выхожу на лесную поляну.
Вижу – охотник идет промышлять,
Лодку рыбак приготовил опять.
Вместе со всею хантыйской землею,
Всеми глазами погибших героев,
Всеми глазами живущих смотрю.
Песню пою я, встречая зарю.

СЕРЫС НАЙ

Живут – поживают муж с женой, растят одного сына. Однажды мальчик лег спать и видит сон: стоит мужчина с черным лицом и говорит:

– Скоро тебя мать с отцом в женихи будут сватать. Ты отказывайся, ничего не говори. Потом встань и выйди на улицу. Выйдешь на улицу, иди в заднюю сторону дома и пойди по дороге...

Как только так сказал человек с черным лицом, так и исчез, и мальчик проснулся.

Наступило утро. И вот отец начал говорить – сыночек ты стал взрослым, к нам приходит старость. Наступила пора привести тебе в дом жену.

Отец называет одно имя, другое, еще и еще, а сын не отвечает. Отец начал сердиться. А сын так молча и сидит. Отец так устал и говорит жене:

– Твой сын ты его и уговаривай, я совсем изнемог.

Мать уговаривала, уговаривала, кого только не предлагала, сын по-прежнему молча сидел, потом тихонько встал и пошел по дороге за заднюю сторону дома.

По той дороге идет, идет и вдруг видит, лежит большой камень. Когда близко подошел, вышел из-за камня живой человек и говорит:

– Меня возьми с собой.

– Иди, вместе будет веселее, мне нужен друг. Садись в нарту.

– Нет, я в нарту не сяду, за тобой пойду.

Погнал побыстрее лошадь. Чем быстрее едет, оглянется назад, а человек медленно шагает.

Долго или коротко шагали, видят, стоит высокая лиственница. Около лиственницы стоит высокий человек. Чем ближе подходят, тем меньше становится. Когда они близко подошли, то стоящий говорит:

– Возьмите меня с собой.

– Идем, мне будет хорошо, садись в нарту.

– Нет, я в нарту не сяду, за нартой пешком пойду.

Конный погнал лошадь. Назад оглянется, видит, а они медленно шагают.

Шли, шли, увидели озеро. У озера стоит человек и говорит:

– Возьмите меня с собой. Иди с нами, нам нужен друг. Он снова погнал лошадь побыстрее. Смотрит назад, а попутчики-мужчины медленно идут.

Шли, шли, долго шли, и вдруг показался большой город. Они все зашли в дом прихожих. Три его путника говорят:

– Вот в этом городе живет бог моря, ты его дочь попроси в жены.

Пошел герой и зашел к богу моря, необъятное, бесконечное пространство моря. Бог моря читает большую бумагу: глаза вниз ведет, глаза вверх ведет, вдруг говорит:

– В той стороне живущего божества сын, в том краю живущего стойбища сын, что несущее тебя принесло, что ведущее тебя принесло.

– Вот расту, вот живу, и как-то так и хожу.

Потом сказал:

– У тебя есть дочь, в невесты я ее сватать пришел.

– Дорогой мой, кто сватался, сотнями лежат в сырой земле. Они все желали жениться на моей дочери, но мои хитрости не прошли, ты уверен, что пройдешь мои хитрости. У меня есть одна хитрость: за городом стоит поленницы дров. Садись в середину поленницы, потом эти дрова сожгут огнем. Пока дрова не сгорят от огня и не останутся угли, ты там сиди, потом толь-

ко встань. Вот он вышел от бога моря и со слезами отправился к друзьям. Когда пришел, то его спрашивают:

– Что с тобой случилось, почему плачешь?

– Как мне не плакать, мне дали задание, сесть в середину поленницы, потом дрова подожгут огнем, пока дрова горят, мне нужно там просидеть.

– Это мелкая хитрость. Отдай нам свою одежду – говорит человек, который стоял около лиственницы, – ты одень мою, переоденемся.

Пошли за город. Действительно, стоят поленницы дров. Переодевшийся сел туда, дрова подожгли огнем. Бог моря и люди смотрят.

Дрова сгорели от огня, остались угли. Из-за углей вдруг выскочил человек, и дальше пошел. Пришли в прихожий дом, переоделись обратно в свою одежду, и пошел герой к богу моря.

– Да, но у меня есть еще одна хитрость. За городом лежит большой камень. Этот камень подбрось рукой и подхвати на лету. И положи на землю.

Пошел снова герой к друзьям в горести и слезах. Эту хитрость выполнять пошел человек, который вышел из-за камня, выполнил.

Потом снова пошел к богу моря.

– Вот осталась еще одна хитрость, надо исполнить, потом получишь мою дочь в жены. За городом есть озеро, в озере водится нечто, съедающее человека. Ты должен переплыть через озеро без одежды. В слезах вновь отправился герой к друзьям. В этот раз ему помог человек, который стоял около озера.

Куда деваться богу моря, пришлось отдать свою дочь в жены молодому человеку. Перед тем как отдать он сказал:

– Ты тоже с хитростями, ты умеешь хитрить. Эти хитрости никто не мог разгадать, все умерли, только тебя не смог перехитрить, сил не хватило. Увез молодой человек дочь бога морского к себе на родину.

Богатую свадьбу устроили, и этим богатством до сих пор живут.

(перевод Л. В. Молдановой)

БЕДНАЯ СТАРУШКА И ЁХЫМ ПАЙ ХО

Жили-были бедная старушка и Ёхым пай хо. Ёхым пай хо еще совсем маленький был. Рос он очень быстро, вскоре начал бегать по полу, а потом и на улице начал играть. Прошло еще немного времени и мальчик начал бегать неподалеку от дома. Однажды старушка ему так говорит:

– Ёхым пай хо, ты бегай только перед домом, а за домом не бегай!

Играет Ёхым пай хо на улице, пришла к нему мысль, побегать за домом. Видит: за домом гора, а под горой река течет. На реке стоит запор. Подошел ближе. Смотрит, на снегу огромные человечески следы. Совсем близко к запору подошел и решил проверить рыболовную ловушку. Вытащил морду, попались налимы. Вывалил на лед, а морду обратно поставил. Налимов домой понес. Дома старушке показывает и говорит:

– Ты меня не пускаешь ходить за дом, а я много рыбы принес. Теперь у нас есть еда, а то вчера без продуктов жили. Старушка ему отвечает:

– Твои дед и папа тоже ходили так же смотреть рыболовные морды. Только их проглотил хозяин рыболовной морды.

– Они были, глупыми и поэтому их проглотил Менк ики, – ответил Ёхым пай хо.

В эту ночь Ёхым пай хо совсем не спал. Проснулся, взял маленькие нарточки и пошел к реке. Оказывается Менк проверяет морду рыболовную, сел на маленькие нарточки и скатился с горки. Прокатился на другой берег реки и потом прикатил к Менку. Менк сердитый, но ему было интересно, как Ёхым пай хо прокатился на нарточке с берега на берег по реке. Ёхым пай хо начал разговор:

– Здравствуй! Менк ики!

– Здравствуй! Ёхым пай хо!

Менк ики немного постоял, а потом говорит:

– Твой дедушка и отец, когда проверяли рыболовную ловушку, то отверстие закрывали, а ты открытым оставил. Как по твоему, мне что, рыбы не надо.

Ёхым пай хо отвечает:

– Я еще маленький, и не знал, что нужно отверстие закрывать.

После этого разговора Ёхым пай хо пригласил Менка покаться на нарточке. Взобрались на горку и Ёхым пай хо начал давать советы:

– Будем кататься по очереди.

Сперва Менк попросил прокатиться. Сел на маленькую нарточку Менк и увидел свое отражение. Начал хорошенько разглядывать, оглядывается туда сюда, В это время Ёхым пай хо повернул маленькие нарточки прямо на пень. Покатились нарточки на пень, ударился о пень Менк ики и умер.

Ёхым пай хо сказал:

– Людоед съел моего отца и дедушку, а меня съесть сил не хватило. Рыболовная морда моей стала.

Спустился с горки на речку и пошел по следу Менка. Смотрит, стоит высокий дом, высотой с лиственницу. Подошел поближе, открыл двери, в доме сидит жена Менка.

– Я думала, что мой муж пришел, – сказала она, – оказывается, пришел Ёхым пай хо.

А Ёхым пай хо говорит:

– Своего мужа ты больше не увидишь.

– Почему не увижу?

– После того как я убил его, он больше не живой.

– Зачем его убил? – спросила в слезах его жена Менка.

– Я его убил, потому что он съел моего отца и дедушку, и тебя так же убью.

Ёхым пай хо так же убил жену Менка.

После этого начал осматривать дом, нашел лисьи, соболяшки. Собрал и в нарты сложил, всех оленей забрал себе. А дом сжег огнем и сказал:

– Когда наступит время божественное, Менков, которые съедают людей, пусть больше не будет.

Все, что взял себе, с этим и пришел к старушке.

– Посмотри, сколько принес тебе богатства, а ты меня далеко не отпускала. Нам хватит до конца дней.

Бедная старушка и Ёхым пай хо прожили всю зиму. Наступила весна, старушка говорит:

– Надо кочевать в другое место. В этом бору нет ягеля, земля истоптана, дичи нет.

Ёхым пай хо согласился, и они кочевали на другое место. Поставили чум на другом месте. На другой день Ёхым пай хо говорит бедной старушке:

– Знаешь, сегодня к нам приедут гости.

– Я об этом ничего не знаю.

– Сейчас я положу в нарточки лисью и соболю шкурку, запрягу собаку и увезу в лес. Ёхым пай хо отвел собаку в лес и говорит:

– Когда приедут гости, я буду говорить о тебе, когда я в третий раз буду говорить, ты домой заходи, а если не будешь слушаться, то я тебя убью.

Приехали гости, Ёхым пай хо начал разговор: «Когда мой сын из лесу домой вернется?».

– На улице темно, заблудится, – сказала старушка.

Ёхым пай хо в третий раз говорит: «Когда мой сын из лесу вернется?».

В дверях чума слышится шорох.

Ёхым пай хо повернулся к старушке и говорит:

– Открывай двери чума.

Действительно собака с нарточкой зашла домой. Гости думают, правда, сын ходил в лес, а здесь собака. Нарту разобрали. Гости не верят своим глазам. На нарте лисицы, соболя и там же котел. Ёхым пай хо, обманывая гостей, говорит собаке:

– Хороший сынок, хорошо сегодня охотился, день напрасно не прошел.

Гости на улицу вышли и удивляются, разговаривают между собой: «Хорошая собака, надо бы выкупить». Вернулись в дом и начали выпрашивать собаку. Ёхым пай хо говорит:

– Как мы без собаки, мы умрем с голоду.

Долго думал, но потом согласился продать собаку, но попросил 5 быков.

Обрадовались гости, купили собаку. Перед тем как отдать собаку, Ёхым пай хо горит:

– Вы собаку кормите жирным мясом и обской рыбой. Только тогда она будет искать зверя.

Ёхым пай хо знал, гости еще раз приедут к нему, говорит старушке: «Гости к нам еще раз приедут. Сейчас я заколю самого жирного оленя. Желудок вытащу и наполню кровью. А ты его

под платье спрячь. Потом я скажу, приготовь покушать. А ты не слушайся. Тогда я в желудок оленя воткну нож. А ты претворись, что ты упала и умерла. Тогда я скажу: «Мой нож оживи старушку». И ты встанешь на ноги».

Приехали гости. Ёхым пай хо так и сделал. Гости вышли на улицу и говорят:

– У него хороший нож. Наши жены такие ленивые. Им говорят приготовить еду, а они не готовят. Надо взять такой нож.

Начали выпрашивать нож у Ёхым пай хо, а он отвечает:

– Без ножа жить не могу.

Но гости начали пуще прежнего просить, им нужен нож. Все-таки Ёхым пай хо согласился, и говорит:

– Нож отдам, но ненадолго, вернете обратно.

Порезали гости своих жен, а потом просят нож, чтоб он оживил их жен, а он не слушается. Так они остались без жен.

Ёхым пай хо знал, они снова придут. Говорит старушке:

– Ты ложись в мою постель, а я в твою.

Утром проснулся, видит, убили старушку. Кто-то ножом убил. Стало известно – это вчерашние гости, это они были здесь. А когда они приходили, он не знал.

Ёхым пай хо погрузил старушку в нарты, помчался в сторону города. Неподалеку оставил, а сам отправился в город. Пришел к королю и говорит:

– Я то зашел в теплый дом, а за городом у меня старушка. Дочери короля переговариваются: «Мы за ней сходим».

Когда дочери ушли, он говорит королю: «Забыл им сказать, старушка страшная».

В это время дочери пришли и говорят: «Твоя старушка умерла». Ёхым пай хо начал ругаться, кричать, нападает на короля, хочет его зарубить. Король испугался и говорит:

– Старушка долго не может жить, возьми мою младшую дочь в жены, только меня не губи.

Тут они договорились.

На следующий день у короля собралось много народу. Глядят, а Ёхым пай хо тут. Говорят они королю:

– Это вор. Из-за него мы убили своих жен. А его старушку мы убили.

И они надумали утопить Ёхым пай хо в проруби. Тогда он оговаривает:

– Да, я грешен, топите меня в проруби.

Слуги положили его в мешок и потащили к проруби. Начали на реке рубить лед. А Ёхым пай хо кричит из мешка:

– Вы оставьте меня на ночь. Я здесь просижу, а вы идите домой.

Слуги короля ушли домой.

Вдруг ночью Ёхым пай хо услышал шум нарти идущей. Оказывается, это торговец-купец. Он с товаром едет в город. Ёхым пай хо начал кричать из мешка:

– Ты почему мне мешаешь. Я считаю деньги короля. А сейчас садись вместо меня в мешок и до утра пересчитай деньги. Если этого не сделаешь, то отрублю голову твою.

Купец-торговец открыл мешок. Выпустил Ёхым пай хо, а сам сел в мешок.

– Тут темно, как я буду считать деньги, – кричит из мешка купец-торговец.

– А ты немного погоди, я завяжу отверстие в мешке, тогда загорится огонь, – ответил ему Ёхым пай хо.

А лошадей начал обливать водой холодной. Когда они замерзли, он поехал в город. Прибыл в город и говорит королю:

– Я в подводном мире жил. Там мне подарили семь лошадей. Одного коня велели тебе передать, три твоим дочерям, а остальных мне.

С той поры король и Ёхым пай хо начали жить вместе. Однажды король говорит:

– Я, однако, схожу пожалуй в подводный мир.

– Что плохого, хочешь, так сходи! Люди под землей тебе обрадуются, – Ёхым пай хо говорит.

Король обрадовался, скорее собрался и бросился в прорубь, там и потонул. Прошло время и дочери начали отца дома ждать и беспокоиться:

– Почему отец так долго ходит? А Ёхым пай хо им отвечает: подождите немного, скоро вернется. Кто в гости ходит, разве быстро возвращается.

Тут и дочери короля собрались:

– Мы тоже к проруби ходим, и посмотрим подводный мир.

Они зашли в прорубь и там замерзли. Так все богатые зашли в прорубь и потонули, а на земле остались простые люди.

Однажды Ёхым пай хо стала спрашивать его жена:

– А когда мои родственники сюда вернуться?

Тогда он ответил:

– У них нет в голове мозгов, умный никогда не залезет в прорубь с ледяной водой. Когда человек задохнется в воде, он больше не живет. Я это хорошо знал, поэтому живой остался. А у кого нет мозгов, тому незачем жить на земле.

(перевод Л. В. Молдановой)

СКАЗКА ПРО ОРЛА И ЕГО ДРУЗЕЙ

В протоке черные волны волнуются. Волны с грохотом бьются о берег. Ветер, как струны гитары, свистел, а волны ему помогали. Слышно как будто человек дышит, протоку кто-то рассердил. Жалобно птицы плакали, как белые гребни над волнами виднелись.

Звоном ломающихся деревьев лес отвечал. Сильно качало деревья у дома, и громко слышался голос, а потом сосны кланялись. Кому они кланялись? Ветру или протоке, неизвестно!

Мы за домом, в безветренной стороне сидели, у костра. Старый дедушка в огонь положил сухое полешко, как оно загорелось, взял уголек и окурил дом. В его одежде отражался огонь, видно чешую рыбою. В широком лице видно было складки, как корни дерева.

– Что люди, протока плачет? Страшно, когда она черная! Лес тоже кажется черным.

Виднелось только зарево, солнце садилось.

– Это русской женщины платок – заговорил старый ханты Андрей Павлович – а я не боюсь, протока хорошая, мы с давних пор дорожим ею. С давних пор она сердится.

– Смотрите люди, там нашли нефть и газ. Поэтому она сердится.

А может от этого она черная, кто ее знает. Помню, мне дедушка сказку рассказывал. А ему – его дедушка – вот и дошла сказка до нас...

Дедушка замолчал, два-три раза прикурил. Потом взял горящий уголек. Из-под шапки виднелись, как снег, белые волосы, потихоньку слышали голос его, как будто кого-то боялся.

– Скоро мне исполнится 80 лет, теперь считайте люди, мой дедушка столько же прожил, он видел много неприятностей, но жить хотел. Вы как хотите. А вам сказку расскажу. Может это, правда, было?

Глаза Андрея Павловича узкими стали, заулыбались, а действительно смотрели на жизнь. Он развел руками, присел на бревно и начал рассказывать.

Тогда люди жили порознь. Зверя лесного добывали стрелами, держали быстроногих оленей. Как ветер уходили от врага. Тогда небо было (как сейчас) такое, звезды и солнце прежние, так же Обь текла к ненцам. Но люди боялись приходящих людей. Они хорошего не принесут. Люди рода, князя и татары ходили к русским. Ханты их боялись и, как соболя, прятались в лесу.

Старик мне так рассказывал. У этой протоки ханты жили. Они никого не слушались, шкуру лесного зверя и птицы не продавали. Был у них один умный главный человек-ханты. Высок, силен. Бегал быстрее оленя, на лету птицу добывал стрелой, голый рукой осетра добывал, такой был главный ханты. За это дали ему имя Орел.

За свою жизнь я много видал орлов. Сильные крылатые птицы. Таких птиц на нашей земле мало.

Однажды возвращался Орел из лесу... олени бежали как ветер. Оглянулся назад – там еще одна нарта едет. Крикнул Орел, олени взлетели. Нарта его догнала. Оказывается, в нарте белолицая девушка едет, над Орлом насмехается. Так они вместе домой приехали. Сначала Орел сердился, почему она не осталась. Но потом заметил, что лицо у девушки, как луна, красивое.

Целый день люди отдыхали и плясали. А когда солнце встало. Женщина Орла домой засобиравалась. Они вместе к ней уехали. Отец жены Орла хорошо встретил.

Дедушка дальше рассказывал. К ним пришли русские, с главой воевать начали. А отец жены в селении был самым главным. Его избрали за умную голову и силу. С той поры ханты и русские стали жить в согласии. В каждую весну, перед тем как лед

сойдет на реке, ханты приходили в селение. Много зверя пушного привозят, продают и обменивают, а потом веселятся.

Князь и Орел состязались, никто никого не победил. В раз пустят стрелу, и в раз в зверя попадут. Бороться начнут, и никто из них не побеждает. Вот такие были сильные.

Может за это жена Орла любила.

Встречались или нет они, не знаю, об этом не говорит столетняя сосна, с тех пор много сосен выросло. Орел часто начал ходить в гости. Если начало хорошее, то слез не будет. Я расскажу, как русские и ханты сдружились. Сказку надо заканчивать. Если дедушка слезы вытер, то мало хорошего. Он боролся с медведем, не плакал. На Обской воде не плакал, на морозе не плакал.

Однажды ханты далеко в лес перекочевали, до этого места только гусь за три дня может долететь. Первым полетел Орел. Вдруг заметил белого оленя — передовой олень остановился. Снег покраснел, восточная сторона в крови.

Орел закричал как гром. Нарты остановились. Ханты взяли стрелы, заметили, что Орел что-то страшное увидел неподалеку, так говорят старики. Иногда кажется, лисица страшнее росомahi.

Воры пришли на село. Однако им не нравилось, что люди свободно живут, им не понравилось, что ханты добывают много зверя и рыбы. Пришли и еще огненные стрелы пускают. Сколько звезд и столько воров было. Два дня небо было в крови, два дня русские воевали. Сначала глава был с дочерью, а потом украла ее воры, а его поставили копать землю, где протока. Копают землю, да на лес поглядывают. Там не появляются нарты оленьи. Яма стала глубокая, а он все копает. Совсем исчез. Неожиданно появилась черная вода. На врагов брызнула. Женщина вырвалась и в воду бросилась. Только платок остался. Ветром платок подняло, и унесло в небо. Появилось стадо оленей, в небо стрелы полетели, и враги испугались, сбежали. Остался Орел. После того, как враги были, людям стало труднее жить, и убили Орла. Под водой протоки лежит. Так он захотел.

Сколько раз луна обходит небо. Орел мужчина к нам приходил. Сколько сейчас людей работает на вышках. Отсюда известно, люди рода Орла еще живут.

(перевод Л. В. Молдановой)

Вопросы и задания

1. Назовите основные темы и мотивы поэзии В. С. Волдина.
2. Определите концепт «Природа» в поэзии В. С. Волдина на материале представленных произведений.
3. Назовите семантику огня в одноименном стихотворении В. С. Волдина.
4. Каков образ возлюбленной, созданный поэтом в лирических произведениях?
5. Составьте систему поэтических средств, используемых поэтом в своих произведениях. Какому тропу отдает предпочтение В. С. Волдин?
6. Выполните анализ стихотворения «Охотник».
7. Сравните стихотворение «Хвастливый парень» В. С. Волдина со стихотворением «Хвастун» М. К. Вагатовой. Почему именно это качество осмеивают поэты? Аргументируйте свой ответ.
8. Можно ли утверждать, что в стихотворении «Лети, моя песня» В. С. Волдин раскрыл все грани и возможности поэтического слова? Обоснуйте свой ответ.
9. Какие доминанты природы выделяет поэт в произведениях?
10. Можно ли утверждать, что в стихотворении «Люблю приобские снега...» представлено пророчество экологической катастрофы?
11. Какому времени года отдает предпочтение поэт?
12. Какой жанр устного народного творчества положен поэтом в основу стихотворения «Север мой»?
13. Что собой символизируют береза и сосна в стихотворении В. С. Волдина «Мой друг и я»?
14. Чем объясняется выбор героя во время охоты – волк и лиса – в стихотворении В. С. Волдина «Охотник»?
15. Какое сравнение использует поэт в стихотворении «Охотник», чтобы создать образ охотника-воина?
16. Назовите жанры, к которым обращался В. С. Волдин в своем творчестве?
17. Какая рифма преобладает в произведениях поэта?

18. Определите размер, которым написано стихотворение «Сосновый бор».

19. На какой вопрос пытается найти ответ герой поэмы В. С. Волдина «Так Молупси»?

20. С каким фольклорным жанром связан образ Так Молупси в одноименной поэме В. С. Волдина?

21. Что по утверждению автора поэмы «Так Молупси» В. С. Волина всего ему дороже? Приведите доказательства из текста.

22. О чем были думы автора в поэме «Так Молупси»?

23. Проследите авторское изменение жанра в первых трех главах произведения В. С. Волдина «Так Молупси».

24. Какое чувство Так Молупси, проявившееся в поединке с купцами, приближает его образ к реальности?

25. К каким фольклорным жанрам обращается герой в поэме В. С. Волдина «Так Молупси» в поисках ответа на вопрос: «В чем видели прадеды светлое счастье?».

26. Определите сюжет и композицию поэмы В. С. Волдина «Так Молупси».

27. Назовите тему произведения В. С. Волдина «Так Молупси».

28. Укажите главный образ поэмы В. С. Волдина «Так Молупси».

29. Из чего, по мнению автора, складывается категория счастья в поэме? Чем закончились поиски героя? Найдена ли формула счастья?

30. В какой из частей поэмы видна гражданская позиция самого В. С. Волдина? Аргументируйте свой выбор.

31. Выделите отличительные особенности сказок В. С. Волина. Можно ли выделить в его сказках идеального героя?

32. Проанализируйте сказку В. С. Волдина «Бедная старушка и Ехым пай хо».

33. Назовите имена исследователей, которые обращались в своих работах к творчеству В. С. Волдина.

МАРИЯ КУЗЬМИНИЧНА ВАГАТОВА

ПЕСНЯ БАБУШКИ

За окном гнездо зиме
Ветер с ночью выют.
Спой мне, бабушка, про жизнь твою.
– Песня, внучка, как Обь, длинна.
У людей зима, а мне все весна.
Я про первую жизнь вспоминать хочу,
Как любила я наш веселый чум,
Как шила, расшивала,
Как я пела, танцевала,
Била белку, мяла кожи
И богам молилась, – что же,
У кого просить участия?
Мы в урмане жили, в чаще
Годы девичьи прошли.
Помню, как-то зимней ночью
Руки мне связали, ноги,
В юрту мужа повезли...
Лицо скрывала, внученька,
Велел обычай мучиться.
Из бересты раз десять
Я колыбели шила.
Один живой, что делать?
Так мы прежде жили.
О добрый час! И в будни
В душе поет ручей.
И стала я как будто
Ровесницей твоей.

ЖИВЫ ОНИ

Металась...
Тело горело, то холодело –
Стучалась беда...
И она мне руки отшибала.
Пот холодный лоб заливал мне.
Смоленные черные волосы
Рассекли серебристые полосы –
Следы мигом промчавшихся лет.
Казалось,
Старинное, черное емыл*
Закрыло мне Солнца свет...
Забыв про то,
Что есть врач – друг,
Мужа бы сейчас
К постели позвать...
Он, как и тогда,
Посмотрит в глаза,
Тронет лоб мне горячий...
И каждый, кто зрячий,
Заметит: я улыбаюсь
Ему одному.
Забыв обо всем:
«Дитя бы ему я сейчас родила...»
Сама удивляюсь, удивляется врач:
Откуда у женщины сила взялась?
Назавтра с постели
Она поднялась!
А мысли легко,
Как анас** по насту, бегут.
Это ж не только
Со мною случилось...

* Емыл – закрытое лицо.

** Анас – аргиш.

Вижу я след прошедших
До меня на земле...
...Боец в огне и в дыму
За Родину бился в войну,
Враги посылали ему в сердце огонь.
Горел, задыхался,
В болоте тонул,
Умирал, замерзал...
Только боец, выиграв бой,
Вышел оттуда живой.
Удивляется враг: что это за сила
Бойца из огня выносила?!
Не понять тебе, враг бессердечный,
Что мы живем по традиции вечной,
Что Родина наша священна,
Как богиня Вут Ими у ханты.
Ты не поймешь, враг бездушный,
Что билось в груди у бойца
Сразу два сердца:
Сердце мужское и женское тоже –
Невесты, жены
Иль матери старой,
Родившей бойца.
А кто не вернулся домой,
Он горько оплакан детьми и вдовой.
Те слезы в цветы превратились,
А бойцы в добрых духов обратились.
Спят они, укрывшись тяжелым
земным покрывалом.
Слезы деревьев – желтые листья –
Медленно падают на них.
Плачут травы и цветы,
Роняя увядшие лепестки.
Родины плач я слышу в музыке траурной.
Стою я у Вечного огня
Пискаревской земли.
Пламя выходит из глубины.
Смотрю, идет не дым от огня,

А живое дыхание их!
Живы они для народа!
Эта свежая рана в его сердце,
Врагами навечно оставленная.
Свято хранят в каждом доме у нас
Память любимых мужей, сыновей и отцов...
...Старая женщина-ханты
Дрожащей рукой в передний угол понесла
Первую пробу ею сваренной пищи:
«Пусть постоит...
Ведь духи их живы!»
Вот откуда у ханты
В каждом доме добрый дух.
И живет он, пока огонь на Земле не потух.
Люди подобны деревьям –
Не без корней они.
Ведь корни зажгли огонь жизни,
Вот и чтим мы их
В каждом доме,
В каждом сердце.
Это не горе наше –
Это сила наша.
«Она уводит нас от бед», –
Поучал меня старый дед.
Спасибо тебе, мой старый,
Добрый мудрец!
Не без корней мы.
Корни зажгли костер жизни!
И вижу, как вокруг он горит,
Вселяя в сердца тепло и свет.

ТЕМ, В КОМ НЕТ СЕРДЦА

Нет в вас сердца. Ваша плоть
Сотворит ли кровь живую?
Вот что нелюдям живым
Неустанно говорю я.
Вам ли жизнь любить, когда

Вы впились в нее так злобно?
Скоро вытопчете вы
Ваш лужок, скоту подобно.
И падете – морды в пыль,
Обескровив ваши вены.
Впрочем, кровь ли в них текла?
Зло с дерьмом попеременно,
Знали ль солнце ваши дни,
Ночи – звезд живых свечение?
На Земле вам, без сомненья,
Потому не будет, нет,
Вам на свете продолженья.
(перевод А. Смольникова)

НЕ МЕНЯЙ РУКУ ДРУГА

Теплый ли ветер лицо твоё нежно гладит,
Или злой буран колючими льдинками
Бьет по щекам,
В жизнь твою придет беда или горе,
А может, войдет в твой дом – в твою душу радость.
Может, по своей жизни-глади ты легко и быстро
идешь,
Вдруг ямы и рытвины
Испещрят эту гладь, идти по ним станет невозможно.
Может, так свободна душа твоя:
В ней поместится весь мир,
А может, так станет тесно, что
Дыханию негде жить.
Во всякое время, в любую пору
Крепко держи руку друга,
Не меняй его руку на другую...
Не меняй друга.

ХВАСТУН

Как сорока, скок да скок –
Даже клюв от скока взмок.

Сбоку на бок голова,
Все сорит, сорит слова...
Хватит, хватит людям врать,
Уж давно пора понять,
Как береста в лютый год,
Лопнешь вдруг, а кто доверт?
Ложь, как тот худой олень,
Мчит, бывает, целый день,
Упадет, и не поднимешь.
Вот беда!
(перевод А. Смольникова)

РЫБАКИ

Ханты встали раньше солнца
Летом ночи нету,
И, потягиваясь сонно,
Обь влезала в невод.
Как ее светилась шея,
Колыхался невод!
Обь роняла украшения
Осетров и нельм.
Волочились, будто бревна,
Щуки и налимы,
Стерлядь шла легко и ровно
Желтого налива.
Руки сильные у ханты.
Тонь к концу. И ловко
Круг на круге, как арканы,
На песке – веревка.
Бьет щурят зеленый ливень
По рыбачьей жажде.
Что улов идет великий,
Сердцем чует каждый.
Притонили,
Обь вздохнула
Мягко, с облегчением,
Листья солнца протянулись

К людям по теченью.
(перевод Г. Слинкиной)

УТРО НА ОБИ

Золотое лицо безмятежная тронет улыбка,
И согреется Север, как ранний рыбак у костра.
Вышло солнце на Обь,
Чей, скажите, там, верткий, как рыба,
Обласок выплывает из синих и розовых трав?
Золотое лицо наклонилось к реке, окунулось.
Это стерлядь идет, иль жемчужный осетр заблестел?
Княженика проснулась, и нежная пихта проснулась,
Жирный селезень трудно, как брошенный камень, летел.
Этот берег!
Милее на свете не сыщешь!
Здесь красавицы полог, дразнящий, на самом виду!
Ах ты, горе-рыбак!
Ты садись на смоленое днище,
И гляди на всходящую утром, на лукавую эту звезду.
Нет, не зря у моторов
Рыбачьи хантыйские песни
Бесконечны, как Обь, где сулит богатейший улов
И ручей, и проточка, и сор, и протяжное плесо...
Хорошо по утрам на Оби, хорошо, нету слов.
(перевод Г. Слинкиной)

В моем сердце вся природа,
Добрый нрав и ум народа,
Что ветвятся, как деревья,
Полны света и доверья.
Как березка золотая,
Я свечусь на склоне лета –
Ничего я не скрываю,
Мне б успеть отдать все это,
Все вернуть земле и детям,

Перетечь в сердца и души.
Нет на свете доли хуже,
Чем отдать все это смерти.
(перевод А. Смольникова)

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

Как деревья одевались б неумною листвою?
Как цветы бы распускались долгожданною весной?
Если бы, у жизнестойких, не было у них корней,
Если бы у нас с тобою не было Земли моей!
Смотрит ласковое солнце с исполинской высоты,
Взгляд его исполнен щедрой, небывалой теплоты.
Не было б детей на свете, на большой Земле моей,
Если б не было на свете незабвенных матерей.
Сердце матери!
Скажите, в чем его простой секрет? –
Столько в нем тепла! – у солнца и десятой доли нет.
Красный свет светлей и крашен кровью красной матерей,
Не с чем сравнивать на свете сердце матери моей:
Коль с дорогой – то дорога бесконечно широка,
Если с силой – сила эта необъятно велика.
Коль с ценой – то нет дорожке той цены на всей Земле,
Если с честью, без корысти, – не найти и слова мне.
Ну, а коль с ценою жизни сердце матери сравню,
То достоинства и чести сердца я не уроню.
В него старость не заходит, в нем упрека не найти,
И усталости в то сердце путь заказан. Нет пути!
В нем – мы первое дыхание, долгожданные, берем,
Открывая в жизнь двери незабвенно белым днем.
Сердце матери!
Достоинно, в счастье – жить оно велит.
Сердце матери!
Ты – совесть, и моя, и всей Земли!
(перевод Н. Шамсутдинова)

СВЯТАЯ ЖЕНЩИНА-ОГОНЬ

Подаренная духом Ворт,
добра земля моя родная,
над ней искрится солнце, свет
лучей бросая в синеву.
Святая женщина-огонь,
под ним, счастливая, выросла я,
Святая женщина-огонь,
его надеждами живу.
Когда из дома выхожу,
что лаской и покоем дышит,
сах надевая, выхожу,
он вырывается из рук –
его узорную полу
день дуновением колышет,
узоры яркие бегут,
огнем играя на ветру.
Я надеваю свой платок,
в снегах, поземкою повитых,
узоры, кисточки его
колышутся передо мной.
Я вижу жизнь земли родной
с семи сторон ее открытых,
глазами ясными вобрав
всю прелесть красоты земной.
Теченья вод моих таят
источники семи мелодий,
всем слухом воспринимаю их,
чьим тихим ладом дорожу.
Святая женщина-огонь,
так я живу в своей природе,
Святая женщина-огонь,
ее дорогами хожу.
Когда вхожу в свое жилище,
не ущемленное углами,
сажусь – где исстари сажу,
покоем дышит мой изгиб,

красивыми руками я,
как плавниками обских рыб,
творю ветвящийся узор,
вернее, множество узоров,
святая женщина-огонь,
я украшаю все вокруг.
Сородичи, я не таю
прекрасное от ваших взоров,
святая женщина-огонь,
всем ханты я, по сердцу, друг.
Их золотые думы в песнь
любви и радости впишу я,
сплетая в ожерелье их,
я сокровенное творю.
Святая женщина-огонь,
так о возвышенном пою я,
Святая женщина-огонь,
так об извечном говорю.
Подаренная духом Ворт,
добра земля моя родная,
над ней искрится солнце, свет
лучей бросая в синеву.
Святая женщина-огонь,
так о родной земле пою я,
святая женщина-огонь,
ее заботами живу...
(перевод Н. Шамсутдинова)

ДОЧЕНЬКА, ДОЧЕНЬКА!

Освещалась юрта Солнцем и Луною,
И по зорям ярким день и ночь бежали.
Матери старанья собраны тобою,
И твои ручонки жизнь мою держали.
Доченька – кровиночка, доченька – душа,
Бесконечным временем хорошо дышать!
И походкой легкой по моей дороге
Мастерицей вышла в сахе ты расшитой.

Много удивлений и умений много
В теле твоём гибком юностью разлито.
Доченька – кровиночка, доченька – душа,
Нелегко, да надобно время украшать!
Юную хозяйку радостною песней
Уведет куда-то человек нездешний.
Наградит мужчина счастьем поднебесным,
Сердцем удивленным и душой негрешной.
Доченька родная, душенька, кровинка,
Береги от грязи радости слезинки!
Светлые два Солнца примет нежно время,
Как два дня похожих принимают ночи.
Под Луной невинной примешь мужа семя,
Чтоб союз извечный на Земле упрочить.
Дочь – душа, кровиночка, доченька моя,
Пусть теплом прославится и твоя семья!
(перевод В. Мазина)

МОЛИТВА МАТЕРИ

Вот столик с едой я поставила,
Вот столик с питьем я накрыла.
С горячих блюд пар поднимается,
С горячей еды и питья поднимается легкий дымок – пар.
Пусть посетят пешие святые сто духов мой дом,
Пусть витают крылатые святые сто духов.
Дом мой, полный маленькими детьми,
Пусть заслонят от зла полой святой одежды.
Дом мой, полный молочными детьми,
Закроют святой одежды рукавом,
Отделят от болезней и смертей.
Пусть светлые дни, для жизни данные,
Не потемнеют, черными не станут.
Торумом Большим Отцом посланные,
Моим молоком вскормленные маленькие дети
Пусть будут бережены Тобой,
Твоими полами святой одежды заслонены,

Рукавами святого гуся*
Прикрыты от горя и несчастья.
Я молю дочерям светлую жизнь,
Я молю сыновьям долгую жизнь,
Чтобы на их пути не было преград,
Чтобы их жизненные дороги бежали
По мягкой и гладкой Земле,
Мы бы все вместе спокойно жили.
Пусть этот стол с едой,
Пусть этот стол с питьем
Всевидающие сто святых,
Всеслышащие сто святых
Увидели, приняли, вкусили
Пищи и питья.

СВЕКРОВИ

Благодарю я за любовь
Склоненной головой
Тебя, незримая свекровь –
Мать мужа моего.
За то, что лучший из мужчин
Мил сердцу моему,
За то, что плакать нет причин
У очага в доме.
Ты в мир другой давно ушла,
Но доброта твоя
Разлита в сыне без числа –
Он тратит не тая.
Своей богатою душой
Судьбу перелистал,
Он русским братьям друг большой,
И вровень с ними встал.
Родные искры теплоты
Чувала средь зимы

* Гусь – мужская одежда мехом наружу.

Оставила для внучки ты,
Чтоб радовались мы.
И теплый тундровый костер
Твоих тяжелых дней
Не покидает сына взор
У городских огней.
Тебя не знала я в лицо,
Но светлые черты
Твой первенец дарил отцом
Дочурке. С нами ты.
И твоей внучки колыбель
Несу я, как любовь...
Пусть будет мягкой постель
Земли тебе,
Свекровь!
(перевод В. Мазина)

МОЯ ПЕСНЯ, МОЯ ПЕСНЯ!

В ритмах сердца и устно, и письменно
Я к народу лечу моему,
Ибо слово рождается истиной
Женской доли в таежном краю.
Оттого и крылатою стала
Негромкая песня моя,
Но куда бы она ни летала –
Возвращается в наши края.
Никогда никого не обижу
Здесь, где звуки любви родились,
Где я в сердце ношу все, что вижу,
Что песнею названо: жизнь!
На просторе крылатом не тесно нам,
И рвутся из каждой избы
По хантыйской земле долгопесенной
Ветвистые кроны судьбы.
Я не дерево, веток лишненное,
Потерявшее корни свои,
Но хантыйской судьбою исконною

Меня дедовский дар напоил.
Не догонят ни звери, ни птицы
Распевное слово мое –
Как олень на свободе, все мчится
Окрыленное житие.
В ритмах сердца и устно, и письменно
Из моей небогатой избы
Посылаю слова свои листьями
По сибирскому ветру судьбы.
Не догонят ни звери, ни птицы
Окрыленную песней жизнь,
Что оленем упрямо домчится
В небесную высь.
(перевод В. Мазина)

ХАНТЫЙСКОЙ ЗЕМЛИ ПЛАЧ

Леса мои, украшенные ожерельями
Из разноцветных бус,
Боры мои с кудрявыми, вьющимися волосами
В безлесье ржавые болота
Втоптаны, вдавлены.
Пастью прожорливого зыбуна
Проглочены, съедены.
Радуги мои из
Вшитых полос разноцветного сукна
Втоптаны в черную болотную жижу.
Многослойные, многоцветные
Переливы красок радуги
Вдавлены в черный ил.
Матери-Земли слышу плач:
«С головы моей много-много волос
По одному, по одному выдергали.
С головы моей, где много-много
Прядей волос было,
По одной, по одной пряди выдергали, высушили,
Как труха, рассыпаются
Украшенья моего косника –

Ожерелья-радуги с корнями
Вместе выдергали, вырвали.
Оставшееся мое дыхание
С дымом смешалось.
О, великодушный Свет-Отец!
Дыхание мое кончается!
О, великодушная Солнце-Мать!
Как я дальше буду жить?»
...Дыхание страха вошло в мою душу,
Тело мое покрылось холодной
Склизкой пленкой,
Дыхание внутрь сердца ушло.
Слезы горя, беды дождем
В мою Землю ушли, впитались.
А моей святой Матери-Земли слезы –
Куда они уйдут?

МОЯ БЕРЕЗОНЬКА

Белое дерево с живым сердцем,
Бесценное дерево с белым сахаром...
Моя березонька,
Ты даешь мне жизнь.
Дерево бесценное мое, дерево с живым сердцем,
Всегда и везде ты со мной.
Знаю, ты говоришь мне:
«Живи, живи, добрая женщина,
Душа твоя светла и чиста,
Она вся светится.
Живи, живи женщина-ханты,
Сделай свою жизнь ветвистой».
Я смотрю на свое дерево,
Так ему говорю:
«Стой, живи, мое дерево,
Мое сердце светится тобой,
Твоей силой!
Живи, живи, моя березонька,
Тепло твое греет мое тело, мою душу,

Ты их делаешь сильными и живыми».
Светлое дерево с живым сердцем,
Бесценное дерево с белым сахаром...
Моя березонька!
Ты даешь мне живое дыхание жизни.
Глаза твои, подобные двум звездам,
На меня посмотрели.
Два огня – твои глаза –
Задели мой взгляд
Теплом, хлынувшим от дневного летнего Солнца.
От взгляда твоего сердце мое стало горячим.
Светом дневного летнего Солнца
Наполнилось мое сердце,
В кипящий котел упавший кусочек льда – мое сердце
Растаяло, растопилось.
В горячий огонь упавший кусочек льда – мое сердце –
Стало светиться, искриться.
Что же теперь ты можешь мне сказать?
Что ты можешь сделать, чтобы это остановить?
Мое, женщины, горячее сердце
Чем и как ты можешь остудить?
Мое, женщины, крылатое сердце
Чем и как ты успокоишь?
Высокий мужчина, красивый мужчина,
Зачем ты встретился мне?
Человек с высокой большой душой,
Зачем ты меня нашел?

В СЕРДЦЕ ЛЕСА

Стою в сердце леса.
Живу в сердце леса.
Или, может, лес в моем сердце...
Дышим с ним одним воздухом,
И душу, и думу имеем одну:
Человек и звери, рыбы и птицы
Пусть бы счастливо и радостно жили.
Есть здесь для них одежда,

Пища, все есть, что нужно для жизни.
Радостная, дивная мелодия
Многих песен сердце мое растворяет,
Когда я слышу ее.
Красоту найдет лес для каждого сердца.
Если устанешь – силы здесь найдешь.
Если ты мерзнешь – найдешь тепло здесь.
Если душа пуста – здесь душу наполнишь.
В таком доме только умей жить...
Если кто-то не замечает всего этого,
То живет с пустым нутром.

ВЫ БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ ВЗГЛЯДУ МОЕМУ

Я здесь рожден и что грядет – приму
Под северной бескрайней синевою.
Вы белый лебедь взгляду моему,
Как лебедя, не смею вас неволить.
А красота – оленей, что луной
Сотворены из золота и ветра.
И я на все готов для вас одной,
Прислушайтесь, поймите и поверьте.
Хотя бы отчуждения не сейте.
Напряжены, болят все нити сердца.
(перевод Г. Слинкиной)

Я УШЕЛ НА ВОЕННУЮ ДОРОГУ

Посвящается невернувшимся с войны

Я ушел на военную дорогу,
Я встал на военную дорогу.
Жена милая моя из Осьоланг,
Подруга милая моя из Осьоланг,
Маленького Екора – сына
Тебе оставляю.
Моего сына – маленького Екора
Ты вырасти.
Может, мое здоровье, красота и молодость

На поле боя останутся.
Только слово мое помни и
Знай,
Только слово мое не забывай,
Прощу.
Сердце мое тебе оставляю,
Кровь свою горячую тебе вливаю,
Всего себя тебе отдаю.
Не ищи другого друга,
Не находи другого мужа,
Маленького Екора,
Сына моего, вырасти.
Пути, которые я проходил,
Пусть он тоже пройдет.
Пояс тугой хорошего человека
Пусть и его украсит.
Пути, богатые рыбой,
Пусть научится находить.
Пути, богатые зверем,
Пусть ему не будет трудно пройти.

ПРИШЛА ВЕСНА

Пятиаршинным темным льдом
Обледеневшие воды рек
Дышать не могут –
Им нужна весна всесильная.
Красавица из сказки – девица прекрасная,
Светлолицая весна,
Приходи скорее землю украшать,
Нам радость, веселье и счастье принеси!
Черный лед, застывший за зиму,
Попался на жаркий зуб Солнца –
И водою став, расплылся по земле
Во все стороны с радостным смехом.
Звуки радости слились с песней ханты.
Святящаяся солнечная весна
Оживила земли, воды,

Птички стали петь!
У девушки на пальце кольцо.
В ее сердце тоже пришла весна –
В душе у нее любимый парень.
И в нашей жизни весна,
Тепла ее хватает на всех.

МУЗЫКА МОЕЙ ЗЕМЛИ

Со свистом и воем бушует буран,
Как на празднике старый колдун.
Дым снежный вихрится вокруг...
Даже берег Оби исчез, ушел из глаз.
– Не выйдут люди в дорогу! –
Крикнул полный холода и мороза Север.
– Со мной не старайся мерить силы,
Я чувствую силы в себе,
Готов с тобой потягаться, –
Сказал в ответ человек.
Мерный, сильный, звенящий стук рыбацкой пешни,
Оленей зовущая песня,
Грохот буровых...
Слышит Север музыку песен, мелодии моей земли,
Сердце Севера растворилось
В тепле человеческой души.
Это тепло по просторам Оби
Течет нефтью и газом – молоком и дыханием земли.

МОЯ ТУНДРА

Знаю, помню, тундра, твою душу и сердце.
Вижу твое лицо и тело – лето.
Смотрю на твои украшения:
Кусты карликовых березок – это ожерелья,
Мягкая неясная поросль молодых трав –
Твое одеяние.
Словно жених, высокая единственная сосна
Оглядывает пространство тундры,

Слегка улыбаясь,
Ищет свою судьбу – любимую.
Голубые озера, красные кочки мха –
Все это моим глазам дивная радость.
Там отцовской нарты след на моем сердце пишет
Заветные слова,
Думы мои обретают крылья.
Кровь делается густой, как красный мох моей тундры.
Нутро становится горячим и красивым, как ты, моя
тундра.
Я не буду ползать по земле,
Превращусь в птицу, которая улетает на зиму, а
гнездится здесь.
Каждый год буду прилетать к тебе,
Чтоб набираться снова силы и красоты.

С СОЛНЦЕМ, В СТОРОНУ СОЛНЦА!

В жизни много ветвей, развилок...
Их найти помогут люди.
А куда мне идти, по какой из дорог
Повести мою жизнь?
Какую из веток дорог, поворотов мне выбрать?
Земля, как муравейник весной,
Нет покоя.
Вижу площади, заполненные людьми...
Все куда-то собираются, готовят нарты,
Повозки, поезда, лодки.
Вижу: добрые думы люди выбрали,
Добрые дела хотят делать.
Но тут же и зло, грязь
Прячут другие.
Они рвут сердца моих людей,
Травят их души.
Мне больно это видеть,
Трудно жить со всем этим.
Знаю, надо мной высоко Светлый Торум!
Знаю, светит золотое Солнце!

Там ищу правду жизни!
Там ищу высокие думы!
Оттуда прошу силы для жизни!
Вдруг сердцу стало легче,
Трудности отступили разом,
Сердце раскрылось.
Это Ельцин в сторону Солнца
Направил свой духовный посох.
Смотрю, полотно ветряной птицы
Поплыло в сторону Торума...
Вот куда моя дорога жизни идет!
В эту сторону должна идти моя жизнь!
Моему народу надо туда же попасть,
Это, ханты, я хотела вам сказать.

МОЕ СЛОВО, МОЙ ЯЗЫК

Если б слово свое я не слышала,
Если б язык свой не знала,
Кто бы меня услышал?
Как бы я на Земле прожила?
Каждая веточка моего языка –
Это моего народа святой звук.
Каждый корешок моего слова –
Крепко связан с нитями сердца.
Если бы я слово свое не услышала,
Если б язык свой не знала,
Кто бы меня услышал?
Как бы я на Земле жила?

ПУСТЬ ЖИВЕТ НА ЗЕМЛЕ ДУХ ДРУЖБЫ

Вокруг витает дружеская жизнь,
Хотя живем мы в самых разных землях,
Говорим на разных языках,
Но мы сердцами тянемся друг к другу,
И держат нас
Невидимые нити.

Лишь вместе зло мы сможем отвести,
Когда народы дружбе цену узнают,
То за нее держаться будут крепко...
Со сказочных времен
Живем мы на одной Земле,
Пьем воду одну.
Светлый Торум тоже один.
Пусть царит на Земле дружба,
Хоть говорим на разных языках.

СТАРЫЙ МУРАВЕЙНИК

Старый, заброшенный муравейник
Подобен старой заброшенной юрте.
Вершина муравейника распалась и упала,
Стал он похож на старый дом с
Провалившейся крышей.
Нет поблизости ни одного муравья,
Только их ходы, словно живые нервы, сплетены
Вокруг муравейника.
Мне кажется, что это затянувшиеся мхом и травой
Пешие тропы
Охотников и рыбаков, идущих к старой юрте
И ведущих людей в леса и в воды за добычей...
Сколько хвои, сколько серы
Муравьи собрали сюда!
Сколько раз всем муравьиным миром
Надо было по этим ходам ходить,
Сколько сил и труда надо было,
Чтобы все это собрать и сделать дом муравьям.
Вижу снова труд людей – предков,
Сколько надо было иметь силы в руках и ногах,
Чтобы строить дом жизни...
Листья, хвоя и кора деревьев, сера...
Никому сейчас здесь не нужны,
Гниют здесь напрасно, без пользы.
Я не могу ни о чем думать,
Будто близкий человек ушел из жизни навсегда.

Старый муравейник – заброшенная юрта,
Хвоя, листья, кора деревьев и сера –
Старые вещи народа ханты.
Очень больно сердцу.
Вижу площадки, где дети играли,
Громкий смех и детские голоса
Дразнили эхо в лесу.
Вот и сосна. Через ее сильный и толстый сук
Была переброшена веревка,
На которой качались дети –
И этот сук как бы качал детей.
...Вижу места, где старые ханты мастерили из дерева,
Корней, серы свои прекрасные, нужные для жизни
вещи
С помощью топора и ножа.
Узнаю эти заветные места по почерневшим щепкам
и стружкам,
Здесь весла, лодки делали,
Плели морды, обрабатывали корни деревьев, из них
Делали прочные нити для сшивания частей лодок,
Домашней утвари.
Высокая нарта с лиственничными ножками
Вот-вот помчится ввысь.
Нарта для невесты с двадцатью шестью ножками
В образе журавля вперед бежит...
Все это я вижу,
Хотя никто уже не делает их, и их тут не было.
Старый заброшенный муравейник,
Зачем ты попался мне на глаза?
Может, и правда, что-то есть в тебе
Похожее на судьбу моих заброшенных юрт?
Потому ты больно задел мое сердце,
Как будто всегда был частью моей крови.
Хоть и радостей много у меня,
Не пойму, почему сердце не радуется тому,
О чем ты мне рассказал,
Старый, заброшенный муравейник...
Слезы прощальные, вода моей крови, пролились

На старый муравейник,
На след заброшенной юрты
И ушли в землю, впитались в нее.

СЛОВО ДЕДА

Дед размышляет: силы немного.
Видно, от старости не убежишь.
Не успевают слабые ноги
И отстают от скользких лыж.

Сколько мехов преподнес Отчизне,
Чтобы красивее всех была.
Сколько оленей!
С совестью чистой
Ты на свои оглянулся дела.

Люди в твой дом, как к родному, заходят:
То посоветуй, то рассуди.
Ну, а вчера на собраньи колхозном
Дружно сказали: на отдых иди.

Пенсия будет.
О добрые дети!
Пенсия – что за питье, за еда?
Дед мой бывалый не слышал про это,
Да и отец не видал никогда.

Вот ты какая, страна Россия,
Помнишь мой труд, мной дорожишь.

ПРИМЕТЫ, ЗНАКОМЫЕ С ДЕТСТВА

Если вода в реке, в озере потемнела, берега «сблизились» – быть непогоде, ненастью.

Если река или озеро «раскрываются», расширяются, вода спокойная, светлая – будет стоять хорошая погода.

Если радуга концами уходит в сушу, дожди перестанут лить, прояснится, будет ясная погода. Если же радуга концами уходит в воду: в озеро, в реку – будут длительные, проливные дожди.

Если на небе полыхают красно-оранжевые полосы при заходе солнца, завтра будет ветреный день или непогода: зимой – буря, летом – дождь с ветром.

Если дерево падает на глазах у людей, то кто-то умрет.

Если услышишь голос, шаги кого-то из родных в его отсутствие, то его душа уже отделяется. Мужчина после этого живет пять лет, женщина – четыре года.

Если птичка неожиданно подлетает к человеку, садится у окна или на дорогу перед человеком несколько раз садится – это к плохой вести.

Увидеть в полете стаю гусей, лебедей, особенно осенью – значит встретить их и весной, это примета жизни. Если пришло время отлета птиц, а человек ни разу не увидел стаю гусей, лебедей, улетающих на юг, то ханты говорят: «Неужели это моя последняя зима!»

Если листья деревьев дружно пожелтели и быстро опали, осень будет короткая, а если листья пожелтели, но не опадают долго, а снег уже выпал, то осень будет очень долгой.

Если снег выпал на желтую землю (без сильных заморозков) и больше не растаял, то в этом году будут болеть люди, звери, насекомые, словом, все живое будет болеть.

Если смотреть на Солнце, то увидишь в центре круг. Этот круг одним видится красным, другим синим, третьим – зеленым и т. д. Все цвета этого круга читаются. Синий, коричневый, фиолетовый цвета означают, что будет несчастье, неудача, болезнь, смерть... Очень хорошо, когда этот круг зеленый, зелено-голубой, красно – оранжевый...

Если диск вечернего, заходящего Солнца огненно-красный – это к войне.

Если собака ест зеленую травку – погода переменится.

Если собака покатится на задних лапах, ждите неприятностей или кто-то сильно заболит, а может, и умрет.

Смотреть вдаль, увидеть невидимое. Для этого нужно в темном месте лечь вниз лицом, сильно закрыть веки, а взгляд мысленно направить вдаль, туда, где что-то нужно увидеть. Например, нарты, упряжки оленей, людей, которые находятся в дальнем пути или в какой-то опасности. Если призвать на помощь своих домашних, родовых духов, обратиться к Земле, человек может все-все увидеть.

Можно «разговаривать» с деревьями, используя то, что корни деревьев уходят в Землю, вершина смотрит в Небо, ствол, ветки «осматривают» все вокруг. Дерево в курсе всех явлений Земли, Неба, Пространства. Нужно очень попросить дерево, и оно даст «ответ» – движением верхушки, веток. Например, нет долго никаких известий от родных, детей. Человек выбирает дерево, которое находится в укрытии от ветра, рассказывает, что его тревожит, помолится и ждет. Ответ обязательно будет.

Можно «разговаривать» с Водой. Вода в человеке, на Земле, под Землей, в Небе. Ханты всегда чувствуют единство. Можно налить Воду в какой-нибудь сосуд: ковш, берестяной кукар, посуда должна быть чистой (святой). Опять призываются духи, читается молитва о Воде, где ее называют вездесущей, везде находящейся, всезнающей. Затем задают вопросы. Для получения ответа надо поднять посуду с водой. Если посуда с водой тяжелая, то ответ – отрицательный, если легкая – утвердительный.

Если Солнце и Луна в молочно-белых кругах – это к снегу.

Если Солнце при заходе краснеет, краснота занимает все небо – это к сильным ветрам, к ненастью, к буранам.

Если Солнце юхлы вантл – смотрит обратно – то есть Солнце заходит, а противоположная сторона неба освещается лучами или лучи проникают в окно и освещают противоположную закату сторону – это к ненастью, непогоде.

Очень внимательно ханты наблюдают за ветрами и знают, что приносит ветер с каждой стороны, и соответственно строят свою жизнь.

Вихрь ханты называют сыном ветра – Вотпук. Если вихрь крутится долго около человека или «наскочит» навстречу или

сзади и вихрит у ног, то это он дает знать о какой-то опасности, связанной с жизнью и смертью. Обычно ханты бросают нож, топор, стрелу вихрю, и если эти предметы не находятся, то просто поругают: «Что тебе? Другого пути нет!», «Что тебе от меня надо, убирайся!» С вихрем связывают то, что он уносит от человека время жизни.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Затяжная весна опустошает лабазы, делает жизнь больной.

Руки без жил что ли?

Твои руки не жилами закреплены...

Если человек хороший, то всем расскажи о нем, только ему не надо об этом говорить.

А если человек плохой, то никому не надо говорить о нем, даже ему самому.

Земля без женщины мертва, а без мужчины жизни нет.

Ты не Солнышко.

Во рту пена кипит, а не поймешь, что говорит.

Рога что ли выросли, в дом не вмещаешься?

Не от тебя восходят Луна и Солнце.

ЖЕНЩИНЫ СОЛНЦА СВЕТЛЫЙ ПРОСТОР! ПРОСТОР!

(по хантыйской народной считалке)

Женщины Солнца светлый простор! Простор!

Быстро, быстро осветись, появись!

Если этого ты не сделаешь,

Не появишься, не покажешься,

Грозовой огонь я зажгу!

Грозovým огнём свет я сделаю!

Откуда мигом вышло золотое Солнце!

Так появился белый День!

Золотое светлое пространство вокруг!

Доброе, тёплое пространство вокруг!

Женщины Солнца светлый Простор!

СОННАЯ ТЕТЯ-ГЛУХАРКА

Женщина Солнышко спать легла,
Женщина Солнышко уснула.
Сонная Тетя-Глухарка,
Пестрая красавица женщина –
С изголовья узорчатой люльки моей
Высокую шею сонной Глухарки подними-ка.
Хватит, ты уже долго спала.
А сейчас твой сон
Отдай-ка мне.
Сладкий, приятный, тёплый твой сон
Пусть меня возьмет,
Пусть меня укроет.
А ты береги мой ночной сон!
Глухариный долгий взгляд свой
Уставь на меня.
Птичий зоркий добрый взгляд свой
Пусть смотрит на меня всю ночь,
Охраняй мой ночной сон,
Охраняй, береги мой детский сон!

ДЯДЯ ЩУКА

На земные травы и листья
Я цветом похож.
Хвост мой длинный,
Да сильный мой хвост.
Спина почти чёрная,
Брюшко обтянуто белой кожей.
Найдите, ищите,
Кто же я? Где я живу?
В воде? Может на земле?
Как выскочу –
Сразу рыбку проглочу.
Наверно узнали,
Зубастый и сильный
Дядя Щука я!

Знайте, в костях моей головы
Найдете вы:
Весло сказочника,
Женщину со связкой дров,
Ворону с лопатой лося,
Лосиные копыта,
Мужчину с лодкой-долбянкой,
Ноготь с мизинца...
С двухсот сказок и легенд
Загадки мои косточки носят...
Кто-то щуку не ест.
Говорят: «Святая», «Грех эту рыбку есть»,
«Нельзя её кушать».
Не берут меня на священные места,
Говорят: «Нельзя. Не годится щука
Для молебного стола».
Вот какой я –
Дядя Щука!..
А ты же, брат, знаешь,
Щука вкусная,
А икра? Нет вкуснее яства
На столе!
Не надо слушать,
Что в сказках сказано про меня!
Кушайте рыбку
И икорку мою...

ТАК ДУМАЮТ И ХОТЯТ МАМЫ И ПАПЫ

Знайте все вот что!..
Мне надо расти
Под солнечным Небом.
Мне нужно мужать
Под голубым Небом.
Надо стоять всем Папам и Мамам
Живой стеной против войн...
Детей надо беречь, оградить от бед,
Пусть растут в счастливой Колыбели –

На мирной Планете.
Так думают все Папы и Мамы Земли.
Вот теперь и я знаю –
На плечах Земли-матери,
На коленях святой Земли
Я должен расти и жить.
Под голубым солнечным Небом,
Со всеми мирными людьми на Земле
Я должен строить Жизнь!

ХИЛЫ И АКИ ЧЕРНОЕ СЕРДЦЕ

На перепутье семи соров, на перепутье семи рек жил Хилы со своей бабушкой, звали ее Има. Это были самые добрые, самые честные люди, и поэтому земля и воды не жалели своих даров для них, солнце им дни освещало, луна им ночи освещала, людское зло не трогало их сердца.

Очень гордилась Има любимым внуком. Он был умен, ловок, храбр. Какой бы день ни настал на земле, Хилы не сидел дома – он проверял ловушки. Попадал ли зверь, ловилась ли рыба в них, мы не знаем, но одно место, где ловил он налимов с большими и жирными максами, длиною в сажень, знали все люди семи соров, семи рек. Если кого застала неудача в пути, если в доме стало пусто и в котле варить нечего было, то Има и Хилы не скупились на помощь. Все считали, что за добрые души их земля дала им это место.

Так жили они, долго ли – тоже про то не знаем.

Но однажды случилось вот что. Пришел Хилы к своей налимьей ловушке, глазам не верит, думы и мысли отгоняет, которые тут же подсказывают ему недоброе: кто-то только что проверил морды и всю рыбу взял. Стоит Хилы, а ноги словно сетью опутаны, мимо него бегут то холодные ветры, то теплые ветры и шепчут ему: «Да, ты не ошибаешься. Недобрый человек только что был тут, проверил твою ловушку и унес добычу».

Люди семи соров, семи рек никогда не слышали о таком, не видели такого.

Стал думать Хилы, как найти этого злодея и как его наказать. В его человеческое сердце не вмещалось чувство, которое при-

нес этот злой человек, посмевающий проверить чужие ловушки. Лицо у него стало белым, как кора березы, сердце стало дуплистым деревом. Пришел Хилы домой к Има. Ни слова не сказав, лег на свои нары в переднем углу избы. Думы, как ветер, не давали покоя. Ночь прошла. Утром чуть свет снова Хилы отправился в путь. Много ли прошел, мало ли прошел, подходит к налимьей ловушке. Снова злой человек опередил его, проверил морды и всю рыбу вынул. У Хилы вместо налимов – пустой кузов и пустой пояс. «В одной голове ума и мудрости мало, надо посоветоваться с Има», – решил Хилы и отправился домой.

– Има, ты старый и мудрый человек, скажи, кто может нарушить закон предков, закон людей семи соров и семи рек – ходить росмахой и воровать чужую добычу?

– Кто про это сразу скажет? Ведь рука там не осталась. Но не простят воды, не простят леса, не простят люди человека, потерявшего душу, – сказала мудрая старуха. – Ты не печалься. Если люди днем не увидят этого человека, то нам помогут луна и звезды, им все видно с высоты небес, а ты можешь и укрыться около ловушки и покараулить, – советовала Има.

Хилы так и поступил. Чуть вечер наступил, Хилы ушел караулить. Кусты постарались укрыть его надежно, чтобы злой человек не заметил. Ночь проходит, утро приближается. Слышит Хилы скрип полозьев нарточки, насторожился, глаза и уши направил, чтобы увидеть и услышать, кто идет. Луна стала ярче светить, засверкали звезды, помогая глазам Хилы.

Пришел злой человек к ловушке, вытащил из воды морды, вынул налимов с большими и жирными максами, наполнил кузов, крепко привязал его к нарточке, поставил снова ловушку и хотел было отправиться в обратную дорогу, но тут перед собой увидел Хилы.

Хилы сразу узнал его, еще когда сидел в кустах. Это был Аки, который жил среди людей семи соров, семи рек. Сидело в нем черное сердце: он попавшему в беду первым не протянет руки, никогда к костру не позовет погреться. Никого не грело его черное сердце. Знали это все.

– Ивлап-аслап! – воскликнул Хилы. – Не стыдно тебе, Аки, чужие ловушки проверять? Вот на какие дела ведет тебя черное сердце!

У Аки задрожали руки и ноги, как ветки деревьев в большой ветер, лицо стало черным как ночь. Семь раз его подбросило над землей, семь раз падал на землю, потом вымолвил нечеловеческим голосом как велело его черное сердце:

– Это ловушка моя, а не твоя!

Всего ожидал Хилы от этого человека, только не этих слов.

– Это ловушка моя, знают люди семи соров, семи рек, знают небо и земля! Как у тебя язык повернулся так сказать? – возмутился Хилы.

– Что мне люди семи соров, люди семи рек? Знает бог Торум, – процедил с закрытыми глазами Аки Черное Сердце.

– Хорошо, приведи своего Торума, пусть он докажет.

Как решили, так и сделали. В условленный час, в установленный день пришел Аки Черное Сердце с деревянным идолом-божком, и Хилы тоже побеспокоился о защите: уговорил свою мудрую бабушку Има сесть в нарточку, надел на нее украшения, платки, платья – преобразилась старуха.

«Сама богиня Вут-Ими пожаловала на спор», – подумал трусливый Аки, увидев разряженную «куклу».

Хилы поставил нарточку с Има на горку так, чтобы, чуть покачнувшись, она покатилась вниз.

Аки подошел со своим деревянным идолом и поставил его у дерева.

– Ну давай, Аки, будем решать, чья все-таки ловушка наливмов. Спрашивай своего бога! – обратился Хилы к вору.

Подошел Аки к своему идолу и взмолился:

– Все, что имею, отдам тебе, хочешь, еще тебе сделаю подарок? – Повернулся он семь раз вокруг себя по ходу солнца. – Не обходил я тебя вниманием, полка твоя полна мехов и шелков. Дай знать Хилы, что ловушка наливмов моя, она мне оставлена в наследство от предков моих.

Деревянный идол как стоял, наклонившись к дереву, так и стоял. Лицо Аки скривилось от боли, даже зубы оголились, а Хилы так громко засмеялся, что услышали люди семи соров, семи рек и решили узнать, что случилось, над кем смеется Хилы. И собрались в путь.

– А теперь, Аки, моя очередь спрашивать! Подойди сюда, встань перед моей нарточкой. Пусть эта женщина разрешит наш

спор, чья ловушка налимов: моя или твоя. Пусть она наедет на того, кто лгун и вор.

Начала Има раскачиваться, а нарточка стала скатываться под уклон на Аки. Мечется Аки из стороны в сторону, катится вниз, а за ним – нарточка с Има. Над бедным старым Аки Черное Сердце стали смеяться воды и леса, ветер и люди семи соров и семи рек, успевшие добраться сюда. Не могло выдержать черное сердце вора, оно лопнуло, и он стал уже человеческим голосом кричать:

– Не моя ловушка налимов, а Хилы! Простите меня, люди, прости меня, Хилы!

И Аки не заметил, как у него появилось новое сердце, уже не черное, а такое же, как и у людей семи соров, семи рек.

Много ли, мало ли воды утекло с тех пор, много ли, мало ли дней и ночей ушло, но Хилы и Има по-прежнему живут среди людей семи соров, семи рек. И мы с ними живем.

ХЛЕБУШКО

Жили-были муж с женой. Мужа звали Икилэ, а жену Имилэ. Уж так издавна велось: Икилэ находил себе занятие в лесу или ловил рыбу. Ездит-ездит, приедет домой, сменит износившуюся обувь и одежду, привезет жене мясо, рыбу, шкурки убитых зверей – и снова в лес. Был он добр к людям.

И Имилэ тоже знала, что делать. Ведь не мужское дело отапливать дом, заготавливать хворост, шить одежду, готовить еду. Она сушила рыбу и мясо. Всего у них в доме было полно, только муки мало. Все умела делать Имилэ, только вот беда: была очень грубая и жадная.

Однажды жена решила состряпать хлебушко – Няние, уж очень ей захотелось мягкого душистого хлебушка попробовать. Взяла икры, сбила ее деревянной ложкой, высыпала последнюю муку в берестяной бачок. Замесила тесто. И грубо, как камень, бросила тесто на сковородку.

Очень обиделся Няние, но ничего не сказал, стал печься. Тем временем Имилэ выстругала остроконечную палочку – и ну тыкать Няние то тут, то там, словно шилом. Пробует – испекся ли. Няние стал прыгать от боли. То на одну, то на другую сторону

повернется. Больно ему было, очень больно. Жадная Имилэ не успокаивалась – ей хотелось скорее съесть Няние.

– Ждешь-ждешь! Пекись скорей! Я есть хочу! – кричала она на весь дом.

Хлеб старался скорее поспеть, зарумяниться, вздрагивая от страшных уколов.

А у Имилэ глаза больше прежнего разгорелись, зубы стали острее, а сердце еще злее.

– Скоро я тебя съем, Няньлэ! Ты будешь в моем животе! – дразнила она Няние.

Только хлеб поспел, стал румяным и пышным, – Имилэ тут как тут. Хотела ткнуть острой палочкой и поднести ко рту, а Няние – прыг! На столе оказался. Имилэ – к столу, а Няние – на полку с посудой. Полка эта находилась на женской половине дома! Имилэ в ярости бросилась туда.

А Няние покатился в передний угол дома и прыгнул на святую полку, где жил домашний бог. Женщине нельзя было даже касаться этой полочки.

«Здесь Имилэ меня не достанет», – подумал Няние.

Испугалась Имилэ: «Как же я теперь съем хлеба?» Но забыв обо всем и даже о боге, она с руганью потянулась за Нянием. Хлеб засмеялся, изловчился и прыгнул через голову женщины, стал кататься по всему дому и смеяться над грубой и жадной Имилэ. Она старалась его догнать, пока не перебила всю посуду.

Хлеб открыл двери и выкатился на улицу. Имилэ опомнилась, выскочила за ним, увидела собак и сколько есть силы закричала:

– Пурис, пурис! Лэвис, лэвис! – что значит: «Кусайте, кусайте! Съешьте, съешьте!»

Собаки помчались за Нянием. Вот-вот его поймут и съедят. А Няние подумал: «Ведь собаки есть хотят. Они ведь не то, что их хозяйка – добрые. А я, Няние, неблагодарный».

Он отломил от себя корочку и бросил собакам. Они схватили корочку и не стали преследовать. Няние тем временем исчез.

Имилэ, беспомощно разводя руками, громко плакала и звала Няние. Но он и слушать не стал ее.

В густом ли лесу, в темном ли бору седел Икилэ и варил мясо. Не один бор обошел, не одну речку переехал – сил не стало, и хлеба нет. Думы тяжелые, горе гложет сердце.

«Вот Няние бы пришел на помощь», – сетовал он. Только подумал – гладь; около него сидит Няние, лица на нем нет. Усталый, истыканный чем-то...

Икилэ взял его осторожно натруженными руками, загладил раны на хлебе и поцеловал его. Посадил на самое почетное место у костра. Няние стал веселым, румяным, пышным и очень хотел, чтобы Икилэ его съел и стал самым сильным и умным.

Икилэ съел Няние, улыбнулся и сразу почувствовал такую силу в руках, в ногах, что мог объехать не одно болото, мог пройти не одну землю. В голове прояснилось, а сердце стало еще добрее.

Пусть здесь этой сказке будет конец.

Только Икилэ просит вот что запомнить. Няние – это сила людская, да не простая. У кого недобрые сердце и руки – хлеб не дается им.

Да и я так же думаю: злой человек пусть и близко к Няние не подходит.

СТАВШИЕ СВЯТЫМИ ДУХАМИ ТРИ ЖЕНЩИНЫ

Этот сон приснился мне 10 марта 1991 года. Я не сном теперь это называю, а сказкой. Кто знает, может, и вправду наступит такое время, и эти три женщины – внучки Вон Торума – будут вести живую жизнь людей, деревьев, трав, зверей и птиц на Земле, в Космосе. Эти три святые женщины заменят уставших святых духов, которые по сей день берегли, сохраняли мой народ и его окружение... Такие у меня мысли, такие думы.

...Я даже не успела как следует уснуть, как явилось мне это видение (я точно знаю, что это не сон, все это я видела). Ко мне пришла женщина, слегка улыбаясь, посмотрела на меня, положила руку на плечо. Я подумала: знаю или нет эту женщину? Она была очень красивая. Косы были длинные, до пят, на коснике, на одежде много украшений. На голове цветной платок с длинными кистями. Косник с украшениями и кистями платка переливались блеском и множеством цветов, которые я видела в

природе, вообще в окружающем большом Пространстве – в доме Торум Аси, Торум Анжки. В этот миг я подумала о маме, когда-то она тоже была такая красивая, благородная, но это была не мама...

Мои думы сразу же прервала женщина: «Нет, я не твоя мама, только ты меня послушай, что я тебе расскажу... Вот живу я, и у меня родилась девочка, дочка появилась. Но не успела я обрадоваться, почувствовать ее своим сердцем, она исчезла. То ли пеший дух взял, понес, то ли крылатый дух взял, понес мою крошечку, я не знаю, даже не заметила.

Что тут поделаешь, стала дальше жить. Родилась у меня вторая девочка. Радость не успела войти в мою душу – снова девочка исчезла, только промелькнула. Что за чудо? Кто был? Может, пешие сто святых духов, они взяли мою доченьку, а может, крылатые сто святых духов, они понесли мою крошечку... Где мне ее искать, где мне ее взять? Остались у меня пустые руки...

Снова начала жить дальше. Недолго так прожила, снова девочка у меня появилась. Какой чудесный человечек! Радость какая!..

И вдруг все опять исчезло. Опять не стало моей чудесной крошечки, опять осталась без маленькой дочки, нигде ее нет. Никакого святого духа не заметила, никакого злого духа не видела, даже во сне не приснилось. Кто знает, что за чудеса?

Третью девочку тоже не удалось мне растить, не пришлось радоваться моему материнскому сердцу, моей материнской душе. А теперь слушай дальше. Собирайся, пойдем со мной, может быть, мы повстречаем моих девочек, может, наши глаза увидят моих дочерей».

И мы с ней вышли в путь. Мы сразу увидели большой, красивый дворец, только смотрю и гадаю: из чего же он сотворен? Не из бревен деревянных, не из камня и кирпича. Стоит этот дом, этот дворец высоко, занимает полнеба, построен, смотрю, он из разноцветных радуг. Все цвета небесной радуги переплелись, слились, переливаются. Они превратились в такой дворец. Живет в этом доме молодая женщина, сидит на высоте Солнца, на высоте Луны. Она все-все видит кругом, осматривает все вокруг себя. Эту женщину тоже со всех углов Земли и Неба видит каждый человек, видят и знают птицы, звери, деревья, травы, звезды. До сих

пор мои глаза видят красоту, украшения этой женщины. Ее вид, одежда и человеческое сердце греют меня. Бисер, бусы, ожерелья украшали ее голову, шею, волосы были черные, блестящие, длинные, вплетены в косы, на голове шелковый платок, его длинные кисти далеко развеваются. Женщина была очень большая и высокая. Пока я все это рассматривала, моя попутчица все стояла возле меня. Вдруг посмотрела на меня и воскликнула: «Ешак Вон Торум Аси! Предобрый, прехороший Большой Торум Отец! Это же моя самая младшая дочка. Видишь, кем она стала, видишь, Большой Торум кем ее поставил, кем ее нарек. Она стала святым, добрым духом. Всем земным людям, женщинам и мужчинам, счастье, радость дает, посылает, всему живому дает дыхание жизни, греет кровь, сердце человека, ее сердечное тепло впитывается в Землю и Воду, звери, рыбы, деревья и травы, букашечки берут живое ее дыхание и тепло».

Услышала я это и подумала: «Наверное, ее дочку взял Большой Торум Отец». Женщина как будто угадывала мои мысли и думы, сразу отвечала.

– Да, это правда. Ты же видишь, где она живет, как она одета, украшена. Сколько тепла и силы у нее, все это отдает жизни на Земле, в Пространстве. Большой Торум Отец дал ей назначение быть святым духом жизни, поэтому все должны молиться ей, кому нужна жизнь, кому нужно живое дыхание, продолжение или появление жизни. От нее только будет зависеть, чтобы были живые люди, звери, травы и деревья, птицы, рыбы, только она будет продолжать живые корни жизни.

Пока я слушала женщину, увидела другое... Вокруг меня солнечно, живая Земля. Сколько людей на Земле – видно всех до единого, знаю, чувствую все и вижу их жизнь. Это же знает, видит, чувствует моя попутчица. И тут мы с ней увидели женщину, какую ни в сказках, ни во сне никогда не видели, не знали.

Величиной она была такая, что Землю могла заслонить, Землю могла укрыть, высотой была такая, что могла Землю заслонить. Она была очень красивая, множество украшений висело на коснике вдоль длинных, черных кос, ожерельями украшены шея, одежда. Однако, руки и ноги у нее не были похожи на человеческие, они походили на лапы какого-то когтистого зверя, покрыты были длинной шерстью цветом темно-синего дыма. И

еще она не ходила на ногах, а витала волнообразно между Землей и Небом, слегка задевая Землю то передними лапами, то задними лапами. При этих движениях каждая шерстинка на лапах горела огнем, дышала, отдельно жила. И. что бы эта женщина ни задела, чего бы ни коснулась – только вихрь пронесется и там ничего живого не останется. Как говорят в хантыйском народе, «мертва земля, безжизненна вода».

Моя попутчица тоже наблюдала за ней, за этими чудесами. Вдруг неожиданно опять воскликнула: «Ой, Большой, Светлый Бог – Торум Аси! Это же моя средняя дочка! Вот кем она стала по воле Бога Торума! Она тоже стала святым духом, только духом, посылающим всему живому смерть. Эй-я, ее глаз что увидит, ее взгляд что найдет, что ее руки заденут, чего ее ноги коснутся – все это исчезает, умирает, затухает. После этого нет живой Земли, живой Воды, живой Жизни».

А я тогда подумала, что первая святая женщина, которая живет во дворце из радуг, дающая жизнь, живое дыхание, наверное, сильнее этой святой, посылающей смерть, убивающей все живое, закрывающей живое дыхание...

– Нет! Знаешь, она же младшая дочка, ее сила не возьмет силу старшей, – сразу ответила женщина моим мыслям.

Пока я слушала ее, святая женщина незаметно исчезла, ушла с глаз полузверь-получеловек, причиняющая горе и смерть, неизвестно куда.

Мы находимся очень высоко и нам все, все видно, никакая деталь живой жизни не ускользнет из нашего взгляда, из нашей души, что нельзя увидеть – чувствуем.

Оглядываемся мы, две женщины, вокруг, и видим, где пасутся коровы, олени, кони, овцы, видим кто, что умеет делать красиво, кто творит разные чудеса. Наши уши ловят сказочные звуки, песни, мы видим игры. Танцующие – танцуют, поющие – поют. Люди целыми городами, деревнями живут, все делают разные дела, без которых невозможно жить, нельзя жизнь вести. Везде проявляется сноровка рук, ног. На плечах живой Земли растут, вырастают узорчатые леса, вьются и бегут струей реки и речки. Люди бегают за зверями, за рыбами – охотятся, рыбачат. Куда бы мы ни посмотрели – везде видим, как одна женщина подсказывает, наставляет человека на дело, учит мастерству,

душу пестует, побуждает творить красоту, добро, бессильного делает сильным, неумелого умелым... Женщина эта краше двух первых, одежда на ней переливается всеми цветами жизни, вся в узорах.

– Ешак Нуви Асие! Это же моя старшая дочка, это же мой первый ребенок! Она тоже стала святой женщиной, дающей людям мастерство, ум, талант, творческие способности, чтобы человек мог творить красоту, руками и ногами делать чудеса. Моя старшая дочка стала по воле Светлого Отца духом творчества, ума и мастерства, без чего нельзя живую жизнь иметь на Земле и в Пространстве. Все, что накоплено за сто Солнечных лет, сто Лунных лет, она знает и передает всем, каждому человеку отдельно. Мало иметь тело, живое дыхание, надо уметь делать все, что необходимо для светлой живой жизни.

Только произнесла она эти слова, я почувствовала, что она исчезает куда-то. Я подумала, неужели мы с ней расстанемся, и кто же она была? В ответ слышу: «Думай, думай, думай...»

ХИПС-ВИПС

В бездверном, в бесстенном большом Доме, где живет наше Солнце, светит наша Луна, искрятся наши Звёзды, живет и наша родная Земля. Не мы одни, только люди, живем на ней. С нами живут, ты знаешь, деревья, травы, цветы. В лесах бегают, живут звери большие и малые. На небе летают птицы, бабочки, по Земле ползают жучки и паучки... На Земле – океаны, моря, озера, по Земле текут реки, речки и ручейки... В этих водах живут, плавают рыбки. Вода – это их дом.

Жизнь на Земле, как и вода, течёт быстро. Тысячи и тысячи лет позади, ушло очень много поколений людей, но они оставили нам самое ценное – традиции, обычаи, корни жизни, сказки, легенды, песни, танцы. Всё это передаётся из одного поколения в другое как великая ценность, без чего нельзя, даже невозможно жить дальше.

Каждая бабушка, каждый дедушка знают всё это и рассказывают детям, внукам и правнукам, вливают в их души добрые силы, наполняют их сердца ценностями, накопленными на Земле, учат беречь Землю и Жизнь.

Да, это так. Нельзя без надобности рубить деревья, топтать траву, рвать цветы. Нельзя убивать зверей, птиц, букашек, жучков. Пусть на Земле с нами живут комары, мошки, бабочки, мухи... Они тоже хотят жить, их тоже Бог создал. Да это всё так! А где сказка?

Вот и сказка.

В каком-то углу Земли, в котором-то изгибе реки жили муж с женой. У них был сын. С ними жили бабушка и дедушка. Это были два старых и мудрых человека в этой семье.

Сказка есть сказка. Вокруг люди объезжали, обходили земли, воды, добывали зверя, птиц и рыбы для еды. Только людям этой семьи не повезло, их сын совершенно другой жизнью стал жить. Сяси – бабушка и Сятсяси – дедушка знали своё дело, учили внука с колыбели разговаривать, ходить, жить... Но нет! Мальчик ничего не желал знать. Всё делал наоборот. Встанет, вместо того, чтобы идти шагом, он прыгает, скачет, затем ноги не поднимает, а тянет их по полу, по земле. Вокруг люди оглядываются, их уши слышат неприятные шуршащие звуки: «Хипс-випс, хипс-випс...». Все добрые звуки для их ушей закрываются.

Однажды папа говорит сыну: «Давай сходим в лес! Может, добудем какого-нибудь зверя. Только ты попробуй идти как я, не надо «хипс-випс» делать. Посмотри, как я хожу, никаких звуков не издаю». Отец прошёлся туда-сюда. И точно! Его ноги мягко и красиво передвигались при ходьбе. А сын по-прежнему шагнёт – «хипс-випс!». «Что тут плохого! Я буду ходить только так! Я так и в лес пойду!» – говорит сын отцу. Идут в лес отец с сыном. Шум, неприятные для души и сердца звуки раздаются по Земле и по Воде: «Хипс-випс, хипс-випс!».

– А это что за звуки? Таких звуков мы до этого никогда не слышали!

– Что за день! Что за зверь появился на Земле? Или это человек такой родился? – спрашивают друг друга звери, рыбы, деревья. От страха задрожали все остальные жители леса и воды.

«Хипс-випс! Хипс-випс!» – эти звуки совсем близко. Всё живое в лесу попряталось. Отец с сыном пришли в лес. Лес наполнился звуками «хипс-випс». Мальчишка одну ногу поднимет – «хипс», другую – «випс»!

– Сынок, в лесу надо разговаривать и ходить тихо, не надо пугать никого. Надо ходить легко, чтобы ноги были легки, руки были легки, разговор мягкий, тихий. Если мы будем так себя вести, то нас Лес и Вода обрадуют, добудем себе еду. Дома нас ждут с добычей.

Ходили, ходили отец с сыном, много земель, много рек обошли, только никого не видели. Да и так ясно: какой зверь, какая птица, какая рыба им покажутся, когда мальчик не знает, как себя вести в лесу.

«Его, наверно, не учили ходить, жить», – думали все звери, птицы, деревья... Но никто не знал, что мальчик сам не прислушался к словам отца, матери, бабушки и дедушки и живёт по-своему, никого не признаёт.

Слышите: «Хипс-випс», «хипс-випс» – это мальчишка волочитсЯ вслед за отцом.

Отец устал и говорит: «Что поделаешь? Придётся с пустыми руками, пустыми кузовами идти домой».

Пошли обратно и отец видит страшное: кто же так избородил землю? И тут же он догадался: никто не обидел землю, это след его сына. Он же ноги не поднимает, а по земле их волочит, издавая при этом: «хипс-випс».

– Ой, Светлый День! Когда же этот след закроет снег? Звери, птицы, рыбы к нам близко не подойдут, увидев этот след, сопровождаемый страшным шуршанием ног: «хипс-випс».

Отец рассердился на сына и строго сказал: «С этого момента твоё имя будет «Хипс-випс». С тех пор, того, кто шаркает ногами, волочит ноги при ходьбе, тоже называют «хипс-випс».

Пусть сказка здесь и окончится, только я знаю, и узнайте вы: ханты умеют красиво ходить – это необходимое условие жизни. Походка ханты – лёгкий чудесный танец. Знаю еще вот что: среди людей уже нет «хипс-випс», все ходят легко, красиво, как учат нас бабушки и дедушки, иначе Лес и Вода и их обитатели никогда бы не были друзьями Человека.

ЗАЙЧИХА И ЛИСИЦА

(по мотивам хантыйской народной сказки)

Жили рядом на одной земле, стояли рядом на берегу одной воды две избушки. В одной жила Шоврые – зайчиха с двумя зайчатами, в другой избушке жила Вухсарлэ – лиса с лисенком.

Сколько в году светлых дней, Шоврые с детьми все ягоды собирает, грибы сушит, травы на зиму запасает, дрова заготавливает. Вухсарлэ же ничего не делала. В лесу ягоды – красно кругом, грибов на полянах – бело, а лисице – не до них.

Лето ушло, пришла зима со снегами, метелями. Шоврые с детьми живет, как все добрые люди и звери – сытно и в избушке тепло.

А у Вухсарлэ еды нет, в избе холод. Едва она жива, и дочь вот-вот околеет. Вухсарлэ решила позвать себе на помощь свою хитрость. Помчалась к Шоврые:

– Подруженька, родненькая моя, пойдем в лес. Надерем коры, сошьем детям рубашечки!

Шоврые не соглашается, она знала: хитра Вухсарлэ. Но лиса опять:

– Подруженька, родненькая моя, пойдем в лес. Надерем коры, сошьем детям рубашечки!

И Шоврые подумала:

– Правда, может новую рубашечку сыночку сошью.

Взяли саночки и отправились в лес, а там спуск под уклон. Шоврые села на санки и поехала вниз. Вухсарлэ быстро легла на свои санки, поехала тут же следом. Наехала на Шоврые и поломала ей спину.

Стало уже темно, дети Шоврые ждут мать. Ждут, ждут, а ее все нет. Сестренка и говорит братику:

– Ты посиди дома, а я выйду, погляжу.

Она вышла, потихоньку подкралась к домику Вухсарлэ и видит, из чувала искры летят. Прыгнула на крышу, а из отверстия чувала слышится разговор:

– Мама, дай мне глаза зайчихи, я съем, – говорит дочь.

– Это глаза большого зайца, они не очень вкусные, их всегда едят мамы-лисы. Вот завтра принесу маленьких зайчат, вот тогда и поешь их глаза, – ответила Вухсарлэ.

Дочка Шоврые побежала к братику, одела его быстренько, схватила узелок, положила в хинт – заплочный кузов из бересты, а хинт на спину, и побежали они в лес, куда глаза смотрели, куда ноги бежали.

Бежали, бежали зайчихины дети и прибежали к реке. Нашли зайчата старый и гнилой березовый пенёк, хотели его сломать и на бересте переправиться через реку. Но увидели: внутри этого пня живет старая бабушка.

«Это дух березы», – догадались зайчата, об этом они слышали еще от матери, она говорила им, что любое дерево живое, как люди и звери, и в каждом дереве живет добрый дух. Волосы у бабушки как береста белые.

Зайчата говорят бабушке-пню: «Нам нужно переправиться на ту сторону этой быстрой и глубокой реки. Нас Вухсарлэ хочет съесть».

– Деточки, вы не видите, какая я старая, нет сил волосы расчесать, постель поправить, – сказала старуха.

Зайчата причесали бабушке волосы, постель красиво застелили.

– Не плачьте, дети, Вухсарлэ вас не найдет, – сказала старуха и вышла из пня, подошла она к быстрой и глубокой реке, крикнула: «Большой зверь – добрый дух реки, всплыви из своей глыбины, перевези зайчат на тот берег».

И тут из воды всплыл Большой зверь, посадил зайчат на свою широкую спину, перевез через глубокую и быструю реку.

Зайчата поблагодарили Большого доброго зверя и скрылись между деревьями. А тут прибежала Вухсарлэ, еле-еле дышит, хотела со злости разнести гнилой березовый пенёк и на бересте переехать через глубокую и быструю реку, да увидела бабушку с белыми, как березовая кора, волосами. Старуха говорит:

– Вухсарлэ, видишь, какая я старая, даже волосы не могу расчесать, постель жесткая и помятая, может, ты мне поможешь?

– Вот так день! Какое мне дело до твоих грязных и сухих волос и твоей жесткой и мятой постели. Я тороплюсь! Помоги мне перебраться на тот берег, – грубо ответила Вухсарлэ.

Старуха вышла из березового пня и крикнула:

– Черный зверь, всплыви из воды, перевези Вухсарлэ через глубокую и быструю реку!

Вышел из воды Черный зверь, Вухсарлэ прыгнула на его спину. Откуда ей было знать, что это был не добрый, а злой дух воды. Когда доехала до середины реки, где самое глубокое место, Чёрный зверь стряхнул Вухсарлэ в воду. Тут лиса и смерть нашла.

А зайчата далеко в лес убежали и до сих пор по нему бегают.

ЗАЙЧИК – ЧЕРНЫЙ ХВОСТИК...

Под голубым и солнечным Небом, на берегу одной чистой красивой Речки жил светлый чудесный Лес, жил светлый чудесный Бор. В этом Лесу, в этом Бору жили деревья, травы, цветы, большие и малые звери, летали птицы, бабочки, ползали жучки и пауки. И жили они между собой очень дружно, соблюдали при этом вековые традиции и обычаи своих замечательных предков.

В этом же чудесном Бору жила заячья семья: папа – Заяц, мама – Зайчиха. Каждый год семья зайчиков пополнялась, появлялись на свет зайчики-девочки и зайчики-мальчики. И на этот раз родились у зайчихи-мамы детки, но только один зайчик-мальчик был особый. А как это особый? – спросите вы. А так. У всех зайчиков были обычные ушки, хвостики, спинки, а у этого зайчика ушки были чёрные, хвостик чёрный, на спинке черная полоска, она соединяла чёрные ушки и чёрный хвостик. «Что за диво?! Это к беде или к радости?! Сколько живу на свете, сколько зайчиков повидала, но такого зайчика не видывала», – говорит старая зайчиха-бабушка. Мама, папа, братики, сестрёнки, бабушка с дедушкой очень полюбили особого зайчика, заботились о нём, пели колыбельные песенки, целовали, кормили, одевали, играли.

Растёт в заячьей семье Зайчик – Чёрный Хвостик – такое ему имя дали. Но вот беда, совершенно иначе он стал относиться к своим родным... «Я – особый зайчик! Я не буду с вами играть! Вы не такие как я! Не люблю некрасивых!», – отвечает грубо, когда братики и сестрёнки зовут его играть.

Зайчик – Чёрный Хвостик стал бегать по берегу чистой красивой Речки и по чудесному светлому Лесу, по сухому чудесному Бору один, при этом не забывал хвастать: «Я красивый, я особый. Я никого не боюсь, я не хочу играть с вами. Вы все не красивые! Я особый!».

Но всё же червячки, жучки, паучки, бабочки и рыбки пытались познакомиться с Зайчиком – Чёрным Хвостиком, но каждый раз их встреча заканчивалась либо ссорой, либо никак... Стоит на берегу чистой красивой Речки Зайчик – Чёрный Хвостик, балуется водичкой, то одну лапку опустит, то другую лапку окунет в речку, а водичка в ответ: «Пул-пул, тюл-тюл»... Тем временем подплыла красавица-рыбка и нежно поздоровалась с Зайчиком – Чёрным Хвостиком:

– Здравствуй! Кто ты? Что ты тут делаешь? – а сама играет с водичкой, водичка от радости отвечает привычным для нас бульканьем: «Пул-пул, тюл-тюл». И представляете, как расхвстался наш особый зайчик.

– А знаешь, рыбка, какой я особый! Красивый! Да умный, во всём Лесу нет такого зверька!

– Подумаешь, нашёлся красавчик! Ты вовсе не красивый! Посмотри на меня! Я что не красивая? Ну, тебя, «особый», оставь! – и уплыла рыбка.

Однажды Зайчик – Чёрный Хвостик побежал на берег чистой красивой Речки, в светлый Бор, чудесный Лес. Бегал, резвился, искал друзей, но лесные звери убегали, деревья сторонились его, наблюдали гадая: «Зайчик? Не зайчик?» В заблуждение вводили зверьков, паучков, жучков его чёрные ушки, чёрный хвостик, чёрная полоска на спинке, такого зверька они в своём светлом чудесном Лесу раньше не видели.

Бегал, бегал Зайчик – Чёрный Хвостик, устал и решил отдохнуть, нашёл мягкую, высокую кочку, залез на неё, стал крутиться. А тем временем вышла погулять тётя Лиса, она увидела необычного зверька, долго разглядывала его и точно установила: это зайчишка, а не какой-то другой зверёк. Лиса очень любила зайчатину. Обрадовалась и стала подкрадываться к нему. Свой пушистый длинный хвост постелила на землю и тянула за собой как нарточку, плавно и мягко ступала лапками, тихонько представляла их, боялась дышать, только изредка открывала рот, где

блестели острые зубы, да изредка высовывала свой длинный язык, но не забывала при этом любоваться собой.

– Да, я красавица, умница, видите, какие у меня серьги, на шее – бусы, рукава моей шубы расшиты узорами. Красота какая! А хвост мой? Такой пушистый да длинный – красота и только!

Вдруг Зайчик – Чёрный Хвостик увидел лису, конечно же, здорово струхнул, хотя он – хвастунишка, но очень трусливый был, только не признавался в этом.

«Здравствуй, Зайчик – Чёрный Хвостик!» – ласково поздоровалась Лиса.

Бедный зайчик затрясся на высокой мягкой кочке: «Что же делать? Лиса съест меня! Где мои братики, сестрёнки?! Кто меня спасёт?!». Но тут ему в голову пришло, что лиса очень боится охотника. Он давно её ищет, чтобы из шкуры сшить воротник на тёплую шубку внучки.

«Тётя Лиса, ложись! – неожиданно крикнул Зайчик – Чёрный Хвостик. Лиса и упала рядом, как подкошенная трава, а потом опомнилась и спрашивает: «А зачем?».

«Тётя Лиса, а вон там кто идёт? – опять закричал и показывает лапкой на берег чистой красивой Речки, – неужели охотник?».

Лиса быстро повернулась назад, запнулась о собственный хвост, упала. Пока она возилась с собственным хвостом в испуге, затем поднялась, глядь – а зайчишки как не было!

Зайчик – Чёрный Хвостик прибежал домой, но ничего никому не стал говорить, как обманул тётю Лису, но стал ещё хвастливее, возомнил, что он не только особый, но и умный, смелый.

На следующий день Зайчик – Чёрный Хвостик опять побегал по берегу чистой красивой Речки и зашёл в светлый чудесный Лес. Играл, бегал, искал друзей, но никто не стал с ним играть, все уже знали хвастунишку и зазнайку. Наступает вечер, Зайчик – Чёрный Хвостик устал. «Отдохну чуть-чуть на высокой мягкой кочке, потом домой пойду», – подумал и залез на неё. Крутится, любит себя. «Какой я красивый! Какие у меня чёрные ушки! Какая у меня чёрная полоска вдоль спины тянется! А какой у меня чёрный хвостик, даже меня так зовут!» – вслух рассуждает Зайчик – Чёрный Хвостик. Услышал Волк, остано-

вился, смотрит. – «Ба! Это же особый зайчишка! Вот удача! Я же на охоте, да я его съем!» – решил Волк и подошёл совсем близко к Зайчику – Чёрному Хвостику. Увидел Зайчик – Чёрный Хвостик Волка и так затрясся, как будто быстрый танец исполняет на кочке.

«Здравствуй, Зайчик – Чёрный Хвостик!» - ласково поздоровался Волк.

«Здравствуй, дядя Волк!» – дрожащим голосом ответил Зайчик – Чёрный Хвостик, а в голове думы: «Что же делать? Где мои братики, сестрёнки? Папа! Мама! Спасите!» – и вдруг вспомнил про охотника и еле-еле выговорил: «Дядя Волк, смотри, кто там идёт к нам, - поднял одну лапку и показывает в сторону лесной чащи, - наверное, охотник».

Волк испугался, повернулся и стал осматривать лес, кто и где идёт, потом опомнился, развернулся, а Зайчик – Чёрный Хвостик исчез.

Прибежал он домой и снова никому ничего не рассказал, а душа ещё больше наполнилась хвастовством и зазнайством, братишки и сестрёнки спрашивают, где он был, что делал, кого видел?

Зайчик – Чёрный Хвостик опять бежал по берегу чистой красивой Речки и забежал в светлый чудесный Лес. Бежал, бежал, лакомился вкусной травкой, ягодками, друзей не нашёл, решил залезть на мягкую кочку, чтобы отдохнуть. А тут неожиданно кто-то схватил его за чёрные ушки и приподнял над землёй.

«Ну, попался ты мне, хвастунишка! Кто это «особый»? Кто никого не признаёт? Кто самый умный, смелый? Я тебе не тётя Лиса! Я тебе не дядя Волк! Меня не обманешь», – это был медведь Пули Ики – хозяин светлого чудесного Леса и чистой красивой Речки.

Несёт Пули Ики Зайчика – Чёрного Хвостика через лес, и все звери, птицы, деревья, паучки, жучки видят, как трясётся «особый» зайчишка и белеют от страха чёрные ушки, исчезает на спинке чёрная полоска и белеет чёрный хвостик.

Принёс Пули Ики Зайчика – Чёрного Хвостика в заячью семью и бросил его к зайчатам – братикам и сестрёнкам.

«Нате, берите его, он больше не будет особым, он больше не будет хвастать, обманывать, зазнаваться», – сказал Пули Ики и ушёл в светлый чудесный Лес, чудесный Бор.

Смотрят зайцы – мама, папа, бабушка и дедушка, братишки и сестрёнки и видят: Зайчик – Чёрный Хвостик совсем побелел, остались чуть-чуть чёрные пятнышки на кончиках ушей, как у всех зайчиков, а хвостик белый, на спинке нет чёрной полосы.

С тех пор зайчики живут в светлом чудесном Лесу на берегу чистой красивой Речки своей заячьей жизнью со всеми обитателями светлого чудесного Леса, чистого светлого Бора, бережно храня и соблюдая вековые традиции и обычаи своих предков. И мы с ними живём и радуемся.

СОРНИ ЛОПЫС

В этом ли конце земли, в этом ли углу земли жила когда-то Елум Нэнги; слышала, была она хантыйской женщиной и вырастила светлomu дню высоких, как лиственницы, семь сыновей, стройных, как ели, семь сыновей. Каждый светящийся день раньше птиц и зверей встают они, объезжают сора и озера, обходят бора и болота, режут злому зверю горло и дикого оленя арканят. Только Ратпар-хо – сын самый меньший, только Хышпар-хо – сын самый последний, ноги сунув в теплую золу очага, сидит целыми днями и что-то бормочет. Или ума у него мало, или просто непутевым родился.

На краю женских нарт, в заветном углу женских нарт мастерица Елум Нэнги сидела и расшивала ханши. День уже вечером становится. Свету тоже мало стало. Выходила Елум Нэнги из дому, выходила Елум Нэнги, распрямляла руки и ноги. Вот что случилось однажды.

Или городу не жить? Или селу не жить? Вечер снова стал как день, а такого не случалось и не бывало за весь век! На лиственнице, вершина которой касается неба, светится золотистое сияние – Сорни Лопыс посылает свет на землю! Влезла Елум Нэнги на лиственницу, Сорни Лопыс на землю сняла.

Когда кончился наступивший день, когда кончился светившийся день, сыновья Елум Нэнги с тугими поясами, с полными ношами рыбы и мяса возвращались с озер и соров, возвраща-

лись с боров и болот. Издали они увидели Сорни Лопыс. Сыновья высотой с молодую лиственницу, сыновья стройные, как растущие ели, стали вокруг матери и заспорили, кому владеть чудом – Сорни Лопыс.

Сыновьям гнезда родного сказала Елум Нэнги вот как:

– Мне плохого вы не делайте и не спорьте меж собой. Кто из вас имеет чудо, кто мудрее в делах, в жизни и в дороге и лучше других помогает людям – тому я отдам Сорни Лопыс.

– Когда мы в пути, в дороге (если злые люди нас догоняют), только проведу я рукою по волосам – лес встает перед ними, да такой, что взор и щелки не отыщет, ухо не услышит. Люди с топорами и ножами в этом лесу и смерть найдут. Мать, отдай мне Сорни Лопыс! – так сказал самый старший сын.

– А если путь продолжим, а если дорога и дальше пойдет, на наш след снова выйдут враги, стоит только туда-сюда дунуть мне несколько раз – появятся луки и стрелы, сами они победят врагов. Мать, отдай мне Сорни Лопыс! – так сказал следующий сын.

– А путь-то дальше продолжается, а дорога нас дальше ведет. Издавна море с горячей водой обрывало путь хантов, преграждало дальнейший путь. Я сделаю лодку-чудо, дорогу здесь продолжу. Мать, отдай мне Сорни Лопыс! – так сказал ее третий сын.

– А путь мы дальше продолжим, а дела нужно дальше делать. Высоту в пять саженей дом построю, шириною в шесть саженей дом построю. Мать, мне отдай Сорни Лопыс! – так сказал ей четвертый сын.

– А путь-то дальше продолжается, а дорога дальше идет. Может, рыбы не будет у хантов, может муки не будет у хантов. Я для них поставлю стол, всякая еда будет там. Мать, отдай Сорни Лопыс! – так сказал ей пятый сын.

– А путь не кончается, а дорога дальше продолжается. Пусть темная ночь наступит для хантов, пусть глаза не видят, уши не слышат. А я для них зажгу все звезды, будет светло ночью, как днем. Мать, отдай мне Сорни Лопыс! – так сказал ей сын шестой.

– А ты, Ратпар-хо, малый мой сын, ты, Хышпар-хо, милый мой сын, имеешь ли ты крылатые мысли, сможешь ли ты помочь людям?

– Земля имеет семь углов, живут здесь люди на семь ладов. Будут жить они все одинаково, люди семи углов земли, будут

жить думой одной, потому что светит Солнце нам одно. Пьем мы воду тоже одну, дышим воздухом одним. Сорни Лопыс надо отнести на лиственницу: не для одного человека нужны его свет и тепло. Пусть оно плывет там, пусть текут его свет и тепло ко всем людям семи углов земли, призывают их сердца к одному очагу.

Елум Нэнги, выслушав речь сына младшего, сказала сыновьям такие слова:

– Услышала я мудрость и много чудес, хочу, чтобы все они служили людям, чтобы наши бедные и измученные ханты увидели и почувствовали силу чудес. А Сорни Лопыс тогда и вам тоже будет светить. Не трогайте Сорни Лопыс, держитесь думы одной, встаньте на путь один – ваши чудеса и вашу мудрость когда-нибудь люди увидят своими глазами.

Сыновья Елум Нэнги как будто крылья имеют: мы не успели оглянуться – улетели они из гнезда. Долго ли они ходили, коротко ли они ездили – не знаю я. Только знаю: я живу в древней сказочной мечте. Земля моя берет Солнца жар, живут на ней разные люди. Все семь чудес семерых братьев – это теперь не сказка. Не только в сказке жили враги. Видишь, и сейчас, разинув пасть, жаждут они кровавого пира. Но мы не боимся жадных врагов. Сывыс – крылатая птица хантыйских сказок – летает наяву и, как огненные стрелы, долетает к звездам любим. Пусть враги знают это. По водам горячего океана, по льдам холодного океана огненные лодки плавают – это тоже чудо жизни.

Ратпар-хо с братьями, Хышпар-хо с матерью среди хантов вижу я часто. Семь чудес и сказки мудрость вижу в жизни я сейчас. На сказочной лиственнице – на земном шаре наша страна – Сорни Лопыс сияет. Прав был Ратпар-хо, прав был Хышпар-хо: светит всем, и тепло его греет всех, зовет всех земных людей жить в мире.

Здесь я сказ закончу. Может, когда-нибудь и кто-нибудь вспомнит Елум Нэнги и ее сыновей.

Вопросы и задания

1. Назовите основные темы и мотивы поэзии М. К. Вагатовой.

2. Определите типологию женских образов, которые создала поэтесса.

3. Сравните оригинал стихотворения «Сердце матери» с переводами В. Мазина, А. Кердана, Н. Шамсутдинова. Кто из переводчиков, на ваш взгляд, наиболее точно передал авторский образ матери?

4. Определите концепт «Родина» в поэзии М. К. Вагатовой на материале представленных произведений.

5. Определите контекстное семантическое поле слов и сочетаний «грудное молоко», «кровь», «солнце» в стихотворениях М. К. Вагатовой.

6. Сравните подстрочный перевод стихотворения «Свекровь» М. К. Вагатовой с переводом В. Мазина. Меняется ли значение стихотворения в последних строках произведения? Обоснуйте свое мнение.

7. Составьте систему поэтических средств, используемых поэтессой в своих произведениях. Какому тропу отдает предпочтение М. К. Вагатова?

8. Выполните анализ стихотворений «Утро на Оби», «Рыбаки».

9. Можно ли утверждать, что в стихотворении «Музыка моей земли» М. К. Вагатова использует звукопись? Обоснуйте свой ответ.

10. Сравните звуки музыки в стихотворениях М. К. Вагатовой «Музыка моей земли» и В. С. Волдина «Музыка».

11. Какие доминанты природы выделяет поэтесса в произведениях?

12. Можно ли утверждать, что в стихотворениях М. К. Вагатовой солнце, тундра, река, олень – устойчивые образы-символы? Аргументируйте свой ответ.

13. К какому жанру устного народного творчества часто обращается М. К. Вагатова в своем поэтическом творчестве?

14. Назовите жанры, к которым обращается М. К. Вагатова в своем творчестве?

15. Какая рифма преобладает в произведениях поэтессы?
16. Определите размер, которым написано стихотворение «Вы белый лебедь взгляду моему».
17. Составьте тематическую классификацию примет М. К. Вагатовой. Какие тематические группы, на ваш взгляд, представлены более полно?
18. Составьте классификацию сказок М. К. Вагатовой. Обоснуйте свой ответ.
19. Сравните сказку М. К. Вагатовой «Хлебушко» с русской народной сказкой «Колобок». Можно ли утверждать, на основании проведенного анализа, что сказительница обратилась к «бродячему» сюжету? Докажите свою точку зрения.
20. Перечислите авторские отступления от канонов сказочного жанра, встретившиеся в авторских сказках М. К. Вагатовой? Докажите свое утверждение примерами из текста.
21. Проанализируйте сказку М. К. Вагатовой «Хилы и Аки Черное Сердце».
22. Назовите авторские нововведения в канон сказочного жанра в произведении М. К. Вагатовой «Ставшие святыми духами три женщины», обозначенное как сказка-сон.
23. Можно ли выделить в сказках М. К. Вагатовой идеального героя?
24. Как определила жанр произведения «Сорни Лопыс» М. К. Вагатова? Обоснуйте свою точку зрения.
25. Сравните образ Ратпар-хо в сказках М. К. Вагатовой и Г. Д. Лазарева? Кто из авторов, на ваш взгляд, создал образ, приближенный к идеальному?
26. Назовите имена исследователей, которые обращались в своих работах к творчеству М. К. Вагатовой.

ГАЛИНА ИВАНОВНА СЛИНКИНА, ТАИСИЯ СЕРГЕЕВНА ЧУЧЕЛИНА

МЫШОНОК И МЕДВЕДЬ

Жил Мышонок в сосновом бору. Летнее гнёздышко у него было высоко на сушине в узком дупле, таком узком, что никто Мышонка не мог достать оттуда.

– Много солнца, много тёплого ветра, – радовался Мышонок. – Спускаюсь вниз – еды много. Кто такой урман для меня приготовил? Кто в нём хозяин?

Вот один раз зашёл Мышонок в черничник отведать – вкусна ли ягода черника. А там Медведь пасся. Схватит пастью большой куст и жуёт ягоды с листьями, сосёт их. Шмыгнул Мышонок, хотел спрятаться, да попал нечаянно Медведю на язык. Проглотил Мышонка Медведь, не заметил. Были бы у Мышонка друзья, они бы присоветовали ему, что делать. А Мышонку некого позвать. Разозлился он и грозит Медведю:

– Вот я тебе шкуру продырявлю! Зачем проглотил?

– Не заметил я, – отвечает Медведь. – Не сердись. Я пошире пасть открою, ты выскакивай.

Слышит Мышонок, Медведь его жалеет, и ну насмехаться над хозяином тайги:

– Нет, так не хочу! Возьму и не выскочу. Продырявлю твой живот, потом через дырку вылезу.

– Мне больно будет, – говорит Медведь жалобно. – Ты ведь меня поранишь. Я упаду. Как же тайга без хозяина будет? Упаду, долго хворать стану.

– А мне-то что! – пищит Мышонок.

Начал он грызть живот Медведю, прогрыз дырочку и вылез. А Медведь упал и заболел. Мышонок радуется:

– Теперь я хозяин лесов, болот и озёр, хозяин всех речек!

Обежал он сосновый бор, всем рассказал:

– Медведь захворал. Лежит, не встаёт. Может, вовсе не встанет. Давайте праздновать!

Собрались все, кто не любил Медведя: муравьи, пчелы, мыши, куропатки, белки, бурундуки, зайцы. Принялись угощаться, плясать-веселиться. Три дня пировали, три ночи шумели.

Тем временем выздоровел Медведь. Подполз к поляне, где лесная мелкота веселилась, да как рявкнет!

Вспорхнули птицы. Побежали во все стороны зверюшки и насекомые. Хотел Мышонок в своё дупло залезть, да Медведь по сушине принялся лапой хлопать, выжил его.

Юркнул Мышонок под корни. Так с того времени в земле и живёт. А Медведь до сих пор ходит и землю нюхает: не прячется ли где Мышонок, его давний обидчик. Не может хозяин тайги простить Мышонку, что он ему, Медведю, живот повредил.

Ведь сильных тоже жалеть надо!

ЗАЙЧИК И МЕДВЕДЬ

Жил в глухой тайге-урмане Зайчик. Был у него друг Зайчонок. Позвал однажды Зайчонок Зайчика в гости. Встретились они на поляне, где росла вкусная трава – заячья капуста. Здесь они и угощались, и наперегонки бегали, и на солнышке подремали. Темнеть начало. Зайчик спохватился:

– Домой пора.

Зайчонок, как хозяин, предлагает:

– Я провожу тебя.

А Зайчик храбрится:

– Не надо. Я никого не боюсь. Сам Медведь мне друг.

А тайга все гуще. Небо всё темней. Страшно стало Зайчику. Но куда деваться, прыгает вперёд и вперед. У большого пня оступился, в куст шиповника лапкой попал. Да как закричит на весь лес. Показалось Зайчику, будто охотник в него стрелой попал.

Проснулся Медведь от заячьего плача, спрашивает хриплым голосом:

– Почему хозяину тайги отдыхать мешаешь? Вот я тебя съем!

– Дедушка Медведь, я больше не буду, – испугался Зайчик. – Я лапку проколол.

– Ну, если так, – говорит Медведь, – я тебе прощаю. Давай-ка я тебе занозы вытащу.

Поставил Медведь на пень большую гнилушку. Она вся светится. Вынул Медведь колючки, зализал Зайчику ранки – вылечил. Ну, как после этого Зайчику снова не хвалиться?

КАК МЕДВЕДЬ СЕРДИЛСЯ

Жили в горных юртах* мужики-насмешники. Однажды зимой приехал к одному из них зять с луговой стороны. Зять приехал – всем родня.

Зовут его мужики к себе наперебой. Гость мужчина в каждую избушку зашел, хозяев одарил и их угощение принял. В каждой избушке, куда гость заходил, мужики вечером собирались, сказки рассказывали. Все больше про самого хозяина урмана, про медведя, рассказывали.

Тесть-старик к слову спрашивает:

– Зять, боишься самого?

Зять честно признался:

– Как не бояться? Ещё не встречался с младшим братом.

Перемигнулись охотники, разошлись. Утром зять проснулся связанный. Кричит:

– Тесть, зачем скрутил меня?

Старик отвечает:

– С младшим братом знакомить повезём.

Увезли беднягу к берлоге. А там уже всё готово: перед входом в дом медведя брёвна накрест поставлены, чтобы задержать зверя, когда выскочит.

Обошли мужики берлогу кругом, другого выхода не видно. Привязали зятя к крестовине, лицом к берлоге.

Стали мужики длинной жердью медведя доставать, сердить. А спал в этой яме под снегом добрый младший брат людей. Голова совсем седая была у этого зверя, как у старого человека.

Долго он терпел, ждал, может, уйдут старшие братья, одумаются.

А мужики зажгли берёсту да на конце жерди пихнули в дом медведя.

* Горные юрты – селение у холмов.

Взревел обожжённый хозяин леса и выскочил на брёвна – крестовину, к которым зять был привязан. Со злости медведь порвал верёвки на бедняге. Поцарапал, конечно, его. А тот кровь утирает и говорит с поклоном:

– Спасибо, младший брат, ты меня освободил.

У медведя и злость прошла.

– Ступай, – велит, – да больше в горные юрты не езди гостить.

Проломил медведь ельник, из-за которого шутники поглядывали, сгреб их в кучу и намял всем бока хорошенько.

Поделом охотникам за злую насмешку.

ОТВАЖНЫЙ ЯРАСЬ

Жил на Оби отважный ханты по имени Ярась. С малых лет не страшился он непогоды, не боялся хитрых и сильных зверей. Великую воду в пору разлива – сора – переваливал в долбленке без опаски.

За смелость полюбила охотника Ярась девушка Овра. И она ему по душе пришлась.

Хороший добытчик много мяса с охоты несет, много рыбы несет с рыбалки. Кто приберет добычу и улов, сохранит припас на черный день?

– Ханты жена нужна, – говорят старики

Женился Ярась на Овре. Хорошо зажили. Всё умела делать Овра, однако не было у неё детей. Как охотнику без детей? Старики посоветовали Ярась:

– Бери вторую жену – девушку Най из горной деревни.

Ярась взял вторую жену. Овра так говорила:

– Хорошо быть женой Ярась-охотника. Когда мужа разую, все юрты радуются. Мой муж поделился добычей со всеми, у кого нет еды.

Най так говорить стала:

– Худо быть женой Ярась-охотника. Когда одежду мужа развешиваю для просушки, сердце моё разрывается от злости. Опять мой муж отдал лучшие куски мяса чужим старикам и чужим детям. Из-за сородичей мои дети едят одну рыбу, а мяса совсем мало.

Ярась не знал, что думают о нём его жёны.

Он заботился обо всех юртах и редко задерживался в своей деревенской избушке.

Так и прожил он свой короткий век на охоте да на рыбалке. Свалила его хворь. Поболел отважный Ярась, и не стало его среди живых

Сильно загоревали старые люди и малые сироты. Как проводили Ярась в Нижний Мир, редко сытыми спать ложились.

Стали старики и сироты просить:

– Вернись к нам, наш кормилец. Мы тебя уважали. Мы тебе трубку набивали и уголёк подносили. Разве тебе было плохо с нами, отважный охотник Ярась?

Старшая жена Ярась тоже, плача, приговаривала:

– Разве я тебя не любила, мой смелый муж? За короткую ночь успевала просушить мокрую одежду и нюки вей. Никогда в сыром на тропу не вставал.

Слушал-слушал Ярась в Нижнем Мире голоса жены и сородичей, собрался с силами и пополз из Нижнего Мира на белый свет.

Ползёт Ярась потихоньку, а ветер Северный заметил его и понёс в стойбище сон, что Ярась домой возвращается.

Увидела Овра – старшая жена Ярась – сон про мужа, говорит Най – младшей жене:

– Сегодня наш хозяин воротится из Нижнего Мира. Я воду стану греть, муж, поди, там намёрзся.

Молчит Най, ничего не говорит.

В полночь шум послышался. Овра дверь отворила, мужа встретила. Вошёл Ярась, поздоровался.

Най не выдержала, с нар соскочила, побежала в свою деревню. Закричала Най:

– Не вернись больше, не хочу свой кусок в чужой рот класть.

Старшая жена Овра тем временем согрела мужа, сухую меховую одежду дала. Ярась тут окончательно ожил, а к утру на охоту отправился.

Тот, кого народ любит и помнит, – бессмертен. Так сказка говорит.

ШУШИ-НЭ

Жила на Оби у отца-матери девушка по имени Шуши-нэ. Стала невестою, выдали ее замуж за сосьвинского богача ханты. Сосьвинский на деньги позарился, продал он Шуши-нэ в работницы к ненцу-оленоводу. Стала Шуши-нэ прислугой.

В чуме Шуши-нэ управляется. За дровами в тундру ходит, ночью ребенка – хозяйскую дочь – в зыбке качает. Полюбила Шуши-нэ девочку, будто дочку свою.

Встала маленькая ненка на ножки, Шуши-нэ хантыйским узором ей одежду расшила и кисы оленьей жилой стачала, бисером украсила.

Начала девочка-ненка лепетать. Шуши-нэ ее по-хантыйски разговаривать научила. Ни на шаг не отстают маленькая хозяйская дочь от прислуги, зовет ее матерью.

Хозяйка сердится. Говорит однажды хозяину:

– Украдет прислуга нашу любимую дочь. Уведет на свою землю к своему народу. Надо бросить прислугу в тундре, убежать от нее.

Хозяин согласился.

– Давай отправим прислугу по дрова к подножью гор, сами откочуем. А сейчас к соседям съездим, предупредим их, пусть тоже кочуют.

Уехал хозяин с хозяйкой на оленях к соседям, будто в гости. Маленькая девочка говорит Шуши-нэ.

– Мать-няня, собирай дорожный мешок. Клади еды, сколько унесешь, беги в горы. Хотят тебя мои родители бросить в тундре одну.

Заплакала Шуши-нэ, собралась в дорогу. С любимицей своей простилась, еще горше расплакалась.

Маленькая девочка ее торопит:

– Не время, мать-няня, плакать. Может, свидимся.

Убежала Шуши-нэ в горы. Только спряталась, вниз поглядела – хозяева чум разбирают. Переночевала Шуши-нэ, наутро отправилась, куда ноги пошли, куда голова повела. Идет Шуши-нэ, причитает:

Отец-мать родные

На единственную дочь рассердились,

Выдали с большой реки Ас
На маленькую речку.
Меня муж продал в тундру,
Не найду, наверное, тропу на родину.

Всю зиму шла Шуши-нэ домой. Когда речки открылись, она догадалась, в какой стороне большая река Ас – Обь. Догадалась, а дальше идти, сил нет. Еды весной мало в урмане.

Все-таки идет девушка потихоньку, не останавливается. Однажды увидела медведя. Хотела его обойти. Медведь на тропе лег, лапу протягивает.

Увидела Шуши-нэ: в лапе заноза глубоко засела. Вынула занозу. Медведь лапу зализал, кланяется:

– Спасибо, добрая девушка.

Посадил медведь ее на пень и говорит:

– Жди меня, я скоро вернусь.

И правда, вскоре вернулся, принес связки сушеной рыбы, мяса сушеного, муки туес. Кремень и кресало тоже принес. Опять ушел.

Пока Шуши-нэ ела, медведь женскую одежду принес и чирки*. Принарядилась девушка, сытая стала, сильная и тоже медведя поблагодарила:

– Не знаешь ли, младший брат, – спросила девушка, – в какой стороне мои юрты?

Медведь показал короткую тропу.

Долго еще Шуши-нэ шла, но все берегом Оби. Пришла она в родные юрты. Там как раз охотник с Юганской Оби свататься приплыл. Понравилась ему Шуши-нэ. И девушке жених приглянулся.

Поселилась Шуши-нэ со своим мужем на Юганской Оби. Появились у Шуши-нэ дочери, потом внуки и правнучки. Всех их Шуши-нэ любит, только снится ей каждую ночь любимица, девочка-ненька. И та девочка Шуши-нэ не забывает. Выросла она, хозяйкой неба тундрового стала. Как затоскует о своей няне Шуши-нэ, ночью на небе красиво расшитые сахи и платья развесит. Отовсюду ее рукоделие видно. Ханты говорят: «Северное

* Чирки – летняя обувь.

сияние играет». Пусть так говорят! А Шуши-нэ знает – любимица ей из тундры привет шлет.

ЛОНЬСИПАЙ-НЭ И ЕНГПАЙ-НЭ

Три брата в урмане жили. Двое взрослых и маленький мальчик. Старшие братья – охотники, рыбаки, а младший ничего не умеет, только подкладывать дрова в чувал. И то хорошо. Братья с охоты придут – в избушке тепло. Начнёт один еду варить, другой одежду развешивать для просушки.

Однажды так было. Кончилась тёплая осень. Снег выпал. Надо белковать, далеко идти.

Говорит старший:

– Жалко брата маленького в далекий путь вести. Здесь оставить не с кем.

Говорит средний брат:

– Сами одежду шьем, сами еду готовим. Разве это мужское дело? Надо нам жениться.

Старший брат возражает:

– Где жён возьмем? В урмане девушек нет.

Думали, думали, старший говорит:

– Я себе жену из снега вылеплю.

– А я изо льда вырублю, – сказал средний брат.

Так они и сделали. Красивые девушки получились, только неживые. Младший брат подсказывает:

– Наденьте на них платья нашей матери – оживут девушки.

Достали старшие из сундука платья и платки, нагрудники бисерные, украшения для кос, серьги и кольца. Кисы из избушки вынесли. Нарядили своих невест. Те зашевелились, лица платками скорее завесили. Нельзя, чтобы чужой мужчина в глаза девушке заглядывал.

Стоят красавицы.

Младший брат старшему тихонько шепчет:

– Скажи своей девушке, что любишь её. Она ведь старшая сноха. Мать нам заменит.

Неловко говорить охотнику нежные слова. Только и сказал:

– Имя твоё – Лоньсипай-нэ – Снежинка-женщина. Женой моей будешь.

Переступила женщина-Снежинка порог избышки, варить еду принялась.

Ледяная девушка стоит.

Младший брат шепчет среднему:

– Признайся своей невесте, что полюбил её. Какая она чистая, красивая! На другой год к этому времени сына тебе родит. Будет у меня товарищ.

Застеснялся средний брат. В урмане про любовь в первый раз услышал.

«Ладно, – думает, – потом скажу». А вслух произнёс:

– Имя тебе даю – Енгпай-нэ – женщина-Льдинка. Моей женой станешь.

Перешагнула Енгпай-нэ порог, мыть, прибирать в избышке взялась. Накормили женщины семью, шить сели. Сшили новую одежду, обувь, рукавицы. Старую одежду просушили, залатали. Еды впрок наготовили.

Собрались мужчины вскоре на охоту. Говорят брату:

– Пойдём в дальний бор надолго. Слушайся снох.

Наказывают жёнам:

– Не обижайте младшего брата. Мать умирала – велела нам дружно жить. По очереди мы зыбку качали. Самую лучшую еду младшему отдавали. Стариками сделаемся – он нас прокормит.

Ушли братья. След широких лыж снег завалил. Живёт мальчик со снохами. Попросят воды принести – он принесёт. И дров занесёт. И припас из амбара достанет. А соскучится – позовёт щенков, играть возле нар примется. Щенки рычат, лают. Снохам не нравится. Один раз рассердились – выкинули щенков из избышки и мальчика вытолкнули. Поиграл он немного, озяб. Стучит в дверь, а снохи отвечают:

– Живи со щенками в чуме из еловых веток. Есть захочешь – в амбаре мороженую рыбу бери.

Совсем замерзать стал младший брат, просит:

– Лоньсипай-нэ-сноха, Енгпай-нэ-сноха, пустите в избышку. Я сильно обрадовался, когда вы живые сделались.

Не отвечают женщины. Только солнце выкатилось из снеговых туч, засияло. Так припекать стало, что с деревьев снег горячими струйками потёк.

Согрелся мальчик, кричит:

– Снохи, простите меня, ведь я вас люблю!

Сказал он эти слова – что-то в избушке прошумело, прозвенело и стихло.

Оглянулся мальчик – кругом зелено. По тропе между берёз пушистых братья возвращаются.

Принялись братья стучать. Жёны не отворяют. Дёрнули дверь изо всех сил, открыли. Видят: лежат на полу два платья пустые, а к порогу от них два ручейка текут.

Слова любви, если поздно сказаны, видно, приносят одну печаль.

ПУТПЕЛЫК*

Жил в урмане вдовец охотник. Была у него дочь Тася – высотой восемь соболей.

Вдовец с ней горя не знал. Принесет улов или добычу, Тася все приберет. Рыбу, мясо вялит, еду отцу вкусную варит. Шкуры дочь выделывает, отцу одежды и обувь шьет. Воду из реки, дрова из урмана носит, чувал топит, огню погаснуть не дает.

Лето придет, Тася ягоды берет. Осень придет, орехи с отцом запасает.

Всего вдоволь было в их амбаре. Уютно и тихо в избушке. Так бы и жить, да вдовец думает: «Придёт какой-нибудь парень, просватает Тасю, уведёт в свой урман, я останусь один». Решил жениться. Поискал вдовец невесту, себе жену, Тасе мачеху. Пошла за него злая и жадная бездельница. Прожили год. Родилась у неё дочь. Прибавилось Тасе работы. Днём не присядет, много забот и хлопот, ночью девочку нянчит. И хоть тяжело Тасе, любила она младшую сестру. Сказку ей шёпотом расскажет, маленькая уснёт, тогда и Тася передохнёт.

Тася работает, а мачеха сидит у очага, длинную трубку курит да чай с черёмуховым хлебом пьёт. Покурит, попьёт чаю, на нарах растянется.

Долго ли, коротко выросла младшая дочь. Всему, что сама умеет, Тася сестрёнку научила: запасы еды готовить, шкуры выделывать, шить-вышивать.

* Путпелык – половина котла.

Видит мачеха, родная дочь и одна по дому управится, приказывает мужу: «Ступай в урман, руби избушку в самой вершине речки. Пусть твоя дочь отдельно живёт, сама охотится и рыбачит, себя кормит».

Злую бабу не переспоришь. Выбрал мужик день потеплее, пошёл на лыжах в вершину речки, срубил избушку, чувал слепил, дров собрал, берестяные посудины сделал.

Повёл свою дочь на отдельное жильё. Мачеха кузов кишок рыбьих наморозила, сверху мелкой рыбой присыпала – вот и припас Тасе. И приданное дала – половину котла – пуппелык.

Растопил мужик очаг, наказывает дочери:

– Одна остаёшься. Следи, чтобы огонь не гас. Из избушки вечером не выходи. Кто постучит, не отпирай. Через семь дней приду, охотиться тут буду.

Приставила Тася дверь изнутри жердью. Чувал топил, шьёт-рукодельничает. Ночь настала, она угли золой присыпала, спать на нары легла. Утром встала, дров подбросила, сварила мелкую рыбу в половинке котла.

Увидела Тася: в кузове одни кишки рыбы – воронья еда. Только вздохнула Тася, привыкла, что ей от мачехи обида за обидой. Стала Тася плёнки-силки мастерить – на куропаток. Для рыбы маленькую ловушку-морду сплела.

Поела и пошла ловушки ставить. К вечеру добыла куропатку.

Повеселела Тася, песни запела. Ночью долго вышивала, услышала, стучит кто-то в дверь:

– Пусти, сиротинка, замуж тебя возьму. Со мной горе забудешь.

Подумала Тася: «Отец не велел. Нет, не открою».

Утром Тася выглянула – следы на снегу втрое больше медвежьих. Это Злой дух – Хозяин урмана приходил. Ушёл Злой дух и кузов с кишками утащил. Худые руки у духа, воровские.

Сварила Тася куропатку, напилась чаю. Поставила половинку котла – пуппелык – посушиться к очагу. Вдруг половинка котла как живая стала двигаться, выпала за дверь, по следам злого духа покатилась.

– Что, мой дружок пуппелык, катаешься, пляшешь? – спрашивает Тася.

– А я катаюсь-пляшу, потому что близко народ шумит, меня на свадьбу зовет. Покачусь туда, ты меня обратно с добром жди.

Покатилась половинка котла через вершину речки, через болото и в урмане скрылась.

Тасе не видать, а прикатилась половинка котла в большое стойбище – юрты. Старшина, хозяин селения, дочь-неумеху замуж выдаёт.

Жених бедный, хотя охотник удачливый и рыбы много ловит. Всё у него старшина отбирает. Теперь вот жениться парню велит на своей дочери. Как бедняк откажется?

Видит половинка котла: народ у костров веселится. В больших котлах мясо диких оленей варится, мясо лося варится, семь женщин белые лепёшки пекут.

Богатые гости в доме старшины.

Слышит путпелык, старшина кричит:

– Несите самую лучшую шкуру-ковёр. Невесту и жениха на самую мягкую шкуру посажу.

Обернулся путпелык оленьей шкурой, такой мягкой, такой красивой и широкой, что старшина сразу её ухватил, кинул к столу с угощением. Жених с невестой тотчас на красивую шкуру сели.

Стала шкура потихоньку шевелиться, подпрыгивать, подёргиваться туда-сюда. Столкнула невесту на пол. Завернулся у шкуры один край, спеленал жениха, все олени шкуры и котлы, какие на пути к выходу попали, схватила шкура-ковёр и выкатилась на снег.

Побежали гости и хозяин ловить. Да где там. Как буран понеслась шкура. Ветер сильный задул. Так потемнело, будто ночь пришла. Вернулись люди обратно.

А путпелык шкурой оленьей упал в чувал Таси через дымовое отверстие. Положила шкура-ковёр жениха на нары, котлы с едой к очагу поставила, олени шкуры в угол свалила, потом обернулась половиной старого котла и откатилась в уголок к чувалу.

Пробудилась Тася, в избушке темно. Раздула огонёк в чувале, подбросила дров и увидела парня в одежде жениха. Парень тоже проснулся. Тася спрашивает:

– Откуда пришёл, как дверь открыл?

– Не знаю, – отвечает он. – Старшина хотел меня женить на своей дочери. На красивуюшку посадил. Больше ничего не помню.

– В свои юрты пойдёшь? – спрашивает Тася.

– Нет, – говорит парень. – Я сирота, у меня там землянка, больше ничего нет. Я бы хотел твоим мужем стать.

Согласилась Тася. Принялась мужа угощать.

Парень не ест, Тасей любит.

Сшила Тася мужу охотничью одежду, сапоги и рукавицы. Муж лук сделал, ловушки, лыжи. На охоту пошёл, хорошую добычу принёс. А тем временем у отца Таси сердце болит: надо дочь проведать. Захватил он припасы, стал на лыжи:

– Пойду, жена, в вершину речки охотиться.

– Возвращайся скорей, – наказывает жена.

Идёт старый охотник, дым чувала почуял. Значит, жива дочь. Ещё немного прошёл, след охотничьих лыж увидел, какой-то молодой парень скоро бежал. Через некоторое время снова старик лыжню пересёк, поглядел, догадался: молодой охотник тяжёлую добычу нёс.

Обрадовались старику Тася и её муж, угощают, расспрашивают, гостить подольше просят.

Долго старик не стал гостить, жены побоялся. Вернулся домой, рассказал про Тасино житьё. Злая жена тотчас же послала его изрубить для младшей дочери в вершине другой речки. Тяжело старому человеку, а ничего не поделаешь, злую жену не уговоришь.

Срубил он избушку, припас дров, очаг сделал и привёл младшую дочь. Наказал ей огонь хранить, никого не впускать в тёмное время. Оставил младшей дочери рыбу, мясо, муку и ушёл домой.

Младшая дочь как осталась одна, принялась рукодельничать и песни громко петь. Услышал Злой дух урмана, стучит ночью:

– Пусти, девушка, я тебя замуж возьму. Горько знать не будешь...

Поспешила девушка, забыла отцовский наказ ипустила Злого духа. Стал её мужем Злой дух – как вывороченное дерево уродливый. Брови у него косматые, глаз не видно. Борода, как

мох-лишайник, всё лицо покрыла, ниже пояса свесилась. Руки и ноги кривые, спина горбатая.

Пришёл отец провести младшую дочь. Снег сильный валил, никаких следов не осталось. Не знал заранее охотник, что его ждёт. Отворил дверь в избушку, Злой дух как цапнет своей лапцей когтистой! Ранил старика. Заплакал старый охотник, надел лыжи, побежал скорей в вершину другой речки к старшей дочери, к своему доброму зятю. Так до сих пор с ними и живёт. Сказку про волшебный котёл – путпелык – детям, своим внукам, часто рассказывает.

ШИШАМИЕ

У самого урамана, на краю города, жили старик со старухой. Однажды старик запряг лошадь и поехал за дровами. Полный воз дров набрал, вздумал сушняку на растопку взять да бересты. Пошел в бурелом и увидел маленького медвежонка.

«Нет детей, вырастим со старухой хоть его», – подумал старик и взял с собой зверя.

Старуха обрадовалась:

– Назовем его – Шишамие.*

– Ладно, – согласился старик.

Достала старуха серебряное блюдо, серебряную ложку, стала медвежонка-сына угощать: сперва мясом, потом рыбой, а после брусники дала. Наелся зверь, кланяется, благодарит, видно.

Стали жить втроём.

Шишамие быстро растёт. Всё около старика работает. Пойдут дрова заготавливать – старик уж не рубит, только сушины метит топором. Медведь их корчует и на сани складывает. Рыбачить по льду начнут – медведь пешней проруби долбит, тяжёлые ловушки вытаскивает, рыбу вытряхивает. Охотиться на дичь научился: ловушки насторожит, потом проверяет.

Амбары у них стали полны припасов, дров много.

– Кормилец сын, – радуется старуха.

* Шишамие – медвежонок.

– Помощник сын, – хвалит старик. Однако, спокойная жизнь вдруг кончилась. Стал Шишамие сердиться. За обедом серебряную ложку начал на пол кидать. Старик со старухой спрашивают:

– Почему сердишься?

Медведь-сын объяснить не может, на дверь показывает. Старик дверь открыл, вышли они на улицу, медведь впереди идёт. Пришли на царский двор. Там дочь царя, красавица, гуляет с подружками.

Шишамие на царевну лапой указал и жалобно на старика поглядел. Старик, в чём был, зашёл к царю:

– Мой сын твою дочь полюбил.

Царь отвечает:

– Так несите, выкуп.

И назначил им сорок сороков соболиных шкур, беличьих и лисьих. Проохотились зиму старик с медведем-сыном, собрали пушнину и понесли к царю. Пересчитал царь шкурки, вывел дочь и отдал старику. Даже не спросил, где жених.

Привёл старик царевну в избу. Старуха уж половину дома молодым приготовила: поселились медведь с царевной на этой половине. Старуха еду варит сыну и невестке, на подносе носит. С золотых, серебряных блюд их кормит. Царевна довольна:

– Живу, как дома.

Долго ли, коротко зима прошла, весна началась. В городе праздник большой: народ в кошёвках* расписных на тройках катается, зиму провожает, весну встречает.

Шишамие ушёл на праздник. Долго его нет.

Старуха говорит:

– Запряги, старик, коня, мы со снохой прокатимся, на народ поглядим, видишь, она без мужа скучает.

– Сели старуха с дочерью царя в кошёвку, немного проехали, навстречу им красивый парень. Уж такой молодец-богатырь в богатой одежде – на него весь народ глядит. Сидит он в золотой карете. Во всём городе один на шестёрке коней катается. Старуха сноху спрашивает:

– Понравился тебе богатырь?

* Кошёвка – здесь: деревянная карета на полозьях.

Сноха, не стесняясь, говорит:

– Не сравнить с медведем. Приневолители, теперь не убежишь.

Покатались женщины по городу, вернулись домой, и Шишамие с гулянья явился. Как толкнул он царскую дочь к дверям, она в сени упала. Медведь накинул на неё сах, повёл во дворец. Довёл до царского двора, сам обратно ушёл.

Опять старик со старухой взяли медведя-сына на свою половину. Старуха мохнатого сына опять с серебряного блюда кормит серебряной ложкой. Присмирел он, скучный, всё работать хочет. Рано из дома уходит. Много рыбы ловит. Диких оленей, лосей добывает, дичь разную.

Хорошо старики живут. Но жизнь одинаковая не бывает. Стал Шишамие опять посерживать, ложку за обедом на пол кидать. Кинет и заворчит, будто стонет. Вывел однажды Шишамие стариков на улицу, показывает лапой на землянку. В землянке той жили бедняки из бедняков. С ними дочь – невеста.

Стал старик сватать девушку за медведя. Родители девушки испугались, что жених – медведь, отказать не посмели, а сама девушка согласилась. Новая сноха работящая: еду готовит, в доме убирает, каждый вечер медведю-мужу шерсть расчёсывает, сор выбирает из меха. Шишамие доволен. Старики любят, как молодая за их сыном ходит!

Долго ли, коротко опять в городе праздник. Снова зиму провожают, весну встречают. Народ катается на лошадях, колокольчиками украшенных. Колокольчики звенят, шум, смех, песни. Медведь-сын на праздник один пошёл. Долго его нет.

Старуха просит:

– Старик, запрягай коня, мы со снохой народ поглядим, прокатимся.

Едут старуха со снохой, навстречу им молодой, красивый парень в богатой одежде. Едет он на шестёрке лошадей в золотой карете. Народ ему дорогу даёт, богатым седоком любит.

Старуха говорит снохе:

– Красивый парень, тебе бы такого мужа.

Сноха отвечает:

– Я богатому человеку не пара. Да о чём разговор, ведь я замужем. Меня Шишамие пожалел, из землянки в избу привёл, живу в тепле и сытости, никем не обижена.

Воротились женщины с гулянья, поужинали. Ушла молодая на свою половину. Медведя долго не было. Среди ночи он вернулся, шкуру сбросил, всё в доме засияло. Открыла глаза молодая, перед ней тот красивый парень, что в золотой карете по городу ездил.

Утром медведь с женой долго не встают, старик проведать пошёл: здоровы ли? Видит, молодая ещё спит, и медведь-сын рядом в человеческом образе. А шкура медвежья у порога на лавке лежит.

Не успел старик обрадоваться, Шишамие проснулся, рассердился, что отец на него с удивлением смотрит. Грянулся Шишамие наземь и обратился в холодный камень.

Сели старик со снохой у камня, заплакали. Старуха услышала, пришла, тоже зарыдала:

– Милый сын Шишамие, не увидим тебя больше никогда.

На молодую горе нашло. Ушла на улицу, легла возле кучи мусора:

– Лучше замёрзну, чем жить без Шишамие. Плакала, плакала, забылась сном. Слышит, вроде кто её будит:

– Внучка, внучка, что в грязи лежишь? Одень меня, обуй, я твоему горю помогу.

Очнулась жена медведя, перед ней маленькая, с пестик, старушка совсем голая, посинела. Скорей стащила женщина платок с головы, оторвала уголок, старушке голову повязала. От платья лоскут, от сахара и кисов кусочки меха. Дала старухе. Та нарядная стала согрелась.

– Испеки три хлеба, – говорит старушка, – чтобы не подгорели нигде. Камень, в который превратился твой муж, снизу жиром нельмы смажь. Хлебы вокруг камня на дощечках разложи. Хлеб-то и уговорит медведя. Это он на старика обиделся.

Поблагодарила женщина маленькую старушку, всё по её совету сделала. Стали хлебы остывать и начали тихими голосами просить:

– Добрый муж, смелый муж, умный муж, воротись к жене, к отцу-матери.

Долго упрашивали хлебы камень. Наконец он раскололся, и из него выпрыгнул красивый парень в богатой одежде. Обнял свою верную жену Шишамие и повёл её к старикам. Обрадова-

лись старик со старухой, не могут наглядеться на своих молодых. Сели старые против молодых за стол, да такая беседа долгая началась меж ними, будто век не виделись.

ОЛЛЕ И ГУСЬ-БОГАТЫРЬ

Жили в урмане на берегу речки три брата и сестра. Сестру Олле звали. Братья рыбачили и охотились, а Олле дома управлялась. Мясо и рыбу сушила, ягоды и кедровые орехи запасала. Много шкур Олле скоблила и мяла, из этих шкур одежду и сапоги охотничьи для братьев шила.

В урмане одежда и сапоги скоро рвутся. Каждый вечер Олле чинит, латает. Каждый вечер зимой просушивает у очага большие рубахи и малицы, рукавицы и кенчики* братьев. Варит Олле обед – три котла подвешаны у чучала. Хлеб Олле возле избушки в глиняной печи выпекает.

С утра до полночи некогда Олле присесть.

Однажды Олле пекла хлеб. Очень пышный хлеб удался, душистый. Шёл недалеко хозяин Нижнего города Ай-Лонт-Вурт, Гусь-богатырь его звали, запах хлеба почувствовал. Вышел он к избушке – молодой, красивый богатырь в богатой одежде. Поклонился Олле, сказал:

– Вкусный, наверно, хлеб. За семь песков** твоим хлебом пахнет.

Олле при чужом мужчине платком завесилась. Однако богатырь ей понравился, и подала Олле один хлеб ему.

– Отведай, потом хвали.

Попробовал Гусь-богатырь и говорит девушке:

– Сватать тебя пришёл.

– Не отдадут братья, – ответила Олле. – У них жён нет. Кто управляться станет?

– В моём Нижнем городе много девушек. Почему братья не берут невест из моего города? – удивляется богатырь.

Отвечает Олле:

* Кенчики – меховые чулки, мехом внутрь.

** Семь песков – расстояние по берегу реки ханты измеряли от одной песчаной косы до другой.

– Братья сказывали, ленивые девушки в твоём городе. Только вышивают да наряжаются с утра до вечера, а вечером песни поют да пляшут под музыку лебедя.

Строго говорит Гусь-богатырь:

– Наши девушки всему учатся, что им в замужестве пригодится. Но вечерами отдыхать надо и девушкам. Я порядок завёл, чтобы у кого дети малые есть, в тех домах всякий вечер сказки рассказывали. А молодые веселятся. Вечерами в моём городе все в чистой одежде. Кому петь и плясать не хочется, стариков расспрашивают, мудрые речи слушают.

Изумляется Олле. Вон как в Нижнем городе!

А богатырь дальше говорит:

– Дерево и то наряжается. Зверь и птица малицы обновляют. Только тебя братья не наряжают, работой заморили. Посмотри, Олле, твои пальцы свело, как у пожилой женщины.

Заплакала Олле:

– Деваться мне некуда. Старший брат сильно сердитый. Не даёт вышивать, петь не велит.

Только так проговорила Олле, братья к избушке вышли. Увидели богатыря, нахмурились. Старший брат спросил:

– Свататься явился? Уходи, а то убью. Ушёл богатырь ни с чем, и с этих пор братья стали гнать его из урмана. Едва увидят – целятся из луков, велят в город возвращаться. Перестал Ай-Лонт-Вурт ходить на промысел. Каждое утро вместо охотничьего лука берёт лебедя.* Залезает в свой самый высокий амбар и перебирает струны. Далеко из амбара урман видно. Видать даже дымок от чувала, который Олле топит.

Смотрит богатырь на тот дым, ударяет по струнам лебедя. Выговаривают струны:

Олле – невеста моя,

Тратил я годы

На охоту, пиры и беседы.

Олле – невеста моя.

Теперь о тебе лишь думаю.

К зиме накоплю

* Лебедь – музыкальный инструмент.

Силу в крыльях своих.

Жди меня, Олле,

Не называй меня трусом.

Разносится музыка по урманам. Братья Олле слышат, злятся. А добрые люди в Нижнем городе радуются:

– Скоро Гусь-богатырь – хозяин Нижнего города – совьёт гнездо с Олле-красавицей.

Однажды ветер донёс Олле голос струн. Заволновалось сердце девушки, застучало, как дятел.

Проводила Олле братьев в бор, принесла оленью голову варить. Принести принесла, а что дальше делать, забыла. Села сохнкры-сапоги чинить, иглу, олени жили-нитки достала, а что дальше делать, забыла. Дрова притащила, в очаг не подбросила. Достала Олле кукол своих, вышивать начала. С куклами разговор ведёт:

– Скоро Гусь-богатырь меня замуж возьмёт. Он добрый. Меня наряжать станет, бусы и ленты подарит. Я вам новые платья сошью. Нагрудники бисерные носить будете.

Пела Олле весь день, не заметила, как вечер наступил, братья из бора пришли.

Кинулась Олле очаг растапливать, старший брат говорит:

– Смотри, сестра, будешь лениться, выгоню.

Опять Олле управляется в избушке, старается. Старший брат покрикивает на неё:

– Не забывай женской работы. Засветло дрова и воду носи. За хлебом следи, коли в печь посадила. Собак корми. Шкуры скобли-выделывай. Одежду шей новую, старую чини, успевай! Еду вари. Мы на промысле мокнем, мёрзнем. Тебя кормим, защищаем.

Однажды ушли братья на охоту с ночёвкой. Опять ветер донёс с Нижнего города музыку. Услышала Олле речь струн – про всё забыла. День и ночь с куклами проиграла. Вышивала, песни пела, не заметила, как братья пришли.

Старший брат схватил Олле за косы и выволок из избушки.

– Говорил тебе – не ленись! Иди куда хочешь. А жениха твоего мы выследим и убьём, как пакостливого зверя – росомаху.

Стоит Олле на поляне, дрожит от холода.

Вдруг зашумели верхушки кедров. Темно стало. Будто буран налетел на Олле, поднял, закружил и понёс куда-то.

Очнулась Олле утром в каменном доме. Лежит она на высоких нарах. Постель из белых мягких шкур. Занавес у нар цветастый, как опушка урмана летом.

– Наверно, Ай-Лонт-Вурт меня в жёны взял, – догадалась Олле.

Подошла она к чувалу. Чувал истоплен. Еда горячая готова. С дровами пожилая незнакомая женщина вошла.

Олле её спрашивает:

– Кто хозяин тут, у кого гощу?

Женщина отвечает:

– Теперь ты тут хозяйка. Гуся-богатыря жена. Я прислуживаю сегодня, а завтра другая женщина придёт. Мы нашему богатырю помогаем, а он нас от врагов защищает.

Оделась Олле во всё новое и на улицу вышла. Огляделась кругом – дома каменные один за другим стоят. Улицы чистые, широкие. Ребятишки с горы катаются. Иногда по городу на оленях в нартах охотники, рыбаки проезжают. Женщины мужей приветливо встречают.

Дивуется Олле, как все согласно живут в городе. Долго Олле по улицам ходила. Люди с ней здороваются, счастья желают.

Пошла Олле в дом богатыря. Видит, печальный сидит. Взял он лебедя, заплакали струны.

– Почему грустит твой лебедь? – спрашивает Олле. – Скажи мне, мой муж.

Отвечает богатырь:

– Должен я покинуть тебя, моя жена. Полечу в Верхний город. Давно там не был. Узнаю, всё ли хорошо. Через три дня за тобой прилечу.

– Как одна останусь? – заплакала Олле.

– Братья придут, обратно уведут.

– Я сторожей посажу у дверей, – говорит богатырь. – Но ты младшего брата не бойся и среднего брата не опасайся. Придут они по одному. Накорми и одежду новую дай. А старшего не пускай. Если примешь его, мы с тобой больше не увидимся.

Надел молодой муж Ай-Лонт-Вурт серую гусиную шкурку и вылетел в дымовое отверстие. Осталась Олле одна в доме. Сторожа посидели-посидели да и уснули у дверей. Слышит Олле, стучит, зовёт младший брат. Открыла Олле ему, накормила,

одежду дала новую. На завтра средний брат пришёл. И его Олле приветила.

На третий день старший явился. Долго Олле не отворяла. Заплакал брат:

– Сестра, я тебя вырастил, поил, кормил. Неужели моё добро забыла?

Пустила Олле старшего брата. Он сердитый опять. Еду сам взял. Одежду сам взял. Прикрутил брат Олле верёвкой к нарам, рот платком завязал. Сам отдохнуть лёг, охотничий нож рядом на полку положил.

В полночь свист крыльев донёсся. Слышит Олле, круг за кругом делает Ай-Лонт-Вурт. Чует Гусь-богатырь, чужой в доме.

Полетал, полетал, сел на дымовое отверстие. Старший брат подскочил с охотничьим ножом, отсёк лапки богатыря.

Хлынула кровь. Застонал Гусь-богатырь, закричал, в небо взвился.

Старший брат развязал Олле, говорит:

– Загостился я. Пойду. Что хотел, сделал. Умрет твой муж без ног.

Собрала Олле в туесок кровь своего мужа, лапки-ноги его туда же положила. Пошла она по улицам Нижнего города, по окраинам. Смотрит Олле, не лежит ли где замертво богатырь. Нигде не нашла она своего мужа. В горе упала Олле на тропу, долго плакала. Очнулась, её кто-то зовёт. Глядит Олле, перед ней маленькая старушка:

– Не горюй, Олле. Живой твой муж. Улетел он в свой Верхний город. Сюда без ног не вернётся.

Ещё горше заплакала Олле. Старушка её утешает:

– Знаю, как ты его любишь. И он тебя любит. Спасёшь его, если моего совета слушаешь. Пусть кузнец тебе три хлеба скуёт, кисты и посох. Как изнаются кисты, изотрётся посох, кончатся хлебы, до лестницы дойдёшь. Та лестница в Верхний город. А идти к ней долго. Сперва с домом попрощайся. Туесок с кровью и лапками возьми, шесть раз дом богатыря обойди. Седьмой раз пойдёшь, заметишь мышиную тропинку. Иди по ней. Она к горностаевой тропинке ведёт. Горностаеву тропинку пройдёшь, начнётся заячья. Заячья тропа в лисьей теряется. С

лисьей тропы на волчью сойдёшь. С волчьей на медвежью ступай смело.

Долго шла Олле. Все тропинки и тропы прошла, как ей старушка велела. Увидела Олле лестницу. Нету сил у Олле. Еле-еле взобралась наверх. Оказалась на сухом болоте. Вдалеке город увидела, точь-в-точь как Нижний город богатыря. И солнце то же, и урман похожий, и речка совсем такая же, из какой Олле воду в избушку носила.

«Бояться нечего, — думает Олле. — Однако люди спрашивать начнут, отчего моя одежда грязная и рваная. Откуда пришла, спросят». Перекувыркнулась Олле через голову, сделалась девочкой.

— Скажу, сирота, — придумала Олле. — Жила в урмани с братьями. Братья ушли куда-то жён искать.

Подошла Олле к окраине города. Возле одного дома старика увидела. Старик дрова рубит. Олле-девочка поздоровалась, спрашивает:

— Не возьмешь ли, дедушка, в прислуги?

Старик старуху позвал. Та обрадовалась. Прожила Олле у старика со старухой три дня. На четвёртый день гонец на коне приехал. Старик со старухой вышли на крылечко. И Олле вышла. Говорит гонец:

— Хозяин нашего города Ай-Лонт-Вурт к предкам собрался, не может он без ног жить. Велит перед смертью, чтобы ты, старуха, сварила ему уху из муксуных головок, а старик покормил бы богатыря ухой.

Поспешили старик со старухой во дворец.

Олле перышком обернулась, следом полетела, туесок с кровью и лапками Гуся-богатыря понесла. Отыскала Олле чувал, где котёл с ухой кипел. Как старуха отвернулась, Олле из заветного туеска в котёл всё вылила и скорее обратно.

Скоро старик и старуха домой вернулись довольные. Рассказывают Олле:

— Хозяин нашего города хорошо ухи похлебал. Все муксуны головки высосал. Потом крепко уснул.

Прожили день до вечера, ночь ночевали. Наутро гонец от богатыря приехал. Вышли старик со старухой на крылечко.

– Ай-Лонт-Вурт благодарит вас, – говорит гонец. От старухиной ухи, видно, у богатыря ноги отросли. Стал он весел и здоров. На охоту пошёл хозяин Верхнего города.

Опять день до вечера прожили, ночь ночевали. Олле горюет, как ей мужу объявиться, как повиниться перед ним. Думала-думала, ничего не придумала.

Опять утром гонец приехал. Зовёт старика со старухой на свадьбу во дворец: женится Гусь-богатырь на Дочери Утренней Зари.

К вечеру нарядились старик со старухой, на свадьбу отправились. Олле с ними до дворца дошла.

Как раз семь оленей на праздничной нарте примчали невесту-красавицу. Женщины помогли ей с нар сойти. Обронила Дочь Утренней Зари золотую серёжку.

Олле-девочка подобрала серёгу.

Поздно вечером старик со старухой явились домой, толкуют:

– Богам угодно стало, чтобы хозяин Верхнего города поправился. В Нижний город никогда наш хозяин не полетит. Тут у него гнездо, тут у него хорошая жена. Дочь Утренней Зари. А в Нижнем городе худая жена. Мужа не послушалась. Ног мужа лишила, Сколько мы богов задабривали, наконец, они богатырю ноги возвратили.

Заплакала Олле, на улицу вышла. Не бывать ей больше женой богатыря. Худая была жена Олле. Не послушалась мужа.

Идёт Олле, идёт. Вдруг музыка зазвучала. Узнала Олле речь струн. Ай-Лонт-Вурт играет на своём лебеде. Поёт богатырь:

Олле – любимая жена моя,

Олле – первая жена моя.

Не послушалась, Олле, мужа.

Теперь никогда не увидимся.

Обернулась Олле перышком, подлетела к окну дворца. Видит она, лицо Дочери Утренней Зари злое. Говорит Дочь Утренней Зари:

– Не хочу слушать эту песню. Обо мне пой, муж. О моей красоте пой под музыку лебедя.

Отвечает богатырь:

– Тебе с Олле не сравниться, У неё сердце как горячий хлеб. Олле на меня не рассердилась бы.

Отвернулась Дочь Утренней Зари.

– Не любишь моего мужа, – прошептала Олле. – Зачем в его дом женою вошла?

Разогнула Олле серьгу, ту, что обронила Дочь Утренней Зари перед свадьбой. Дочь Утренней Зари глаза закрыла и упала на шкуры.

– Спи до весны, – сказала Олле тихонько. – Весной богатыря позовут озёра Нижнего города. Улетит он раньше, чем ты проснёшься.

Прошло три дня, три ночи.

Велел богатырь перенести Дочь Утренней Зари в Вечерний Дом, на женскую половину.

Дальше живут.

Опять богатырь жениться решил. Взял в жёны Дочь Луны.

Проводила Олле старика со старухой до дворца. Как раз семь оленей на праздничных нартах невесту примчали. Женщины принялись невесту с нарт снимать, обронила Дочь Луны золотое кольцо. Подняла Олле кольцо.

Вечером старик со старухой вернулись весёлые со свадьбы. Олле перышком обернулась, ко дворцу полетела. Гусь-богатырь па лебедю играет:

Олле – любимая жена моя,

Олле – первая жена моя.

Не послушалась, Олле. мужа.

Теперь никогда не увидимся.

Прилепилась Олле перышком к окну. Слышит, Дочь Луны говорит богатырю:

– Не хочу слушать эту песню. Обо мне пой, муж! О моей красоте пой под музыку лебедя!

Отвечает богатырь:

– Тебе с Олле не сравниться. У неё сердце как горячий хлеб. Олле на меня не рассердилась бы.

Отвернулась Дочь Луны.

– Не любишь моего мужа, – прошептала Олле. – Зачем в его дом женой вошла?

Сломала Олле золотое кольцо Дочери Луны. Дочь Луны сразу глаза закрыла и упала на шкуры.

– И ты будешь спать до весны, – сказала Олле.

Через три дня самые уважаемые женщины унесли спящую Дочь Луны на женскую половину Вечернего Дома.

Прошло сколько-то времени. Ай-Лонт-Вурт посватал Дочь Солнца. Опять старик со старухой на свадьбу пошли. Олле с ними отправилась невесту глядеть. Когда женщины невесту с праздничных нар снимали, обронила она золотую гребёнку. Подобрала Олле гребёнку.

Кончилась свадьба. Затихло в городе.

Олле ко дворцу пошла. Идёт она, печальную музыку слышит. Играет богатырь на своём лебедь, о любимой Олле поёт.

Олле перышком обернулась, в окно увидела: разлилась Дочь Солнца, не велит мужу эту песню петь.

– И ты его не любишь! – промолвила Олле. – Так усни же и ты до весны.

Разломила Олле золотую гребёнку Дочери Солнца.

Три дня, три ночи проходят.

Утром Олле по Верхнему городу ходит, слушает. Люди между собой говорят:

– Боги не дают веку девушкам Верхнего города, которые за Ай-Лонт-Вурта идут. Не возьмёт богатырь больше ни одну девушку замуж. Надо ему свою первую жену проведать. Наверно, хорошая жена была. Ноги из Нижнего города мужу в Верхний город послала.

Ай-Лонт-Вурт тоже речи народа слушает. Каждое слово острой стрелой в его сердце попадает. Поднялся богатырь в свой самый высокий амбар. Стал богатырь на лебедь играть.

Проскользнула Олле-перышко в амбар. Смотрит из тёмного угла на своего любимого мужа. Сильно горюет богатырь, плачут струны лебедя.

Играл-играл богатырь, в сердцах кинул лебедь об пол, разбил. Лицо руками закрыл.

Олле дотронулась до лебедя. Лебедь целым сделался, струны туго натянулись.

Очнулся богатырь; лебедь в руки его просится. Опять стал играть богатырь. Запел он:

Олле – любимая жена моя.

Чует моё сердце, ты недалеко.

Обними меня, Олле, первая жена моя!

Олле вышла из угла, своим платком закрыла глаза Ай-Лонт-Вурта. Воскликнул богатырь:

– Олле! Это ты пришла ко мне!

Весело зазвучали струны лебедя, запели струны, как птицы весной. Услыхал народ, собрался к высокому амбару хозяина Верхнего города.

Вышел Гусь-богатырь вместе с Олле к народу.

Три дня, три ночи веселились все в городе. На четвёртое утро богатырь созвал мужчин ко дворцу, сказал:

– Выбирайте нового хозяина города, я в Нижний город полечу с женой. Меня озёра зовут, народ Нижнего города ждёт.

Избрали мужчины хозяином верхнего города самого смелого охотника. Олле ему берестяную шкатулку подала.

– Как исчезнем из виду, открывайте шкатулку. Исправьте серьгу, кольцо и гребёнку. Проснутся тогда Дочь Утренней Зари, Дочь Луны и Дочь Солнца.

Надел богатырь на Олле белую гусиную шкурку. Взвилась Олле к самым облакам. Надел на себя богатырь серую гусиную шкурку. Догнал Ай-Лонт-Вурт свою любимую жену. Полетели они на Север, на нашу с тобой землю. Весну на Север наш принесли.

Вопросы и задания

1. Составьте классификацию сказок Г. И. Слинкиной и Т. С. Чучелиной. Обоснуйте свой выбор.

2. Какими чертами обладает Медведь в сказках Г. И. Слинкиной и Т. С. Чучелиной. Иллюстрируйте свой ответ примерами из текста?

3. Какие сказки других народов вам напоминает сюжет сказки «Путпелык»?

4. Какие элементы традиционной культуры и мировоззрения ханты нашли отражение в сказке Г. И. Слинкиной и Т. С. Чучелиной «Олле и Гусь-богатырь»? Аргументируйте свою точку зрения.

5. Какой художественный прием выделяется в сказке «Шишамие» Г. И. Слинкиной и Т. С. Чучелиной? Докажите свою точку зрения.

6. Можно ли утверждать, что в произведении Г. И. Слинкиной и Т. С. Чучелиной «Шуши-нэ» соединились сказка и миф? Обоснуйте свое мнение.

7. Согласны ли вы с утверждением Г. И. Слинкиной и Т. С. Чучелиной, что «Тот, кого народ любит и помнит, – бессмертен». Обоснуйте свое мнение.

8. Выполните анализ сказки Г. И. Слинкиной и Т. С. Чучелиной «Отважный Ярась».

9. Можно ли утверждать, что Г. И. Слинкина и Т. С. Чучелина используют говорящие имена персонажей в сказке «Лоньсипай-нэ и Енгпай-нэ». Аргументируйте свой ответ.

10. Напишите сочинение-рассуждение на тему «Сказки Г. И. Слинкиной и Т. С. Чучелиной».

11. Придумайте сюжет и героев собственной сказки. Запишите.

ПРОКОПИЙ ЕРМОЛАЕВИЧ САЛТЫКОВ

СЕВЕР

Озера, озера,
Озера без края,
Ковши голубые,
Вода голубая.
Да заросли редкие
Ивняка
Курчавятся всполохом
Ветерка.
Пусть беден ты, Север,
Травой и листвою,
Пусть взял ты в подруги
Метели и вьюги
Земли снеговой.
И все же, и все же
Ты самый любимый:
Товарищ суровый,
Отец мой родимый!

ПРЕДВЕСЕННЕЕ

Снегом укрыты
Теплые крыши.
Капля слезинкой
Еще не упала.
Но неприметной
Робкой девчонки
Тайной тропинкой
Бродит весна.
Долго ли будет
Ходить невидимкой?
Пусть бы зашла
Обогреться в избенку!

Но не заманишь,
Не сыщешь девчонку,
Больно стыдлива она!

МЕСЯЦ

В жизни свободной,
В мире широком
стоит ли маяться
Так одиноко?

В обруч согнуться,
Скучно замкнуться
Я не хотел бы,
Я не сумел бы.

В жизни свободной,
В мире широком
Стоит ли маяться
Так одиноко?

В обруч согнуться,
Скучно замкнуться
Я не хотел бы,
Я не сумел бы.

ЛЕБЕДИ

Снежным своим опереньем блистая,
К Северу тянется дикая стая.
Слышу я в мягком тоскующем крике
Боли и радости голос великий.
Видно, милей им сторонка родная
Рая чужого, веселого рая...

ПОД ПАРУСОМ

Вот повернул на Север,
Парус подняв косой,
Ветер – олень могучий –
В парус запрягся мой.
Лодка, как сани с горки,
Катится по реке.
Чайки над пеной следом
Выются невдалеке.
То подлетят повыше,
То припадут к волне,
Словно река скрывает
Что-то от них на дне.
Парус двумя руками
Весело напрягу,
Чтобы приблизить землю
С юртой на берегу.
Там разгляжу под солнцем
Лодочку на волне.
В лодке этой стоя,
Девушка машет мне.
Я напеваю песни
Ветру наперекор.
Как далеко заплыл я!
Вот ведь какой простор!
Ветер ударит сбоку,
Лодку мою крени,
Девушка та на берег
Вышла и ждет меня.

СЛОВО

Дверь, заскрипев на петле,
Слово твое отняла.
Прощальное слово.
Так не поняв его,
Может быть, именно в нем

Сердце осталось твое.
Ветром каким его носит?
В ветке застряло какой?
Или поземкою легкой
К елке прибило его?
Маленькое словечко,
Мне без него не прожить.
Где-то в тяжелых метелях,
В непроходимых снегах,
Словно листок пожелтевший,
Так вот и сгинет оно...

Двое гуляли,
За руки взявшись,
И вдруг плеснуло
На землю небо
Водою шалой,
И загорелось.
И загремело.
Послушай, небо,
Да где же твой разум?
Два юных сердца
Едва успели
Понять друг друга.
А ты им, небо,
Гулять мешаешь!

Вопросы и задания

1. Назовите основные мотивы лирики П. Е. Салтыкова.
2. Выпишите из стихотворений П. Е. Салтыкова тропы.
3. Выполните анализ стихотворения П. Е. Салтыкова «Под парусом».
4. Как вы думаете, можно ли считать парус символом одиночества в стихотворении П. Е. Салтыкова «Под парусом»? Обоснуйте свой ответ.
5. Как вы думаете, можно ли считать непогоду символом рождения любви в стихотворении П. Е. Салтыкова «Двое гуляли...»? Аргументируйте свой ответ.
6. Поразмышляйте над расположением строф в стихотворении П. Е. Салтыкова «Месяц». С какой целью поэт использует повтор стихов в произведении? Обоснуйте свое мнение.
7. Как вы думаете, отражают ли последние два стиха в произведении П. Е. Салтыкова «Север» отношение самого поэта к родному краю? Поясните свой ответ.
8. Определите, каким размером написано стихотворение П. Е. Салтыкова «Лебеди». Какую рифму использует поэт в этом произведении?
9. Попробуйте подобрать рифму к словам «север», «земля», «край».

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СЕНГЕПОВ

РАССКАЗЫ СТАРОГО ХАНТЫ

ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР

Декабрь подходил к концу. За несколько дней до Нового года решил я съездить в свою родную, давно покинутую деревню Юильск, а оттуда добраться до Сюньюгана, где прошло мое детство, на стойбище к брату Петру Ивановичу Сенгепову. Что заставило меня заехать в далекую глубинку? Не знаю. Только в последнее время прихожу к мысли, что мы, представители национальной интеллигенции, живущие среди русского населения, стоим как-то в стороне от традиционной жизни и быта своего народа. Но с возрастом я чувствую, что не могу обходиться без родного языка. Родное слово помогает мне жить, чудесным образом связывает меня с мудростью сказки и песни, с радостью и печалью нашей жизни. Чем ближе мы к родной природе, тем радостнее и напевнее наши слова и речь, тем явственнее ощущаешь себя человеком, нужным людям. Поэтому, наверное, работая на окружном радио, бывая в разных уголках округа, я стремился положить на бумагу и на пленку все, что еще сохранилось у нашего народа: песни, сказки, легенды и мифы, «сказания и предания старины глубокой». Возможно, это заставило меня заехать в чум, на огонек к Петру Ивановичу.

Жители тайги и тундры любят сначала послушать рассказы приезжих. И Петро стал меня расспрашивать: в каких краях, в каких местах я побывал, что видел, что делал, что слышал. Сидя на оленьей шкуре у горячей железной печки, я, прежде всего, спросил:

— Ты что один? Где же жена у тебя?

— А-а, жену я вчера увез в Юильск. Должна была сегодняшним рейсовым самолетом улететь в Казым. На зимние каникулы дочь привезет.

— Значит мы одни с тобой?

– Одни. Числа 30-го, если рейсовый будет, прилетят.

– Ну, ладно, рассказывай.

Чуть помолчав, медленно начинаю рассказывать ему обо всем понемногу. Он слушает, опустив голову, и его смуглое сухощавое лицо кажется еще темнее. Вид у него усталый, как будто дремлет и не слушает. Однако часто переспрашивает, особенно интересуется нашей новой жизнью, теми изменениями, которые происходят в стране, в округе. А потом вдруг оживляется, поднимает голову и начинает спрашивать меня о жизни и быте народа ханты, и как эта новая жизнь скажется на их жизни. Затем о тех людях, которых он хорошо помнит и знает, особенно интересуется жителями Лямина и Назыма.

Слушая мои рассказы, Петро сидит молча, только изредка спросит: «Этот наш дальний родственник, как-то он сейчас живет, чем занимаются его дети?» Если знаю человека, начинаю объяснять: он живет, где его дети живут, работают или учатся.

Иногда, анализируя его вопросы и расспросы, прихожу к выводу, что брат мой, оказывается, лучше меня знает родственников и знакомых. Мне приходится только удивляться. Разговаривая обо всем, иногда он замолчит и долго, задумавшись, молча сидит. Тогда начинаю думать, что может мои рассказы ему надоели, и я ломаю голову – как его сумеет разговорить? Знаю, что от Петра можно услышать очень много интересных рассказов, сказок и песен.

Благодаря таким старикам рассказчикам, история народа ханты сохранена и донесена до наших дней в легендах, песнях и сказаниях. Вот только с чего начать разговор?

Вдруг пришла мысль, и я начал его расспрашивать:

– Петр Иванович, помню в детстве, когда был я еще маленьким, жили мы тогда в этом бору, в ста метрах от твоего чума...

– Знаю, знаю, – оживился братец, – потому я сюда поселился, чтобы не погас огонек Сенгеповский. Завтра сходи, посмотри отцовский дом, только он сгнил, развалился, там сейчас сплошной сосняк, – и показал рукой на запад.

Я продолжаю свою мысль: «Так вот, в наш дом приходил старичок, жил несколько дней. Однажды забегаю домой и вижу: старик веревочку одним концом привязал к топору, другим – к топорищу. Держит за веревочку и молча сидит в углу дома. Что

он делал: колдовал, ворожил или шаманил? Какие еще колдовство, ворожба или шаманство бывают? Видел или знаешь? Можешь что-нибудь рассказать мне об этом?»

Наклонив голову и глядя на железную печку, выслушал мой вопрос и, медленно поворачиваясь ко мне, поднял голову и начал свой рассказ: «Разным бывает шаманство. Бывает сильное, прилипающее, приклеивающее шаманство, бывает шаманство сильное с топором, бывает шаманство сильное, когда пристально смотрят в глаза (глазного зверя высмотреть), бывает и сильное шаманство с бубном.

Бывает, правда, попадетсЯ человек хвастливый, шаманской силы у него мало, так он пытается прыжками и бубном показать будто что-то может, а на самом деле никого не вылечит, только обманет.

Бывает доброе шаманство, если мысли чисты, и по-хорошему шаманить, то даже с малой шаманской силой женщина заболела – поднимется, станет здоровой, мужчина занемог – оклемается, человек выздоровеет. Все. Такие вот в старое время были разговоры».

Он замолчал. Медленно повернулся к печке, взял несколько поленьев, подошел и затопил. Сухие сосновые поленья мгновенно вспыхнули, и опять стало теплее в чуме. Взялся за чайник и спрашивает меня: «Может быть, опять чайку попьем, чайник поставлю. На улице ясная ночь, очень холодно, немного горячей водичкой согреемся». Он налил воды в чайник и поставил на печку. А я опять спрашиваю его: «Брат, а может ты знал таких людей, обладавших шаманством, как они шаманили, может слово еще дальше понесешь?»

Он опять подсел ко мне на оленье шкуру, по-мужски сел (в доме ханты мужчины на пол садятся, ноги калачиком складывают) и начал разговор так:

– Я за свой век много людей повидал. На всю жизнь запомнил одного мужика. Его звали Андрей Григорьевич Лозямов. Ханты его именовали «Сюрс Вонтр ики» (Андрей хозяин тысячи).^{*} До его смерти, при советской власти, в городке Сортанг (д. Вершина по реке Назым) его шаманом все считали. Я тогда маленький –

^{*} Так ханты называют людей богатых, имеющих больше тысячи оленей, или обладателей иного богатства.

десяти с лишним лет был, а может быть, пятнадцать или около шестнадцати мне было. Я своими глазами видел. Ножик сюда в грудь себе вонзает.

Я говорю ему:

– Аспухэм-ики (родственный термин)*, это что за фокус?

– Это, – говорит, – фокус, такой. Фокус, кому такое шаманство природой дано, это и есть его фокус. Это на русском языке означает гипноз. Так вот, этот человек умел гипнотизировать людей. А по-хантыйски – имеет рот змея. Он не свое тело прокалывает, а в рот змея ножик вставляет. Вот это и есть шаманство, или фокус. От меня он не скрыл, хорошо рассказал. Я своими глазами видел. Правда, много крови не выступает. Так, ради метки, тело свое может чуть черканет, и, кроме змеиногo рта, маленькая капля крови покажется. По-нашему, ведь, рот змеи яд наружу выпускает. Вот и все. Ножик вынет, а тело его целое. Он не может умереть. Вот в чем его фокус. Ну, все, конец.

После его рассказа я долго молча сидел, думал. Подобные рассказы я много раз слышал, даже после окончания института. Но почему-то меня уверяли, что это шаманство. Только в то время я был молодым и на все это не обращал особого внимания. Поэтому теперь я даже не могу вспомнить, где я слышал эти рассказы и от кого.

Пока я сидел и думал, Петр Иванович приготовил стол, и мы приступили к ночному чаепитию. Я вновь начал разговор:

– То, что ты сейчас рассказал мне, это не шаман и не шаманство. Был бы он грамотным человеком, мог бы быть великим артистом или врачом, лечил бы гипнозом.

– А люди-то, люди все его называли шаманом.

– Время было такое. А вот шаманов настоящих с бубнами или еще с чем-нибудь ты знал, видел? Может, об этих людях еще расскажешь?

– Ну, таких людей, конечно, знаю, много видел. Самым умелым шаманом с бубном был, говорят, наш большой дедушка-прадедушка. Но это очень давнее дело. А вот мой покойный де-

* Так ханты называют людей богатых, имеющих больше тысячи оленей, или обладателей иного богатства.

душка — это я помню — тоже умел шаманить с бубном. Ну, слушай, я тебе еще одну историю расскажу.

У мужчины Реш Опанась средний сын больным стал. Туда позвали шамана с бубном. Стал шаманить, молит Ем вош ики (Самаровского бога из семи холмов). Шаман, владеющий таким шаманством, вымолил Ем вош ики. Прийти-то тот пришел, да не заходит внутрь дома.

— Ну, все, — обращается шаман к Реш Опанасю, — Ем вош ики на улице застрял. Не хочет, не желает войти в дом.

Тогда Реш Опанась и говорит:

— Ну, как-нибудь моли, чтобы вошел. Вот у моего сына дыхание уходит. Я очень прошу, моли да вымоли.

Еще раз шаман взял бубен. Колотил, колотил. Теперь Ем вош ики внутрь дома все же вошел.

У настоящего бубна с внутренней стороны сделана рогалина, а к ней прикрепляется щеточка (кисточка, как метла), символизирующая выметание, изгнание болезней из больного человека и его жилища. К концам рогаины прикрепляются три кожаных тонких, узких ремешка для держания бубна. Дед мой это хорошо знал. Стал выметать болезнь из больного мальчика. Раз ли, сколько там крутанулся, колотит бубен, метет. И вдруг все три кожаных ремешка как бритвой перерезали, бубен свалился. Все — колдовать больше не может! И этим он закончил, остановился. И дедушка мой в эту ночь или где-то в полночь заболел. Заболел. А утром — ты знал, наверное, Мосямского большого мужика Ювана — с пастбища пригнал он оленей для упряжки. Посадили деда на нарту, домой так сидючи и привезли.

Приехал домой, дней семь только выдюжил. Того мальчика больного поднял, на ноги поставил, а вместо него сам пропал. Вот так. И никаким чудесным способом, когда человеку время приходит умирать, исцелиться нельзя. Все.

После этих слов встал, положил в печку несколько поленьев и сказал: «Может немного отдохнем?» Приготовил мне постель. Я накрылся своей шубой, а сверху он накрыл меня сахом (женская шуба). В течение целого морозного дня, издалека добравшийся до чума моего брата, уставший с дороги, но довольный его рассказами, я быстро заснул.

ВТОРОЙ ДЕНЬ

Утром встали, чаем угостились. Брат надел старенькую легкую малицу, подпоясался, вышел на улицу, встал на лыжи-подволоки и пошагал в лес искать оленей. «Ты, – говорит, – сиди в чуме. Когда олени придут, зайдут в загон, закрой ворота». С этими словами пошагал он в лес.

Я, оставшись в чуме, довольно долго сидел, греясь у железной печки. Потом оделся и вышел на улицу. Вокруг чума, внутри загона, вместо оленей, как в детстве, туда-сюда напрасно похаживаю, слушаю – никакого звука, посматриваю – оленей нет.

На улице было очень холодно, стал я мерзнуть. Надумал дров наколоть. Схватил топор и начал распиленные чурки раскалывать. Вскоре чурки кончились, а расколотые дрова сложил в поленицу. Прислушиваюсь, посматриваю – никакого шума не слышно и оленей нет.

Взял охапку дров, вошел в чум, затопил печку и сижу греясь. Так сижу, слушаю и, кажется мне, что на улице олени похаживают.

Вышел на улицу. Оказывается, олени когда-то успели зайти в загон, а теперь медленно уходят из него. Бросился закрывать ворота загона. Где уж там! Чуть олени не стоптали; переходя на мах и рысь, они перемахивали через полуоткрытые жердяные ворота загона. А я не смог задвинуть ни одной дверной жердочки. Ну, что поделаешь? Так и остался у ворот загона один, стою, как дремлющий глухарь. Туда-сюда только посматриваю, мысленно сам себя ругаю.

Так стоя, я увидел брата. Он медленно приближался на лыжах-подволоках ко мне, выглядел очень уставшим. Когда он подошел ближе, я стал рассказывать, как оленей выпустил. Он мне ничего плохого не сказал, только немного постояв молча, вымолвил: «Дома вот эту русскую одежду сними, надень свою малицу. Однако я еще схожу, может быть, сколько-нибудь оленей найду». С этими словами он собаку позвал и опять в лес пошагал, по тропам, оставленными убежавшими оленями. А я опять остался в чуме один. Снял шубу. Надел малицу брата и вышел наружу. На улице, хотя и было морозно, однако мне теп-

ло. Человек в малице всегда выглядит красавцем таежником. Стою, ожидая оленей, похаживаю.

Немного погодя олени опять показались. Несколько оленей сразу же снова убежали в сторону, с десятков забежали в загон. Я закрыл ворота, задвинул жерди загона. Прошло довольно порядочно времени, когда вернулся брат. Немного постоял, глядя на оленей, потом сказал: «Ну, что поделаешь, сколько пришли, столько пусть и будет».

Снял лыжи-подволоки, из нарты достал мешок чебаков. Этих рыбешек внутри загона стали мы в разные места разбрасывать. Олени, друг за другом гоняясь, стали есть этих мерзлых рыбешек, некоторые лизали солевые камни, лежавшие на обкатанном снегу.

— А ну-ка, сходи, открой ворота загона, может олени придут, — попросил меня брат.

Я пошел, ворота загона открыл. Шагаю обратно, смотрю: олени опять выбегают из загона.

Крикнул ему:

— Брат, олени наружу выходят.

Он оглянулся, внимательно рассмотрел оленей и сказал:

— Ну, придут, придут.

Еще немного рыбешки разбросали и вошли в чум. Затопили печку, поставили чайник. Брат занес в дом кусок мороженого мяса, и мы сели есть строганину. Вдруг слышим: на улице олени бегают. «Ну, олени, наверное, пришли», — говорит брат. Я вышел на улицу. Смотрю и правда, внутри загона олени бегают, жуя чебаков, некоторые стоят, отдыхают. Немного постоял, посмотрел, взял охапку поленьев, вошел в чум, подбросил в печку дров. А что дальше-то делать? Зимний день кончился, опять стало темно. Наступила ночь.

ВТОРАЯ НОЧЬ

Около железной печки сидеть тепло. Сидя, опять начинаю брата расспрашивать:

— Брат, ты же народа нашего старинную жизнь хорошо знаешь, помнишь. Старинное дело, старинное слово, старинных

рассказов много знаешь, может быть, еще что-нибудь расскажешь?

– Ну, знать-то, конечно, что-то знаю, можно и рассказать.

Я схватил магнитофон, приготовился слушать и ожидаю, когда он начнет свой рассказ. Вдруг он сказал:

– Ну, братушка, слушай старинное слово, старинный рассказ или сказку, кто его знает. В каком-то веке, в старину, в одинокой юрте одиноко жили три брата, рубящие дерево для войны.*

Были у них когда-то и мать и отец, но давно умерли. А у человека, живущего в одинокой юрте, у растущего человека – рука росла, крепла, растущего человека – нога росла, крепла. Так они долго жили, кто знает, коротко жили, кто знает? Теперь старшие братья добывают, бьют тундрового быка, режут ноги лесного, таежного быка. Братишка младший мокрые дырявые кисы-обувь старших братьев, как женщина, сидит, починяет много небесных дней подряд. Однажды задумался он. Вечером вернулись братья с добычей рыбы и лесного зверя. Решили дома побыть, обносились крепления лыж-подволока, надо их починить.

А младший брат, вместо повара живущий, решил расспросить братьев:

– Братья, почему мы одни живем в этой одинокой юрте, совершенно одни? Вы обходите водную сторону, вы обходите лесную сторону. Неужели не встречали нигде обжитой земли, следа ходящего человека?

Братья в ответ:

– Сколько лет добываем тундрового быка, сколько лет добываем лесного быка, нигде не встречали даже следа человеческого.

– Братья, ну пойдем вместе лесовать.

Братья отвечают:

– Что ж, если есть желание, пойдем! В дальнем лесу, оставшемся с времен начала рода нашего, от отца нашего, мы никогда не промыслили. Черный соболь, черный зверь есть, наверное, в том лесу. В ближнем лесу совсем мало стало черного соболя, черного зверя.

* Рубить дерево для войны для военных целей – заготавливать луки и стрелы.

– Ну, если есть такая земля, то трем мужчинам, – говорит младший брат, – идти разве плохо?

– Ну, конечно, – говорят старшие братья, – пойдем втроем на совсем нехоженную землю. Надоело нам сидеть на одном месте, скоро состаримся. А сходить вместе совсем неплохо. Покажем родовые земли.

Ну вот, собрались лесовать. Пищу на время промысла, кисы-обувь подготовили. Еще ночь ночевали. На рассвете снарядили нарту-подволоку, сложили все имущество, необходимое для промысла, и отправились в лес.

Долго ли, коротко ли шли, пришли на край родового леса, на место стоянки. Сделали из хвойных веток настил для ночевки, нарубили дров. Пришло время развести костер. Младший брат спрашивает:

– Есть чем огонь развести, старший брат?

Стал тот искать – не нашел.

– Нету, – отвечает.

– Ну, средний брат, а у тебя есть чем развести огонь? – братишка спрашивает.

Стали искать чем развести огонь. Мешки, кузовки выворачивают – никакого огня нет. Живого огня не находят и мертвого огня не находят.

– А ты, младший брат, ты никогда в лесу не похаживал, может у тебя есть?

Тот отвечает:

– Я, постоянно живущий в доме, откуда огонь возьму.

И обратился младший брат к старшим братьям: «Ищите высокую лесную сопку, взойдите на нее, на вершину высокой лиственницы, или на вершину высокой ели залезай, старший брат. Если есть где-нибудь поблизости человек с огнем, ты его увидишь».

Велено было старшему брату идти, пошел. Нашел высокое место в середине леса. Залез на вершину высокой сырой лиственницы и смотрит кругом. Оказывается, неподалеку хранитель лесных земель развел костер, горит тот на высоту лиственницы, ели.

Старший брат слез с дерева, пошагал обратно к младшим. Пришел к ним и говорит:

– Ну, я в одном месте огонь видел.

А младший брат отвлекся и этих слов не услышал. Средний брат спрашивает:

– На чьей земле-то, на чьей воде-то видел?

– Да вот, – отвечает старший брат, – хранитель леса и воды, лесной бог, хозяин урмана Менк развел костер, да такой, что горит высотой с ель или лиственницу. Туда какой человек пойдёт.

Младший брат, услышав последние слова, спрашивает:

– Что-то ты там рассказываешь, старший брат?

Старший брат отвечает:

– Ну, этот, – говорит, – Менк, охраняющий лес, огромный костер развел, горит пламя высотой с ель или лиственницу.

– Ну, так, если видел костер, брат, сходи. Огонь нам необходим, попроси огня!

Ну, тому куда деваться? Раз младший брат попросил, надо идти. Пошагал старший туда, где видел костер. Долго шел, коротко шел, приблизился к костру, который устроил дядя – лесной бог, урманный Менк. Как маленький зверек на пустом месте, так и он, чем ближе к Менку, тем меньше становится. Подошел к огню. Лесной бог, урманный Менк греется у костра. К пламени то спину, то живот поворачивает. Высотой с лиственницу, с ель костер устроил, смолистые деревья в огонь бросает.

– Хо-хо-хо, внучек, с какими вестями-новостями пришел?

– Да с какими там вестями-новостями пришел. Нас три брата – мужика, рубили мы лес для войны. В лес пошли, оказалось, без огня-кременя ушли. Дяденька, если бы ты дал нам огня, без огня пришедшим.

Менк ему и говорит:

– Внучек, если ты мне расскажешь с тридцатью перекатами, перевалами, с тридцатью волонами рассказ, я тебе за рассказ отдам живой огонь – горящий факел и мертвый огонь.

Задумался человек: «Я без матери, отца жил. Рассказ с тридцатью перекатами, перевалами, с тридцатью волонами – это очень большой рассказ. Не рассказать его мне». Потом к дяденьке обращается, говорит:

– Этот рассказ с тридцатью перекатами, с тридцатью волонами не смогу я рассказать. Откуда мне его знать?

Тогда дяденька ему и говорит:

– Раз не можешь рассказать такой рассказ, то хоть и есть у меня живой огонь и мертвый огонь, но я тебе ни мертвого, ни живого огня не дам. Все. А теперь ты хоть околечной, замерзни.

И дяденька соскочил, завернул с человека всю одежду к голове, оголил до пояса. И со спины три полоски кожи вырезал. А снятую со спины кожу в карман засунул. «Все, – говорит Менк, – вместо мертвого огня, вместо живого огня иди!»

Человек долго ли, коротко ли шагал, но к братьям вернулся.

– Ну, что ты нам расскажешь?

– Что расскажу, – говорит, – рассказывать нечего. Никакого огня не дали мне. Хоть и просил я огня у дяденьки, нет у него никакого желания дать его мне.

Тогда младший сказал:

– Средний брат, сходи ты! Теперь старший брат проложил тропку, по тропе и шагай, иди, найдешь дяденьку. Если дяденька живого огня не даст, мертвого огня проси, мертвого огня не даст, живого огня проси. Как-нибудь надо бы достать огня. Без огня здесь все обморозимся, замерзнем.

Среднему брату куда деваться? Пошагал по проложенному следу старшего брата. Шел, шел, пришел туда. А могучий дяденька Менк то спину к огню повернет, прогреет, то живот. Из смолистого дерева огонь развел, высотой с лиственницу или ель, горит в небе морозной ночью.

– Хо-хо-хо, – спрашивает, – внучек, с какими-то вестями-новостями ты пришел?

– Какие там вести-новости, – отвечает средний брат. – Нас – трое мужчин, пришли в лес рубить деревья для войны, кремлевые деревья. Без огня-кремня пришли мы. Пришел к тебе огня попросить, дяденька.

– Внучек, я дам тебе какой-нибудь дешевый огонь, если ты мне расскажешь рассказ с тридцатью перекатами, с тридцатью волонами. И мертвый свой огонь дам, и живой свой огонь тоже дам.

Стал мужчина думать: «Рассказ с тридцатью перекатами, с тридцатью волонами я отроду не слышал. Откуда мне взять этот рассказ?»

– Дяденька, – говорит человек, – такого рассказа знать не знаю и слыхом не слыхивал.

– Ну, если не слышал, я тебе и живого своего огня, и мертвого своего огня с излишком дам.

И дяденька соскочил, голову человеку одеждой прижал, четыре полоски кожи с его спины вырезал и приказал: «Все, голым теперь иди!»

Человеку куда деваться, по той же тропинке обратно пошagal. Долго шагал, коротко шагал, пришел к стану младшего и старшего братьев. Младший и старший братья, оказывается, замерзли, лежат и дрожат.

Младший брат спросил у среднего:

– Ну, что, мертвого или живого огня принес, братик?

– Какой там мертвый или живой огонь! Я чуть совсем не замерз, – говорит, – еле пришел.

– Но ведь у духа лесного есть огонь. Почему ты огня не принес? Старший брат ходил – огня не добыл, ты ходил – огня не достал. Ну-ка, я схожу. Братья, вы тут как-нибудь без меня поживите, не замерзайте.

Ну, отправился туда младший братик. Идет по следу, проложенному братьями. Вот и к дяденьке пришел. Раньше костер большой был, а теперь смоляных деревьев еще больше набросал. Костер горит высотой с лиственницу, с ель. Дяденька в небо морозной ночью спину поворачивает, живот поворачивает.

– Хо-хо-хо! Внучек, когда это ты сюда пришел, я даже и не заметил, греясь у огня. Какая нужда, какая беда пригнала тебя в такой мороз?

– Вот, дяденька, в эту сказочно морозную ночь приходится к вам обращаться. Мы – трое, рубящих лес для войны, три мужика, рубящих кремлевые деревья, без огня в лес пришли. Дай нам огня!

Дяденька Менк говорит:

– Как это так сразу дать тебе огня, младший внучек. Если расскажешь рассказ с тридцатью извилинами, рассказ с тридцатью морщинами, рассказ длинный-предлинный, то я тебе и мертвый свой огонь дам, и живой огонь тоже дам.

– Ну ладно, – говорит внучек. – А ты, дяденька, знаешь очень длинный такой рассказ?

– Да если бы знал, то у тебя бы разве спрашивал. Из-за незнания все тебя прошу, младший внучек, ты уж Расскажи, если знаешь.

– Ну, конечно, дяденька, садись-ка сюда, вниз, на бревно и слушай. Я если и Расскажу, то только часть Рассказа. А уж понравится тебе или нет – это уж твое дело.

Дяденька Ялань уселся на бревно, которым разжигают и поддерживают огонь, раздвинув ноги.

– Дяденька, ты хорошенько слушай мой рассказ. Когда-то у меня были и мать и отец. Много ли, мало ли прожили отец с матерью, кто его знает. Только однажды откуда-то весть пришла, будто бы на небе очень мухи дорогие. Если принесешь одну муху, продашь, то получишь корову с телятком, или лошадь с жеребенком.

И мать с отцом мух наловить решили. Взбили в чуманах* мыльную пену. Все мухи в мыльной пене позастревали. А родители их знай, собирают. Матушка семь мешков заготовила, батюшка для себя тоже семь мешков насобирал. Вдвоем четырнадцать мешков припасли.

Ну, а когда в небо идти задумали, матушка четыре мешка мух взяла вязанкой за спину, батюшка тоже четыре, по два мешка мух руками взяли и по одному мешку ртом прикусили. Ну, а дальше в небо, вверх пошли. Долго ли, коротко ли шли, кто его знает. Дяденька, ты слушай, говорят, будто у женщины на голове волос длинный, а ум короткий. И вот, когда приблизились к небу, матушка обращается к батюшке: «Как путь до неба, короток или долог?» Раскрыла рот моя мать и один мешок с мухами упустила – вниз он покатился. Отец – сердитый мужик – на жену, на матушку мою завизжал. Рот свой раскрыл, один мешок тоже упустил. Все, оба в большом накладе остались.

С вязанками на спине и с мешками в руках на небо пришли. Муху продадут – лошадь с жеребенком, еще муху продадут – корову с телятком приобретут. Так все мешки распродали. А с доставшейся животиной им что делать? Решили освежевать. Деревенского, городского народу много наняли. Освежевавшего лошадь – лошадей одарят, освежевавшего корову – коровой

* Чуман – своеобразный берестяной таз.

одарят. Всю животину освеживали. Стала куча мяса, куча кожи, что с ними делать? Из коровьих шкур большой сыромятный коровьей шкуры мешок сшили. А лошадиное мясо, коровье мясо все в мешок затолкали и зашили. Оставшиеся лошадиные, коровьи шкуры все на ленты порезали, связали, вниз опустили – до земли достало. По этой веревке мать с отцом вниз опустились, – на землю.

Слезли и веревку из коровьей шкуры дальше тянуть стали, куда дойдет. Тянули, тянули, да что делать – до деревни, до города не хватило. Как быть с кожаной веревкой? Думали, думали и подожгли веревку. Большой костер на земле сделали, искры до неба поднимаются. А коровья шкура-веревка огнем обугливаться, обгорать, сворачиваться стала, в кучу сворачиваться. Мешок с коровьим, лошадиным мясом вниз – на землю вот-вот упадет.

– Дяденька! – закричал вдруг младший внучек. – Мешком с коровьим, лошадиным мясом здесь тебя придавит! Бежим!

Крича испуганным голосом, отскочил от костра. Менк как сидел, обогреваясь у огня из лиственничного дерева, раздетый, босиком вперед помчался. Так на ходу и замерз.

Как только Менк убежал, младший брат добыл живого и мертвого огня. На стане у дяденьки нашел он кожаные полосы, вырезанные из спин братьев. От спины старшего брата три полоски кожи, от второго брата – четыре. Семь кожаных полосок с собой унес. К братьям пришел. На дрова положил стружки, быстро занялись они огнем, запылал костер. Смоляные поленья в костер бросает. Горит огонь, волшебный огонь высотой с лиственницу или ель полыхает.

– Братья, обогревайтесь, – зовет младший, – что вы лежите и дрожите!

– У нас спины болят, – отвечают братья.

– Ах, спины у вас разболелись! Эх вы, рассказа не могли придумать с тридцатью извилинами, с тридцатью волонами! А я и рассказ придумал и огонь достал.

Братья собрались у костра. Младший брат взял спинные кожицы и братьям на спины прилепил. Тут братья в пляс пустились.

Поохотились, черного зверя, черного соболя добыли, домой пришли.

– Ну, старший брат, – говорит младший, – ты будь властителем города Ем. Ты, средний брат, садись в средней части белоснежной, широкопольной, луговой стороне Оби властителем. А я, – говорит младший брат, – сяду властвовать в раздольном, обильном верховье Оби на этой священной земле. Все.

* * *

Так братец мой закончил вторую ночную сказку, и мы собрались спать.

По-хантыйски некоторые люди декабрь короткодневным месяцем зовут. Я приехал на стойбище в последние дни месяца. Было ясно, морозно, безветренно. Морозы крепчали с каждым днем.

Ночью в чуме спать было очень холодно. Пока в печке горит огонь, лежать приятно, тепло и скоро засыпаешь. Однако, когда огонь погаснет, сразу же замерзаешь. Холод пронизывает до костей. Просыпаюсь, кручусь туда-сюда, стараюсь сохранить тепло, натягиваю на себя одежду. А встать и печку затопить мне лень. Так тихо, спокойно валяюсь, пока снова не засну.

Брат мой, видимо, тоже мерзнет. Он просыпается и, как я, не валяется. Сразу же вскочит, дровами печку набьет и затопит. Железная печка быстро раскаляется, и я, благодаря этому теплу, снова засыпаю. Так прошла вторая ночь в чуме у брата.

ТРЕТИЙ ДЕНЬ

На третий день утром встали, во время завтрака брат спросил меня:

– Ну, братишка, может сегодня сходим морды (гымга) посмотрим. Я ведь довольно давно не ходил, сейчас все замерзло, и мне нужен помощник, чтобы лед долбить.

– Ну, так это же хорошее дело! Что ж я дома один буду напрасно валяться, пошли.

– Ну, – говорит брат, – пешком уж не пойдем, сейчас снег глубокий. Я сейчас оленей схожу поищу, на нарте поедем.

Я, вообще-то, боры, болота, озера Сюньюгана в детстве хорошо знал и до сего времени помню. Ответил Петру:

– Брат, через этот бор до Сюньюгана недалеко, потихонечку пешком дошагаем.

– Нет, – говорит, – до твоего приезда была метель, и дорогу замело, где уж там теперь пешком.

Надел лыжи-подволоки и опять пошагал на пастбище оленей.

Ну вот, я опять один в чуме остался, ожидая, когда его олени придут. Короткие зимние дни быстро проходят, быстро кончаются. Гляжу на часы – пошел двенадцатый час, скоро будет темнеть, а брата даже не слышно – оленей нет, ничего нет. Так внутри загона туда-сюда посматривая, стою, начинаю мерзнуть. Каждый раз, как начинаю мерзнуть, забегаю в чум, печку затапливаю, греюсь и опять выхожу наружу. Я должен охранять загонные ворота, поэтому туда-сюда и похаживаю.

Однако так похаживать мне скучно стало. Два с лишним часа все так и ходил, стало темнеть, а брата все еще с оленями не видно и не слышно. Наверное, мы морды смотреть не поедем. Так стоя, думая, увидел я брата, медленно приближающегося к воротам загона. Гляжу, он очень слаб, устал, пока ходил так долго по лесу, выглядел совсем больным человеком. Приблизившись, я хотел спросить его, однако он опередил меня, сказал:

– Олени в дальнее пастбище ушли, на тот конец бора, здесь близко их нет.

Я этот бор хорошо знаю, довольно длинный. От Суртъюгана по Сюньюгану, до озера Юрнлор тянется, а оттуда поворачивает к озеру Еванглор. Все это обойти – целый день нужно. Глядя на его уставшее лицо, я его спросил:

– Может на сегодня-то хватит, уже луна появилась, скоро ночь настанет. Пошли домой – в чум, чего-нибудь поедем.

Брат мне ничего не ответил, немного молча постоял, а потом медленно лыжи-подволоки снял, около чума к стоящим нартам отнес и поставил. Потом последний мешок чебачной рыбы взял и мы опять начали мерзлые рыбешки внутри загона разбрасывать.

– Что, по-твоему, придут? – я его спрашиваю.

– Ну, сколько-нибудь, конечно, придут, – уверенно ответил он.

Разбрасывая рыбу, посматриваю: с наружной стороны загона два-три оленя похаживают, они, нюхая воздух, на меня посматривают. А подальше еще два оленя разгребают снег. Я, обрадовавшись, ответил брату:

– Смотри-ка, олени, вон, и вправду пришли.

Он ко мне повернулся, начал внимательно оленей рассматривать. Я гляжу на брата: усталость медленно уходила с его лица, глаза мягко засветились. На оленей глядя, сказал мне:

– Ну, пошли домой, в чум, что-нибудь поесть приготовим.

Вошли в чум, в нем стало совсем темно. Брат с улицы откуда-то керосин домой занес, в лампу налил. И опять мы в светлом доме сидим, греясь около печки, горячий чай попивая, закусывая. Посидев некоторое время, я опять брата спрашиваю:

– Брат, ну, может быть, какой-нибудь рассказ, какое-нибудь слово, о каком-нибудь старинном деле ты мне еще расскажешь?

Знаю, он сразу рассказывать не станет. Сперва, наверное, мысленно сверит, проверит, что он на стойбище за день сделал, что нужно сделать еще. Только после этого со мной разговаривать начнет.

И сейчас так же, немного молча посидел и сказал:

– Ну, немного погоди. Я наружу схожу, посмотрю, кажется, олени ходят.

С этими словами малицу надел и наружу вышел. Я магнитофон свой готовить начал, новыми батарейками зарядил и около печки сижу, греясь и его ожидая. Он вошел с сияющим лицом.

– Ну, вот, – говорит, – мои олени немного собрались.

Я наружу вышел, и правда, олени внутри загона похаживают или стоят, отдыхают.

Мне в голову сразу пришла мысль: «Ну, это еще что за чудо? Целый день ходил в поисках оленей – ни одного оленя не нашел. Теперь, как и вчера, когда ночь наступила, олени сами домой пришли».

Вошел в чум, брата об этом спрашиваю. Брат ответил: «Эти домашние олени, живут как авкки.* С оленями в лес ходят и обратно возвращаются. За ними и другие тоже домой тянутся. В наше время ягельные леса наши, боры наши все уничтожать

* Авкки – домашний олень, выращенный в чуме.

стали и оленей иметь стало делом очень трудным. Дома здесь я какой-нибудь кусок пищи, что-нибудь из еды им подсовываю, поэтому они уходят, но возвращаются домой».

И это действительно так. В минувшие годы, когда к нему приезжал, видел я, как он внутри чума маленьких оленят выращивал. По его словам, пока олененок на ноги не встанет, не окрепнет, выращивать их надо внутри дома. Такие олени, глядишь, к месту, где они выросли, обратно, домой тянутся.

Вот так потихоньку живет и работает с оленями мой брат. Он весь свой век провел с оленями. Мне он рассказал об оленях много хорошего и интересного. Но об этом уже другой рассказ.

ТРЕТЬЯ НОЧЬ

Теперь я от него хотел узнать, какие еще старинные рассказы, сказки, песни он знает. Я опять брата спросил:

– Ну, может быть, еще о старинных делах что-нибудь расскажешь?

– Ну, знать-то как не знаю, – отвечал он. – Ты что, опять записывать станешь?

– Для записи я и спрашиваю.

Он немного молча посидел и сказал:

– Ну, послушай-ка.

И начал он рассказ третьей ночи так:

– В заливе Северного моря Торум друга имел. К другу своему он туда ходил. Когда собрался идти обратно, домой, друг спросил его:

– Я тоже, – говорит, – потом когда-нибудь, друг, еслипустишь, если согласишься, в гости к тебе схожу.

– Ну, как же, – говорит Торум, – друг есть друг. Что плохого – приходи. Конечно, не часто, иногда. Живешь, живешь, ведь встречаться тоже надо. Где и как я живу, тебе посмотреть тоже надо.

Распрощавшись со своим другом, мужчина Торум домой на свою землю, на свое небо пошел, на место своего обитания.

Через некоторое время его друг – мужчина Хинь – задумал навестить Торума. Поднялся на землю, поднялся на небо, к другу Торуму пришел. Осмотрелся мужчина Хинь вокруг. Видит

Хинь: на земле стоит только один золотой дом, денежный дом с семью дверями и больше ничего нет. Кругом еще раз оглядывается: крупный песок, мелкий песок и ни кустарника, ни травинки нет, одна пустыня. Так смотрел, сравнивал, вошел в дом. В дом вошел и с другом Торумом поздоровался. Торум посадил его на мягкие ковры. Хинь сел и стал осматривать внутренность дома. Дом, оказывается, как маленькое озеро, как маленькая речка величиной: такой большой золотой дом, денежный есть. Пол, внутренность дома все глазами обвел Хинь. Посреди пола ничего на глаза не попадает. Никакого богатства нет, никаких вещей нет у его друга мужчины Торума.

Так сидели они вдвоем, разговаривали. Вдруг откуда ни возьмись повара пришли. В этот же момент мужчина Хинь заметил: у друга Торума внутри дома, посередине пола богатый разной едой стол появился. А ведь только что весь дом осмотрел, ничего на глаза не попадалось.

– Ну, друг, – мужчина Торум говорит, – стол накрыт, поедим-покушаем.

С двух сторон стола двум человекам два стула для сидения откуда-то появились. Столько сладкой пищи, столько вкусной пищи было на столе. Кроме того, поставлены были на стол две большие кружки, есть ли что-нибудь внутри них или нет – неизвестно. Друг – мужчина Торум – сел к столу, большую кружку с ручкой сразу же за ручку взял и все пьет, все пьет. Между тем друзья разговаривают, едят-кушают.

А мужчина Хинь, одетый в черную шубу, ест все подряд: сладкую пищу, вкусную пищу все жует, все ест. А на белую большую кружку никакого внимания не обращает. Ну, едят-кушают, наконец, друг – мужчина Хинь – почувствовал, что пора остановиться, наелся доотказа.

С другом Хинь Торум еще сидит за столом.

– Ты, друг, – говорит Торум, – еду-то ты всякую ел, как я вижу, вот то, что внутри кружки находится, еще не пробовал.

– А, да я, – говорит Хинь, – не знаю, есть там в кружке что-нибудь или нет? Какова кружка, такова и белая какая-то жидкость в ней: то ли она хороша, то ли плоха, я и не представляю.

– Так ведь посмотреть нужно. Ну, да, ты посмотри, посмотри, попробуй!

Хинь большую кружку взял, за ручку поймал, поднял, пить стал. Губы облизывает, чувствует: очень хороша, да, очень хороша жидкость! Настолько хороша, что животу тоже приятно стало и в желудке тоже приятное ощущение. Чувствуется, что внутренности все смягчились. Хорошо, так хорошо, вкусно! И кружку всю выпил. Потом обращается к другу Торуму:

– Что, друг, еще нет ли у тебя такой воды?

Друг мужчина Торум говорит другу Хинь:

– Если есть на месте, если имеется, конечно, принесут.

И повара (то ли близко были) кружку унесли. Из котла, то ли из чашки кружку опять полную налили. И эту тоже выпил Хинь.

– Вот, – говорит после выпития воды из кружки, – очень хорошо – да, очень хорошо! Друг, если есть еще, одну, пожалуй, еще выпью.

И кружку опять полную налили. Хинь взял ее за ручку, всю выпил.

– Ну, вот, – говорит, – теперь-то чувствую, что поел-покушал. Да, хорошая водица у тебя!

– Да я, – говорит Торум, – ты знаешь, если бы было не вкусно, то я бы за это до еды не взялся. Я тоже считаю хорошим, вкусным, потому сперва взял, выпил, а потом уж есть стал. А ты, – говорит, – на это не обратил внимания, даже не подумал, что за штука: хорошая вода или плохая вода. Ну, теперь-то поели-покушали тоже и на улице-то надо погулять.

– Да, конечно, какой разговор, в разных водах, землях живущие друзья. Сколько рассказов!

Вышли на улицу, мужчина Хинь смотрит и удивляется: такие большие огороды из белого железа, нет им ни конца, ни края. Несколько тысяч коров, оказывается, у его друга Торума. Повара там работают, доярки. По большому городу мужчины Торум, построенного из бочкового железного дерева, идет Хинь, смотрит: нет городу ни конца, ни края. Такой большой город! А ведь когда пришел, то увидел всюду вечный песок – пустыню. Никакого имущества, никаких предметов в глаза не попадалось. Деревни, города даже в глаза не видел. Вот это диво так диво, чудо так чудо!

– Ну, теперь, – говорит Хинь, – друг, мне домой пора возвращаться. А вот это коровье богатство – молоко, оказывается, прекрасное, хорошее. А если бы ты выделил, дал мне его, а?

Тогда друг – мужчина Торум – говорит:

– Если бы ты его сперва выпил, когда тебе дали кружку с молоком, то я бы подумал, может и велел его тебе выделить. Друг есть друг. А теперь, раз сперва молока не выпил, то никаких тебе коров и никаких лошадей. Как до сегодняшнего дня жил и что я велел тебе есть, так и продолжай жить и тоже самое есть.

И друг – мужчина Хинь – с этим в темное море залива вернулся. В Северном море залива, не на земле, а под землей до сих пор живет.

* * *

Когда брат закончил рассказ, я долго молча, восхищаясь услышанным, сидел, думая:

– Откуда он такие старинные рассказы, сказки, песни разужнал?

И я не выдержал, стал хвалить его рассказ:

– Ну, вот это был рассказ так рассказ, сказка так сказка!

– А что, тебе понравился?

– Если бы не понравился, хвалить бы не стал.

– А ты что, не слышал?

– Откуда слышать, я же среди русских вырос и живу, откуда толковое слово, тем более рассказ, от кого услышишь? Для этого я и приехал, старинное слово, старинный рассказ услышать. Если ты не расскажешь, кто мне расскажет? Каждое старинное слово, старинный рассказ – это наша древняя жизнь, если по-русски сказать, наша история, наша культура. Ведь если Вы, старые люди, не расскажете когда-нибудь свои истории, все, что знаете, с собой унесете. А маленькому народу ханты, что останется? – Ничего. Так и останемся мы безродными людьми и постепенно все исчезнем.

Мои слова, видимо, до него дошли. В печку дрова подложил и меня спросил:

– Сколько времени?

Я посмотрел на часы.

Стрелки показывали почти десять вечера.

– Без пяти минут десять, – ответил я ему. – Ну вот, вечер наступил.

Может он хотел отдохнуть, пробродив целый день в поисках оленей и устав, и поэтому так сказал?

– Весной, летом, – опять сказал я, – десять часов – это солнечный день, зимой – темная ночь.

Немного поразмышляв о чем-то, посидев, брат спросил:

– Ну, братец, может еще один короткий старинный рассказ или сказку тебе я расскажу, если пожелаешь слушать?

– Конечно желаю!

Я обрадовался, схватил репортер, новую кассету зарядил и приготовился слушать.

Пока я возился с магнитофоном, брат встал, схватил несколько поленьев, бросил их в печку и рядом со мной сел по-мужски.

– Ну, – говорит, – слушай.

Так он начал свой рассказ:

– В одиночной юрте жил мужчина с семьей. Много ли, мало ли воды утекло с тех пор, как он поселился в этой местности, каким-то путем приобрел где-то сильного быстрого оленя с доской (чтобы олень быстрый или необученный от стада не убежал, привязывают на шею деревянную колодку или на передние ноги кусок доски).

Этого оленя держал внутри закрытого помещения. К суставам передних и задних ног были привязаны доски. Олень настолько силен был, на нарту одного, как лошадь, запрягал. Из лесу пищу ему приносил, как ручного оленя ягелем кормил. Этого оленя он в святое место (старый мужчина был) определил через семь лет. В течение семи лет содержал его и теперь пришло время освежевать. Однако в назначенное место и в назначенное время не освежевал. Думает: «Если я освежую этого оленя, каким образом еще жить, ходить, ездить буду?» Не освежевал. А что, кто подумает? Так он дальше жить стал.

Много ли, мало ли времени прошло, вдруг члены его семьи умирать стали. Однажды и жена умерла. Жена умерла, унес ее тело в лес, похоронил. Одиноким остался. Теперь с оленем в одинокой юрте живя, хорошо живя, вдруг ослеп. Стал слепым, а куда деваться? Пути нет. На улицу за водой не ходит, дрова ру-

бить, дров не находит. Когда был с глазами, где-то дрова имел, а сейчас ни огня разжечь, ни воды попить не может.

Долго ли, коротко ли он так жил, кто его знает. Только однажды почувствовал приближение смерти. Как-то днем или ночью – слепой, не различает, в какое небо он смотрит, в лунное или солнечное – только слышит, как будто кто-то пришел. Хороший человек или плохой, но кто-то пришел. Думает мужчина: «Хоть бы домой вошел! Ослепшему все равно, какую смерть принять. Если хороший человек, по-хорошему слово скажет, спросит, расскажет, поможет. Если плохой человек, то здесь и покончит со мной».

Слышит, кажется, человек внутрь дома вошел. Когда внутри дома оказался, спросил:

– Ну, как, мужик, поживаешь?

– "Э-э, слепым стал, куда мне теперь деваться, вот так и сижу, так и живу. Выхожу на улицу – не знаю куда идти, дома сижу – также. Сижу я без воды, без еды, без огня, – говорит, – умирать собрался. Какой хороший человек был бы ты, если бы мне воды принес. Пить очень хочу.

Пришедший человек воды принес, напоил мужчину. Сколько-то времени посидел. Мужчина, напившись воды, постепенно пришел в себя. Издалека пришедшего человека спрашивать стал:

– Ты от какой земли, из какой-то воды сюда пришел?

– Я, – говорит, – тоже когда-то в какой-то земле жил. А теперь хожу, брожу по свету. Вот и с тобой встретился. Гляжу – похоже человек живет, поэтому и в дом вошел. Ну, каково живет слепым, хорошо? – спрашивает пришелец.

– Где уж хорошо, – отвечает мужчина. – Все, умирать собрался.

– Да, недолго до смерти осталось. А у тебя олень с досками есть, олень тоже умирать собрался?

– Да, олень мой, знаю, наверное, тоже вот-вот скончается без еды, без воды. Я без воды умирать собрался и олень мой тоже.

– Ну, ты немного посиди. Теперь ты воды попил и котел с водой я рядом с тобой поставил. Я схожу, оленя твоего оживлю.

Оленя из дощатого дома человек наружу вывел, по ягельным местам поводил, накормил, водой напоил. Олень силу набрал, человек его привязал и домой вошел.

– Ну, – говорит, – я тебе немного расскажу, мужик, послушай. Ты каким образом слепым стал? Когда ты должен был освежевать оленя? В тот представленный год исполнилось семь лет, оленя нужно было освежевать, а ты его не освежевал. Все, – говорит мужчина, – тот, которому ты оленя представлял, рассердился. Если ты не знаешь крылатую сотню, ногастую сотню, то и сиди со слепым, глухим лицом с оленем и всем остальным, живи, если тебе оленя жалко. Олень по-оленьи сдохнет, а ты без воды и еды подохнешь, если не знаешь небесного бога, если забыл его.

Мужику все было рассказано.

– Да, – говорит, – правда.

– Тебе глаза нужны сейчас? – спросил мужчина.

– Да, глаза-то нужны, но откуда я глазастым стану. Глаза-то ослепли.

И мужчина так рассказал:

– Глаза-то есть, пустые зрачки-то имеются, а только видимость унесены. А ну-ка, глаза твои съездим, поищем. Я отсюда сейчас на улицу выйду, оленя в нарту, которую запрягаешь, я запрягу, поедem.

И мужчина, оставшись в своем домишке, посиживает, воду попивает, принесенную ему еду покусивает. Издалека пришедший человек долго ли, коротко ли на улице ходил, вошел в дом.

– Ну, вот, – говорит, – оленя запряг. И отсюда поедem.

А мужчина говорит издалека пришедшему человеку:

– Запряг-то ты запряг, только передненожные и задненожные доски не отвязывай, не убирай, наверное, не выдержим.

Издалека пришедший человек тогда говорит:

– Если выдержим – то выдержим, если не выдержим – не выдержим. Что ты меня поучаешь, как глазастый. Я знаю твоего оленя, как-нибудь поедem. Ты только за моей спиной крепко сиди, сидеть только смоги.

Мужчина отвязал уздечку, сели в нарту. Издалека пришедшим человеком мужчина веревкой или чем-то к нарте хорошенько привязан, закутан. Сидит, крепко держась за человека.

Где уж там слепому видеть, но чувствует, как на коне на какое-то место везут.

Долго ли ехали, кто знает. Чувствует, настолько быстро везет олень, что в горах, на холмах слышит, как полозья нарты земли касаются, на низких местах чувствует, как дно нарты по верху идет. Чувствует, настолько быстро они едут, как быстро несет их олень. После долгого пути, наконец, человек остановил оленя.

– Ну, вот, – говорит, – оказались мы за семью морями. Сейчас по дороге Хиня, уходящей под землю, все вниз войдем и придем в город Хиня. Приедем в город Хиня, узду оленя потом я к ножке нарты узлом привяжу, чтобы быстро отвязать можно было. Мы в дом Хиня вместе домой войдем. От Хиня я твои глаза попрошу. Отдаст – отдаст, не отдаст – все равно я возьму. Глаза я тебе вставлю – лунный, солнечный свет ты увидишь. Ты тогда назад повернись, сразу же на улицу выбегай, узду отвяжи, вперед на нарту быстро садись. Обо мне ты не думай. Я с Хинем хорошо ли, плохо ли поговорю, немного посижу.

Научил так мужика человек, а потом по дороге, по которой ездил Хинь, под землю на олене поехали. Приехали в город Хиня. И Лесным Богом-человеком узда была привязана так, чтобы быстро можно ее было отвязать.

– Ну, – говорит, – все, приехали в город Хиня. В дом Хиня домой войдем.

И слепой мужик с человеком-Лесным Богом в дом Хиня домой вошли. Человек-Лесной Бог, человек-урманый Менк говорит Хиню:

– Этого мужика глаза зачем унес? Кем ты велен, кто тебя заставил?

– А, почему я унес? Небом попрошен, царем попрошен. Я поэтому сходил и унес. Он ведь Небо не знает и царя не знает. На семь лет оленя заговаривал, в назначенное время, в назначенный день оленя не освежал. Поэтому унес я его глаза, он не желал смотреть глазами на небо.

Глаза мужика, нанизанные на ниточку, висели на гвозде. Человек-Лесной Бог туда быстро наклонился, схватил глаза и мужику туда, где были, глаза засунул, и тот сразу увидел свет. Ну, и как его учили, мужчина повернулся и сразу же на улицу побежал. Человек-Лесной Бог в доме с Хинем сколько-то времени

разговаривал. Когда вышел, видит: мужчина с оленьей уздой все еще возится, не может отвязать. Человек-Лесной Бог узду вздернул.

– Ну, садись! – и мужик – мужчина с человеком-Лесным Богом поехали обратно, домой.

Долго ли ехали, быстро ли ехали из-под земли на лунное небо, на солнечное небо вверх прибыли.

– Ну, вот, – говорит человек-Лесной Бог, – на лунное небо, на солнечное небо прибыли, теперь поедем туда, где ты жил-был.

Долго ли ехали, быстро ли ехали – приехали на место проживания мужика. Олень остановили. Вместе поели-покушали из тех запасов, что у них были.

– Ты меня знаешь, нет? – спрашивает человек мужика.

– Я, – говорит мужик, – тебя откуда знаю?

– Я – Лесной Бог, урманный Менк. Этого олень ты в мыслях своих долго-коротко иметь хочешь?

И мужик тогда говорит:

– Когда ездили к Хиню, услышал я все, да и ты рассказывал. Если сейчас мне поможешь, олень вдвоем освежуем.

Лесной Бог, урманный Менк, человек сказал:

– Я с твоим оленем возиться не стану. Раньше-то ты ведь каких-то оленей имел, освеживал их. Ты как-нибудь его уложи, освежуй. Все. Огня, богатыря вспомни. Сейчас ты прозрел, до куда тебе положено, до своей смерти будешь жить-поживать. Долго ли, мало ли проживешь, меня тоже не забудь, помни всегда. Лесного зверя, речной рыбы найдешь, добудешь. Так дальше много ли, мало ли проживешь, смерть придет и тогда умрешь, дня лишнего не проживешь.

И мужчина, сидя так и слушая, видит, что Лесной Бог исчез, вниз ушел или вверх, не заметил. Только оставил место, где стоял.

И остался мужик один-одинешенек. Так прожил он какое-то время и олень каким-то образом свалил, освеживал. Много ли, мало ли он прожил. Смерть пришла, своей смертью умер. Все.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ

Утром встали, я опять начал свой разговор:

– Брат, сегодня каким-нибудь путем меня в деревню увези. Завтра в Юильск самолет прилетит, этим рейсом я в Белоярский полечу, а послезавтра оттуда домой полечу.

– Ну, куда спешишь, поживи немного. Завтра, может быть, жена приедет с дочерью. Она на зимние каникулы домой ее привезти в Казым уехала. Завтра наверняка приедет.

Ну, что же мне делать? Я опять замолчал, знаю, с ним спорить бесполезно. Он с детства был очень упрямым мальчиком. Это упрямство и настойчивость помогли ему выжить. После казымского восстания отцы наши увезены были. Мы, маленькие дети, остались в нужде одни. Люди, увезенные на землю Назыма, остались в одиночестве там. Ребят постарше отдали в Вершинскую школу. Там брат Петр с сестрой Дарьей учились. Тогда нас очень обижали другие ребята. Чтобы остаться живыми, защищая себя от обидчиков, мы часто дрались и кусались. Когда уж очень тяжело стало, от обид и слез Петр без еды и пищи в лес убежал. Довольно долго он по лесам ходил, бродил, ища хантыйское жилище. И однажды, так шатаясь по лесу, нашел хантыйские юрты. Идти уж не было сил, и он медленно приблизился к избушке.

На лай привязанных собак хозяин вышел на улицу, смотрит, прислушивается – никого идущего нет и шагающего не видит. Когда повернулся обратно к дому, услышал стоны человека у дома. Когда он туда повернулся, увидел мальчика. Ногами мальчик уже шагать не мог, к нему ползком движется. Хозяин поднял мальчика и в дом занес.

Так брат Петро из Вершины попал на землю Лямин (река в Сургутском районе).

Там Петр нашел себе и пищу, и еду. Там его рука – рукой стала, нога – ногой стала. Может богу угодно было, чтобы он живым остался и поэтому до сегодняшнего дня, по его словам, один в лесу с оленями и живет.

Так молча, сидя вспоминая разные случаи из нашего нищенского детства. Ну, думаю, наверное, брат меня не увезет. Что делать? Встал, вышел, гляжу: день уже кончается. Брат тоже

вышел, стал копаться в обозной нарте, чего-то ищет. Я туда приблизился, он повернулся ко мне и говорит:

– Ну, я решил котел делать, что-нибудь сварю, ты немного отдохни.

– Отчего я устал, отдыхать? Руки просят что-нибудь делать, только ты никакого дела не даешь, и мне надоело так, без дела, просто сидеть или похаживать.

Он мне ничего не ответил. Мешок завернул, аккуратно в нарты завязал и с кусками мяса вошел в чум. Ну-ка, думаю, он – хозяин, пусть дома возится, а я за это время оставшиеся чурки расколю. Взял топор и начал с чурками возиться.

Сухое сосновое дерево в морозное небо колоть хорошо, легко. Я быстро справился с дровами, сложил в поленницу. Порядочно дров домой натаскал, у дверей чума сложил.

– Пожалуй хватит, что ты столько дров домой занес, – обратился ко мне брат.

Я, улыбаясь, возразил ему:

– Ты меня сегодня в деревню не увез, дома просидел, оленей искать даже не ходил. Я теперь здесь застрял. Без тебя я куда пойду? День кончился, ночь длинная. Старинных рассказов, старинных слов, сказок ты много знаешь. Пока разговариваем, погреемся.

– Да-да, рассказ-слово-то куда пойдет. А твой пишущий бог еще живой? Я в этот вечер длинное старинное слово, длинный рассказ, или сказку тебе рассказать думу имею.

Я обрадовался. Опять новое слово, новый рассказ слушать буду. Схватил репортер, достал последние оставшиеся батарейки, хорошенько приготовился и стал ожидать, пока он справится с домашними делами. Так прошел четвертый день.

ЧЕТВЕРТАЯ НОЧЬ

После того, как справился брат со своими домашними делами, опять подсел ко мне и сразу же, с каким-то веселым настроением начал свой рассказ:

– Когда-то в старину, в каком-то веке, в одном месте жил среди лесной земли, среди топкого болота мужчина, ненец Ломсь. Голова навсегда как снег побелела, борода тоже как снег

белой стала, как шкура халея (чайки) стала, как шкура весеннего халея, осеннего халея. Большой богатырь мужик был. У него было три сына. Старший сын – богатырь со всевидящими глазами – имя. Средний сын – песенный человек, сказочный человек. Младший сын – человек, режущий ноги тундрового быка, ноги лесного быка.

Долго ли, коротко ли с сыновьями жили, только женатый, семейный был средний сын. Два его сына – младший да самый старший жен не имели.

Так живя-поживая, однажды старший брат – богатырь со всевидящими глазами – старший сын говорит:

– Отец наш поседел, как шкура весеннего халея, поседел, как шкура осеннего халея – состарился. Я тоже становлюсь старым. Перед моей кончиной, братья младшие, если согласитесь, раньше в облюбованный отцом соболиный лес, звериный лес отец охотиться ходил, давайте сходим туда соболя, зверя поищем.

Младшие братья тогда сказали:

– Ну, конечно, если такая думка у тебя стала, если такое желание у тебя есть, сходим зверя-рыбу искать. Черного соболя, черного зверя промыслить, разве плохо.

И люди готовиться стали для промысла: лыжи-подволоки ремонтируют, луки, стрелы готовят. У которой стрелы, может, оперенья нет – оперенья клеят, у которой стрелы, может, конец раскололся – конец готовят, делают. Продукты на промысел приготовили, вот укладывают все на нарты. Подготовка наконец закончена.

Наступил день, когда нарты запрягли. Перед отъездом чай пить домой вошли. Чай на стол поставили, и во время еды-кушанья мужчине-богатырю ненец Ломсь старший сын говорит:

– Отец, за время твоей долгой жизни в святую землю, может быть, ты ходил, в богатырскую землю ходил? Проезжая по какой-то святой земле, по богатырской земле, не делал ли ты зла, не убивал ли ты главу рода или чьего-нибудь отца?

Ненец Ломсь, большой богатырь, отец, поседевший, как весенний халей, осенний халей, человек ответил:

– Сынок, я долго, много лет живя, долгий век живя, святую землю обхаживал, богатырскую землю обхаживал, никакому человеку зла не делал. Всегда честно жил.

– Ну, вот-вот, – старший сын тогда ответил, – если не сделал, значит не сделал, нам никакого дела нет.

Кончили кушать-есть. Вышли на улицу, отвязали уздечки. У старшего брата, человека, знающего воду-землю, тропинки-дорожки, было запряжено с шерстью лесных диких оленей четыре быка. Он сел в свою упряжку и отправился в дорогу ведущим. Средний брат с младшим братом с нартами лесных припасов-продуктов сзади едут. Младший брат самый последний.

От юрты своей долго ли они ехали, только лес кончился, и началась лесотундра. Когда начали проезжать по лесотундре, средний брат с младшим видят: через дорогу наклонная сосна стоит, старший брат под наклонной сосной упряжку остановил, привязал и на наклонную сосну вверх забрался. Туда сел и всевидящим оком смотрит. Глаза полуоткрыто-полузакрыто вниз опустил. Когда братишки туда подъехали, с сосны, куда залез, вниз опустился.

– Ну, вот, – говорит, – братья, с пятьюдесятью людьми из северных ненцев война идет. Вон там, не очень далеко. Отец однажды убил человека, ненца Яве, у Северного моря. Этот большой богатырь ненец Яве был убит отцом выпущенной железной стрелой, им выпущенной оперенной стрелой. Этого мужика отец куда-то девал. Семь сыновей этого большого богатыря ненца Яве с пятьюдесятью людьми хотят отомстить нам, и к нам сюда едут. Немного погода сюда выедут.

С этими словами по этой же дороге они повернули назад и домой рысью поехали.

Ну, а эти военные люди вышли по их следу на дорогу и с криками уже подъезжали к воротам загона.

– Ну, мужики, как-нибудь сохраните свои жизни, – говорит старший брат, – а я к отцу домой загляну.

И старший сын – богатырь со всевидящим глазом – к отцу домой вошел. Отцу говорит:

– Отец, давеча перед отъездом тебя спрашивал. Я знал видящим оком, что когда-то тобою пущенной железной стрелой, тобою пущенной оперенной стрелой, ты убил ненца Яве, человека большого богатыря. Сейчас у его семи сыновей руки – руками стали, ноги – ногами стали. Родовую месть, отцовскую месть искать пришли войной, с пятьюдесятью людьми. Ну, отец,

убить-то – убил, зло делать-то – сделал. Теперь от дождевой воды, от ветреной воды скрыться – гуся дай, кольчугу дай мне.

– Сынок, – отец говорит, – эту весеннюю дождевую воду держащую, осеннюю воду держащую гусяшко тебе не отдам.

– Ну, гуся не даешь, из красного дерева кремлевый лук дай, отец, сто стрел класть колчан дай.

– Сынок, я этого колчана и краснодеревяного кремлевого лука тебе не отдам. Линявую утку, линиявого гуся убивать лук мне нужен. Я, человек, остающийся в юрте без святыни, несчастный, одинокий человек, остающийся в юрте без богатырей, мне все это нужно.

– Ну, отец, если этого не дашь, хотя бы дай мне саблю. Весенний лед стряхивать, осенний снег стряхивать – саблишку,

– Сынок, – говорит, – я эту саблю тебе не отдам. Я остаюсь в юрте без богатырей – мне это нужно. Вы, если какая-то война пришла, если какие-то луки, стрелы имеете, вы своими силами как-нибудь отбивайтесь. Я это свое снаряжение вам не отдам.

После этих слов отца сын разозлился, вышел. Когда вышел, смотрит: братья снизу летящую стрелу – вниз отбивают, сверху летящую стрелу – вверх отбивают. Так от стрел отбиваются. Так маются, так стараются. С пятьюдесятью людьми ненца Яве, с семью богатырями воюют. Железные стрелы, оперенные стрелы с перьями на них пускают.

Старший сын ненца Ломсь, большой богатырь, тоже воевать начал, братьям помогать, стрелы пускать стал.

– Ну-ка, ты, средний брат, – говорит он, – отец мне не дал кольчугу, лук, стрелы и саблю. Братик, ты сходи домой, может тебе отдаст.

По просьбе старшего средний брат к отцу домой вошел. С младшим братом теперь старший брат – всевидящий глаз-богатырь – бьются. Стрелой, пущенной семью сыновьями ненца Яве, насквозь пробило кольчугу старшего брата, в сердце попала стрела. И мужчина слабым голосом один раз только успел крикнуть.

Теперь ненца Яве семь сыновей победный крик кричат:

– Э-хэ-хэй! Мужчина – большой богатырь, ненец Ломсь! Всевидящий глаз-богатырь, старший твой сын кровавым куском свалился. Твердоствольной вьющейся стрелой мы его убили.

Раньше, когда ты приходил в безлесное море, безбрежное море, на песчаном берегу моря, на месте токования весенних глухарей большого богатыря ненца Яве, нашего отца, тобою пущенной железной стрелой, оперенной стрелой убил, тогда ты сильный был. За это мы тебе мстим.

Только так прокричали, опять воевать начали.

Домой вошедший средний сын на отца молится:

– Смилуйся, отец, дай кольчугу.

Отец – ненец Ломсь, большой богатырь рода, говорит:

– Я это от весенней дождевой воды скрываться гуся тебе не отдам, от осенней дождевой воды скрываться гуся тебе не отдам. Я – человек, остающийся в юрте без рода, человек, остающийся в юрте без богатырей, это мне самому нужно.

– Ну, отец, если не дашь этого, то из красного дерева кремлевый лук отдай, со ста стрелами колчан отдай.

– Нет, сынок, я эти колчан с луком тебе не отдам. Я остаюсь один в юрте, один без богатырей, мне это самому нужно. Линявую утку добыть, линиявого гуся стрелять лук мне нужен. Вы, возможно, какие-то луки, наверное, имеете.

– Ну, отец, лук, кольчугу, колчан если не дашь, то белый Обской воды, белый озерной воды (т. е. описательный вид стали) саблю дай.

– Сынок, – говорит, – я это тебе не отдам. Весеннюю ледяную нарту готовить (т. е. отбивать, отколачивать лед от нарты), осеннюю ледяную нарту, снежную нарту стряхивать сабелька мне, человеку, остающемуся в одиночной юрте, остающемуся в юрте без богатырей, это самому нужно.

Сын тогда рассердился, вышел на улицу, видит: младший брат один сражается. Низко идущую стрелу – вниз сбивает, сверху летящую стрелу – вверх сбивает. Вдвоем сражаться стали. Немного постреляли, средний брат говорит:

– Ну-ка, меньшей, сходи домой. Отец, может быть, тебе поможет, твое слово услышит. Кольчугу проси, лук, колчан со ста стрелами, саблю проси, может быть, тебе отдаст он все это.

И остался средний брат один. Низко летящую стрелу – вниз сбивает, сверху летящую стрелу – вверх сбивает. Один-одинешенек сражается. Младший брат пошел домой:

– Отец, может быть, гуся – скрыться от весенней дождевой воды, от осенней дождевой воды, чешуйчатого гуся мне отдашь?

– Смилуйся, сынок меньшей, и даже думать не думай. Я, одинокий человек, остающийся в юрте без богатырей, не отдам тебе чешуйчатого гуся, помогающего скрыться от дождя и ветра.

– Ну, отец, кольчугу не даешь, лук, стрелы дай!

– Сынок, лук мне самому нужен весеннего гуся добывать, осеннего гуся добывать, линиявую утку, линиявого гуся пристрелить – лук тебе не отдам.

– Ну, отец, дай мне саблю, что белее Обской воды, белее озерной воды, саблю мне дай!

– Сынок, сабля нужна мне, чтобы осеннюю ледяную нарту стряхивать, весеннюю ледяную нарту, снежную нарту стряхивать – саблю тебе разве могу отдать? У вас, наверное, какие-то луки, стрелы есть?

Младший сын рассердился и весь в слезах на улицу вышел. Средний брат там, кажется, весь насквозь прострелен, кровавым куском на землю свалился. Страшно крикнуть один раз только успел.

Ненца Яве семь богатырей, семь сыновей семь раз свой победный клич опять прокричали:

– Э-хэ-хэй! Ненец Ломсь, великий богатырь! У безбрежного песчаного моря, на острове, где токуют весною и осенью глухари, жил великий богатырь ненец Яве – отец наш, тобой пущенной железной стрелой убит. Когда свалил ты его, тогда ты храбрый был. А теперь мы твоего среднего сына свалили. Все, он скончался.

И теперь остался младший сын один против пятидесяти. И, бедный, низко летящую стрелу – вниз сбивает, сверху летящую стрелу – вверх сбивает.

Много ли, мало ли времени прошло, пока они сражались, только младший сын совсем обессилел, и его семь сыновей ненца Яве победили.

– Э-хэ-хэй! Ну вот, великий богатырь Ломсь, трех сыновей имел, трех сыновей вырастил здоровыми, крепкими. Однажды когда-то отца нашего погубил. Мы за это отомстили, жизни всех твоих сыновей взяли.

Великий богатырь ненец Ломсь слепой-глухой стал. Голова у мужика побелела, как шкура весеннего халея или осеннего халея. И стали эти люди думать, какую месть ему положить? Один человек говорит:

– В дом войдем, за кожу головы с волосами схватим, на улицу вытащим и костяшки его же саблей перерубим.

А взявший слово другой человек говорит:

– Ну, зачем рубить? Он пусть сидит внутри этого дома. Сейчас слепой-глухой стал, куда он, слепой и бестолковый, может отправиться по реке или в лес? Настолько стар он. В ледяном доме, в снежном доме пусть сидит. Так, без еды-воды, медленной смертью пусть подохнет. Вот ему наказание.

Тогда люди еще думали, думали и к единому мнению пришли:

– И правда, – говорит старший сын богатыря ненца Яве, – если сразу убьем, он обрадуется, что теперь-то сразу скончался. А так, без еды-воды много ли, мало ли проживет и, мучаясь, скончается. Тогда он до самой смерти помнить будет о светлых днях, когда был здоровым человеком. И будет знать: за то, что убил ненца Яве, осужден он на такую смерть.

После того, как ненца Ломсь таким судом осудили, принадлежавшее ненцу Ломсь стадо оленей домой пригнали, захватили и с собой увели.

Когда ушли военные люди, ненец Ломсь стал жить-поживать со снохой – женой среднего сына. Какой теперь из него, слепого человека, рыбак, какой охотник? Дома сноха его так, как-нибудь содержит.

Долго жили, коротко жили, кто знает. Однажды сноха сына родила. Сын подрастал понемногу, любил песни и сказки. Прошло какое-то время, сынок на улице, дома ходить, бегать стал.

Однажды мать от стружечной палки лучок и стрелы сделала. Мальчик из лука стрелами постреливая, днем на улице ходить стал. На улице ходит, маленьких птичек постреливает. К вечеру пернатых птичек домой тащит. Дедушке дает для показа.

– Ты, внучек, этих зверят как добываешь? – дед его спрашивает.

– Да мне мама лук, стрелы сделала. Из этого лука стрелами постреливаю. Добытых птичек домой несу.

– Да, добывать-то неплохо, стрелять-то неплохо. Ты на промысел сходи. Хорошо, что добываешь, лишняя еда не повредит, без еды-воды плохо жить людям. Ты только дальше, – продолжает дедушка, – не ходи стрелять в большую лиственничную рощу, что позади дома находится. В эту сто лиственничную, много лиственничную рощу идти нельзя.

Много ли, мало ли так прожили, кто знает. Маленький мальчик вырастает и с помощью матери из военного дерева, из кремлевого дерева какой-то коромыслообразный лучок делают, из стружечной палки стрелы делают. Так со временем сын еще сильнее, еще храбрее становится. Рыбаком становится, охотником. У тундрового быка, лесного быка ноги резать стал. Поймает рыбу и домой несет. Лесного оленя, лесного быка добудет – домой несет. Мать тоже помогает. Так вдвоем пищу богатую добывать стали. Долго ли, мало ли жили, через некоторое время мальчик юношей стал. Однажды, похаживая, задумался юноша: «Почему дедушка меня не пускает за дом к лиственничной роще?»

Как-то утром встал, решил сходить к ста лиственничной, много лиственничной роще. Пришел, осматривает рощу, на верх вершины лиственниц смотрит. И тут он увидел. Оказывается, три головы вверх, на верхушки лиственниц воткнуты. Самая большая голова воткнута на вершину самой высокой лиственницы. Человечья голова поменьше воткнута на вершину лиственницы чуть пониже первой. самого меньшего богатыря голова воткнута на вершину лиственницы средней высоты.

Видит юноша, что густые черные волосы на их головах поседали, как шкурки весеннего халея, обветрились, как шкурки осеннего халея. Вот это богатыри так богатыри были, люди так люди были!

После того, как он все это увидел, пошел юноша домой. Домой пришел и деду говорит:

– Дедушка, я сегодня кое-что видел.

Дед слепой-глухой спрашивает:

– Внучек, что ты видел? Ну-ка расскажи.

– Ну, конечно, расскажу. Ты мне рассказывал, чтобы я не ходил в местность, где растут сто лиственниц, туда ходить мол нельзя. Сегодня я вспомнил про твой запрет и сходил туда, погулял, на вершины лиственниц посматривал. Там увидел, что на верхуш-

ки лиственниц три головы воткнуты. Одна голова довольно большая – на вершину самой высокой лиственницы воткнута. Голова поменьше воткнута на вершину лиственницы чуть пониже. Потом третья голова – воткнута на вершину лиственницы средней высоты. Три головы. Это чьи головы?

– Ну, откуда я это знаю? – говорит дедушка. И старик слепой, как ни старался промолчать, промолвил:

– Внучек, – говорит, – рассказать-то, конечно, расскажу, сказать-то, конечно, скажу.

Внук тогда и говорит:

– Ну, расскажи, чьи это головы висят?

И слепой-глухой мужик начал рассказывать. Внуку говорит:

– Самая большая голова, которая стоит на вершине самой высокой лиственницы – это запомни – голова старшего дяди твоего. Его голову и воткнули на вершину самой высокой лиственницы. А голова, находящаяся на вершине лиственницы, что пониже – ты отца имел – это голова твоего отца. А на вершине средней лиственницы находится голова – это голова брата твоего отца – тебе двоюродный брат. Вот так в сражении с северными ненцами убиты твой дядя, отец и брат его. Военными людьми северных ненцев туда их головы воткнуты".

А юноша опять спрашивает:

– А эти – дядю, отца, брата убившие люди, в какой земле живут?

– Э-э, внучек, еще руки твои слабы, ноги твои слабы, чего спрашиваешь? Руки пусть сильными станут, ноги пусть сильными станут. Тогда расскажу все, куда денусь?

Ну, внуку так все объяснил дед и юноша перестал спрашивать. Пошел опять рыбачить и охотиться. В лес пойдет – лесного оленя, лесного быка убивает, рыбачить пойдет – речную рыбу находит, добывает.

Вот и осень наступила. Пришла пора на лыжи-подволоки стать. В один из дней лыжи-подволоки направил, думает: «Если бы сходить подальше на совсем незнакомую землю, невиданные водные просторы еще повидать бы».

И однажды утром, надев лыжи-подволоки, пошagal юноша в неведомые края. Сколько времени шел он так по лесу, кто его знает. Вдруг увидел он сквозь деревья чистое место, туда пошagal, видит: «Вот это есть река так река, уж вода так вода!»

Настолько широкой река оказалась, что другого берега еле видит. Вниз посмотрел, оказывается, стоит он на высокой горе, а под горой — полынья. И юноша, осмотревшись, лыжи-подволоки снял, спустился вниз под гору, к полынье. Думает: «Надо бы посмотреть, в какую сторону эта река течет?»

Спустился вниз и присматривается. Оказывается, река в сторону заката солнца течет. На полынью вниз смотрит, какие-то рыбы, большие рыбы в ней ходят. Одна большая рыбина подплыла близко, выстрелил он из лука — вверх всплыла. Спина, оказывается, с рубцами была, на берег рыбу выбросил. Еще постоял, еще одна большая рыба подплыла. Выстрелил. Опять попал. Со стрелой на берег выбросил. Насколько только силы хватило, чтобы нести, тащить эту рыбу на себе, столько из лука ее пострелял. Рыбы вместе нанизал, на вершину горы приволок. Нанизанные рыбы поднял и на свою землю домой пошагал.

Долго ли, коротко ли шел, в дом с вереницей нанизанных рыб пришел. Дедушке говорит:

— Я каких-то рыб тут принес, ты посмотри, хоть ты слепой, а так, наощупь, рукой попробуй.

— Это, внучек, — говорит дед, ощупывая первую большую рыбу, — на ее спине рубцы, костяные бока, это осетр, однако.

После вторую добытую крупную рыбу дедушка наощупь попробовал — нельма. Кроме этого другие рыбы: сырки (пелядь), муксуны были.

Мать из осетровой рыбы, нельмовой рыбы в котле уху варить поставила. После еды юноша дедушку спросил:

— Дедушка, а как меня зовут?

Дедушка отвечает:

— Я глухой и слепой, откуда знаю, как тебя зовут?

— Ну, дедушка, ты старый человек, какое имя произнесешь, то моим и будет.

Дедушка, замкнувшись, долго думал и так внуку говорит:

— Вот твоё имя: если весна наступила, будь богатырем по имени весенней воньзи, весенней рыбы. Если осень наступила, осенней рыбы, осенней воньзи богатырем будь. Вот твоё имя.

Внук дедушке говорит:

– Ну, тогда вот мое имя: если весна наступила – весенней воньзи богатырь, если осень наступила – осенней воньзи богатырь.

Много ли, мало ли они так прожили, и юноша почувствовал себя парнем – мужчиной. Однажды деду говорит:

– Дедушка, за моего отца отомстить, за род свой отомстить я задумал. За брата, за дядю отомстить я задумал.

Дедушка ему говорит:

– Внучек, еще руки хрупки, ноги хрупки. Еще немного поживи.

– Нет, – говорит, – сейчас постоянно я думать о том стал, где искать убийц моего отца, убийц моего рода? Дедушка опять ему говорит:

– Немного подожди, еще поживи. Рука пусть окрепнет, нога пусть окрепнет.

– Нет, дедушка, все, решил я идти. Все. Расскажи мне, в какой стороне земли, на какой реке они, убийцы, живут.

Дедушка – человек слепой, глухой опять задумался, долго думал. И только когда внук сильно, настойчиво стал спрашивать, начал рассказ свой:

– На месте, где ты когда-то рыбу ловил, маленькая или большая была река?

– Широкая, просторная река, – внук говорит, – в сторону заката солнца течет.

– А-а, это и есть широкая, многоводная, богатая рыбой, множеством быков проторенная обильная Обь. Ты обскую рыбу приносил. Да, это Обь. Ты быками проторенную обильную Обь к устью води. Пойдешь к устью Оби, а эта Обь впадает в огромное необозримое море. Там, где Обь впадает в море, с крупно-песчаного, мелкопесчаного мыса, выходящего в море, человек с хорошими глазами, в хороший ясный день увидит: посредине моря намытый течением, ветром каменный мыс, просто вымытый каменный мыс, каменный остров виднеется. Живут семь сыновей великого богатыря ненца Яве на этом каменном острове. Человек пешком туда не дойдет. Человек, у которого есть лодка, этот, глядишь, на лодке как-нибудь доедет. Вот это и есть земля, где они живут.

Как-то в один из дней внук и говорит:

– Дедушка, отдай мне чешуйчатого гуся, чтобы от весеннего, осеннего дождя скрыться.

– Внучек, сжался. Не отдам я тебе чешуйчатого гуся. Я – человек, сидящий в этой несчастной юрте без богатырей, мне самому нужен гусь, чтобы скрыться от дождя и ветра.

– Ну, дедушка, тогда из красного дерева кремлевый лук мне отдай, колчан со ста стрелами мне отдай.

А дедушка опять говорит внуку:

– Нет, внучек, помилуй меня, сжался. Линявого гуся стрелять, линиявую утку убивать из красного дерева кремлевый лук мне самому нужен. Мне, человеку, сидящему в одинокой юрте, сидящему в юрте без богатырей, эти предметы, которые испокон веку мне принадлежали, мне нужны, тебе не отдам, жалость во мне не вызывай.

– Ну, дедушка, если не дашь кольчугу, лук, стрелы, тогда отдай саблю.

– Милый внучек, будь добр, сжался. Весеннюю ледяную нарту, снежную нарту стряхивать сабелька мне нужна. Сидящий в одинокой юрте без богатырей, владею я с давних времен этим имуществом, даже не проси, не отдам.

– Что поделаешь, не дашь так не дашь, – ответил внук.

Для хождения по большой воде, для долгого путешествия по земле мать сшила сыну кисы и чижки. Сын оделся, снарядился. Настало время отправляться в путь. Из стружечной палки лучок взял, из стружечной палки стрелы взял, к дедушке подошел:

– Ну, дедушка, все. Я – человек, задумавший отомстить за род свой, человек, задумавший отомстить за отца, пойду.

– Ну, что же сделаешь, тебе решать, пойдешь так пойдешь. Где уж человеку, сидящему слепым, где уж мне увидеть место, куда ты идешь. Внучек, я сейчас, перед твоим уходом хочу тебе сказать несколько слов, послушай.

Внук приготовился слушать. И дедушка начал свой рассказ: «Вот выйдешь к устью многоводной, обильной Оби, потом к морю. Вдали, посредине моря, увидишь каменный остров, похожий на каменный мыс. Мыс похож на пустую мерзлую гнилую голову, на пустую мерзлую собачью голову похож мыс. Вот там и сидят семь сыновей ненца Яве. Сверху они не пропустят ни одну летящую птицу, а на земле – ни одного бегущего нога-

стого зверя. Они очень сильны. Храбры. По крупнозернистому, мелкозернистому песчаному берегу туда-сюда похаживай, весенней водою, осенней водою приплавленное дерево ищешь, однако ничего не найдешь. Так туда-сюда присмотришься и увидишь, откуда-то к тебе выше колен белый медведь, большой медведь идет. Так вот этими, которыми добываешь птицу, лесных быков, луком и стрелами убьешь его. Только не бойся, стреляй. Если удачливым охотником станешь, шкуруними, а тушу в чашу тальника тащи и каким-нибудь кустарником прикрой, и так оставь.

Когда освежуешь, снимешь шкуру с медведя, на воду положишь и на шкуру сразу же соскакивай. Потом шуба понесет тебя к каменному мысу, на каменный остров. Когда пристанешь к пристани, на берег сойдешь, из медвежьей шубы водичку стряхни, в карман засунь. Так, стоя на пристани, увидишь большого богатыря ненца Яве младшую дочь, семи сыновей ненца Яве младшую сестренку, идущую за водой с двумя ведрами. Как только она тебя увидит, сразу остановится.

Ненца Яве семи богатырей младшая сестренка на тебя будет смотреть. И, наконец, заговорит: «Эй-я, из далекой земли великого богатыря ненца Ломсь младший внук пришел сюда. Великим богатырем ненцем Яве, отцом моим оставленные семь братьев в небе крылатых птиц не пропустят, на земле ногастого зверя не пропустят. Железная стрела, пущенная кем-нибудь из братьев, до мыса деревни тебя поднимет и убьет тебя».

Ты тогда не проявляй мужского упрямства, не возражай. Она – эта девушка, идущая за водой, домой не повернет, как шла, так к пристани и пойдет. Ты ее дорожку, ее путь выследи, в город иди. Как пойдешь, в ее дом первым заходи. Все. Если что-нибудь захочешь себе выбрать, выбирай. Если выберешь, то с этой девушкой как будто чья-то мать, чей-то отец вас вместе соединил, жить будете.

Так, живя с тобой, великого богатыря ненца Яве младшая дочка как-то скажет: «От семи концов земли семью сватами сватана была, семь сватов приходили ко мне. От шести концов земли шестью сватами сватана была. Как только лето наступало, храбрые воины с храбрыми сватами приходили. Много дерева от их лодок на деревенской пристани валяется, заросли они

мхом, ягелем для еды быков, для еды зверей. Если зимние дни наступали, храбрых воинов от храброго свата костяная нарта прибывала. Много дерева от нее осталось, заросло мхом, ягелем для еды зверей и быков. А ты, мужичок, слабый, бессильный, куда ты уйдешь? Хотя ты меня и взял, в любви с тобой живем. Но все равно вверх пути тебе нет, вниз пути тебе нет. От братьев моих не убежишь, не уйдешь».

Ты только не упрямся, не возражай, будь спокойным мужиком. Живи, пока живется. Когда-нибудь день наступит, ты к младшей дочери ненца Яве, к подруге обратишься: «Ну, внутри запертого дома до каких пор буду сидеть? Ну-ка, я сегодня на улице погуляю».

Они живут в городе, огороженном частоколом. С наружной стороны городского частокола пойдешь и в кармане лежащую медвежью шубу наденешь, и медведем станешь. Деревенские собаки, городские собаки тебя начнут, облаивая, гонять. Одну кучу собак сюда, другую кучу собак туда разгони. Люди деревенские, городские тебя увидят. Большого богатыря ненца Яве старший сын увидит тебя. Он потом домой войдет, кольчугу и прочее снаряжение наденет, стрелы возьмет. Ты после, когда он с луком придет, в лес убегай.

Когда будешь уходить в лес, вот так иди: во время натягивания тетивы и пускания стрелы открыто покажись, после, от одного дерева за другое прячься, так в лесную чащу, в лесную травяную чашу, вглубь леса веди. Когда он далеко удалится, то сильно вспотеет, тебя нагоняя. И мужик рассердится, потом скажет: «Ну-ка, погоди, я сейчас кольчугу сниму и саблей тебя разрублю. Рубану – и ты кончишься, и некуда больше тебе будет идти».

Когда он возьмется за саблю, ты тогда настолько убавь скорость, что вот-вот тебя зарубит; когда замахнется саблей, ты увернись, отпрыгни. Так от лука, стрел, кольчуги дальше уведешь и все – тогда и убегай. Кругом обойдешь, когда придешь к его луку, стрелам, кольчуге, наденешь кольчугу, его лук, стрелы возьмешь. На голое тело, как озёрной глади, на голое тело соровой глади пустишь стрелу. И тут убьешь его, кожу головы с волосами снимешь. После того, как тебе в руки достанутся большого богатыря человека ненца кольчуга, лук и стрелы, после

этого ты сам хозяин. Хорошо ли, плохо ли дальше сам думай, что делать будешь».

* * *

«Ну, что, немного отдохнем?» – когда сказку довел до этого места, брат вдруг промолвил и сразу же к печи повернулся. Я сидел, накрывшись шубой, мне тепло. Он спиной сидел к двери чума в рубашке и, наверное, от морозного воздуха, идущего от дверей, очень замерз. Печка давно уже погасла. Он около дверей взял несколько поленьев и в печку положил, затем чайник опять поставил.

Немного погодя, мы опять ночью стол сделали, сели пить чай. С помощью горячего чая и печки мы снова согрелись. От стола немного отодвинулись, и я опять стал его ожидать. Так сидя, думаю, может, хватит, дальше известно, что случится в этой сказке. Потом, другие мысли ко мне пришли: нет уж, я знаю, что среди грамотных ханты есть такие люди, которые научились разные дела быстро делать и, наверное, читая эту старинную сказку, думают: «Зачем снова рассказывать и так ясно со слов дедушки, чем закончится эта сказка. Нужно было здесь и заканчивать». Однако не спешите – сказка есть сказка. Каждое старинное слово, старинный рассказ, сказка по-своему, по-иному могут заканчиваться. Поэтому я, рассказанную мне в четвертую ночь Петром-братом сказку, дальше поведу и закончу. Я вложил в репортер новую кассету и начал дальше записывать.

Ну, юноша дедушкой так обучен был. Потом матерью в одну щеку поцелован, в другую щеку поцелован, обнят и дедушкой тоже. И юноша пошагал. Долго ли шагал, коротко ли шагал, к устью Оби пришел.

К устью Оби пришел, посматривает: правда, оказывается, к морю выдавшийся голый песчаный мыс. На песчаном мысу сюда шагает, туда шагает. Хотя и ищет весенней водой или осенней водой приплавленное дерево – ничего похожего на дерево не находит. Вперед посматривает, а мыс действительно выглядит, как замороженная гнилая голова, как будто собачья голова, глазами-то хотя и видит в тумане, но как идти?

Мыс, где сидят семь богатырей ненца Яве, похож зимой на замороженную ледяную кучу. «Каким путем, – мысленно думает, – туда приду, доберусь? Хотя бы просто так, посмотреть, мне, простому человеку. Они – семь богатырей – крылатых птиц не пропускают, ногастый зверь пройдет – ногастого зверя не пропускают. Семерых богатырей победить, где уж там мне – обыкновенному простому человеку?»

Так думая, посматривает: к морю, выдающемуся мелкопесчаному мысу, оказывается откуда-то здесь появился большой медвежище, шагает по песчаному берегу рядом с морем. Он же к нему все шагает. Ну, что боится, но куда деваться? И медведь все по берегу моря по песчаному берегу медленно навстречу все шагает.

Какие уж у него ловушки: из какого-то старого военного дерева, кремлевого дерева сделанный лучишко и из стружечной палки – стрелы. Когда уж совсем близко подошел медведь, думает: «Сказанное дедушкой слово, а ну-ка, пушу стрелу». Когда медведь близко подошел, какую-то стрелу с железным наконечником из стружечной палки зарядил. В нужное место туда пустил. И медведь мордой вперед свалился.

Медведь ему достался. По рассказу дедушки шубу снял, на берег куда-то тело медведя в чашу кустарника затащил, ветками кустарника прикрыл, медвежью шубу в воду постелил, на медвежью шубу прыгнул, и медвежья шуба его подняла. На мыс, похожий на замороженную гнилую голову, где находятся семь сыновей, семь богатырей ненца Яве, все туда плывет, несется.

На пристань городскую приехал, медвежью шубу от воды стряхнул и в карман засунул. Так постаивая (стоя), на сушу посматривает: семи богатырей ненца Яве младшая сестра, оказывается, в двух руках два ведра держа, вот вниз – за водой бежит. Когда его увидела, ненца Яве семи богатырей младшая сестричка остановилась, смотрит: «Эй-я, – говорит, – большого богатыря ненца Ломсь, от среднего сына оставшийся мальчишка, большого богатыря ненца Ломсь внук долго шел по земле, долго по воде ты шел. От ненца Яве оставшихся семи богатырей, от семи братьев моих вверх идти – не пройдешь, вниз залезть – места не найдешь. Железной стрелой пущенной которым-то из них, от мыса по пути стрелы поднимешься, от деревни по пути

стрелы поднимешься. Долго водой ты шел, коротко по земле ты шел, место гибели вот тут».

Ну, а человек не стал упрямствовать. Ненца Яве семи богатырей младшая сестра за водой пошла, а он – на берег. И девушки путь выслеживая, пошел туда в дом, где живет девушка, туда вошел.

Ненца Яве семи богатырей младшая сестра с ведрами воды домой пришла. Какой матерью вместе посажены, каким отцом вместе посажены. Целовались, обнимались, дальше ночевать, дальше жить стали. В закрытом помещении так и живут.

Долго жили, кто знает, коротко жили, кто знает. Так живя, жена говорит мужу, внуку большого богатыря ненца Ломсь: «Придти-то, хотя и пришел в этот город на каменном мысу, на земляном мысу. Если зимний день наступал, зимой прибывших храбрых сватов хороший конец: бычьих нарт деревянные обломки, звериных нарт деревянные обломки, когда сюда шагал, сюда шел, наверное, видел? Бычьей еды ягель, мох, звериной еды ягель, мох там растет. Когда летний день наступал, если приходил храбрый воин, храбрый сват, лодочного дерева концы, лодочного дерева обломки травой-муравой обрастают, бычья еда, зверя еда на городской пристани там растет, там образуется. А кто ты есть, мужичок, куда ты денешься. Все равно от их, братьями, пущенной железной стрелы не скроешься, не уйдешь».

Ну, а парень ничего не сказал, промолчал.

Долго ли жил, кто его знает. В наступивший какой-то день остроглазой богатырской дочери, жене, говорит:

– Человек, шедший из далекой земли, человек, шедший из далекой воды, постоянно внутри закрытого дома до каких пор будет жить. Я братьев твоих посмотреть тоже хочу, на улицу города выбраться.

– Ну, выбирайся, сходи, – говорит жена, – не все же внутри дома жить.

И мужчина из дома на улицу вышел. Город, огражденный частоколом, с наружной стороны обошел. Перед приходом к воротам города достал медвежью шубу, на себя напялил. Стал большим медведем. Деревенские собаки, городские собаки на медведя напали. Одну собачью свору разогнал, другую собачью

свору разогнал. Деревенский, городской народ: малые – менее громко, большие, взрослые – громко кричат: «Это, – говорят, – откуда пришел большой медведище?»

Большого богатыря ненца Яве старший сын догадывается, узнает. Домой, в дом забежал, надел кольчугу, лук, стрелы взял. Братьям своим говорит: «Что там делать с таким большешлапым зверем. Я один пойду и все прикончу. Вы даже не ходите».

Ну, этого зверя, медведя догонять стал. Когда он стал приближаться к зверю, тот еще дальше пошел. В середине леса в травы забрался. Вставит стрелу для пускания (для стрельбы), от одного дерева за другое дерево прячется, от одного дерева за другое бежит. Мужик догонял, старался, измаялся. Вдруг чувствует, что никакой большой силы, однако, у него нет. Думу задумал: сниму кольчугу, лук, стрелы, сюда в кучу с кольчугой положу и одной саблей медведя зарублю.

И мужчина снял кольчугу, лук со стрелами, все в кучу сложил. Саблю схватил, опять закричал: «Ах, ты, родовой священный зверь, богатырский священный зверь был, давеча пущенной стреле не поддавался. А сейчас попробуй-ка, спрячься за дерево, за траву. Я тебя, кровавой зверь, на две половины, пополам зарублю».

И мужик медведя преследовать стал. Только приблизится, чтобы зарубить, саблей рубанет, рубанет, а медведь дальше прыгнет – опять ничего.

«Ну, погоди, все равно, кровавой зверь, на две половины пополам зарублю, пополам рассеку». Опять саблей рубит – опять ничего. Все дальше в глубину леса ведет его зверь.

Так, рубя медведя, все в лес уходит, а медведь вдруг быстро понесся, только сучья деревьев качнулись. По следу ушедшего медведя шагает большого богатыря ненца Яве старший сын. А медведь, оказывается, издалека повернул туда, где он оставил кольчугу, лук и стрелы. Когда туда пришел, этот человек, оказывается, оделся, снарядился: богатырь так уж богатырь, человек так уж человек. Лук, стрелы – сто стрел в колчан сложил этот человек, на спину колчан положил. К краснокремлевому луку, оказывается, твердоствольную, крепкоствольную стрелу вложил.

«Ну, вот все, был ты старшим сыном большого богатыря ненца Яве. Потом говорили, будто, если крылатая птица полетит, крылатая птица от тебя не уходила, если ногоастый зверь бежал, ногоастого зверя не пропускал. Теперь от меня попробуй уйти». И человеком пущена была стрела прямо в сердце, только один раз крикнул и упал. Туда подошел, ободрал (снял) кожу с головы с косами, за поясной ремень завернул.

И мужичок с этим в город пошел, пошагал. Город обходит, оказывается шесть сыновей от страха, как быки, в чашу с дубовыми, в лес с травами убежали. Сзади их преследовать стал. В одном месте на двухгривом, трехгривом лесном холме, травяном холме двух старших братьев догнал. Из лука выпущенной крепкоствольной, сильноствольной стрелой вместе нанизаны. Предсмертным, отходящим стоном один раз только простонали братья и на землю упали. Туда подошел, ободрал, содрал с голов кожу с косами, за поясной ремень заткнул. Затем средних братьев сзади выслеживать стал, догнал. Гладкоствольную, сильноствольную стрелу пустил, вместе нанизал. Мертвенным, уходящим женским голосом один раз только прокричали, вниз опустились, упали. Туда сходил, с голов с косами хорошие шкуры саблей кругом обрезаю, выдернул, за пояс повесил. Потом за оставшимися двумя богатырями вслед пошел и сзади догнал самых младших братьев. Долго догонял, или коротко догонял, но догнал. Твердоствольную, сильноствольную стрелу выпустил и пронзил обоих.

Впереди шагавший братишка говорит:

— Брат, что с тобой случилось, на меня напал, за меня схватился?

— Не я напал. Это маленьким внуком большого богатыря ненца Ломсь мы из лука весенней прочности, из лука осенней прочности твердоствольной, сильноствольной стрелой оба вместе нанизаны.

Предсмертным, отходящим из горла стоном один раз только простонали. Шкурки, кожу голов с косами человек за пояс повесил.

А человек настолько обозлился, рассердился, мстит мысовому, земляному острову семи богатырей. Приходит к воротам священным города священного, уничтожает род богатырей Яве, семьи семи братьев. Девичьи жизни порешил, мальчишьи жизни

порешил. В морскую воду девичьи останки вылил, мальчишьи останки вылил. Огнем обгоревшие семь столбов в семи местах поставил. И только после этого пошел к жене – дочери ненца Яве. Из-за пояса выдернул кожу головы старшего брата с косами и ей бросил. «На, – говорит, – когда-нибудь после, когда дальше жить будешь, если без толстых жильных ниток останешься, вот тебе толстые жильные нитки». И других братьев головные кожи все ей на колени выбросил. Семи богатырей младшая сестрица трехголосый несчастный плач выплакала. Слезы вытерла, все дальше жить надумали.

Маленький внук большого богатыря ненца Ломсь оставил из городских необходимых ему людей. С помощью этих людей стал грузиться на корабли, которые имели семь богатырей ненца Яве. Хорошее богатство имели, хорошее их богатство грузили. На корабли сели и поплыли к Оби. Внук богатыря ненца Ломсь решил к верховью Оби ехать.

Долго ли ехали, коротко ли ехали, однажды смотрит: раньше, когда-то в возрасте, когда был молодым, во время хождения в поисках зверя, как будто выходил на эту гору. Людям, едущим на кораблях, говорит: «Ну-ка, к этой горе пристаньте (причалите). Я здесь на берег подняться хочу, на берег сходить надо, дело есть». Сюда причалили. Людям говорит: «Долго ли, коротко ли прохожу, но с этого причального места никуда не уезжайте. Я приду».

И человек вышел на берег и пошагал. Долго ли шел, коротко ли шел, приходит к месту, где жила мать, бабушка – большой богатырь ненец Ломсь. Три угла дома, оказывается, обвалились, один угол дома – угол с чувалом остался. Если наступил летний день, с конца водяного (мокрого) посоха водичкой капнул, глазок огня (искорка) погас. В углу дома слышится: «Э-э, внучком или сыночком виденная искорка огня, с какой-то земли пришедшей дождевой каплей, водяной каплей капнула, совсем погасла».

Внук тогда говорит: «Бестолковые рода отца-матери, не прошло и трех дней, как я ушел, у вас огонь погас». Мать выскочила, поцеловать хотела, обнять, а сын схватил ее на небо-тучи подбросил ее вверх. Сходила, полетала она до ясного голубого неба, до туч, когда упала, так помолодела, что концы нюки

(кожаная одежда) по земле тащатся, платок по земле тащится. Такой маленькой девчонкой, маленьким ребенком стала.

Дедушка, человек слепой-глухой, со внуком целоваться, обниматься хотел, внук подбросил его. До голубого неба, до туч поднимался дедушка. Когда упал на землю, конец малицы по земле тащится. Настолько помолодел.

Дедушку с матерью с собой увел. Пришли на пристань, к лодке. Дедушку, мать на корабль посадил. Стали ехать на верховье двадцать быков пробежавшей обильной Оби, много быков пробежавшей рыбной Оби на верховье.

Долго ли ехали, однажды видят на солнечной стороне такой прекрасный сор (озеро). Посредине озера березовых семь островков. Мать говорит: «Я, сынок, на этой земле, в этом озере, на этой воде останусь. Простых берез семи островках, кремлевых берез семи островках посредине останусь. Девушкам молиться, парням молиться, матерью Калтась (хантыйская языческая богиня) здесь останусь».

Двадцать быков пробежавшем на верховье обильной Оби, много быков пробежавшем на верховье рыбной Оби, долго ли ехал, коротко ли ехал, однажды приехали на богатые луга. Дедушка говорит: «Я большим небесным отцом велен быть рогатых быков жертвоприношения богом, богом застолья костяных быков. Это и есть мне моленая (веленная) земля, мне здесь сидеть. Сто монет сюпров (сюпр, сипр, возможно какая-то народность, отсюда и Сибирь), сто монет камров (тоже какая-то народность) звонкий мыс, мыс, похожий на бегущего коня, мыс, похожий на идущего коня, зубастым жубником буду я».

Внук дедушке говорит: «Я тоже – человек живущий». Тут от двадцать быков пробежавшей рыбной Оби в ту сторону (левую) сворачивает Лэв – Сосьва. В эту Сосьву приплыл. Сосьва на две реки разделяется после Оби. По малой Сосьве долго ли ехал, на верховье Малой Сосьвы был мыс высотой в семь лиственниц, мыс высотой в шесть лиственниц, туда приехал. Со святыми воротами большой город, с богатырскими воротами город там построил. Там сел малым богатырем – рогатых быков, костяных быков жертвоприношения богом, с изображением когтистых зверей, зубастых зверей. Осенних глухарей токование мысу, ве-

сенних глухарей токование мысу, на мысу высотой в шесть лиственниц, на мысу высотой в семь лиственниц там сел. Все.

– Ну, что, все?

– Да, все, закончил.

Я долго молча сидел, думая о только что рассказанной мне сказке. Многое понял и узнал о богах и местах жертвоприношения языческой веры. Видимо, места гибели или смерти древних героев-богатырей становились святыми местами. Об этом мы довольно долго разговаривали ночью, только потом уже решили поспать. Потушили лампу, и, лежа в темноте, я еще долго думал о рассказанной мне сказке-легенде.

ПЯТЫЙ ДЕНЬ

Утром встали, попили чайку и сидим так просто, разговаривая о житейских проблемах. Сидя у печки, греюсь и наблюдаю за братом. Сегодня он очень хмурый, медленно двигается по чуму, видимо, ему очень тяжело. Болят кости к перемене погоды, когда-то несколько лет назад переломанные упавшим на него деревом. На мой вопрос о здоровье, он, улыбаясь, ответил: «Нет, – говорит, – ничего не болит, а просто лень пришла». Однако смотрю, как он тяжело поднялся, медленно надел малицу и вышел на улицу. Я тоже оделся и вслед за ним выхожу из чума.

Вышел, смотрю: брат в обозной нарте что-то ищет. Приблизился.

– Дровишек решил попилить дрова, – говорит, – пилящую машину достаю – бензопилу.

– Пойдем вместе.

– Если есть желание, сходим.

Поднял он бензопилу на плечо и отправился к воротам загона, а я за ним сзади плетусь. По оленьей дорожке прошли несколько метров, и он повернул в сугроб, оставляя довольно длинные следы. Я за ним иду, протаптывая тропу. От дороги в метрах десяти большая сухая сосна лежит, сверху только сучья видны, видимо, недавно прошедшим бураном, снегом замело, дерево спилено чуть раньше было. Подошел он к комелю и начал распиливать на чурки. Я по длине лежащей сухой сосны, растапывая снег с двух сторон, двигаюсь к вершине. Он меня

сзади догоняет, бензопилой, быстро сосну распиливает. Когда закончил распиловку дерева на чурки, я его спрашиваю:

– Эти чурки я домой потаскаю?

– Нет, – говорит, – пусть лежат, после я на нарте привезу.

Посматриваю, до чума метров пятьдесят, какое это расстояние, за день потихоньку до чума можно дотащить. Хотел поднять чурку.

– А ну, брось! Зачем из глубокого снега на себе тащить – говорит он мне.

С этим он положил бензопилу на плечо и обратно пошагал. Я, желавший таскать чурки, после его слов, размахивая руками, за ним следом пошагал.

Пришли к чуму. Перед дверьми чума лежало несколько бревен, и он начал их распиливать на дрова. Я молча схватил топор и стал колоть чурки. Брат закончил распиловку бревен и бензопилу аккуратно вложил в обозную нарту, вошел в чум. Я еще некоторое время колот дрова, сложил их в поленницу и после расколки оставшиеся щепки аккуратно подобрал и занес домой. Я с детства хорошо помню и знаю, что около дома или в лесу, если что делал, то землю за собой прибереи, оставь чистой. Возможно, поэтому в юртах, где живут ханты, ни зимой, ни летом щепок не увидишь, мусора не найдешь. Вошел в чум. Брат, пока я колот дрова, приготовил обед. Мы сели есть горячую пищу. Пока кушали-ели, смотрим, что в чуме уже становится темно. Опять наступает зимний вечер.

ПЯТАЯ НОЧЬ

Сидим в полутемноте, разговаривая о житейских проблемах. Потом брат поднялся, зажег лампу, положил в печку несколько поленьев и опять подсел ко мне. Сидя рядом со мной, вдруг сказал: «Ну, что, вечер наступил. Опять одно старинное слово, старинную сказку-рассказ тебе расскажу». Я взял репортер, заменил кассету и приготовился слушать и записывать. Сказку пятой ночи он начал так:

– На берегу божьей реки, священной реки живет царь. Он трех сыновей имеет. Младший сын Ратпар-Хишпар сидит возле очага, на печке лежит, так и живет. Братья водяную сторону об-

ходят, лесную сторону обходят. Красного зверя добывают. Тундрового быка ноги режут, лесного (таежного) быка ноги режут.

Отец, проживший свой век, накопил много золота, много денег. Целый (полный) амбар красных денег имеет, целый амбар белых денег, целый амбар золотых денег имеет. Кроме этого, полных мукой, полных рыбой семь амбаров имеет. Сколько-то стад лошадей-коней, коровье стадо имеет. Еще имеет овечье и свиное стадо. Кроме него на ближней земле богаче человека и близко нет. Так долгое небо прожили, короткое небо прожили, однажды царь, отец зверя, ищущим сыновьям говорит: «Вы, сыновья, сейчас живя, ночь наступит, какой-нибудь сон, чтобы вам приснился. Еще долгий век проживем, или короткий век проживем, может, бедными станем? Это дело сном высмотрите».

Раптар-Хишпар, младший сын, какой с него человек, обходящий водяную сторону, обходящий лесную сторону? Все на печке лежит слюнявый, сопливый, маленький мальчик (сын).

Как сокол долго парящий в небе; как орел долго парящий в небе, такую же долгую ночь послало небо. Сыновья легли спать. Наступило светлое утро. Повара, снохи стол накрыли, приготовили, поели-покушали. Кончили есть-кушать. И мужчина-царь сыновьям говорит: «Ну, что, сыновья, вы в эту ночь какой сон видели? Если какой-то сон видели о дальнейшей жизни, эти сны расскажите мне. Ну, старший сынок, ты, может, сон видел, начни, расскажи».

Старший сын немного посидел, подумал:

— Я, отец, сон видеть-то видел. То ли хороший сон, то ли плохой. Если рассказывать — расскажу. В моем сновидении как сейчас жили, в какой мере жили, сколько красных денег богатства имеем. Имеем табуны лошадей, стада коров, стада свиней, стада овец. Будем жить так, как сейчас живем. Мой сон так говорит.

— Ну, вот видишь, — говорит царь-отец, — увидел же сон. Ну, средний сынок, ты какой сон видел, расскажи.

Средний сын тоже немного задумавшись сидел:

— Ну, отец, я тоже такой же сон видел. Вот красных денег богатый амбар имеем, белых денег амбар имеем, золотых денег амбар имеем. Сколько лошадиных стад, коровьих стад, свиных

стад, овечьих стад имеем. Как жили по-теперешнему, так и проживем.

Прослушав эти сны, на печке лежащий Ратпар-Хишпар – младший сын на братьев смотрит, все смотрит. С одного брата глаза отведет, на другого брата переведет.

Царь-отец на младшего сына смотрит:

– Младший сын, кажется, так думает, что вы, братья, в эту ночь, наверное, сна не видели, похоже, что просто так рассказываете.

Отец, глядя, проверяя, долго смотрел на младшего сына:

– Ну, младший сынок, лежащий на печке, Ратпар-Хишпар, ты какой-то сон видел?

– Эй-е-о-о, да с меня – сон? Я здесь на печке лежу сопливый, слюнявый, да с меня какой сон?

– Нет, – говорит отец, – ты, младший сынок, какой-то сон, похоже, знаешь. Ну, расскажи, зачем прячешь. Сделай такую милость, добром прошу.

Младший сын говорит:

– Отец, нет, никакого сна не видел, никакого дела знать не знаю.

Братья смотрят на братишку, братишка на братьев смотрит, с одного брата глаза уберет, к другому поворачивает.

– Ну, младший, сон, который ты видел, расскажи. Отец слушает, и мы послушаем. Сделай милость – расскажи.

– Ну, рассказать-то расскажу, отец, только ты все равно не потерпишь, ты рассердишься. Рассердишься и так скажешь:

– Тебе-то, бестолковому, такой сон видеть – где уж там?

Тогда отец еще говорит:

– Если видел какой-то такой сон, зачем скрывать сон? Женщина не выдержит, мужчина не выдержит, такой мудрый, крепкий, сильный сон видел? Ну, что, рассказывай.

Младший сын опять произнес:

– Нет, отец, все равно мыслями не выдержишь, если рассказывать буду мною виденный сон, ты обозлишься.

И отец тогда еще сказал:

– Ну, расскажи, что за сон, что за такой сон можно увидеть, что человек не вытерпит, разозлится?

– Ну, отец, если рассказывать, расскажу. Ну, вы слушайте. Я во сне вижу, что в этом небесном городе, в царском городе ты царствуешь, царем сидишь. Красных денег целый амбар имеешь, белых денег целый амбар, золотых денег целый амбар имеешь. Кроме того, полных муки, полных рыбы семь амбаров имеешь, кроме этого табун (стадо) лошадей, стадо коров имеешь, стадо свиней, стадо овец имеешь. Сейчас живя, сколько богатства мы имеем, сколько ты имеешь имущества, на ближайшей земле нигде даже никого нет. Ты настолько из всех ближайших земель самый богатый человек есть.

Так, вот, отец, во сне вижу, этот дом, где сидим, этот дом, где живем, таким стал: бревна развалились, двери, внутренность дома, окна – все сильно развалились. Вижу, наш дом таким стал. Ну, затем посматриваю на амбар с красными деньгами – углы амбара обвалились, двери расшатались, красных денег нет, и ничего нет. Амбар с белыми деньгами, гляжу, тоже концы бревен разошлись, белых денег нет, ничего нет. Двери открыты, ветром сюда-туда их шатает, стучит дверь, разваливается. Амбар с золотыми деньгами, смотрю: бревна тоже расплзлись, золотых денег нет, ничего нет. Дверцы ветром туда-сюда шатает, дверные доски все развалились.

Кроме этого, дальше вижу, что у семи амбаров полных муки то же двери, стены разошлись, разорвались. Двери разодраны, там муки нет и рыбы нет. Лошадиное стадо, коровье стадо имеешь. Вижу во сне, что лошадиного стада нет, коровьего стада нет, свиного стада нет и овечьего стада нет. Город твой – на полгорода убавился, деревня – на полдеревни убавилась.

Еще дальше мой сон идет, гляжу: на одной стороне плеча моего дочка царя Солнце сидит, а на другой стороне плеча дочка царя Месяц сидит. На божьей Оби чистая вода, святой Оби богатырская вода, а по плесу Оби длинная гора, гора с лицом невесты, с лицом красавицы. А на горе редколесный бор, богатый ягелем для быков, богатый ягелем для зверей. Конца не видно святому городу, конца не видно богатырскому городу. В княжеском золотом доме, в царском золотом доме я там сию. Все, отец, весь мой сон.

Тогда царь-отец голову опустил, как молебный котел, долгое время качает. Братья тоже, похоже, так думают. Отец долго ли думал, кто знает, коротко ли думал, кто знает. Потом сказал:

– Сыновья, – говорит старшим сыновьям, – это же ведь не сон. Он сам это придумал, на печке лежащий человек. И вправду же сказал, какой же не имеющий зла человек не разозлится, какой же не имеющий плохого человек не станет плохим. Возьмите эту шубенку-шубу, которой укрывается он сверху, наденьте на него, шапчонку ему наденьте, пояском подпояшьте. В тот конец моего священного города, в тот конец моего богатырского города на место, где рубят шеи женщин, на место, где рубят шеи мужчин, на лобное место ведите. Человек, который рубит шеи женщин, человек, который рубит шеи мужчин, пусть разрубит шею пополам. Голова там собаками, ястребами пусть таскана будет, кусая, играя, пусть носят ее.

Братья оделись, обулись, сразу превратились в богачей. И братику говорят:

– Ну, с печки слезай.

Куда братишке деваться, некуда деваться, с печки слез. Вниз спустился. То ли братья ему шубенку надели, то ли веревочный поясок имел, веревочным пояском подпоясали. Держа за две руки на улицу выводить стали.

– Ну, сыновья, – царь-отец говорит, – вот моя чашка для еды-кушанья – возьмите. Сердце, печень сюда несите. Я сердце, печень проглочу, съем.

Ну, взяли чашку, и с чашкой, и с братиком вышли на улицу.

На улицу вышли. По улице города ведут. Долго ведут, коротко ведут, вперед посматривают: по улице города навстречу один человек, сын купеческий шагает.

– Эй, – старший брат говорит, – друг, ты в кармане какую-нибудь деньгу случайно не имеешь?

– Да кто его знает, имею или нет? А что, вам деньги нужны?

– Да, деньги нужны.

И человек в карманах стал рыться, смотреть. На дне кармана одну красную деньгу имел, рублевую железную деньгу.

– Вот все только, что нашел

– Ну, молодец, что нашел. Ну, эту красную деньгу на себя, – брат сказал, – возьму, когда-нибудь рассчитаюсь.

– Ну, считаешься так считаешься.

Взял деньгу, братику в карман засунул. И по городской улице еще дальше пошлагали.

По улице города долго ли шли, кто его знал, коротко ли шли, кто его знал. Вперед посматривают: по улице города еще один купеческий сын шагает. Купеческий сын подошел:

– А вы братика куда ведете?

– Да мы на место, где рубят шеи пополам, ведем.

Во время разговора старший брат опять спросил:

– Да ты, друг, в кармане какой-нибудь деньги не имеешь?

– Да посмотрю, может, найду что-нибудь.

Карманы смотреть, искать в них стал, на дне кармана белую деньгу железную – рублевую деньгу из белого железа нашел.

– Вот все, что нашел, – и отдал среднему брату в руки. Средний брат взял и в карман шубы братишки затолкнул.

– Эту рублевую деньгу – из белого железа деньгу – потом я когда-нибудь обратно отдам.

– Да, ты, если считаешься, то считаешься, если отдашь, то отдашь.

Ну, а братья его дальше ведут. К концу города вот-вот придут. На место, где рубят головы женщинам, на место, где рубят головы мужчинам, вот-вот подойдут. Братья между собой разговаривают:

– Три брата, имевшие одну мать, три брата, имевшие одного отца, как мы позволим ему шею отрубить?

Так стояли и думали.

– Ну, братец, слушай, ты отсюда с этого конца города дальше – большая дорога, хоженная мужчинами-воинами, большая дорога, хоженная гостями. По этой большой дороге, хоженной воинами, и шагай, иди. Глаза твои, куда тебя поведут, ногами своими докуда доберешься, в эту землю иди. Когда-нибудь, чтобы твоего звука, твоего имени не слышали – в такую землю иди, чтобы женщины тебя не знали, мужчины не знали. Крылатой птицы летящей, ногастый зверь ходящий далекую землю, если доберешься, иди. Только, чтобы звука не слышно, имени не слышно. Если услышит об этом отец, то потом и наши шеи порубает.

Ну, и братьями он за город был предоставлен, поцелован, обнят. Братья еще напомнили:

– Все, никогда в глаза не попадайся, никогда чтобы не слышно твоего имени, твоего звука, в такую землю иди.

Братья обратно повернули, по улице города обратно шагают. Посматривают: собака бежит. Схватили, грудь распорол, печень, легкие, сердце наружу вывернули, отрезали, в отцовскую чашку для еды-кушанья внутрь положили. Потом братья по улице города в дом, где живут, долго ли шагали, коротко ли шагали, опять пришли.

– Ну, отец, братика сердце, печень вот тебе принесли, теперь на, съдай.

Мужчина-царь на свое место за столом для еды-кушанья, или к концу стола сел, ножик, которым пользуется для еды-кушанья, взял, мясо посолил, съел.

– Это, – говорит, – не имеет запаха крови моего сына, не имеет запаха крови ребенка. Пахнет запахом крови собаки, пахнет запахом крови черной, кровью гоночной собаки овчарки. Сыновья, меня вы обманываете.

Сыновья тогда говорят:

– Тогда как же, отец, ты отец есть, ты царь, как же твои два сына тебя обманут?

Ну, а за это время царя младший сын шел по большой дороге, хоженной воинами, хоженной гостями, глубокой дорогой, где рвались, лопались обувные швы, коленные швы воинов. Долго ли идет, кто знает. Если в небе лето наступало, дождь лил – помнил лето, если с неба снег падал – зиму помнил.

После долгого ли, короткого ли пути дорога, хоженная воинами, хоженная гостями, на две дороги разошлась. На месте разветвления дороги стоит каменный столб, железный столб. На четырехгранном столбе с двух сторон написано, что если пойдешь по одной дороге, вечно крупнопесчаную землю придешь, вечно мелкопесчаную землю придешь – в пустыню. Вверх стоящей травинки не имеет, вверх стоящего кустарника не имеет. Дорога вторая идет в лес с деревьями, в лес с травами. По этой дороге идущий человек когда-нибудь, в каком-нибудь месте, может быть, найдет кусочек пищи для успокоения сердца, может воду найдет, водички попьет, сердце успокоит.

Ну, теперь парень думает:

— Я в эту вечно крупнопесчаную землю, вечно мелкопесчаную землю зачем туда пойду? Травы не имеет, кустарника не имеет. Я пойду в землю с деревьями, дорогу найду.

И стал он искать дорогу. Долго ли шел, кто знает, коротко ли шел, кто знает. Руки устанут — отдохнет, ноги устанут — под деревом, среди сучьев переночует и дальше шагает...

Шел, шел в вечнозеленый густой лес, в вечнозеленый дремучий лес пришел. И дорога, куда нужно, в разные стороны разошлась, стала маленькой тропинкой, дырявой от шага ступни, и больше ничего нет. Дырявую от следов тропку выслеживает, дырявая от ступни тропка тоже кончилась. Вечнозеленый густой, вечнозеленый дремучий лес. Про себя думает: «Как шагал, как шел, таким путем бы дальше еще пошагать».

Долго шагал, кто знал, коротко шагал, кто знал. Однажды смотрит, похоже, как будто люди ходили. В тропу попал, нашел. Мертводырявую тропу выслеживать стал. Чем дальше шел, тем больше казалось, что дорога как бы глубоко врежется. И деревья леса маленькими стали. Вперед смотрит, какое-то чистое место виднеется: вечно открытая земля, вечно безлесная земля.

— Все, — думает, — безлесная земля, похоже на чистое место, туда бы пошагать.

Когда пришел близко на чистое место, дорога, рваной по колено швов, рваной обуви воинов, куда-то в разные стороны разошлась, ушла — женских следов не узнает, мужчины след тоже не узнает. Смотрит и видит: крупнопесчаное море, мелкопесчаное море.

У песчаного моря остановился, думает;

— По какому берегу моря идти? То ли солнечной стороной (южной) по берегу пойду, то ли вечерней солнечной стороной (запад) по берегу пойду.

Так стоя еще дальше раздумывает:

— Ну-ка, я солнечной стороной по берегу пойду.

Долго шагал, коротко шагал по краю моря, по песчаному берегу, удивляясь:

— Такой лесок, как будто просто подстеленная шкура, ровный песок.

Вперед посматривает: около моря, на песчаном берегу, с развалившимися бревнами маленький домик стоит. Деревья-бревна ягелем, мхом стали зарастать.

– Ну, в этот маленький домик, – думает, – туда пошагаю. Когда-то давно кто-то здесь похаживал.

Подошел. С наружной стороны маленькой избушки стоит, крутится, думает:

– Ну-ка, на что похожа внутренность избушки – посмотреть надо.

Двери открыл, внутрь заглянул. Оказывается, мужик лежит, спит, храпит. В избушку вошел, мужика потихоньку будит, разбудить задумал. Мужчина женского упрямства не несет, мужского упрямства не несет. Ну, будить стал еще сильнее, мужик все также храпит, также спит. Настолько крепко уснул.

Долго ли, коротко ли посидел, думает:

– Ну-ка, еще потрогаю.

Еще трогать начал, толкать стал, чтобы поднялся. Наконец мужчина стал шевелиться. Зашевелился, медленно накрытую шкуру вниз сдвинул, потихоньку сел. И он на мужчину смотрит: его голова белой как снег стала, борода тоже на снег похожа, навсегда белой стала. Такой белотелый мужик когда-то был. Мужчина, оказывается, слепой.

Ну, мужик и говорит:

– Кто-то, видимо, пришел, из какого-то угла священной земли, из какого-то угла богатырской земли?

– Ну, здравствуй! Я пришел.

Мужчина говорит:

– Здравствуй, здравствуй, милый! Хорошо, что пришел. Я ведь спать лег и крепким сном настолько заснул, что не слышал, как ты пришел и будил меня. Когда начал сильно толкать, стал просыпаться от сна. Ну, а ты из какого-то угла священной земли, из какого-то угла богатырской земли пришел, мальчик?

– Я, – говорит, – на берегу божьей Оби, обильной Оби жил. Там водяной глубины, земляной глубины богатый царь есть, а я его младший сынок – Ратпар-Хишпар.

– Ну, так, доброе слово, добрый рассказ.

Как только сказку довел до этого места, брат сказал:

– Ну-ка, немного отдохнем.

Мы – два мужика – в чуме одиноко сидим, нам некуда торопиться. Он встал, чайник поставил на печку. Между делом обо всем разговариваем. Я его не тороплю, знаю, что если он начал рассказывать, то обязательно закончит, доведет до конца. Когда напились чаю, он снова печку затопил и сел рядом со мной.

– Ну, немного согрелись, сказочный рассказ еще дальше поведем, – так он продолжил свой рассказ:

– Мужчина тогда говорит:

– Рога сваренные были, кости сваренные были из чащи леса с травами туда выходящего лесного быка сюда принесите.

Так сидя, вдруг из дверей лесной бык внутрь дома ввалился, грудью падает.

– Большой котел с семью ушками, на чувал повесься, с водой становись. Священные два ножа, богатырские два ножа, этого с шерстяными боками большого быка освежите. На его шкуре всего разрежьте на куски, с семью ушами в большой котел положите, кипятите.

Лесного быка мясо само собой в котел вложилось, огонь сам по себе загорелся под дном котла. И лесного быка мясо в большом котле с семью ушками до полной готовности варилось, до долготы кипения кипятилось.

– Вы, – говорит, – рога сваренные были, кости сваренные были, щенный стол поставьте, богатырский стол поставьте. Священная чашка, сюда на стол становись, богатырская чашка, становись.

Котел с жирным мясом лесного быка сам по себе с огня убрался, в священную чашку наполнялся, в священную чашку положился. В одном конце чашки один ножик появился, в другом конце чашки тоже ножик положился. Каждому по ножу стало. Чашки с супом черпанулись, на стол поставились. Два мужика сели, поели, попили. Сколько желали, столько ели, супу сколько желали, столько пили.

Ну, вот, и небо потемнело, кажется, наступила ночь. Мужики ночью спали. Стало светло, наступило утро, и мужик сел:

– Священные рога сваренные, богатырские рога сваренные были, сейчас утром поесть еду из леса с деревьями, из леса с травами сюда пригоните. Выходящий из леса большой лось сюда иди, сюда приходи. Из дверей избушки домой завались, домой падай.

Так сидя, вдруг большого лося от какой-то земли голова показалась, на пол грудью шкуры свалился.

– Священные ножи, богатырские ножи, этого лося освежите. На его шкуре полностью разрежьте на куски. Священный котел, богатырский котел, повесься, огонь, разгорись под котлом, кипи-варись. Священный стол, богатырский стол, подставляйся, священная чашка, богатырская чашка, подсаживайтесь. Священный котел, богатырский котел, снимись с огня, накладись внутрь чашки. С двух концов (краев) чашки два ножа пусть будет.

Мужики сели, поели, попили, сколько желали.

После еды, питья старый мужчина (старик) с обветренной седой головой сказал:

– Ты внуком будь, а я дедом буду.

– Ну, конечно, дедушка, если так, то так.

– Ты, – говорит дед,– теперь поели-попили, выйди наружу, посматривай. Из этого дома на улицу выйдешь, что-нибудь увидишь или нет. Ты далеко не ходи, чуть немного туда пошагаешь, около дома вокруг посматривая, покрутишься, повернешься и, если что-нибудь заметишь, заходи домой.

Внук из дома на улицу вышел, возле дома прошелся – всюду песок да песок. Так, осматривая, видит: в стороне от задней стенки избушки, снизу, оказывается, угол амбара виднеется. Ну, внук это видел, примечал, туда и не ходил и с этим в дом вошел.

– Ну, как, внучек, что-нибудь заметил, видел что-нибудь или нет?

– Ну, конечно, посматривал вокруг крутясь. Сперва ничего не замечаю: всюду песок, всюду песок. В то же время посматриваю, что конец амбара из-под земли виднеется.

– Ну, так вот, – говорит, – внучек, увидел.

В угол, в конец нар дед повернулся; связку из семи ключей нашел.

– Эту связку ключей возьми. А этот подземный амбар семью замками закрыт. Семь замков откроешь, войдешь. Внутри этого амбара стоит конь. Ты потом, когда покажется голова коня, сразу же поймай его за узду.

Рядом с этой избушкой есть там какой-то столб. Туда подведешь коня, привяжешь. Потом домой заходи.

Внук взял связку ключей, вышел на улицу. К земляному амбару пошagal. Открывать стал – правда, семь замков, семь дверей имеется. Когда седьмую дверь открывал, конь начал реветь. Дверной замок открыл, щель образовалась, морда коня показалась. За узду сразу же его поймал. Коня на улицу вывел, ведет. Около дома дедушки коня к столбу привязал. И с этим домой вошел.

– Ну, как, внучек, конь тебе в руки достался?

– Ну, да, достался. И по твоему велению к столбу туда привязал.

– Ну, хорошо, достал. Ну, внучек, за время вращения солнца вокруг головы, внутри дома одному, что все время сидеть, что так жить? Ты, может, имеешь желание водную сторону повернуть, лесную сторону кругом объехать? Я тебе рассказать кое-что хочу, тебе сказать слово имею. Ты слушай.

Внук сел для слушания. Дед стал рассказывать:

– Этого коня потом, когда отсюда выйдешь, узду отвяжешь. По этому навсегда всплывшему крупнозернистому песчаному морю ты потом вниз, в воду пойдешь. В воду пойдешь, однажды увидишь, что конь обернется железной лодкой. Когда станет конь железной лодкой, во внутрь железной лодки прыгай, туда иди, в какое бы место не пошла, туда езжай. Только ты в сторону не прыгай.

Дед тогда в молитвенный угол нар повернулся, среди крупного песка, среди мелкого песка руками копается, что-то ищет. Из-под крупного, мелкого песка саблю вытащил.

– Ну, внучек, больше тебе отдать ничего не имею. Все, имею только это – одну саблю. С этой саблей иди. В этой лодке, понесшей тебя на край земли, на край воды, будь осторожен. Всегда вперед посматривай. Однажды так, несясь по морю, вперед посмотришь и увидишь: то ли куча облаков, то ли какое-то место. Железная лодка потом все туда на кучу облаков, на кажущуюся кучу, все туда тебя понесет. Туда приедешь, оказывается,

там вечно находящийся крепкокаменный, прочнокаменный остров. Железная лодка после, как подъедет к берегу твердокаменного, прочнокаменного острова, туда причалит. Когда подъедешь, увидишь вечностоящий каменный дом, железный дом на семь окон высоты (семь этажей). В этом каменном доме живут твердокаменные, прочнокаменные семь Менков. Они тоже имеют железные лодки. Эти Менки ездят в сторону земли хантов. От стороны земли хантов Менки поочереди приезжают. Увидишь: лодки полностью загружены мясом женщин, полностью загружены мясом мужчин. Этим семи Менкам вот этой данной тебе Оби белой воды волнистой саблей, озера белой воды волнистой саблей, всем каменные головы, железные головы, шеи пополам руби. У всех дыхание возьми, всех убей. Когда этих уничтожишь, потом на лодку сядешь, лодка, оказывается, совсем свободна (т. е. не сидит на камне). В лодку сядешь, когда станешь обратно ехать, когда доедешь до какой-нибудь части земли, умом прикинутом месте, эту саблю потом около лодки вниз опусти, в воду. Назад смотри, если что выберешь – выбирай. Если не выберешь, то что сделать. Если что выберешь, лодка тебя назад повернет. От следа сабли, рассекавшей воду, лодку потом насколько вздумаешь, настолько загрузи. Ну, все, иди.

Внук взял саблю, затем вышел на улицу. Вышел, отвязал узду коня от столба, ведя коня за собой, в морскую воду пошагал. Ведет, ведет коня, и однажды вдруг конь становится железной лодкой. Он на железную лодку запрыгнул, и железная лодка его повезла.

Навсегда крупнопесчаное море, навсегда мелкопесчаное море, где-то конец кончается, где-то берега есть, его глазам ничего не видно. Через море (по морю) долго плыл он, кто его знает, коротко плыл он, кто его знает. Однажды вперед смотрит: то ли облако сидит, то ли другое место виднеется. Смотрит – железная лодка как по нитке прямо его туда несет.

Близко подъехал, правда, оказывается, видит, навсегда образовавшийся каменный остров, каменный мыс там стоит. На вершине каменного острова такой дом построен, сделан, на высоту семи окон стоит, сплошной твердый камень, прочный камень. Железная лодка как шла, так и воткнулась (причалила) к железному мосту. И лодка тут прилипла. Сюда-туда потаскива-

ет, пошевеливает, но лодка как будто навсегда прилипла на твердые камни, на прочные камни. Человеку, с довольно сильными руками, с довольно сильными ногами в сторону толкнуть, спихнуть силы не хватит.

Ну, а царский младший сын в каменный дом на берег пошагал, посматривает: дверные ручки настолько велики, что он может только двумя руками держаться. Двери между жилой частью дома и крыльцом открыл (сени), внутрь сеней вошел, а потом открыл двери и вошел внутрь дома, где живут семь Менков. Сначала (сперва) окинул взором первый этаж – только одна каменная нара-лежанка во всю ширину дома стоит. Проверяет (сверяется), похоже, что здесь спит только один Менк. На верхний, на второй этаж пошел, поднялся. Вверху тоже, оказывается, около стены одна каменная нара, железная нара. Опять проверяет, похоже, что один Менк спит. До седьмого этажа вверх ходил, а затем вниз опустил.

Однажды посматривает: из какой-то стороны священной земли, от какой-то стороны богатырской земли один Менк едет домой. Приблизился, смотрит, и правда, внутри лодка выше бортов женским мясом, мужским мясом полностью загружена.

И мужчина Менк, тоже человек, с железной лодкой причалил, на берег вылез и бормочет про себя:

– Э-хэ-хэ, я свежее мясо, свежую шкуру ищу от совсем другой священной земли, от совсем другой богатырской земли ищу. А вот пока я ездил, свежее мясо, свежая шкура, кто бы ни был, навстречу пришел. Пока мои люди еще не приехали, свежее мясо, свежую кровь, свежую шкуру я здесь поем, попою.

Менк оставил лодку, на берег пошагал. Царский маленький сынок спрятался около сенных дверей. Менк открыл двери, наклонив голову, заходит во внутрь. И царский сын Оби белой воды волнистой саблей, озера белой воды волнистой саблей (т. е. длинным изогнутым стальным клинком) шею пополам срубил. Голова покатилась во внутрь дома, туловище свалилось в сени. И царский сын твердокаменного, прочнокаменного Менка взял и бросил в сени, где стоят быки, где стоят звери.

Царский сын долго-хорошо из сеней или из окон стоял, глядя. Из стороны какой-то священной земли, из стороны какой-то богатырской земли опять показалась одна лодка.

Подъехал, посматривает: и правда, как говорил дедушка, женским мясом, мужским мясом до краев нагрузил Менк лодку. Железная лодка до воды утонула (т. е. загружена).

Лодка на берег воткнулась, причалила:

– Э-хэ-хэ, я женское мясо, мужское мясо ищу из дальних священных земель, богатырских земель везу. Свежее мясо, свежая кровь, свежая шкура навстречу пришли.

Менк на берег сошел, тоже к дому пришел, открывает дверь сеней, наклонив голову, во внутрь заходит. И царским сыном Оби белой воды изогнутой саблей, озера белой воды изогнутой саблей тут же ударен. Голова покатила во внутрь дома, туловище во внутрь сеней. Взял этого мужика и в угол каменных сеней, где стоят быки, где стоят звери, бросил.

Царский сын вошел во внутрь дома, опять смотрит. Опять показался один мужчина из стороны какой-то священной земли, из стороны какой-то богатырской земли. Менк подъехал и также женским мясом, мужским мясом, оказывается, лодку до верху нагрузил.

Ну, Менк опять на берег шагает. Только вошел он в дом, как царским сыном тоже был зарублен. Голова во внутрь дома покатила, туловище в сени упало. Взял царский сын и в угол сеней забросил Менка.

Ну, а дальше четырех Менков также убил. Также в железные сени, в каменные сени их кладет. Менков всех убил, как говорил, как рассказывал дедушка.

И после пошagal к лодке, лодку в воду столкнул. Нос лодки повернулся в сторону, куда ему ехать. В лодку вскочил, и лодка его подняла, повезла по крупнопесчаному морю, по мелкопесчаному морю. Долго везла, кто знает, коротко везла, кто знает. Однажды думает:

– Менков убивший кровавой нож пусть морской водой вымоется.

Спустил в воду, а сам за ручку держит. Назад посматривает, а по следу несущей лодки, вечно живущие в воде осетры, много их вверх всплыло, обских осетров много вверх всплыло. И лодка назад, обратно повернулась. Он всех осетров собрал, во внутрь лодки набросал. И лодка опять его несет в сторону той воды, где он живет, в сторону той земли, где он живет.

Долго несла его лодка, коротко несла, на пристань дедушкиной избушки к берегу причалила. Лодка на берег воткнулась. И все осетры вниз свалились, упали. Лодка конем стала. Держа коня за узду, на берег пошел. К столбу возле дома коня подвел, за узду туда привязал. Вошел в дом (в избушку).

– Ну, как, внучек, приехал?

– Да, вот, приехал, дедушка.

– Ну, как ты съездил?

Внук все рассказал, как убил Менков.

– Рыбы, – говорит, – по пути, возвращаясь, рыбы добыл, осетров добыл. Ведя лодку на сушу за носовую веревку, осетры на песчаный берег моря свалились, туда упали. И сейчас там лежат. И конь – конем стал, лодка моя. За столб, куда привязывают коней, туда его привязал, там и стоит.

– Ну, так, – говорит дедушка, – если твой путь был удачным, так это хорошо.

И дедушка так сидя говорит:

– Без огня сваренные были, без богатыря сваренные были, этих осетров во внутрь этого дома, все сюда пусть придут, все домой пусть принесутся.

То ли лесного быка шкуру снизу подстелили, рога сваренные, кости сваренные, то ли лосиную шкуру подстелили. Осетры все домой пришли.

Дедушка снова говорит:

– Священные ножи, богатырские ножи, этих осетров всех на части разрежьте, чтобы положить в котел. С семи ушками большой котел, на очаг повесьте, священный огонь, богатырский огонь, загорись, эту осетровую рыбу кипятите, сварите. Священный стол, поставьтесь (становись), богатырский стол, поставьтесь.

Стол поставился, и котел сам по себе от огня убрался.

– В священные чашки кладитесь, в богатырские чашки ложитесь. Священные кружки, богатырские чашки, сюда приходите. Сваренной осетровой ухой черпайтесь.

С дедушкой сели, осетровую рыбу ели, сколько желали.

День, видимо, клонился к вечеру, темнеть стало. Легли опять спать. Долгую ночь долго спали, короткую ночь коротко спали, кто его знает. Встали. Осетровую рыбу, оставшуюся, сколько желали, ели, уху пили.

– Ну, внучек, – дедушка говорит, – тебе рассказать – рассказ имею, тебе сказать – слово имею. Внучек, слушай. Сейчас поели, попили. Этот рассказ закончится, если есть желание сходить в край какой-нибудь священной земли, если есть желание сходить в край какой-нибудь богатырской земли, край священной земли объезжай, край богатырской земли объезжай. Отсюда на улицу выйдешь, пока одежду заправлять (затягивать, подбирать, чтобы не дуло ветром) будешь, пока ты рукава шубы с рукавами заделывать будешь, конь успеет вокруг богатырской земли обойти, конь успеет вокруг священной земли обскákat. Так поедешь, промчишься и к царю Солнце приедешь. Приедешь к царю Солнце, а коня за деревней, за городом в лесу оставишь. Чем награжу, чем снабжу, все эти предметы в лесу спрячешь, в лесу оставишь. На краю деревни, на краю города в маленьком доме старые муж и жена живут, там ты остановись, поживи. Долго ли там поживешь, коротко ли поживешь, однажды услышишь, как люди города станут рассказывать: «Царь Солнце к царю Месяц в гости поедет, для людей всего города большое застолье, большой пировальный стол делает». Ты постарайся туда идти. Дальше еще я, что могу рассказать. Потом уж ты дальше сам соображай. Все.

Ну, и с дедушкой обнялись, поцеловались, попрощались. На прощанье дед сказал еще:

– Ну, внучек, все, идущий человек – иди. Долго будешь ходить, коротко будешь ходить, песенное небо походишь, сказочное небо походишь, что-нибудь выберешь, что-нибудь найдешь, все равно на меня посмотреть сюда приходи. Какое слово, какой рассказ услышишь, только это мною сказанное слово, это мною рассказанный рассказ на куски отрезанной веревки не режь, на куски измочаленной веревки не режь.

А после этих слов дедушка внуку дал кольчугу с пестрыми, как рыба чешуя, металлическими кольцами кольчугу, дал лук, дал колчан, вмещающий сто стрел. И внук стал человеком полностью одетым, стал человеком полностью снаряженным, вышел на улицу. Рукав шубы с рукавами пока подбирал (заделывал), концы шубы с концами пока заделывал, конь успел объехать дважды священную землю, успел объехать дважды богатырскую землю. Какой он священный юноша, какой он бога-

тырский юноша. Конь его несет, нижнего ветра дующим шумом (звуком) несет, верхнего ветра дующим шумом несет. Выше бегущих облаков, выше идущих облаков несет, так высоко он конем поднят.

Долго ли ехал, коротко ли ехал, в даль посматривает: город царя Солнце. Смотрит на город царя Солнце – он так и сверкает, так и блестит! Туда близко приехал, за деревню, за город на коне вниз спустился. Залез в одну ноздрю коня – выкупался, вымылся, залез во вторую ноздрю коня – поел, покушал. Когда вышел наружу из ноздри коня, пнул коня – тот в гнилой пень, травяной пень превратился. Никакой женщине не нужен, никакому мужчине не нужен такой гнилой пенек.

Снял кольчугу, лук, колчан со стрелами, в этот гнилой пень, травяной пень вниз засунул. Повернулся, крутанулся, стал похожим на царского младшего сына сопливого, слюнявого, с коротостами-болячками. В деревню, в город пошагал, посматривает: на краю деревни, на краю города старые мужчина, женщина. Мужичок дрова колет, жена мужиком расколотые печные дрова внутрь дома – домой таскает, домой несет.

К мужичку, раскалывающему печные дрова, туда пошагал сопливый, слюнявый маленький мужичок. Из-под топора, рубящего печные дрова старика, сюда забежит, туда забежит. Мужичок ему говорит:

– Э-э-э, да ты откуда пришедший сопливый, слюнявый маленький мальчишка? Под моим топором, рубящим печные дрова, почему ты сюда забегаешь, туда забегаешь? Здесь топором могу зарубить, топором могу задеть. Я тогда головой не рассчитаюсь, царь его возьмет, буду я царем наказан, богом наказан. Чей же ты такой прыткий сынок?

– Э-э, дяденька, я ничей – мать не имею, отца не имею.

– Жена сюда.

Женщина, таскающая печные дрова, подошла:

– Это еще откуда пришедший мальчишка?

– Да этот мальчишка так говорит, что «никакой я матери не имею, отца не имею». Сейчас мы ребенка не имеем, ребенком возьмем, вырастим.

– Ну, вот, – говорит его жена, – возьмем так возьмем, будем держать. Никакой девочки не имеем, сына не имеем.

Женщина с мужем закончили рубить печные дрова и этого мальчишку, держа за две руки, домой внесли. Какой там особой пищи имеющие женщина, мужчина, какое там питье имеющие женщина, мужчина, какие-то кусочки хлебных корок на стол положили, кормят, поят. Мальчик кусочки хлебных корок покусывает, пожевывает, из какой-то мыслями задуманной чашки с водой водичку попивает. Ну и женщина с мужчиной стали его воспитывать. Долго жили, кто знает, коротко жили, кто знает, однажды женщина с мужчиной между собой разговаривают, что в эти дни их царь-хозяин поедет на путь военный, на свадебный путь к царю Месяц. Перед отъездом, завтра, делает большой общий стол-трапезу – для всех людей деревни, делает большое застолье для всех горожан. Завтра, когда станет светло, они туда сходят, хотя бы свои животы один раз досыта наедят.

Ночь ночевали, прожили. Стало светло. Женщина с мужчиной, откуда у них взялась доброй одежде, в какую-то имевшуюся одежку оделись, завернулись, укутались. Женщина, мужчина на сыночка говорят:

– Ты сопливый, слюнявый человек, сопли, слюни, коросты – ты лучше останься в этом доме, далеко не уходи, будь дома.

– Нет, я не останусь, тоже пойду, – возразил маленький мальчик. Мужичок тогда жене и говорит:

– И правда, зачем оставляем. Затеряется где-нибудь с деревенскими, городскими ребятишками, где-нибудь потеряем. Так просто в руки нам попавшего сына, ребенка возьмем с собой.

И женщина, мужчина к царю Солнце на трапезный стол (на застолье) для деревенских людей, для городских людей пошли втроем. Держа за две руки мальчика ведут.

Долго шагают, коротко шагают. Надоест шагать по широкой улице города, переходят на узкую улицу. По узкой улице надоест шагать, на широкую улицу переходят. Так шагая, наконец, пришли к дому царя Солнце. Женщина, мужчина вошли в дом, стоят, прижавшись спинами к двери. Трапезный стол для кушанья деревенских, городских людей когда-то сделан (приготовлен), туда смотрят.

– Ну, женщина, мужчина, к этому большому трапезному столу для кушанья деревенских, городских людей пришли, что стоите у дверей, проходите, кушайте, пейте.

– И женщина, мужчина подошли к столу и сели в конце большого трапезного стола для кушанья деревенских, городских людей. Сыночка посадили на середину. Втроем сидят, кушают, пьют.

Царь Солнце говорит:

– Эту ночь переночуем, поживем и в засветящийся светом на глаза женщины в следующий день, засветящийся светом на глаза богатырей в следующий день к царю Месяц начнем идти во главе сватьевых гостей, во главе сватьевых воинов.

И маленький мальчик туда посматривает, слушает. Ну, с большого трапезного стола для кушанья деревенских, городских людей встали и домой пошли. Домой пришли, долгую, длинную ночь переночевали, прожили. Маленький мальчик накормлен какими-то кусочками хлебных корок, напоен, а потом к царю Солнце туда пошел.

Пришел туда, к дому царя Солнце. Голову сватьевых воинов, оказывается, он уже когда-то собрал (голова воинов, т. е. начало отряда, впереди шагающие), когда-то приготовил. Вот-вот тронутся в путь. Сопливый, слюнявый маленький мальчик на царя Солнце говорит:

– Ну, я тоже схожу с хорошими сватьевыми (или свадебными) гостями, с хорошими сватьевыми воинами.

Царь его спрашивает:

– Ты что, мать, отца не имеешь?

– Матери не имею, отца не имею. На краю деревни, на краю города живущими старыми женщиной, мужчиной я выращен, воспитан.

Царь Солнце тогда на три стороны поворачивается, кругом оборачивается, воинам говорит:

– И правда, надо свозить, взять с собой.

Во главе сватьевых гостей, во главе свадебных воинов царь имеет двух богатырей, они говорят:

– Зачем такого сопливого, слюнявого мальчишку брать, только напрасно мешать будет. Для смеха женщин, для смеха мужчин брать? Пусть остается.

Тогда царь Солнце и говорит:

– А что такого, с воинами, с гостями повозить разве плохо? Если посмеемся, день быстро идет, если поговорим, день скоро кончится и в землю, куда мы идем, скоро придем.

Ну, а богатыри – сильные люди – прислушались, перестали отговаривать.

Ну, свадебные воины, сватьевые гости наконец-то тронулись в путь. Долгую землю – долго идут, короткую землю – коротко идут. Ночь наступит, ночуют, живут. Встанут, еще дальше трогаются. То ли мясистый месяц шли (т. е. полная круглая луна), то ли костяной месяц шли (т. е. серп месяца, луны в начальной или последней фазе). Наконец добрались до бескрайнего крупного песчаного моря. На берегу моря место для ночевки там приготовили, сделали.

Воины, гости над мальчиком смеются, говорят:

– Вот, с воинами, с гостями одного человека везем – вечно сопли, вечно слюни.

Когда стали смеяться люди-воины, люди-гости, царь Солнце слово положил:

– Вы что над этим человеком смеетесь, что рассказываете. Он тоже такой же друг, оставляющий воду, такой же товарищ, оставляющий землю (т. е. наравне со всеми проходит и воду, и землю).

Так царь закончил свои слова. Немного погодя, продолжал свой рассказ:

– Вот, – говорит, – воины мои милые, гости мои милые, мои самые необходимые вещи (предметы) дома остались. Только здесь вот вспомнил. Как я теперь к царю Месяц в гости пойду во главе сватьевых воинов, во главе сватьевых гостей.

И люди-воины, люди-гости слушают, смотрят. Царь Солнце дальше продолжает:

– Когда хожу военный путь, когда хожу свадебный путь, всегда с собой имею железные гребни, железные гребни с железной вереницей (цепью), они дома остались. Вы, главари воинов, главари гостей, два сильных человека, сходите за ними.

Ну, а двум богатырям куда деваться, хозяином царем велены. Сели на коней и обратно поехали.

На небе наступила ночь. На берегу моря ночевали, жили. Наступит день по берегу моря, то сюда шагают, то туда шагают. К

царю Месяц через море перейти сухое место или мелкое хотя бы ищут, ходят, но никакого места не находят. Опять ночь наступила. После того, как все люди-воины, все люди-гости заснули, сопливый, слюнявый маленький мужичок встал, поднялся и от людей, воинов и гостей в сторону пошагал. Один раз кусочком трута сюда-туда махнул, конь тут же появился. Одел кольчугу, снарядился. Какой образовался парень-красавец, какой образовался парень-богатырь. Сел на коня и в город царя Солнце поехал.

Приехал в город царя Солнце. В дом, погруженный во тьму, в дом без огня, где содержится младшая дочка царя Солнце, туда вошел. Туда в дом попал. С младшей дочкой царя Солнце, какая мать их рядом посадила, какой отец их рядом посадил. Целуются, ласкаются до сухой гусиной кожи, до сухой утиной кожи с младшей дочкой царя Солнце.

– Сейчас я, – говорит, – потому домой приехал, потому домой пришел: отец, когда в военный путь ходил, когда в гостевой путь ходил, имел вереницу железных гребней. Ты, наверное, знаешь, где они? Найди их, сюда принеси.

Младшая дочка царя Солнце из дома вышла, сходила. Отец, когда в военный путь ходит, когда в свадебный путь ходит, имеет при себе вереницу железных гребней. Эти гребни принесла младшему сыну царя, в карман положила. И юноша ей говорит:

– Ну, все, милой была дочкой женщины, милой была дочкой богатыря, долгое, короткое небо схожу, приеду, приду.

Вышел на улицу, сел на коня, поехал. Долгое место – долго ехал, короткое место – коротко ехал, встретился с богатырями. Они, оказывается, до середины пути еще не доехали, на конях шагом едут. На мужиков говорит:

– Вы куда едете, мужики?

– Мы хозяином-царем Солнце обратно, домой отправлены в царский город, где жили. Хозяин, царь Солнце, когда ходил в военный путь, когда ходил в свадебный путь, всегда имел с собой вереницу железных крючков, вереницу железных гребней, он их дома позабыл, оставил, их искать едем.

Сопливый, слюнявый маленький мужичок тогда руку в карман засунул, из кармана железные крючки, железные гребни вереницу достал.

– Да, я здесь вот имею, – говорит. – С такой скоростью до города, где живет ваш хозяин, царь Солнце, когда еще вы приедете. Дальше он, человек, едущий в военный путь, человек, едущий в гостевой путь, так его время пути долгим станет. Так вот вереницу железных крючков, железных гребней, что я имел в кармане, возьмите и вернитесь обратно. К царю Солнце приедете, скажите:

– Вот твои вереница железных крючков, железных гребней. Откуда ему видеть, знать, что эти мои предметы, или его предметы. Одинаковое железо, все одинаковые гребни.

А мужики думают, разговаривают. Смотрят: такое же железо, такая же вереница гребней.

– И правда, – говорят.

– А вы, наверное, за вереницу гребней, что я вам даю, цену оплатите, рассчитаетесь?

– А ты какую цену, какую мзду попросишь?

– Какую цену, какую мзду попрошу? Я прошу цену, прошу мзду такую: снимите с правой ноги сапоги, отрежьте мизинцы с правой ноги. Вот моя цена. Он (царь) откуда увидит, откуда узнает.

Ну, мужики опять задумались: оно больно-то больно. Отрежем мизинцы у ног, долго ли пройдет время, заживут. Ноги же ему не покажем. Ну, вот, отрезали мизинцы с правой ноги, отдали человеку. Они видели, как он в белую тряпочку завернул, в карман засунул.

Ну, и сильные мужики, два богатыря на землю, куда ушло войско, повернули коней и по дороге ушедших гостей, по дороге ушедших воинов стали идти. Когда мужики вдали скрылись, юноша сел на коня. В наступившей долгой соколиной, орлиной ночи тоже вслед за воинами помчался. Приехал на место, где живут гости, живут воины. Коня сюда-туда за узду подергал, превратился в кусочек трута.

Долгую ночь – долго спали, короткую ночь – коротко спали, люди военные, люди гостевые встали. А его ноздри как будто мездру бычьей кожи мнут, обрабатывают, бычью кожу с лапами мнут, выделяют. А воины, гости смеются, разговаривают, издеваются над ним. Царь Солнце говорит:

— Что вы смеетесь над этим человеком, что все время говорите. В песенную погоду, может, мы, идущие военный путь, в скалочную погоду, может, наш сватьевый воинов путь, сватьевый путь гостей, может потом к нему застрянем, от него узнаем. Что все время смеетесь.

И люди перестают смеяться. Наступил день. Долго, коротко спал, встал. Царем Солнце накормлен, напоен. Где уж ему до дела, куда ему. На месте, где живут гости, где живут воины, где ночуют гости, где ночуют воины, там и валяется, спит. Люди военные по берегу моря в два конца (в разные стороны берега) через море перейти место искать опять пошли. Откуда ни ищут, откуда ни входят в воду — человек с конем, на коне в воду въезжает, конь всплывает, передние, задние ноги коня земли не достают, море есть море.

Солнце долго, коротко светило, стемнело, опять наступила ночь. Военные, гостевые люди опять легли спать. Когда уснули военные, гости, Ратпар-Хишпар — сопливый, слюнявый мальчишка встал, от воинов, от гостей немного подальше в сторону ушел. Кусочек трута сюда-туда помял — конь появился.

В одну ноздрю коня влез — выкупался, вымылся, во вторую ноздрю коня влез — поел, попил. Когда выбрался из ноздри коня, в какого красавца мужчину, какого красавца богатыря превратился! Сел на спину коня и по берегу моря поехал. Долго ехал, коротко ехал, однажды посматривает вперед: у берега моря с мыса, со скалы камни вот-вот вниз упадут, камни вот-вот вниз свалятся. Такой каменный мыс стоит. Бегущие облака, идущие облака на каменные вершины прилипают, там застревают. Нижнюю часть берега моря осматривает: галечный каменный мост как будто метлой выметен — такая ровная земля. Коня короткими ударами (т. е. слабыми, легкими ударами) кнута погоняет, большими (т. е. крепкими, сильными) ударами кнута погоняет.

Слышится: там, где ноги коня земли касаются, здесь сидящей вещевой матери лодка с дверьми шевеленье слышится, вертлявой лодки качанье слышится. По каменному мосту вперед скачет, назад скачет. От его быстрой езды взад и вперед с туч, облаков высокий каменный мыс вниз валится, вниз скатываться стал. От каменного мыса, от скалы, выходящей к берегу моря,

огромные каменные глыбы, огромные земляные валуны вниз сваливаются, падают.

Так, скача на коне, посматривает на место вниз свалившихся земляных валунов и камней. Жизнь проживший большой мужчина, век проживший большой мужчина наполовину туловища, по грудь наружу с головой высунулся:

– Это, – говорит, – за проживший длинных сто веков, старинный длинный век пока живу, никогда человек с крепкими ногами коня не приходил, никогда человек с ногами звериными не приходил. Здесь мой дом, где сижу, живу, мой бог навсегда ломают, рушат. Какой храбрый человек с ногами коня пришел, какой храбрый человек с ногами зверя пришел?

– Да – говорит, – я пришел.

– Кто ты?

– Да, дяденька, – говорит, – от тебя я, застрявший небом, выход ищу из безвыходного положения, сказочным небом молюсь. Какое-то слово, какой-то рассказ ищу. Новость зверя – новость спрошу весть зверя – весть спрошу.

– Внучек, о каком звере новость – новость спросишь, о каком звере весть – весть имеешь?

– Я эту новость спрашиваю, эту весть спрашиваю. Ты, наверное, возможно, знаешь, человек, живущий у этого берега моря, мы сейчас с хозяином – царем Солнце идем к царю Месяц. Это вечно всплывшее крупнопесчаное море, вечно всплывшее мелкопесчаное море, от какого места нам перейти, сухое мелкое место где-нибудь есть?

– Да, внучек, там знаешь, в вечно всплывшем крупнопесчаном море, вечно всплывшем мелкопесчаном море увидишь потом, садятся через море морские маленькие чайки. Вот путь-дорога, по которой войска переходят, гости переходят, и ничего с ними не случается. Этот песчаный бугор на ту сторону вечно всплывшего крупнопесчаного моря садится, всюду лежащего мелкопесчаного моря на ту сторону садится. Это и есть место перехода воинов, место перехода гостей.

– Ну, дяденька, спасибо! Ты мне на мой вопрос ответил, все сказал.

И юноша повернул туда, где находились воины, смотрит: правда, на вечно всплывшем крупнопесчаном море, на вечно

всплывшем мелкопесчаном море все в одну линию, вереницей, сплошь халеи-чайки сидят. Коня в воду направил. Сколько едет без начала, без конца халеи-чайки сопровождают его через вечно лежащее море. Долго ехал, коротко ехал, так на ту сторону моря прибыл. На ту сторону моря в город царя Месяц пришел. К царю Месяц в город пришел, вошел к младшей дочери царя Месяц. Какой матерью вместе посажены, каким отцом вместе посажены, целуются, ласкаются, любят до гусиной кожи, целуются, любят до утиной кожи.

Младшая дочь царя Месяц говорит:

– Э-э, был сыном женщины, был сыном богатыря, каким несущим поверху предметом, каким идущим по земле предметом ты сюда попал?

– В эту сторону вечного крупнопесчаного моря, в эту сторону вечно мелкопесчаного моря, когда у человека руки – руками становятся, ноги – ногами становятся, в одну какую-то землю придет. Ну, вот, – говорит, – царь Солнце в этот светлый становящийся день через это море перейдет. Вечером, когда стемнеет день, в этой вашей городской пристани сюда ночевать войско, ночевать гостями, ночлег здесь сделают.

Ну, человек с женщиной опять до кожи гусиной, до кожи утиной обнимались, целовались, ласкались, потом вышел человек на улицу. Соскочил на коня, поехал на место нахождения гостей, на место проживания воинов. Коня за узду сюда-туда помахивал, с кольчугами со всеми превратился в один раз ударяющий трут. И после этого он пошел к гостям, к воинам, лег на свое место.

Слышит, что народ поднялся, встали. А его ноздри опять будто мездру кожи мнут, выделяют, бычью кожу с лапами мнут, выделяют.

Приехали, оказывается, сильные богатыри. Царю Солнце отдали его вереницу железных крючков, железных гребней.

– Ну, вот, – говорит, – привезли. Теперь в военный путь пойду с хорошими мыслями, в свадебный путь пойду с хорошими мыслями.

Воины, гости опять стали смеяться над парнем.

– Вот, – говорят, – идущий с воинами, идущий с гостями хорошего человека везем – сопли, слюни.

Царь Солнце тогда говорит:

— Что вы все время над ним смеетесь. Люди, идущие в этот военный путь, люди, идущие в свадебный путь, сколько разговоров, сколько слов пускаете. Может он нам правильный путь потом подскажет, от него мы узнаем. Сколько дней вы это море, сколько ночей ходите, проезжаете, перейти, переехать места не находите.

Парень тогда сел. Царь Солнце его кормит, поит. Царь к приехавшим, к двум сильным богатырям обращается:

— Вот пока вы ходили, ездили, около моря, ища место переезда через море, хотя и ездим, все без толку, и не знаем, каким образом перейти море в город царя Месяц.

Ну, а парень сопливый, слюнявый, наполнив живот пищей, наевшись, позавтракав досыта, говорит:

— Я не знаю, только от человека песенного, от человека сказочного старинных песен, старинных сказок рассказавших стариков слышал, будто бы с такого места это море можно переехать, где морские маленькие чайки в одну линию, как струна, вереницей через море сидят. Там можно переехать, там можно идти. На этом море путь для прохождения воинов, для прохождения гостей-сватьев там.

Тогда царь Солнце говорит:

— Смотрите, какие хорошие слова, какой хороший рассказ. А вы такой рассказ, такое слово почему не сказали?

Царь Солнце своему народу: воинам, гостям, сватьям говорит:

— Вы, когда объезжали этот берег моря, где-нибудь видели через море сидения чаек?

— Да, мы такое место посматриваем, видим.

— Ну, так, если посматриваете, этот путь надо проверить.

Тогда юноша и говорит:

— Зачем смотреть, потихоньку пойдем. Если на глубокое место придем, тогда обратно вернемся.

— Ну, конечно, какие добрые, хорошие слова. И правда, ведь если станет глубоко, мы тогда обратно повернем по этой же дорожке.

Ну, и воины, и гости для отправления в путь утром собрались. Пришли на восточную сторону моря. Там через море на конях поехали. Вода до живота коней не доходит. Правда, ока-

зывается, вечно всплывшее крупнопесчаное море, вечно всплывшее мелкопесчаное море никакого похожего на глубокое место не имеет. Сколько едут, настолько дальше в море становятся, сколько едут, настолько на ту сторону моря подходят.

Долго ехали, коротко ехали, увидели город царя Месяц. Море кончается прямо у пристани города царя Месяц. Во главе сватьевых гостей, во главе свадебных воинов царь Солнце через это море так переехал. На городскую пристань к царю Месяц пришли. Ночлежное место для воинов, для гостей там сделали, там подготовили.

Еще решили ночевать наступившую долгую соколиную ночь, наступившую долгую орлиную ночь. Ночь наступила. Когда воины уснули, гости уснули, юноша отправился под окно, где живет жена царя Месяц, там спрятался. Слышит разговор внутри дома, слышится разговор жены царя Месяц. Жена говорит:

– Царя Солнце свадебные воины пришли, сватьевые гости приехали. В дальний (здесь в смысле чужой) дом девушку, в дальний чужой дом ребенка, как мы отправим. Если у них силы хватит увезти ее как-нибудь, пусть они увезут, если не хватит силы увезти, их дело.

Говорит царь Месяц:

– Этот царь Солнце – человек с железными гребнями, человек с железными крючками. Гребнями меня потом на части разорвет, тут и скончаюсь. Я здесь, под этим окном, превращусь в столб из белой деньги, стану столбом из белой деньги.

Жена тогда ответила:

– Я пойду к своей церкви, стану столбом из белого железа для коневязи, становлюсь столбом из белой деньги. Царь Солнце будет нас искать, но не найдет и не узнает.

Ну, вот. И, услышав это, маленький мальчик с этим вскочил, пошел на пристань, на место, где спят сватьевые гости, где спят воины.

Долго спали, коротко спали, и в одно время царь Солнце с воинами, с гостями поднялись, встали. И мальчик народом-воинами, гостями опять был высмеян:

– Такой сопляк-слюнтяй, – говорят, – а по его словам пришли сюда на пристань царя Месяц. Сопливый, слюнявый человек

есть тоже товарищ воинов свадебных, тоже товарищ гостей сватевых.

А царь Солнце говорит:

– Вы зачем смеетесь, постоянно вам говорю, зачем всегда смеяться, издеваться. Видите, как по его словам, по его рассказу в этот город царя Месяц пришли.

Царь Солнце его разбудил или сам проснулся. Покушали, попили. Закончили кушать, пить. Становятся во главе сватевых гостей, становятся во главе свадебных воинов, тренируются, репетируют, как, кому, где находиться.

Четырехпосошной (посох) веревки богатырь человек, пятипосошной веревки богатырь человек, один сильный богатырь – какой вид, облик имеет сын царя Солнце, имеет такой же вид, облик, похожие очень друг на друга. Царя Солнце сына облик имеет, царя Солнце сына изображение (вид) имеет, одинаковые видом, одинаковые обличьем. И царь Солнце поговаривает:

– Я такую думу имею, я такое слово имею. Мой сын, конечно, к дочери царя Месяц пойти-то – пойдет, только мочи мало, силы мало. Ты, глядишь, обликом похож на моего сына, вид имеешь, сильный богатырь человек, ты иди – четырехпосошной веревки богатырь, пятипосошной веревки богатырь, с дочерью царя Месяц ты поговори.

С обликом сына, с видом сына сильный богатырь человек туда пошел. В дом, где живет дочь царя Месяц, туда внутрь вошел. Поели, попили, сидят, играют. От шахмат устают играть, в карты садятся играть, от карт устают, в шахматы садятся.

Теперь человек говорит:

– Я стоял четырехпосошной веревки богатырем человеком, стоял пятипосошной веревки богатырем человеком.

– Идти-то за тебя, пойти-то, как не пойду – пойду, – дочь царя Месяц говорит. – Ты теперь только эту ночь здесь ночуй у меня. Народ: воины, гости – пусть они там живут на пристани.

Ну, раз дочерью царя Месяц остановлен, куда ему идти?

Обликом на сына царя Солнце, видом на сына царя Солнце похожий, сильный богатырь остался. В небе ночь наступила, легли спать. Дочь царя Месяц лицом к нему повернулась. Вместо сына царя Солнце пришедший свататься сильный богатырь спиной к ней лег. Дочь царя Месяц руку сверху на него положи-

ла. Чувствует, как будто камнем сверху придавили, как будто железным куском сверху придавили. Еле дыхание держит, чуть ли не насмерть прижат, чуть ли не на смерть придавлен.

* * *

Сказку-рассказ, когда довел до этого места, брат мой промолвил:

– Ну-ка, еще немного отдохнем.

На улице было очень морозно, и в чум быстро проник холод. Он снова повернулся к печке, затопил ее и на печку поставил чайник. В это время я его спрашиваю:

– Сказка скоро кончается или нет? Если еще долго, я поставлю новую пленку.

– Нет, – говорит, – недолго, сейчас стал к концу доводить.

Так разговаривая, мы опять сели пить чай.

На улице ясная ночь, луна светит, звезды на небе, как горящие угольки, как искры вверху, на чистом голубом небе, так красиво мерцают, светят.

Горячим чаем согрели внутренности и от тепла железной печки согревшись, сели и опять сказку продолжать стали. Я сижу, записывая его сказку на магнитофон. Дальше он сказку так начал:

– Долго лежали, коротко лежали, дочка царя Месяц спиной повернулась к нему. Сильный богатырь мужчина туда, на сторону дочки царя Месяц лицом повернулся, руку на нее положил. Долгую ночь – долго спали, короткую ночь – коротко спали. Встали.

– Ну, я теперь в дальний, чужой дом назначенная девушка как не пойду – пойду. Я, – говорит, – только не знаю, куда-то мои отец и мать ушли, откуда я их возьму. Одна – девушка без матери, одна – девушка без отца. Сколько-то там народу-воинов, гостей и отец твой когда-нибудь назад повернут, уйдут. Все, иди, скажи отцу, я иду. Человеку, назначенному идти в дальний дом, человеку, назначенному идти в чужой дом, придет.

Наступил день. Сопливый, слюнявый молодой человек столб из белой деньги, столб из белогожелеза, стоящей возле дома царя Месяц, начал сюда наклонять, туда наклонять. Долго, корот-

ко копошился, возился, наконец, выворотил, вытащил. И за город поволок.

Долго, коротко волочил, долго, коротко тащил, за город дотянул. Народ военный настолько смеются, народ гостевой, как озерные халеи (чайки), как обские халеи, настолько смеются:

– Вот как наш сопливый, слюнявый человек, – говорят, – стоявший столб из белой деньги, из белого железа для привязи коней царя Месяц с места, где стоял, вытянул, вытащил. Это достал и во внешность города с внешностью, во внешность деревни со внешностью поволок, потащил. Так за деревню, за город представил. Нужен что ли этот столб, нужна ли ему эта глыба?

Сопливый, слюнявый царский младший сын, когда оказался за городом, из кармана взял один раз ударяющий кусочек трута, сюда-туда потягивал, конь сразу перед ним стал. Сел на спину коня – и каким красавцем мужчиной, каким красавцем богатырем стал!

Царя Месяц – человека, превратившегося в столб из деньги в столб из железа, с помощью конской узды вздернул на спину коня и поехал. Смешался с идущими облаками, смешался с бегущими облаками. Увез на вершину воды божьей Оби, увез на вершину воды священной Оби. На вершине воды божьей Оби, на вершине воды священной Оби, по длинному плесу Оби с лицом невесты на горе коня туда вниз опустил.

Взял и посредине горы царя Месяц туда поставил.

– Все, – говорит, – царь Месяц, песенное небо проживу, сказочное небо проживу, пока я сюда не приеду, ты здесь ожидая живи, стой.

И с этим он обратно вернулся, поехал. Приехал за город царя Месяц, коня за узду сюда-туда помахал, в один раз ударяющий кусочком трута стал. Ну, теперь мужик пошагал к церкви царя Месяц. Там находившийся столб из белого железа, столб из белой деньги опять сюда воротит, туда воротит. Полной деревни многие люди высмеивают, полного города многие люди высмеивают. Народ военный, гостевой туда смотрят, говорят:

– Теперь сопливый, слюнявый наш мужик опять один столб, опять второй столб нашел; Вон, со столбом возится.

Царь Солнце тогда говорит:

– Да, он, может, для необходимости выдергивает, для необходимости его вытаскивает.

Теперь жену царя Месяц выворачивал, вытаскивал, наконец, извлек. С внешностью деревни во внешность тащит, несет. Долго тащил, коротко тащил во внешность деревни с внешностью предоставил, во внешность города с внешностью приволок. В карман руку засовывал один раз, ударяющий кусок трута взял. Сюда-туда потягивал, конь оттуда перед ним встал. Какой красавец мужчина, какой красавец богатырь! Сел на спину коня и жену царя Месяц на спину коня поперек себя положил. Узду коня вздернул, и конь помчал его, смешав с идущими облаками, смешав с бегущими облаками. Божьей Оби вершину воды, обильной Оби верховьев воды везет. С лицом невесты, с лицом красавицы на середину горы привез. Рядом с царем Месяц этот железный столб поставил.

– Все, – говорит, – была женой царя Месяц, а ты был царем Месяц! Песенное небо проживу, сказочное небо пройдет, долго, коротко проживу, пока я сюда не вернусь, здесь стойте, ожидайте. Песенное небо похожу – приду, сказочное небо похожу – вернусь.

И после этого вскочил на спину коня, за городом царя Месяц вниз опустился. Коня за узду сюда-туда помахал, потаскал – в один раз ударить кусочком трута стал. К военным, гостевым людям туда пошагал.

Шагая, посматривает, оказывается, дочка царя Месяц для еды деревенского люда, для еды городского народа большой свадебный стол приготовила. Люди, оставшиеся в деревне без хозяйки, люди, оставшиеся в городе без богатыря, со всеми гостями и воинами гуляют и пьют за богатыми, обильными столами.

Долго, коротко пировали за свадебными столами, наступила ночь. Ночь переночевали. Утром дочка царя Месяц на спину коня посажена сыном царя Солнце. И через море, по этой же дороге обратно к себе отправились.

Человек, несущий песню, несущий сказку, сопливый, слюнявый человек, он тоже сзади. То ли пешком по воде шагает, то ли коня ему дали, на коне едет. Идя так, на эту сторону моря пришли, вернулись на воды и землю, где они живут, по дороге вперед уходивших воинов свадебных, по дороге гостей сватьевых.

Царь Солнце пришел в воды, где он сидел, в землю, где он сидел. Соколиной ноги глухую ночь ночевали, орлиной ноги темную ночь ночевали, жили.

Вновь образовавшийся следующий день царь Солнце говорит:

– Я деревенским людям кушать большой свадебный стол сделаю, стал я со снохой. И вереницу железных крючков, вереницу железных гребней привезшим мужикам, если которому мужику подойдет, то младшую дочь, которую держу в доме без огня, младшую дочь, которую содержу в доме в темноте за то, что привезли мне вереницу железных крючков, вереницу железных гребней, девушку без денег, без всего, бесплатно, задарма туда посажу, отдам.

И царь для деревенского люда, для городского народа большой свадебный стол сделал. За стол, где будут кушать деревенские люди, где будут кушать городские люди, которому же человеку посадить задумал дочь. Наверное, на его сына видом, на его сына обликом похожему человеку – сильному богатырю за то, что привез вереницу железных крючков, железных гребней, дочку – без цены девушку, задарма девушку туда посадит.

Царь Солнце младшую дочь из дома без огня, из темного дома, где она жила, попросил. Рядом с сильным богатырем с обликом, похожим на его сына, туда посадил:

– Небо прожить – спать твой друг, день прожить – спать твой друг – вот. Зато, что он привез вереницу железных крючьев, которых я имел всегда с собой при военных походах, при гостевых походах. Вот за это я тебя ему посадил. Это будет милая девушка – цена твоя. Милая доченька – цена твоя.

Для еды деревенских, для еды горожан стол сделал. Из всей деревни много людей, из всего города много князей сюда собрал. У плеча его сына дочка царя Месяц сидит. У человека-богатыря, похожего на сына, с обликом сына, у плеча, рядом, туда царь Солнце посадил свою младшую дочь.

А сопливый, слюнявый царский младший сын спиной к двери прижавшись стоит, наблюдает, как они кушают, едят разные сладости и вино чарками пьют. Посаженный к дочери царя Солнце сильный богатырь говорит:

– Отцом посажена, отцом отдана, выпей чарку.

– Э-э, с таким мужиком как ты, с таким человеком как ты я чарку пить не буду.

Царя Солнце младший сын говорит дочери царя Месяц – же-не своей:

– Выпей чарку.

– Э-э, да с таким мужиком как ты, с таким человеком я чарку не пью. Ты пей.

Дочка царя Месяц в сторону дверей смотрит, дочка царя Солнце на двери смотрит. Взглянули друг на друга, одновременно с мест сидения встали, вскочили. И к сопливому, слюнявому молодому парню туда побежали, туда пошли. За две руки поймали, за свадебный стол, где едят, пируют деревенские, городские люди тащат, ведут.

Хотя и он ногами вперед опирается, сопротивляется, девушки его так и тащат, ведут. Где-то место сидения пустое нашли и сопливого, слюнявого молодого мужичка за стол туда посадили. Сопливого, слюнявого молодого мужичка с двух сторон – с одной стороны дочка царя Солнце села, с другой стороны дочка царя Месяц села.

– Отец, – говорит младшая дочка царя Солнце, – нам небо прожить – наш друг, нам день прожить – наш друг – вот. На место, куда ты меня посадил, на место, куда меня ты принес, мы туда не пойдем. Молельной матери моленья, писаной матери мольба нас туда не молила. Нам небо прожить, день прожить, суженым другом будет он.

Тогда царь на сопливого, слюнявого молодого мужика стал смотреть. Кто-то из служивых людей или князей мужику чарку налил. Три чарки одновременно верх подняли, одновременно выпили. У молодого парня чарка кончилась, сел за стол, спиной повернулся, на пол упал. Когда с пола поднялся, все увидели, какой красавец парень, какой красавец богатырь!

Царь Солнце на сына смотрит, на сильного богатыря смотрит: сыну его далеко до него. Какой, оказывается, был человек, похожий обликом на солнце, похожий обликом на месяц.

– Ну, вот, сын, мыслями не обижайся, писаной матерью правда, наверное, туда записаны. Девушку, которую привозил невестой, теперь сопливому, слюнявому парню – человеку с об-

ликом солнца, с обликом месяца – приписаны, их друг, возможно, и есть.

Дочери своей говорит:

– Раз вы туда записаны, что сделаешь. Человек, записанный идти в дальний дом, направленный в дальний дом, по-моему, не вечно думами отца или думами матери живет.

Стол для кушанья деревенских, городских людей закончили. В дом, где живет младшая дочь царя Солнце, туда пошли. Какой матерью вместе посажены, каким отцом вместе посажены. Соколиной ноги бегущую ночь ночевали, орлиной ноги несущую ночь ночевали.

Наступило светлое время. В дом, где работает царь Солнце, туда вошли с двумя женщинами, с двумя подругами жизни.

– Ну, царь Солнце, – говорит юноша, – я тоже сидящую священную землю имею. Мне ехать на свою святую землю дума пришла, ехать на свою богатырскую землю дума пришла, если ты мне ехать что-нибудь, какое-нибудь суденышко дал бы, приготавлил бы. О воде своей дума пришла, о земле родной дума пришла.

Тогда царь Солнце говорит:

– Был сыном женщины – зять, был сыном богатыря – зять. Если нет, три дня поживи, если нет, четыре дня подожди. Для твоего отъезда я что-нибудь подготовлю, для отъезда я суденышко подготовлю.

Ну, и царь Солнце приостановил их отъезд то ли на три дня, то ли на четыре дня приостановил. За это время приготовил несколько кораблей. Все деревенское, городское население пополам разделил, одну половину народа в дорогу приготовил. Сколько имел лошадиного стада, коровьего стада, одну половину тоже подготовил к отправке. Сколько имел золотого богатства, денежного богатства – одну половину золота, одну половину денег – все зятю, дочери приготовил.

Ну, вот, по словам царя Солнце, три дня или четыре дня прожили, кто его знает. Наступило время отъезда.

– Ну, ты, зять, – говорит царь Солнце, – божьей Оби на верховье, священной Оби на верховье долго будешь ехать, коротко будешь ехать, на пути своем назад не оглядывайся.

Перед тем, как идти на корабли, царь Солнце с зятем до сухой кожи гусиной целовались, обнимались, до сухой утиной кожи целовались, сосались. Какой красавец парень матери, какой красавец парень-богатырь. Зять тогда говорит:

– В этом божьем Оби верховье, в этом священном Оби верховье, если желанное долгое небо проживу, если сказочное долгое небо проживу, на верховье божьей Оби, на верховье священной Оби есть гора с лицом невесты, с лицом красавицы – по плесу Оби длинная гора – там бор с ягелем, мхом для быков, с ягелем, мхом для зверей, там мой город со святыми воротами, с богатырскими воротами город там образуется. Ты потом погостить туда приезжай. Я на этой земле живу.

Ну, и только после прощания человек с двумя женами пошгал к кораблям. Человек проводник, лоцман как не найдется, сели и поехали. Вошли во внутрь корабля, подготовились жить-поживать. У одного плеча дочь царя Месяц сидит, у другого плеча дочь царя Солнце сидит. Устанут играть в карты, за шахматы садятся, от шахмат устанут, за карты садятся.

Во время езды человек думает, женам своим говорит:

– Ну-ка, наружу выйду.

Подруга – дочка царя Месяц, подруга – дочка царя Солнце ему говорят:

– Не выходи наружу, выходить нам не разрешили.

– Нет, – говорит, – какой дождливый день, какой ясный день, я на день посмотреть выйду.

Выходит на улицу и, оказывается, что зять царем Солнце таким огромным обозом награжден, подарен, что на длинном плесе Оби не кончается, конца не видно. Тогда думает, когда-то образуется небо долгое для ханты, образуется небо вековое человека ханты. Я, увезший столько людей, а хватит ли для жертвоприношений их накормить рогатых быков, их накормить костлявых быков? Внутри корабля сходил, взял лук, стрелу взял, вышел и говорит преданным людям:

– Докуда пушу стрелу, от этого места пусть стрела поделит пополам. Мы вперед, на верховье Оби пока не придем, пусть образуется железная гора, каменная гора, стоящая через реку.

С места, откуда пошла пущенная стрела, в этом месте образовалась каменная гора, никакой корабль, никакой человек

дальше пройти не может. Он на верховье Оби с верховьем так с большим обозом – обозом вещевым, с большим обозом разного богатства тащится. Народу у него еще много. Песенный человек песню кончает, сказку начинает, сказочный человек сказку кончает, песню поет.

Долгое время ехали, кто знает, короткое время ехали, кто знает. Божьей Оби светлой воды, священной Оби ключевой воды верховье, на святую гору с лицом невесты, с лицом красавицы приехали. На середине святой горы причалили, на берег потащились, выгрузились. Божественным небесным большим отцом-богом жертвоприношения рогатых быков взмолен, молебным богом костяных быков сделан. Просто образовавшийся золотой дом, просто образовавшийся денежный дом там образовался. Тестем приданое золото, деньги в один угол дома притащены, принесены. Один угол дома полностью наполнился. Тестем приданое тонкое сукно, тонкий шелк в другой угол дома принесены, притащены. И этот угол полностью наполнился. Тестем приданое какое было доброе, хорошее имущество в третий угол дома притащены, принесены. И этот третий угол дома опять наполнился. А четвертый угол пустым остался.

Мужчина говорит:

– Когда-нибудь песенное небо дальше проживу, сказочное небо дальше проживу, семи земель молебным царем, шести земель молебным царем взмолен (т. е. велен быть). Когда образуется (появится, будет) долгое небо женщин ханты, когда образуется вековое небо мужчин ханты, пустым оставшийся угол золотого дома, денежного дома, пусть отмечают жертвоприношением рогатых быков, пусть отмечают молебным застольем костлявых быков. Если женщина рождает дочку, пусть назначение женщины выполняет, если сына, пусть назначение человека выполняет. Конца не видимо в городе женщин, конца не видимо в городе богатырей, чтобы и ночью не потухал звон и лязг топора, чтобы и днем не потухал звон и лязг топора. Пусть образуется большой город с воротами святыми, пусть будет город с воротами богатырскими.

Наступил какой-то день, и он женам своим говорит:

– Я в один конец неба, в одну сторону хочу съездить. Долго буду ездить, коротко буду ездить – приеду.

Ну, а коня этот человек имел на привязи за столб из белой деньги. Сел он на коня, превратился в богатыря со всем снаряжением, в человека, объезжавшего водную сторону, превратился в изображение человека, объезжающего лесную сторону. Какой красавец юноша, какой богатырь юноша. Взял коня за узду, натянул и поднялся за идущие облака шести щелей, за идущие облака семи щелей. Выше понесся идущих облаков, не касается нижнего ветра, не касается верхнего ветра.

Долго ехал, коротко ехал, прибыл в город, построенный его отцом – богатырем царем глубокой земли, глубокой воды. За деревней, за городом коня на землю опустил. Взял коня за узду, сюда-туда помахал – гнилой пень, травяной пень образовался, кольчугу и все снаряжение туда засунул. Ну, за тем покрутился, повертелся, опять стал сопливым, слюнявым мальчиком, в город пошагал.

По улице города долго шагал, коротко шагал, посматривает: один в хорошей, доброй одежде человек, а другой человек в изодранной одежде, как оборванец, нищий. Человеком в хорошей одежде он пойман, и тот его толкает, бьет, колотит.

Туда смотрит, оказывается, его средний брат стал таким нищим, весь в рваной, изодранной одежде. Человек в доброй, хорошей одежде говорит:

– Ты, помнишь, в прошедшие дни живя, в минувшие годы живя, когда братишку за две руки держа вели, тогда от меня рублевую деньгу – белую железную деньгу брал. Эту деньгу когда вернешь?

Туда подошел, смотрит на среднего брата, видит, что он постоянно живет в грязи, в нищете.

– Да ты, – говорит он на сына человека купца, – этого человека ты так избиваешь, толкаешь, какую беду, какую вину он сделал?

– Да, – говорит, – когда вели своего братишку на место, где рубят шеи людям (лобное место), тогда от меня рублевую деньгу – белую деньгу железную брал. Вот эту деньгу мне еще не отдал, еще не рассчитался. Эту деньгу прошу, обратно требую.

Сопливым, слюнявым человек засовывал руку в карман, достал рублевую деньгу – белую деньгу железную:

– На, – говорит, – за эту деньгу вот эту мою деньгу возьми.

– "Вот до чего дошли, другим человеком, – говорит, – займы, в долг взятую деньги отдают, возвращают.

Когда ушел этот человек, с оборванным человеком в нищенской одежде к дому, где живет отец, рядом пошагали.

– Ты, – брат спрашивает, – откуда-то пришедший, сопливый, слюнявый мальчишка, маленький ребенок.

– Да я, – говорит, – в этом городе расту, мужаю, живу.

Шагая со средним братом посматривает вперед: опять один оборванец пойман купеческим сыном, сюда-туда толкает, бьет. Туда пришли со средним братом:

– Этот человек какую беду, какую вину сделал, ты за что его бьешь, за что толкаешь?

– Да, этот человек какую вину, какую беду сделал? Вины-то никакой сделанной нет. Братишку, – говорит, – вели на место, где рубят людям шеи, шли вот эти два оборванца. Тогда я ему рублевую деньги, красную деньги, железную давал, с этим не рассчитывается, за это и бью.

Опять сопливый, слюнявый человек руку в карман засунул:

– На, – говорит, – эту деньги возьми за ту деньги, тоже железо, тоже деньги.

И молодой мужчина деньги взял:

– Ну, вот, – говорит сын человека купца, – до чего дожили, где-то живущим сопливым, слюнявым ребенком эту в долг взятую, займы взятую деньги отдают, рассчитывают, возвращают.

Ну, и втроем вместе пошагали. Два брата с двух сторон, а он посередине. Подошли близко к дому, двери в разные стороны наклонились, погнулись. Даже вида похожего нет, что тут живут люди. Амбары тоже развалились, двери, углы разошлись. Когда-то имевшееся у отца лошадиное стадо, коровье стадо, много амбаров с мукой – все исчезло, развалилось. Нет ни лошадиного стада, ни коровьего стада, нет и свиного стада, и овечьего стада.

Вошли домой. Посматривают на отца: голова, как снежный пень, навсегда белой стала, никакого внимания не обращает, даже разговаривать с человеком не желает.

– Это что за мужик? – на отца говорит.

– Да это богатый мужик глубокой земли, глубокой воды, – братья говорят.

– Ну, что ж, если богатый так богатый. Только не похоже, что богатство имеет, не похоже, что какое-то имущество имеет. Хотя и были может богатыми, но сколько ваших денежных амбаров вместе с домами все развалились. А ты откуда, бывший человек? – отец спрашивает.

– Я в этом городе вырос, в этом городе жил. Ну, вот, – говорит, – зашел. Вы что, до того дошли, что человеческое лицо позабыли, стали такими, что не можете узнать человека?

И братья тогда спрашивают:

– Да, братик, ты что ли?

– Да, я. Не поверили моему сну, вот и дошли до конца моего сна, вот и дожили до конца моего сна.

Братьями обнят, поцелован, снохами обнят, поцелован. «Ну, я еще дальше ехать собираюсь, в дальний путь хочу отправиться. Вы вот по божьей Оби на верховье, по священной Оби на верховье долго поедете, коротко поедете, если имеете ехать еще какие-нибудь силы, мощи, езжайте. Отца тоже посадите. Я сон ведь вам рассказывал. По плесу Оби длинная гора, гора с лицом, похожим на невесту, гора, похожая на лицо красавицы. Со святыми воротами мой большой город там, с богатырскими воротами большой город мой там. Я потом приеду, если вы раньше там будете. Если вы раньше не приедете, я там и живу».

Ну, и теперь человек на окраину деревни, на окраину города пошел, на место, где оставил коня. За конскую узду поймался, сюда-туда помахал – конь появился. В одну ноздрю коня залез – выкупался, вымылся. Коню во вторую ноздрю залез – поел, попил. Когда вылез, какой стал красавец парень, какой стал богатырь парень. Сел на коня, к берегу бескрайнего крупнопесчаного моря, к берегу бескрайнего мелкопесчаного моря едет.

Приехал на место, где жил старик. Оказывается, избушка, как и раньше, обросшая мхом, как и раньше, обросшая ягелем, стоит такая же, как была. К столбу, куда привязывают коней, коня подвел, привязал. Заходит во внутрь дома – никакого дедушки нет, и спящего, живущего белоголового старика нет.

По всему дому сюда-туда смотрел, вышел на улицу, посматривает: со стороны леса с деревьями, со стороны леса с травами с лопатой человек – шагает в руке с лопатой, с топором человек – шагает в руке с топором. Сюда близко подошли:

– Э-хэ-хэ! Откуда прибывший женщины сын есть, откуда прибывший богатыря сын есть? Здравствуй, сын женщины, сын богатыря!

– А вы куда ходили?

– Мы, – говорят, – дедушку за лесом с деревьями, за лесом с травами ходили хоронить.

Все, новости с новостями, вести с вестями кончились. Сын женщины, сын богатыря сел на спину коня, взял узду. Направил коня выше дождевых облаков, выше ветреных облаков. Объехал весь шар земной. Со святыми воротами, с богатырскими воротами большой город, где он живет, туда спустился. Под окном, где он живет, для привязи коня железный столб, для привязи коня золотой столб, коня за золотую уздечку туда привязал.

В просто образовавшийся золотой дом, просто образовавшийся денежный дом внутрь вошел, разделся, разулся. С одной стороны плеча дочь царя Месяц сидит, с другой стороны плеча дочь царя Солнце сидит. С разными кушаньями, со всеми сладостями поели, попили.

Долго жили, кто знает, коротко жили, кто знает. Однажды народ всей деревни, народ всего города – кричащий человек – кричит, рассказывающий человек – рассказывает:

– Э-э! Два сына богатого царя земли глубокой, воды глубокой, нищие оборванцы приехали. Богатый царь земли глубокой, воды глубокой к пристани деревни пристанской причалили. Теперь, – говорят, – на берег несут. Вот идут люди, приехавшие посмотреть на младшего сына.

И отца, царя, двумя сыновьями за два плеча держа, за два крыла держа, вот ведут. Оборванца два сына, нищих два сына обращаются к отцу, говорят:

– Отец, если глаза видят, посмотри. Наш младший братик, как сон рассказывал, как говорил, то и вышло. Вон внутри золотого дома, внутри денежного дома с одной стороны плеча дочь царя Месяц сидит, с другой стороны плеча дочь царя Солнце сидит. Какой красавец парень, какой красавец богатырь.

Отец своими подслеповатыми глазами туда взглянул, когда заметил младшего сына, на землю опустился, дыхание его остановилось. Как спустился на землю, так и его мелкие косточки мелкими зверями утащены, большие его кости большими зверя-

ми утащены. Голова овчарками, ястребами клевана, деревенскими собаками, городскими собаками – одной собакой подхвачена – туда потащена, другой собакой подхвачена – сюда потащена.

Братья в дом вошли. Посадили братьев за стол с вкусной пищей, с вкусными сладостями, ели, пили. После того, как поели, попили, если думал братьев одеть в хорошую одежду, то давал, бросал им хорошую, добрую одежду. Если задумал одеть в плохую одежду, плохую одежду им бросал, давал.

– Ну, братья, – говорит, – вы приехали. Лишние какие-то вы ханты, лишние какие-то вы два человека, куда вас пристроить? Будете сыновьями человека, несущего вести.

И огненного сына, богатырского сына на верховье воды божьей Оби, на верховье воды священной Оби, на семи краях земли его молят – в семи краях земли появляется, на шести краях земли его молят – в шести краях земли отмечается. Во время одного котла воды кипения, земле священной семь спин поклоняется, богатырской земле семь спин поклоняется. Живым девушкам знакомый царь, живым юношам знакомый царь (здесь, возможно, царь в смысле бог). Осенней белки, весенней белки знающий царь и теперь все сидит на верховье воды божьей Оби, священной Оби. Все.

* * *

После того, как закончил брат сказку, мы собрались спать. Ночью я долго не мог заснуть, молча кручусь от холода. Разные мысли приходят в голову. Сперва я долго думал, как от этой длинной сказки можно узнать, как мы в старину одноязычные финно-угорские люди, а, возможно, только угры – разошлись на две стороны, ушли, благодаря стреле, пущенной героем сказки.

История тоже извещает, будто мы в те древние времена были коневодами, скотоводами. Много я узнал от рассказанных Петром Ивановичем сказок, легенд, рассказов и песен.

Собираясь спать, как-то в разговоре я его спросил, а не слышал ли он о вождях Магьяр и Мордва, о которых мне рассказывали в Венгрии еще в 1958 году?

– Нет, – говорит, – о таких я не слышал. Только в детстве бабушка рассказывала поучительные какие-то рассказы о трех братьях Вортах, которые не послушались, ушли и погибли. Только сейчас я все не помню.

Два брата Ворта, говорят, Мадьяхо и Муртхо, где-то далеко от нас остановились и до сих пор со своими людьми живут. Там есть поучение для внуков и детей, чтоб они помнили свою землю и никогда не бросали. Например, такие слова есть: «Вот, внучек, во время рожденные Ворты (богатыри) послушались совета старейшин, не пошли воевать. С оставшимися своими людьми плохо ли, хорошо ли живут, до сих пор живут.

А Мадьяхо – молодой богатырь – не послушался совета старейшин, пошел воевать и не вернулся. Чужеземцы разбили их. Только меньшая часть воинов повернула обратно и вернулась к Мосьнэ – жене Мадьяхо. А что случилось с мужем Мосьнэ, прибывшие ничего не смогли сказать.

Мосьнэ долго горевала о муже, она уже не могла родить героя. Племя осталось без вождя. Говорят, старейшины решили сделать вождем племени дочь старшего богатыря Мадьяхо, как самую знатную из рода Ворт, молодую, энергичную женщину Калтасьнэ. Она с Мосьнэ вывела племя к Камню в сторону Печар, где племя стало жить спокойно.

Однако недолго жили спокойно. Пурнэ – самая жестокая женщина – предала племя. Народ приговорил ее к смерти, однако старейшины не разрешили убивать людей из своего племени. Приговорили ее к одиночеству. Она была рада этому, думала, что все пройдет, народ забудет и простит. Однако, народ не забыл измену племени. Говорят, вот так она, внучек, и по сию пору бродит по лесам, сея вражду и ненависть среди людей.

Говорят, была еще одна красавица – женщина по имени Самнэ. Она любила красиво одеваться и ничего не делать. Ходила из дома в дом, сплетничала с женщинами и старалась понравиться мужчинам.

Старейшины задумались, как бы избавиться от Самнэ, чтобы она не губила души людей, чтобы не было среди племени женщин сплетниц и бездельниц. Стали молить они Нуми-Торум. Смилостивился Нуми-Торум, спустился он на верхушки деревь-

ев и видит: действительно, люди гибнут, ничего не желают делать для себя, обрастают грязью, ходят нищими.

– Ладно, старики, – сказал Нуми-Торум, – я вам помогу. Я превращу ее в сороку. Но она будет жить рядом с вами, чтобы вы ее помнили.

Вот почему, внучек, Самнэ живет у юрт возле народа. В лесу ее далеко от народа не увидишь, Она хотя и стала птицей, нет-нет да и залюбуешься ее красотой, посмотришь, как она хвостом виляет и бока свои подставляет, да и трещит свои сплетни.

Когда станешь, внучек, взрослым, когда станешь мужчиной, не женись на ленивой красавице женщине, а возьми ты в жены простую скромную девушку. Она тебя обогреет и обошьет, и накормит, и украсит жизнь твою. Говорят, нам пришлось еще не раз воевать, но мы были бессильны и, преследуемые чужими племенами, теряя все, что имели, уходили в леса вместе с Мосьнэ – умной и доброй женщиной. И стали жить мы по разным речкам большого холодного края.

Много веков прошло с тех пор, много поколений сменилось. На большой территории мы стали жить разобщенно. От жен наших богатырей пошли другие ханты. Говорят они на другом языке, но мы-то знаем, что они тоже укрэт – ханты. Вера у нас одна, и язык один, и родовые вожди наши были одни.

Вот такие рассказы были, их нам часто рассказывали. Они были поучением для нас.

ШЕСТОЙ ДЕНЬ

Утром, когда проснулся, смотрю, оказывается, брат мой уже возится около печки, завтрак готовит. Я встал, помылся, и мы стали завтракать. Сидя за столом, я брату говорю:

– Сегодня что-то очень хорошо себя чувствую. Настроение бодрое, видимо, к перемене погоды.

Так веселясь, смеясь, начал рассказывать разные небылицы. Мне было почему-то очень весело и не знаю, почему иногда так бывает с нами? Рассказывая разные смешные истории, брат вдруг меня спрашивает:

– Как наша фамилия образовалась, ты слышал от кого-нибудь?

– Нет, – говорю, – такого рассказа я ни от кого никогда не слышал.

Я схватил магнитофон, включил и микрофон чуть ли не в рот ему засунул:

– Ну, рассказывай.

И рассказ свой он начал так:

– От неведомой какой-то земли мужчина по имени Лотми прибыл к водам реки Казыма. Выше Келсиюгана была прорва, на этой прорве остановился (прорва – новое русло реки, образующееся за счет половодья, а старое русло называется старица). Он имел семь сыновей. Один сын Максьюм, другой – Сень, а самый младший сын – человек с каменным сердцем, железным сердцем. Он самый легкий на подъем человек, промышляющий зверя, рыбу.

Долго ли жили, коротко ли жили и семь сыновей Лотми все стали семейными, поженились, стало семь семей. Со стариком отцом, со старухой матерью стали не уживаться. Однажды заспорили и решили делать жилье в разных местах. Старший сын пошел по Большому Вошьюгану, помоложе старшего сына – сын Максьюм – пошел по Казыму в верховье. Сень пошел на земли Келсиюгана. На мысу этой реки задумал сделать жилье. Все в разные стороны ушли. С отцом, с матерью остался только младший сын.

Прибыл Сень в Келсиюган и живет. Долго жил, коротко жил, однажды приехал поп. Поп, видимо, не своим умом приехал, его царь направил. На лодке по Казыму заехали, чтобы записывать имена народа ханты этой земли, в христианскую веру превратить, кресты на шею повесить. Куда в деревню не приезжал, всех под крест брал, маленьким детям имена давал. Он поворачивал на русское имя, русским именем, фамилией записывал.

Долго ли ехал, коротко ли ехал поп, по Казыму в верховье пришел. То ли он имел знатного проводника, и этот человек его вывез в Келсиюган. Попу проводник говорит:

– Здесь один старик живет, туда надо заехать. Он тоже имеет детей.

Туда заехали.

В Келсиюгане был залив Юхвой. В этот залив Юхвой поп на неводнике нанятыми людьми привезен. А Сень жил на берегу

этого залива Юхвой. В осеннюю пору они туда приехали. Сень сидел, делая полозья для нарты, работал. Осень наступит, норта нужна для упряжки, имеет он несколько оленей.

Ну, вот приехали, причалили к берегу. Поп человеком – толмачом-переводчиком имел человека из Оби. Обским человеком спрошен:

– Друг, к тебе вот поп приехал. Тебя крестить. Крест даст, небесным (божественным) крестом повесят, и имя будет известно.

Сень был сердитым человеком. Когда стали спрашивать, обскому человеку говорит:

– Что хотите делать с моим именем, что от меня спрашиваете, я – Сень-Сень!

Так проворчал. Обским человеком-толмачом не понят. Вторично еще спрашивает:

– Друг, хорошо, медленно имя скажи. Я узнаю, попу скажу, как тебя зовут?

Когда стали вторично спрашивать, сердитый мужик Сень еще быстрее скороговоркой промолвил:

– Сень-Сень-Сень!

И человек-толмач опять не разобрал. Так немного постоял, потом опять спрошен.

– Кто его знает, что сказал? – говорит – Сень-Сень.

Человек-толмач как-то так постоял, постоял в ожидании и снова спрашивает:

– Ты, друг, потихоньку, медленно, чтобы я понял, объясни. Я когда хорошо пойму, переведу, и твое имя поп правильно запишет. Тогда и ребятишкам всем настоящие имена, фамилии дадут, запишут. С именами будете, кресты всем повесят.

Тут Сень рассердился:

– Что от меня спрашиваешь? Я – Сень–Сень–Сень!

Сразу же схватил полозье нарты и нанес удар человеку-толмачу. По плечу овечьей шубы ударил, шубу порвал.

Поп с толмачами и наемными гребцами повернули к реке, запрыгнули в лодку и удирать. Поспешно убегая, они поехали в тупик залива Юхвой. Куда им идти в замкнутом, закрытом тупике залива?

Тогда Сень задумался:

– Вот теперь от бога, от царя приходившим попом я сейчас под суд отдан буду. Шею пополам отрубят, голову отрежут. Меня судить будут. Вниз, к воде, на пристань бежать надо. Как-нибудь по-хорошему поговорю с мужиком-попом, хорошими словами покаюсь, помолюсь, имя правильно запишут.

Пошел к воде. Поп, увезенный в тупик залива Юхвой, из тупика обратно возвращаются, сюда выехали. Приостановил их Сень:

– Сделайте доброе дело, из далекой земли или из близкой земли приезжавшие люди, поговорим по-хорошему. Имя мое запишите, детей имею – имена запишите.

Нашли каким-то образом общий язык. Он свое имя произнес, рассказал: Сень. И тогда человек-толмач дальше говорит, когда разобрался, узнал:

– Ты меня ударил, стукнул. Я теперь попу скажу – будешь ты Сенкоп. Так его поп записал на бумагу. Вот так, с того старого времени мы стали называться именем Сенкеп. От княжеского рода Молдан, от людей Максьюма Молдан мы дальше оторвались. От семи сыновей, имевшихся у Лотми, дальше так отошли, отделились. До сих пор с детьми и со всеми живем с фамилией Сенгепов.

Когда он закончил свой рассказ, я сразу же ему ответил:

– Ну, а этот рассказ из истории известен. Это было около 400 лет тому назад.

– Разве известно? – спросил меня.

Немного промолчав, потом сказал:

– Конечно, возможно, известно, раз на бумагу стали нас записывать. Вы, конечно, бумажные, грамотные люди, вам все старинное знакомо. Когда это было, ты, может, мне немного расскажешь?"

Так я ему немного из русской истории начал рассказ.

«Это было в те времена, когда в России был царем Петр 1. Этот царь в 1701 г. направил именной Указ Тобольскому дворянину Андрею Городецкому. В этом документе было написано, что необходимо построить училище, где детей будут учить грамоте. Когда станут грамотными, должны народ учить и разных в Сибири инородцев, которые не знают господ бога, привести в русскую веру, чтобы они хорошо знали русскую религию, вери-

ли бы ему, молились бы в церквях. Для выполнения этого указа в Тобольск приехал большой поп – священник Филофей Лешинский, который за двадцать с лишним лет жизни в Тобольске старался открыть в нашем крае церкви и часовни. В то время многие ханты и манси приняли христианскую веру, а для их детей открывались инородческие и церковноприходские школы. Детей учили быть в основном дьячками, иногда попами, чтобы среди своего народа вели они работу по распространению христианской религии. Долгое время так велась работа. Только дела шли очень сложно и трудно, потому что учили сразу на русском языке, а дети русского языка не знали, и поэтому выучивались только единицы.

Сперва народ не понимал, почему им дают крестики, поновому заставляют молиться, креститься. А когда стали понимать, то многие не захотели терять свою языческую веру, стали оставлять свои юрты от магистралей, убегать в глухую тайгу и строить себе новые юрты. Так продолжалось столетия. И только потом, в XIX веке, умные русские стали говорить, что надо изучить языки нашего народа и детей учить на родном языке. Так Обдорский поп Вологодский изучил хантыйский язык и перевел отрывки из Евангелия, он также составил русско-хантыйский словарь. Благодаря таким трудам, в деревнях, городах хантов стали обучать в школах. Многие южные ханты тогда уже приняли христианскую веру и стали жить как русские, потеряв свою веру, свою культуру, свой язык. С тех времен началось обрусение нашего народа».

Хотелось еще кое-что рассказать, но, разговаривая, давно прислушиваюсь, слышу какой-то гул, похожий на шум вертолета. Мы вышли, смотрим: вертолет кружится вокруг чума. Я обрадовался, говорю:

– Брат, утром я тебе говорил, что чувствую себя бодро, мыслям просторно, на сердце легко, будет какое-то чудо. Вот это чудо само прилетело.

И с этими словами я забежал в чум, быстро оделся, засунул репортер в сумку и выскочил на улицу. Брат говорит:

– Ну, подожди, не спеши. Еще круг дает, может сюда, внутрь загоня, сядет. Однако вертолет стал спускаться в конце бора на чистое место, у речки Суртьюган, где стоит чум Ай Ваньки (ма-

ленького Ваньки, т. е. ростом мал). Брат тоже забежал в чум, надел малицу и по следу «Бурана» торопливо стал вести меня к вертолету. Мы торопимся, утопая иногда в снегу, то шагаем, то бежим. Когда мы вышли на чистое место, видим, что вертолетчик начинает убирать ступеньку-лестницу. Я – в русской одежде – начал махать рукой, спеша, чуть ли не бегом по глубокому снегу к вертолету. Двери снова открыли.

Один из пилотов вертолета схватил меня за руку и затащил во внутрь вертолета. С братом я даже не попрощался. Положил сумку и из иллюминатора посмотрел вниз, вижу: брат как стоял рядом с вертолетом, так и стоит. Его малица и лицо покрыты белым снегом, поднявшимся от вертолетных винтов. Я через иллюминатор помахал ему рукой и мысленно, его же сказочными словами, обратился к нему:

– Стой крепко, братец мой, на своей родной земле. Живи долго и будь здоров. Я – человек, объезжающий округ, человек, объезжающий землю, долго буду ездить – приеду, коротко буду ездить – приеду к тебе. До свидания.

Вопросы и задания

1. Определите тему произведения А. М. Сенгепова «Рассказы старого ханты».
2. Какую позицию занимает автор в произведении А. М. Сенгепова «Рассказы старого ханты»? Аргументируйте свой ответ.
3. Как можно определить жанр произведения А. М. Сенгепова «Рассказы старого ханты»? Обоснуйте свою точку зрения.
4. Какие фольклорные жанры А. М. Сенгепов включил в произведение «Рассказы старого ханты»?
5. Как представлена категория времени в произведении А. М. Сенгепова «Рассказы старого ханты»?
6. Какие факты истории коренных этносов Севера можно встретить в произведении А. М. Сенгепова «Рассказы старого ханты»?
7. Можно ли утверждать, что произведение А. М. Сенгепова «Рассказы старого ханты» создано в традициях этнографической школы? Обоснуйте свое мнение.
8. Напишите рассказ на тему: «Один день из жизни моей семьи (рода)».

ЛЕОНТИЙ АНТОНОВИЧ ТАРАГУПТА

СЫН НЕБА

(священная песнь)

Сыном всеильного владыки городов унаследованные
Сыном всеильного владыки сел унаследованные
Ветвисторогие олени истекшие потом
Долгим летом сквозь пору оводов промчавшиеся,
Когда во Вселенной время осенней охоты настало,
Отпущены были в страну леса.

Когда Отец Седьмого неба
Соболиный снег людям послал,
Соболиный след на снегу указал,
Сын владыки городов,
Сын владыки сел
Об олених своих вспомнил,
О стаде своем вспомнил.

Подернутый льдом олений след вдалеке он заметил.
К нему подбегая, еще один след воочию видит:
Священный Сын неба в шубе лохматой
Здесь проходил.

Сын владыки городов,
Сын владыки сел
Долго гнался, наступая на пятки, и наконец,
Восьмислойный лук быстро поднял,
Из заветного туеса стрелу достал,
Плечо развернул – восьмислойный лук
Гролом весенних льдин,
Гролом осенних льдин лес огласил:
Наконечник кинжальный не сумел я запутать в меху,
Наконечник кинжальный – с ладонь –

Отнял мое сердце священное,
Отнял мое сердце таежное.

Сын владыки городов,
Сын владыки сел
На нарту сзади себя меня забросил,
Искусно владеющей иглой жене своей
В угол женский под лавку с дровами меня закинул.
Сам в гнездо свое соболиное, на место пуховое
Широкоплечей сосной повалился.

Молитва медведя

Я раньше тоже был богом,
Наследником предка сияющего,
Наследником предка всеслышащего.
Пусть и опущен я на Земную твердь,
Отец Семи небес!
Сын владыки городов
Разве наследник твоего отца?
Но сын владыки сел
Разве наследник твоей Матери?
Отец Семи небес...
Десять могучих животных
Из роскошных заоблачных пастбищ
Вниз опусти!

Десять могучих животных
Вниз опустились.
Сын владыки городов, слышу
В лес спокойно ушел.
С хрустом шиповника на крепких зубах
Перебил он небесных посланников.
С хрустом черемухи на крепких зубах
Погубил он небесных посланников
И в гнездо свое соболиное,
На место пуховое
Широкоплечей сосной повалился.

Я раньше тоже был Богом.
Мама моя, слушай!
Отец мой, слушай!
Двадцать зверей из роскошных
Заоблачных пастбищ вниз опусти!

Двадцать лохматых могучих животных
На земную твердь только опустились –
Рядом с домом в лесу пронзительный крик
Лесных великанов вновь разгорается,
С хрустом черемухи на крепких зубах
У Сына городов вновь угасает,
С хрустом шиповника на крепких зубах
У сына сел вновь угасает.

Сам в гнездо свое соболиное,
На место пуховое, широкоплечей сосной,
Слышу, вновь повалился.

Отец Семи небес, праотец мой, слушай!
Матерь Семи небес, праматерь моя. Слушай!
Сын владыки городов
Разве наследник твоего Отца?
Сын владыки сел
Разве наследник твоей Матери?
Над сотней главенствующую маму мою –
Белошейку – вниз опусти!

...Возле лавки с посудой
Под ногами у женщин входящих,
Наверно, навеки останусь...
Тридцать лохматых могучих животных
Вниз опусти!

Рядом с домом в лесу пронзительный крик
Лесных великанов вновь разгорается.
Сын владыки городов из дому в лес быстро уходит.
Хруст черемухи на крепких зубах только слышу,

Хруст шиповника на крепких зубах только слышу.
Белошейкой последней оставшейся,
Белошеей мамой моей,
Дугой восьмислойного лука, слышу,
К земле он прижат.

Сын владыки городов,
Сын владыки сел,
Мною рожденных могучих животных
С хрустом шиповника на крепких зубах
Ты перебил,
С хрустом черемухи на крепких зубах
Ты погубил –
Сто животных вскормившую
Святую родительницу,
Белошейку великую
Ты уничтожить не сможешь!
Небом ниспосланного бедного сына моего
Под ногами ты бросил –
Как только день разгорится
Святую, счастливую весть о нем
По городам и селениям ты разнесешь;
Посреди своего грешного города
Выше самых высоких красивых домов
Священный дом ты поставишь;
Дымом священным светлый тот дом
Ты обнесешь;
На свежем настиле голова доброго сына,
Словно город задумчивый, кротко устроится;
Позади того «города»
блюдо дымящееся ты поставишь;
впереди того «города»
блюдо дымящееся ты поставишь;
и лишь после этого с танцем мужском
дети трех разных племен могут сойтись;
и лишь после этого пять песен тайги
от пяти сыновей открытых душой
ты услышишь;

и лишь после этого носатых, горбатых,
веселых затейников ты позовешь;
и в будущем тоже,
когда с милыми женскими лицами
счастливый век воцарится,
когда в нижнем мире живущие
кровные дети бессмертного древа,
дети с отрезанной пуповиной
охотничьи тропы без страха накатят,
ты не забудешь мое завещание.
(перевод Л. Тарагунты, К. Кравцова)

ПОСЛОВСКИЙ ПРИЧАЛ

(драматическая поэма)

I

Ты, живущий сейчас, осмотрись:
Солнце Святое восходит
Промокшие краски:
В тучах сквозящий Небесный Огонь.
Солнце Святое заходит
Промокшие краски:
В воду упавший Небесный Огонь,
Солнце Святое восходит
Стремнин круговоды:
Выросла с берегом вровень вода,
Солнце Святое заходит
Прозрачные воды:
Ивы по грудь затопивший простор,
Солнце Святое восходит
Поклон тальниковый:
Ветер споткнулся, Свистун, о таль,
Солнце Святое заходит
Полощется краем
Берег, заплеваемый пеной волны,
Солнце Святое восходит
На долгой веревке

Ходит – в-и-й-вохх – колыбелька твоя,
Солнце Святое заходит
У завязи сети
Колышется лодка твоя,
День правит Миром – качает тебя
Ночь правит Миром – качает тебя
– Да, а дедушка, мамы отец,
Где он жив?
– А что дедушка...
Течение осилишь –
Карвош появится,
Берег Ребенка Пропавшего,
На другой стороне –
Ивняковая просека
В протоку проскочишь –
Яр бездонный,
Тальник непроглядный,
Жилое местечко
Молва о котором
Как из-под земли вынырнет.
Если твое дыхание там –
Второй причал
Почерневший домишко увидишь,
Угол бедный,
Оконце сквозное ...
Может быть, замерзает порой,
Может быть, голодает порой...
С головой, побеленной ветрами, старик
Там живет,
С головой, отбеленной ветрами, сова
Там сидит.
– Дедушку уберегите...

II

Ты, живущий сейчас, осмотрись:
Солнце Святое восходит –
Кишение в клети

Внуков Его – мышинных человечков,
Солнце Святое заходит –
Кишение в клетки
Внучек Его – человека мышей.
Солнце Святое восходит
Хлеб свой насущный
Примешь опять, как прикажут часы.
Солнце Святое заходит
В снежной простынке
Снова сожмешься ты с боем часов.
Солнце Святое восходит,
Людей Его много –
Веры своей не увидеть ни в ком.
Солнце Святое заходит
Людей много –
Истины вымолить не у кого.
Солнце Святое восходит
Тебя просвещают –
Гул считки книг и скрипенье пера.
Солнце Святое заходит,
Тебя просвещают –
Черный узор покрывает листы.
День правит Миром – на привязи ты.
Ночь правит Миром – на привязи ты...
Да, а Дедушка, мамы отец. Где он жив?
– А что дедушка...
Течение осилишь –
Карвош появится,
Берег Ребенка Пропавшего,
На другой стороне –
Ивняковая просека,
В протоку проскочишь –
Яр бездонный,
Тальник непроглядный,
Жилое местечко притихшее
Как из-под земли вынырнет.
Если твое дыхание там –
Второй причал,

Бревенчатый домик
С травой на крыше,
Печка живая,
Оконце сквозное
С головой, побеленной ветрами, старик
Сквозь слезную бель
Еле глядит,
Голос подашь —
Признает.
С помертвелой кожей сова
Там сидит...
— Дедушку уберегите...

III

Ты, живущий сейчас, осмотрись:
Солнце Святое восходит когда —
Зеленая пена...
Тащат стада горделивых судов,
Солнце Святое заходит —
Белесые струи,
Гром прицепившихся к небу судов...
Солнце Святое восходит.
Красуются камнем
Тучи, пронзающие города
Солнце Святое заходит
Асфальтодорожье
Гарью застелено слоем за слой.
Солнце Святое восходит
Мирская пучина
Лопнувшей вешней талой водой
Солнце Святое заходит
Мирская пучина
Катится прорванной талой рекой,
Солнце Святое восходит
Та ж горькая давка:
Воля одних тянет мир на себя,
Солнце Святое заходит —

Та ж узкая часть:
Хитрость других тянет мир на себя
День правит Миром – согласия нет,
Ночь правит Миром – согласия нет...
Да, а дедушка, мамы отец. Где он жив?
– А что дедушка...
Течение осилишь –
Карвош появится,
Берег Ребенка Пропавшего;
На другой стороне –
Ивняковая просека,
В протоку проскочишь –
Яр бездонный,
Тальник непроглядный,
И мертвый поселок
Как из-под земли вынырнет.
Если твое дыхание там –
Второй причал,
С углом утонувшим бревенчатый домик
Все там же увидишь
Стылая печка;
Истлевшие нарты;
Оконце, ушедшее в пол.
В Священном Углу
– А дед?
– Кто его будет беречь...
Разве скажут,
Что мальчика он воспитывал,
Разве скажут,
Что птенчика он вынянчил,
Разве скажут:
По логу Ребенка Пропавшего
Люльку плачущую он провозил...
Сын его – ты?
– Сын его – я...

IV

Ты, живущий сейчас, осмотрись:
Солнце Святое восходит,
Тьма слезного дыма
Тропку дыхания между ключиц
Кто же не застолбит!
Солнце Святое заходит,
Тьма слезного дыма
Ключик сознания в безродном мозгу
Как же не пережмет:
Солнце Святое восходит
Жилое местечко
В маленьком устье у края воды,
Видеть – не вижу, но где-то стоит,
Солнце Святое заходит
Тонкий дымок
Над белой, речною петлей,
Видеть – не вижу, но льется, живет,
Солнце Святое восходит
Полная чаша,
Терпкий и свежий молитвенный пар,
Видеть – не вижу, но так же летит,
Солнце Святое заходит
Долгая чаша,
Благоухающий жар.
Видеть – не вижу, но так же дарит,
Солнце Святое восходит
Земля всеблагая,
Два-три теплых дыханья
Слышать – не слышу, но где-то хранит,
Солнце Святое заходит
Вода пресвятая,
Два или три лучезарных слова
Слышать – не слышу, но где-то хранит,
Солнце Святое восходит
Твой лес-соглядатай тянется следом
Воды полотно, вершин достигающее.
Несет в океан,

Солнце Святое заходит,
Звезда-соглядатай тянется
Дум волокно, полегшее наземь.
К выси плывет.
День правит Миром – несет тебя Даль.
Ночь правит Миром – несет тебя Даль...
(перевод Л. Тарагупты, К. Кравцова) 1987

Вопросы и задания

1. Как вы думаете, почему жанр произведения «Сын неба» Л. А. Тарагупта классифицировал как «священная песнь»? Аргументируйте свою точку зрения.
2. К какому жанру обратился Л. А. Тарагупта, раскрывая монолог героя, в произведении «Сын неба»?
3. Можно ли утверждать, что аллегория, наряду в параллелизмами и эпитетами, главная художественная составляющая в произведении Л. А. Тарагупты «Сын неба»? Обоснуйте свой ответ.
4. Какую роль играют повторы в драматической поэме Л. А. Тарагупты «Пословский причал»? Обоснуйте свой ответ.
5. Выделите композиционные особенности поэмы Л. А. Тарагупты «Пословский причал».
6. Можно ли утверждать, что поэма Л. А. Тарагупты «Пословский причал» носит философско-мировоззренческий характер? Аргументируйте свой ответ.
7. В чем драматизм поэмы Л. А. Тарагупты «Пословский причал»? Обоснуйте свою точку зрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вагатова, М. К. Сорни Лопыс [Текст] / М. К. Вагатова // На семи холмах соцветие : Альманах. Произведения поэтов и прозаиков Ханты-Мансийска. – М. : Унисерв, 1995. С. 138–141.
2. Вагатова, М. К. Маленький тундровый человек: стихотворения и сказки. [Текст] / М. К. Вагатова, – Тюмень : СофтДизайн, 1996. – 208 с.
3. Вагатова, М. К. Моя песня, моя песня: Стихотворения, легенды, сказки. [Текст] / М. К. Вагатова, – Екатеринбург : Средне-Уральское книжное издательство, 2002. – 192 с.
4. Вагатова, М. К. Материнское сердце – Ангки сам. [Текст] / М. К. Вагатова, А. Б. Кердан, – Екатеринбург : Средне-уральское книжное издательство, 2007. – 144 с.
5. Вагатова, М. К. Тёй, тей. Сказки, стихи, песни и считалочки для детей. [Текст] / М. К. Вагатова, – Тюмень : Тюменский дом печати, 2006. – 88 с.
6. Волдин, В. С. Так Молупси: поэмы и стихи на хантыйском и русском языках. [Текст] / В. С. Волдина, – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 1998. – 118 с.
7. Домокош, П. Формирование литератур малых уральских народов [Текст] / П. Домокош – Йошкар-Ола : Марийское книжное издательство, 1993. – 228 с.
8. Есин, А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения : учеб. пособие [Текст] / А. Б. Есин – М. : Флинта, Наука, 1998. – 248 с.
9. Каргаполов, Е. П. Творчество писателей Обь-Иртышья : учебно-практ. пособие для преподавателей и студентов профессиональных учебных заведений ХМАО – Югры : В 3-х ч. [Текст] / Е. П. Каргаполов. – Ч 1. – Омск; – Ханты-Мансийск, 2004. – 248 с.
10. Кормилов, С. И. Основные понятия теории литературы. Литературное произведение. Проза и стих. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам [Текст] / С. И. Кормилов – М. : МГУ, 1999. – 112 с.

11. Лазарев, Г. Д. Рассказы и сказки старого ики [Текст] / Г. Д. Лазарев // Эринтур : Окружной литературно-художественный альманах, 1997, № 2.
12. Лазарев, Г. Д. Михай ойка [Текст] / Г. Д. Лазарев // Ленинская правда, 1965, 11 июля.
13. Лазарев, Г. Д. Моя шуба [Текст] / Г. Д. Лазарев // Ленинская правда. 1967, 21 мая.
14. Лазарев, Г. Д. Беречь красу земли: Рассказ [Текст] / Г. Д. Лазарев // Ленинская правда. 1972, 23 декабря.
15. Лазарев, Г. Д. Тавсангхым Ики разгневался [Текст] / Г. Д. Лазарев // Ленинская правда, 1973, 28 мая.
16. Литература Югры. 1930–2000. Антология прозы и поэзии : В 2-х ч. /сост. Н. И. Коняев. – Ч.1, 2. – Люберцы : Унисерв, 2002. – 256 с., 304 с.
17. Немысова, Е. А. Микуль Шульгин – ханты мир поэт [Текст] / Е. А. Немысова. – Ханты-Мансийск Институт возрождения обско-угорских народов, 1993. – 40 с.
18. Немысова, Е. А. Владимир Волдин – ханты мир поэт [Текст] / Е. А. Немысова. – Ханты-Мансийск : Институт возрождения обско-угорских народов, 1993. – 36 с.
19. Немысова, Е. А. Хантыйская литература в школах Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов : учеб. хрестоматия : В 2-х ч. [Текст] / Е. А. Немысова. – Ч. 1, 2. – Ханты-Мансийск : НИК, 1996. – 172 с, 152 с.
20. Огрызко, В. В. Писатели и литераторы малочисленных народов Севера и Дальнего Востока. Библиографический справочник : В 2-х ч. [Текст] / В. В. Огрызко. – Ч. 1, 2. – М. : Литературная Россия, 1998. – 536 с., 548 с.
21. Сенгепов, А. М. Рассказы старого ханты [Текст] / А. М. Сенгепов. – Ханты-Мансийск : Полиграфист, 1998. – 170 с.
22. Слинкина, Г. И. Сказки земли Югорской [Текст] / Г. И. Слинкина. – Екатеринбург : ПАКРУС, 2002. – 226 с.
23. Слинкина, Г. И. Олле и Гусь-богатырь: сказки [Текст] / Г. И. Слинкина, Т. С. Чучелина. – Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1989. – 144 с.

24. Соловар, В. Н. Практикум по хантыйской детской литературе [Текст] / В. Н. Соловар, Е. В. Косинцева. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2004. – 156 с.
25. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика : учеб. пособие [Текст] / Б. В. Томашевский. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 334 с.
26. Хализев, В. Е. Теория литературы : учебник [Текст] / В. Е. Хализев. – М. : Высшая школа, 2002. – 437 с.
27. Хантыйская литература : сборник / сост. В. В. Огрызко. – М. : Литературная Россия, 2002. – 360 с.
28. Шульгин, М. И. «Благодарность». Стихи : пер. с хант. В. Кузнецова [Текст] / М. И. Шульгин. – Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1975. – 96 с.
29. Шульгин, М. И. Благодарность // Россияне: сборник стихов поэтов Российской Федерации : сост. Н. Карпов [Текст] / М. И. Шульгин. – М. : Современник, 1987. – С. 537.
30. Шульгин, М. И. Мави Ас. Медовая Обь, поэтическое наследие, посвященное 70-летию со дня рождения: сборник стихотворений и поэм на русском и хантыйском языках : сост. Н. И. Величко / М. И. Шульгин. – Ханты-Мансийск : Издательский дом «Новости Югры», 2009. – 304 с.

III. Архивные материалы

31. Волдин В. С. Мосты ангка – Государственный архив ХМАО : Ф. 506. Оп. 4. Д. 10. Л. 32.
32. Волдин В. С. Мосты нэнгием – Государственный архив ХМАО : Ф. 506. Оп. 4. Д. 10. Л. 19.
33. Волдин В. С. Новый день (перевод с хантыйского Светланы Розенфельд). – Государственный архив ХМАО : Ф. 506. Оп. 4. Д. 10. Л. 18.
34. Волдин В. С. Ма мувем. Моя земля (перевод В. Кисарева). – Домашний архив поэта.
35. Волдин В. С. Лыпи (перевод с хантыйского Молдановой Л. В). – Государственный архив ХМАО : Редакция Ханты – Мансийского радиовещания, микрофонные материалы. Ф. 375. Оп. 3. Д. 20. Л. 203–206 (23 сентября, 1964 года).

36. Волдин В. С. Про Орла и его друзей (перевод с хантыйского Молдановой Л. В). – Государственный архив ХМАО : Редакция Ханты – Мансийского радиовещания, микрофонные материалы. Ф. 371. Оп. 3. Д. 24. Л. 149–154 (27 ноября, 1964 года).

37. Волдин В. С. Серыс най (перевод с хантыйского Молдановой Л. В). – Государственный архив ХМАО : Редакция Ханты – Мансийского радиовещания, микрофонные материалы. Ф. 371. Оп. 3. Д. 29. Л. 114–117 (06 марта, 1965 года).

38. Волдин В. С. Бедная старушка и Ёхым пай хо (перевод с хантыйского Молдановой Л. В). – Государственный архив ХМАО : Редакция Ханты – Мансийского радиовещания, микрофонные материалы. Ф. 371. Оп. 3. Д. 19. Л. 10–17 (11 сентября, 1964 года).

39. Лазарев Г. Д. Четырёхлапый верхолаз. – Архив Ханты-Мансийской окружной организации Союза писателей России.

40. Лазарев Г. Д. Вороны – сторожа. – Архив Ханты-Мансийской окружной организации Союза писателей России.

41. Лазарев Г. Д. Последний прыжок росوماхи. – Архив Ханты-Мансийской окружной организации Союза писателей России.

42. Лазарев Г. Д. Охотник – соня. – Архив Ханты-Мансийской окружной организации Союза писателей России.

Департамент образования и молодежной политики
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
Обско-угорский институт прикладных исследований
и разработок

ХАНТЫЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Учебная хрестоматия

Часть I

Составитель Косинцева Е.В.

Редактор, корректор Саханенко И.И.
Верстка Семенов И. С.
Дизайн обложки Матвеева Н.

Подписано в печать 26.12.2010
Формат 60х84/16. Гарнитура Times New Roman.
Усл. п. л. 24,7. Тираж 300 экз. Заказ № 149.

Отпечатано в Информационно-издательском центре
Югорского государственного университета,
628012, Ханты-Мансийский автономный округ,
г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16